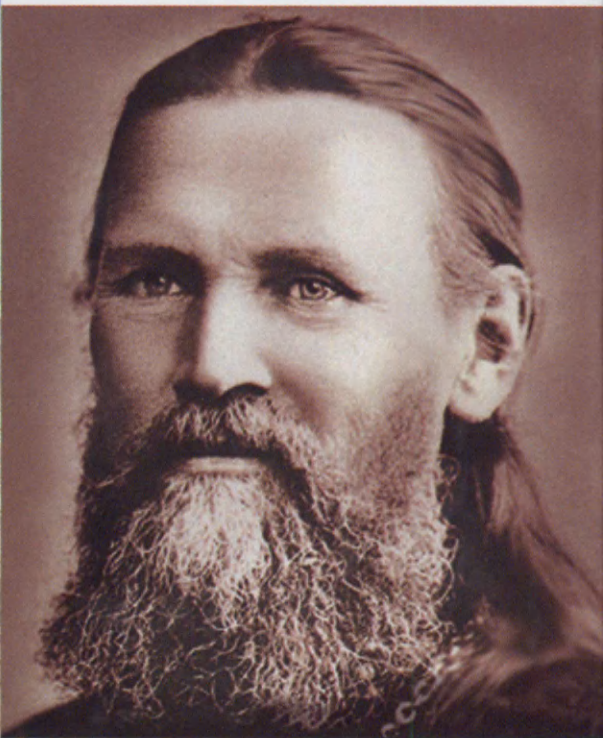

ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ

Михаил
Одудилов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

М. Одудилов

ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ

ЖЗЛ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1695

(1495)

Михаил Огуниов

ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2014

УДК 27-726.25(092)
ББК 86.372
О-42

знак информационной **16+**
продукции

ISBN 978-5-235-03723-6

© Одинцов М. И., 2014
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2014

ОТ АВТОРА

Год 1988-й – год Тысячелетия Крещения Руси был знакомым для Русской православной церкви во многих отношениях. Именно с этого времени, практически ежегодно, Церковь обретает все новых и новых святых. В 1990 году на Поместном соборе в сонм святых введен один из самых известных дореволюционных русских священников – Иоанн Ильич Сергиев (1829–1908). Более пятидесяти лет он служил приходским священником в Андреевском соборе города Кронштадта, куда на его богослужения стекались тысячи и тысячи паломников со всех концов Российской империи. Хорошо известна была его благотворительная, социальная и просветительская деятельность. Постепенно имя и дела Иоанна Сергиева – Иоанна Кронштадтского, как звали и знали его в православной пастве, стали известны далеко от острова Котлин, на котором расположен Кронштадт.

Каждый православный святой имеет свое Житие – православный взгляд на его земную жизнь и духовные подвиги. Но не каждый из них имеет биографическое описание, созданное в рамках светского научно-биографического исследования.

Данная книга – это первая биография Иоанна Кронштадтского, написанная после его канонизации. Однако в ней представлена не жизнь святого, а труды и дни священника Иоанна Ильича Сергиева.

Глава 1
ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

*Но и вот, — Село Родное
Показалось на горе, —
Сердцу близкое, святое,
Сколько чувств встает в душе!*

Игуменья Таисия Леушинская

Место рождения — Русский Север

На дальнем Русском Севере, в Архангельской губернии, при впадении реки Суры в реку Пинегу, стоит село Сура Пинежского уезда. Местечко Пинега — центр уезда, одно из древнейших поселений, расположенных в этих краях. Первое его упоминание относится к 1137 году — в уставной грамоте о взимании десятины для новгородского епископа с ряда деревень: Пенегы, Кегролы, Вихтуй*. Тогда же Кевроль и Пинега упоминаются в уставе князя Святослава Ольговича в составе новгородских владений. Древность Пинеги подтверждается и археологическими находками. Относительно недавно, в 1991 году, в ходе раскопок в Великом Новгороде, в слое XI века был найден деревянный «цилиндр-замок», на котором имелись княжеский знак в виде трезубца и надпись: «В Пинезе 3 тысяче». Эта и другие многочисленные и разнообразные археологические находки свидетельствуют, что люди в этих местах жили с незапамятных времен.

Село Сура, также место достопамятное, о нем есть сведения в новгородских летописях, и упоминается оно там как «Сура поганая»**. Буквально в двух километрах от Суры, в деревне Засурье, находится стоянка древнего человека, время существования которой датируется второй половиной второго тысячелетия до нашей эры. Здесь найдено около двухсот предметов: кремневые наконечники стрел и дротиков, скребки, фрагменты посуды.

В лесах Пинежья в древности жили различные финно-

* Современные — Пинега, Кеврола, Вихтово.

** По г а н ы й , п о г а н а я — от слова «поганус» — идолопоклонник. Так обозначалась территория, заселенная «язычниками», нехристианами.

угорские племена: пермяна (предки коми), самоедь (ненцы), заволочская чудь (прибалтийские финны — вепсы). Позднее наименование «чудь» стали относить ко всем жителям региона неславянского происхождения.

Заселение этой территории славянами происходило одновременно двумя потоками — из новгородских и ростово-суздальских земель. Нелегко добирались в северные края первые землепроходцы: дремучие леса, топкие и бескрайние болота, многочисленные реки, озера, протоки преграждали им дорогу. Как свидетельствует древняя Несторовская летопись, «путь... не проходим пропастью, снегом и лесом». Среднее течение реки Пинеги, где и находится Сура, стало своеобразным местом встречи этих двух славянских потоков.

Освоение края растянулось на многие века. И хотя у нас нет точных сведений, но из уст в уста передается молва, что чудь отчаянно сопротивлялась иноплеменникам. Уже в наше время около поселка Пинеги, деревень Немюги, Кевролы, Суры археологи находят стрелы, копья, секиры. Если будете в Суре и вам повезет, то знающий местный житель отвезет на противоположный берег реки Пинеги и покажет место, называемое Городецкая Слуда. Считается, что именно здесь находился последний оплот народа чудь, взятый после упорного сражения новгородцами.

С XII века в Пинежье по рекам возникали погосты-фабрики. На освоенных землях пришельцы возводили новые святыни — православные храмы, часовни, кресты — как правило, на местах, где издревле стояли языческие капища.

Следует подчеркнуть, что между потоками колонистов, пришедшими в Пинежье, не всегда были добрые отношения. Первоначально, в XII веке, пинежские поселения — например, Кевроль и Пинега, находились под административным управлением Великого Новгорода. Однако в 1471 году Новгород уступил эти земли Москве. Но пинежский воевода не сразу сдался московским князьям. По преданию, в районе уездного города Кевроль произошли довольно сильные бои, новгородские дружины были разбиты, и только после этого Пинежье стало составной частью Русского государства. Население вошло в состав «черного крестьянства», которое платило государству оброк за пользование землей.

Под 1505 годом селение «Сура поганая» значится в летописях в числе селений, доставшихся по разделу великого князя Московского Иоанна III его старшему сыну Василию. Относительно названия селения — «Сура» имеется несколько предположений. Кто-то, обращаясь к арабскому языку, переводит его как — «картина» или даже — «быстрота, скорость». Кто-то

обращается к санскриту и говорит, что «Сурья» в Индии — бог солнца. А в переводе с финно-угорских наречий «Сура» всего лишь — «остров на воде» или «остров на болоте». Но именно это последнее толкование кажется наиболее правдоподобным.

Несмотря на то что в последующие столетия эта территория активно заселялась русскими, влияние чуди сказалось даже на диалекте местного русского языка. Так что сегодняшние приезжие москвичи и не сразу поймут, о чем с ними пытаются говорить местные жители. Здесь по сию пору наблюдается сохранение языческих традиций и обрядов, переплетение славянских и языческих элементов культуры и религий. Неожиданное подтверждение «специфики» местного населения содержится в результатах недавнего исследования генофонда народов Северной Европы, проведенного специалистами Института молекулярной генетики Российской академии наук совместно с зарубежными генетиками. Они обнаружили в генофонде народов Северной Европы новую ветвь, представленную популяциями народа коми. Выяснилось, что русские на территории России совсем разные: в центре Восточно-Европейской равнины они генетически сходны между собой и с популяциями Восточной и Центральной Европы и в то же время довольно сильно отличаются от русских, проживающих в Архангельской области. В их генофонде выявлено значительное число генетических особенностей, свойственных финно-угорским народам, которые проживали ранее на этих территориях.

Как было принято в средневековой Руси, форпостами славянского присутствия становились монастыри. В XIV—XVII веках на Пинежье были основаны четыре православных монастыря: Кеврольский Воскресенский, Красногорский (ранее — Черногорский) Богородицкий, Веркольский Артемия праведного и Ламбасский Преображенский. В XVI веке появляется культ почитания сразу двух местных святых отроков — праведных Артемия* и

* Артемий, согласно Житию, составленному в начале XVII века, родился в селе Верколе, в благочестивой крестьянской семье; отличался кротостью, послушанием и трудолюбием. Однажды, будучи в возрасте тринадцати лет, вместе с отцом он боронил землю в поле. Во время неожиданно начавшейся грозы отрок погиб от удара молнии. Односельчане сочли смерть отрока Божьей карой за некие тайные грехи, поэтому тело его, как внезапно умершего, осталось неотпетым и непогребенным; его положили на пустом месте в сосновом лесу поверх земли, прикрыли хворостом и берестой и огородили деревянной изгородью. Спустя 28 лет его случайно нашел в лесу клирик местной церкви Агафоник. Останки Артемия оказались совершенно нетронутыми тлением; пораженный чудом клирик рассказал обо всем односельчанам и повелел отнести тело в село. Но те лишь безо всяких почестей привезли его к своей приходской церк-

Параскевы*. В начале XVII века в Красногорском монастыре нашла свое местопребывание и чудотворная икона Богородицы Грузинской, утраченная в 40-е годы века XX**.

За монастырями закреплялись земли, озера, леса; они получали государственные субсидии и имели постоянные доходы от сдачи в аренду крестьянам окрестных деревень части своих земельных угодий и мест для ловли рыбы. Монастыри стали не только центрами духовно-религиозными, но и хозяйственно-экономическими.

ви и положили на паперти, прикрыв гроб берестой. В том же 1557 году в окрестных землях началась лихорадка. Местные жители стали совершать поклонение мощам Артемия, и вскоре многие исцелились, а эпидемия прекратилась. В 1584 году было записано первое чудо, совершившееся от мошей. В 1610 году останки перенесли в особую раку, поставленную в самой церкви. В 1618 году митрополит Макарий Новгородский благословил уже сложившееся народное почитание Артемия. В 1648 году был основан Свято-Артемьев Веркольский монастырь, куда и перенесли мощи святого. При вскрытии мошей в 1920 году вместо них обнаружили смесь из кирпичей и гвоздей. Возможно, мощи были спрятаны монахами и до настоящего времени считаются утраченными.

* *Параскева Пиринская* – согласно преданию родная сестра праведного Артемия Веркольского, скончалась отроковицею. Других сведений о ее жизни не сохранилось. В 1610 году, через несколько десятилетий после кончины, произошло обретение мошей праведной. Возле них по молитвам верующих стали совершаться чудеса – исцеления больных, а праведная стала являться верующим. В 1612 году красногорским игуменом Макарием было произведено первое освидетельствование мошей праведной Параскевы. Мощи были положены в новую раку, которую поставили на паперти Георгиевской часовни. По указу архиепископа Архангельского и Холмогорского Рафаила в 1711 году проводилось повторное освидетельствование мошей. В XVIII веке на месте окончательно обветшавшей Георгиевской часовни построили церковь в честь Двенадцати Апостолов, мощи Параскевы поставили в правом углу храма.

** В 1622 году персидский шах Аббас пленил землю Грузинскую. Среди множества захваченных и вывезенных священных предметов была и чудотворная икона Грузинской Божией Матери. Стефан Лазарев, приказчик ярославского купца Григория Лыткина, бывший в Персии по торговым делам, сумел выкупить икону. В это время Лыткин получил во сне откровение от Бога о драгоценности, приобретенной Стефаном, и приказание отправить ее в обитель Черногорскую, построенную на горе, покрытой дремучими лесами, отчего с древних времен она называется Черною горою, что в Архангельской епархии. Впоследствии монастырь переименован в Красногорский. Лыткин исполнил полученное откровение. Икона прославилась многими чудотворениями. В 1654 году, когда в Москве свирепствовала моровая язва, привезена была туда и Грузинская икона, с которой тогда же снят был точный список и поставлен в храме Святого великомученика Никиты, что в Глинцах. Народ толпами устремился с молитвою к чудотворной иконе. Истинная вера оправдывалась прекращением смертоносной язвы. В 1658 году, по указу царя и благословению патриарха Никона, установлено чудотворной Грузинской иконе празднество 22 августа. В грамоте 1698 года говорится: «Чрез образ Грузинский Пресвятая Богородица и прежде, и ныне творит многие чудеса и исцеления приходящим с верою».

В 1616 году в ходе административных реформ был образован Кеврольский уезд, который охватывал всю территорию бассейна реки Пинеги с притоками. Туда вошло и село Сура. Центром уезда стал город Кевроль, который находился примерно на месте нынешней деревни Немнюги, что на высоком берегу реки Пинеги. Постепенно вешние воды прокладывали новое русло для Пинеги. Кевроль оказался в стороне от основного транспортного пути. Это явилось одной из причин переноса центра Пинежского края в погост Пинежский волок (позднее – Пинега).

Формирующееся и укрепляющееся Русское государство, как и всякое иное централизованное государство, нуждалось и в местах ссылки, куда можно было определить лиц, неугодных властям. Долгое время Пинежье было ссыльным краем – безлюдным, диким, жестоким к людям, где выжить было куда как непросто. Первоначально высылки были единичные. Провел здесь последние годы жизни князь Василий Васильевич Голицын (1643–1714), дипломат и государственный деятель допетровской Руси, фаворит царицы Софьи, фактический глава русского правительства во время ее регентства в 1682–1689 годах. Обвиненный в самоуправстве и в нерадении во время Крымского похода, он был лишен чести, боярства и имущества и сослан с семьей в Каргополь. Позже его ложно обвинили в измене и вследствие этого извета сослали в Пустозерск, а затем в село Кологоры Пинежского уезда. Здесь он и завершил свой земной путь и похоронен в Красногорском Богородицком мужском монастыре.

Традиция рассматривать Пинежье как «ссыльный край» сохранилась в XIX–XX веках. Но сослалы теперь сюда партиями – первыми из них стали народовольцы, затем социал-демократы, а потом пленные поляки, немцы... В числе известных ссыльных были разные люди. Один из них – писатель Александр Серафимович (Попов). Он был арестован в связи с делом о покушении на Александра III (одним из организаторов теракта был Александр Ульянов, брат В. И. Ленина) и жил здесь в 1887–1901 годах. В ссылке он написал свой первый рассказ «На льдине», опубликованный в «Русских ведомостях» (1889) под псевдонимом – Серафимович.

Побывал в ссылке (два года) в Пинеге и другой известный писатель – Александр Грин. Он был арестован (в третий раз) в 1911 году за свою революционную деятельность и побег из мест заключения. Здесь он написал «Жизнь Гнора» и «Синий каскад Теллури» и здесь же венчался с Верой Абрамовой, ставшей его первой женой. Путь из Пинеги в Архангельск писатель описал в рассказе «Сто верст по реке».

Из числа социал-демократов можно упомянуть П. А. Моисеенко, В. В. Володарского, С. Я. Аллилуева, М. С. Урицкого, К. Е. Ворошилова, А. И. Рыкова...

В 1906 году на три года в Пинегу был выслан Алексей Иванович Рыков — глава советского правительства после смерти В. И. Ленина. Но весь срок он здесь не отбыл, сумев совершить побег.

Климент Ефремович Ворошилов оказался здесь в 1907 году, когда по возвращении из Лондона, где участвовал в работе V съезда РСДРП, был арестован и получил три года ссылки. Позже он написал: «Пинега Архангельской губернии, куда я был определен для отбывания ссылки, оказалась замечательным городом, красиво расположенным на небольшой возвышенности вдоль берега реки. Прибыв в Пинегу под конвоем полицейского стражника, я моментально почувствовал в местных жителях русскую широту и удаль. Все это удивляло и восхищало». Однако долго он здесь не задержался и сбежал. Правда, спустя четыре года, в 1911 году, он вновь оказался в ссылке в Архангельской губернии, на этот раз ближе к полярному кругу. Там судьба свела его с политссыльной эсеркой Е. Д. Горбман, которая стала его женой.

В 1930-х годах пинежские леса являлись местом расположения исправительно-трудовых лагерей Пинежского отделения ГУЛАГа — Кулойлага или проживания спецпоселенцев из числа раскулаченных и духовенства.

Административная история Пинежского уезда оказалась весьма запутанной. В составе Архангелогородской губернии* образован он был по указу Екатерины II в 1780 году из волостей Кеврольского уезда. По 8-й ревизии (1833) в Пинежском уезде числилось семь волостей, 318 сел и деревень. Уезд был одним из самых малонаселенных в губернии, здесь проживало чуть более тридцати тысяч человек, то есть менее одного человека на один квадратный километр.

Пинежье даже и сейчас, а век-полтора назад — особенно, было краем бесконечных лесов — они занимали более 90 процентов территории; добавьте к этому множество рек, притоков, ручьев, озер, болот, заливных лугов, так что на человеческие поселения, поля и огороды выпадали крохи этой

* Архангелогородская губерния была образована по указу Петра I в декабре 1708 года. Административным центром губернии был назначен город Архангельск. В январе 1780 года Архангелогородская губерния была упразднена. Вместо нее было образовано Вологодское наместничество, в которое входили три области: Архангельская, Вологодская и Великоустюжская. В марте 1784 года из него было выделено Архангельское наместничество, а в 1796 году была образована Архангельская губерния — значительно меньшая по территории, чем Архангелогородская губерния.

территории. Местное население занималось подсечно-огневым земледелием, когда выжигались лесные участки, и на них в течение двух-трех лет выращивался хлеб, а потом пашня забрасывалась и зарастала лесом. В Архангельской губернии почти не было частной земельной собственности, большая часть земли принадлежала казне. Соответственно, и крестьяне избежали крепостной зависимости — такой, как в центральных российских губерниях, и были вольными людьми. Но хотя они в поте лица добывали пропитание для своих семей, особого достатка не было. Основными промыслами древних поселенцев на Пинежье были рыбная ловля, охота, использование даров леса и лугов.

И все же во второй половине XIX века в эти края пришла промышленная революция, появились заводы: кожевенные, красильные, овчинные, кирпичные, известковые, гончарные, солеваренные, а также мукомольные мельницы. В крестьянских хозяйствах важное место занимало коневодство. Даже проводились выставки крестьянских рабочих лошадей, конкурсы жеребят и кобыл. Со второй половины XIX века крестьяне стали активно заниматься лесозаготовками. Лес сплавляли по мелким рекам моём — россыпью, отдельными бревнами, и плотами по реке Пинеге.

В советскую эпоху очередное районирование Северного края было проведено в 1929 году, когда на территории Сурской, Карпогорской и Пинежской волостей бывшего Пинежского уезда было образовано два района: Карпогорский и Пинежский. Но через 30 лет, в 1959 году, обстоятельства взяли свое, и районы были объединены в единый Пинежский район с центром в селе Карпогоры. Так всё на сегодня и существует — село Сура в Пинежском районе Архангельской области, где живут 727 человек, в том числе и родственники Иоанна Кронштадтского. Действуют Введенская и Никольская православные церкви. Только есть и отличие — появился музей Иоанна Кронштадтского и восстанавливается Сурский монастырь.

...Один из биографов Иоанна Кронштадтского, епископ Александр (Семенов-Тянь-Шанский), так описал впечатление от родных мест пастыря: «Село расположено при слиянии рек Суры и Пинеги... в пятистах примерно верстах от Белого моря. Невдалеке от села большие холмы, белые алебастровые скалы с пещерами, леса, луга... В лесу много зверей и птиц... Во всем этом мощь, сила. Зато само село и все вообще созданное там руками человека скудно, бедно: скромные деревянные домики, две древние, давно покосившиеся церкви — Введенская и Никольская, в которых даже сосуды были оловянные, и, нако-

нец, самый дом, где родился отец Иоанн, — не избушка, а скорее — ветхая лачуга»*.

Упомянутый приходской храм — церковь зимняя в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы — освящен был в 1587 году и стал наглядным свидетельством принадлежности данной территории к Московскому государству. Да и отнесение поселения к «селу» было показателем того, что эта земля являлась княжеским или боярским владением. На это же указывает и название одного из околков села — «погост», в древнем понимании «место сбора дани», где и стояла данная церковь. Кстати, о древности ее узнали лишь в 1861 году, когда производился ремонт храма. В обветшавшей срачице** престола местным благочинным был найден зашитым документ. Он гласил: «Лета 7095, ноября в 21 день. Свящается церковь во имя Пречистой Ведения при благоверном царе и великом князе Феодоре Ивановиче всея Руси, при опресвященном Динонисьи митрополите всея Руси»***.

Приход села Сура входил в состав Архангельской епархии, которая была создана на церковном соборе в 1667 году для противодействия расколу, поскольку сюда устремились тысячи сторонников «старой веры» (старообрядцы), пытавшиеся укрыться от государственной власти и государственной церкви. В соборном решении было записано: «Во граде Архангельском и на Колмогорах (Холмогорах. — М. О.) бити архиепископу». Но лишь только в марте 1682 года состоялось посвящение Афанасия Любимова-Творогова в сан архиепископа Холмогорского и Важского. 5 июля 1682 года архиепископ Афанасий был «проверен в деле» — участвовал в споре с раскольниками о вере в Грановитой палате Кремля. Это событие принесло ему известность. Он так умело и жестко вел полемику, что его главный оппонент, Никита Пустосвят, не сдержавшись, стал «бити и терзати» владыку.

Царевна Софья Алексеевна пожаловала первому архиепископу Холмогорскому серебряные рипиды**** и панагию***** на зо-

* Александр (Семенов-Тянь-Шанский), епископ. Отец Иоанн Кронштадтский. Париж, 1990. С. 11.

** С р а ч и ц а (сорочка) — нижний покров, нижняя одежда облачения престола из простой белой материи. В плане выполнена в виде креста, концы которого ниспадают по сторонам престола и жертвенника. Знаменует собой плащаницу, в которую было обернуто тело Иисуса Христа при положении во гроб.

*** Кронштадтский пастырь. М., 2002. Вып. 1. С. 89.

**** Р и п и д ы — богослужебная утварь в виде металлического или деревянного круга, ромба или звезды на длинной рукояти.

***** П а н а г и я — небольшой образ Богоматери, чаще всего округлой формы, носимый архиереями на груди.

лотой цепи, украшенную изумрудами, яхонтами и алмазами. Патриарх Всероссийский Иоаким (Савелов) подарил Афанасию семь ковчежцев с мощами и несколько богослужебных книг. Накануне отъезда архиепископа Афанасия принимать поморскую епархию ему был вручен пастырский жезл патриарха. Это был особый символ — жезл был прислан константинопольским патриархом Парфением в дар московскому патриарху Иосифу. Теперь эта знаменитая реликвия, перешедшая от Константинополя к Москве, отправлялась на Русский Север.

В октябре 1682 года владыка Афанасий выехал из Москвы в свою епархию. Одновременно двинской воевода Н. С. Урусов получил царскую грамоту о назначении Афанасия холмогорским архиепископом и о том, чтобы в «нужных случаях» оказывать владыке содействие против «церковных ослушников». Новому архиерею в помощь было выделено 103 священно- и церковнослужителя, среди которых были судья духовных дел, казначей, духовник, начальный иеродьякон, два крестовых иеромонаха, три иеродьякона, просфорник, чашник, конюшенный, 24 певчих, 13 человек детей боярских и др.

Вот как отображена встреча архиепископа в Холмогорах в «Двинском летописце»: «Октября 18 приехал на Двину преосвященный Афанасий архиепископ Холмогорский и Важский, в миру зовомый Алексей, приехал на Холмогоры, пристал на Глинском посаде против таможи, и вышел из судна в церковь Живоначальные Троицы, и в той церкви облекся в архиерейскую одежду, а из соборной церкви и изо всех приходских церковей священники для его архиерейской встречи пришли к той церкви со святыми иконами. И преосвященный архиепископ, вышед из церкви на уготованное место, и всему народу подал благословение, пошел в соборную церковь за святыми иконами, и в соборной церкви служил божественную литургию. И, отслужив, ездил около Холмогорского города по их архиерейскому обычаю. И с ним был боярин и воевода князь Никита Семенович Урусов, и дьяк Федор Микулин, и головы стрелецкие, и приказные и служилые люди, и всяких чинов люди».

Холмогорская епархия была чрезвычайно обширна. Она простиралась с запада на восток от границ шведской Лапландии и Финляндии до Сибири, а с севера на юг — от Ледовитого океана до Вологодской губернии. Епархия включала в себя всю огромную Архангелогородскую губернию, значительную часть Вологодской и Олонецкой губерний. Эта огромная страна была населена не только православными, но и потомками чудского племени, склонными к суеверию, а теперь еще и скрывавшимися здесь старообрядцами.

Прежде всего владыка создал в Холмогорах Архиерейский дом и Казенный приказ — учреждения, олицетворяющие распорядительно-исполнительную и контрольно-судебную власть архиепископа. Его уполномоченные — казначей, иеромонах, дяк и целовальники — собирали с духовенства средства в государственную и архиерейскую казну, проверяли состояние церквей и приходов, деятельность священнослужителей. Основной его заботой стала первая северная столица — Холмогоры, которую называли «град многочеловечен». В 1685 году он лично заложил первый камень в основание кафедрального Спасо-Преображенского собора, строительство которого было закончено в 1691 году. При активном содействии холмогорского владыки строились каменные церкви в Архангельске и других поморских городах и волостях.

Афанасий был одним из немногих русских архиереев, которые поддерживали преобразования, проводимые в России Петром I. Можно даже сказать, что царь Петр и поморский владыка были в близких, дружеских отношениях. Этому способствовало трехкратное посещение царем-преобразователем Русского Севера, а также неоднократные поездки архиепископа Афанасия в столицу.

Во время своих приездов на Русский Север царь Петр неизменно выказывал симпатию и оказывал знаки внимания холмогорскому владыке. Среди его подарков — царский струг, карета на рессорах, церковная утварь, одеяния и книги. Во время войны со Швецией архиепископ Афанасий делал многое для того, чтобы ускорить победу России: отправлял колокола, предметы из красной меди и застольную посуду «на пушки и мортиры»; снабжал возводимые крепости строительным материалом и людьми.

На Русском Севере архиепископ Афанасий, как последователь реформ Никона, боролся со старообрядчеством, не останавливаясь и перед жестокими преследованиями. По его приказу раскольников, «скованных и связанных», со всей обширной епархии присылали в Холмогоры. Их содержали в тюрьме при Архиерейском доме, допрашивали и пытали, избивали и замораживали живьем, заставляя отказаться от веры.

Но несмотря на преследования, «старая вера» удержалась и даже распространилась по Русскому Северу. В одном из отчетов Архангельского губернского статистического комитета отмечалось: «Почти треть жителей Архангельской губернии более или менее живет убеждениями раскола. Одни открыто принадлежат к расколу, другие числятся православными, но по убеждению и жизни вполне раскольники, третьи находят-

ся под сильным влиянием раскола»*. В конце XVIII века и в первой половине XIX века сохранению раскола способствовали разбросанные по отдаленным местам скиты и пустыни. Но, конечно, основным хранителем веры был простой народ.

«Заражены» старообрядчеством были и село Сура, и ближние к нему населенные пункты. Приход, куда входила Сура, состоял из 16 деревень. В них насчитывалось 258 дворов, где проживало 830 лиц мужского пола и 871 — женского. В большинстве своем это были люди православные. Но, как свидетельствует статистика, среди них было 215 человек обоего пола, относивших себя к раскольникам**. След пребывания раскольников усматривается и в том, что в церквях, а особенно в часовнях имевшиеся там образа почти все раскольнического письма. Несколько часовен сохранялись на протяжении веков и поблизости от Суры. Если подняться по крутым лестницам, то окажешься в маленьких комнатках с окошечками из слюды вместо стекол, сплошь уставленных старинными образами. Многие совершенно облупились; на других с трудом еще можно было рассмотреть лики и изображенные события.

Даже в приходской Введенской церкви в селе Сура, где служил Илья Сергиев (отец Иоанна Кронштадтского), обращал на себя внимание образ благоразумного разбойника: вокруг головы его сияние, в руках восьмиконечный крест, а пальцы правой руки сложены в двуперстие. То же встречается и на других иконах. На иконе с изображением Неопалимой Купины вокруг горящего куста расположены четыре евангелиста, но не в человеческих ликах, а в их символических изображениях: ангела, льва, тельца и орла, и головы всех их окружены сиянием.

Предки Ивана Ильича Сергиева (Иоанна Кронштадтского) по отцовской линии священствовали в этих местах на протяжении почти 350 лет. По всей видимости, они переселились в эти края из Великого Новгорода. В «Кратком историческом описании приходов и церквей Архангельской епархии» самое раннее упоминание фамилии «Сергиев» среди имен других церковнослужителей Пинежского уезда относится к 1687 году: Яков (Иаков) Сергиев в Сурском приходе. Затем в Чухченемском приходе того же уезда встречаем Михаила Сергиева (1755) и, возможно, его же в Сояльском приходе (до 1756 года). Священником в Сурском приходе был и дед Ивана — Михаил Никитич Сергиев (1779—1836)***.

* ГААО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 32. Л. 1.

** Балакшина Ю. В. Годы учения Ивана Сергиева (1838—1851) // Кронштадтский пастырь. Вып. II. М., 2010. С. 46.

*** Подробно о родословной о. Иоанна Кронштадтского см.: Кронштадтский пастырь. М., 2002. Вып. I. С. 23—27.

В 1823—1827 годах в Шенкурском приходском училище Архангельской губернии учительствовал священник Василий Сергиев также из пинежского священнического рода Сергиевых. С 1832 года и затем более десяти лет он состоял в этом же училище законоучителем. О нем известно, что родился в 1800 году, окончил Архангельскую духовную семинарию, имел степень студента семинарии, в его семье воспитывались три сына.

Жизнь сельского священника во всех отношениях была трудной. В первой трети XIX века Российское государство, чтобы материально поддержать сельское православное духовенство, обязывало собственника земли, на которой стояла церковь, а в Пинежье это — государство, выделять для причта «удобные» и «хорошие» сельскохозяйственные земли и угодья. Нормой считался надел в 33 десятины, которые должны были выделяться одним участком и недалеко от церкви. Но в жизни многое получалось иначе: и земля неважная, и надел состоял из двух, трех, а то и более частей, к тому же расположенных в разных направлениях от села, иногда и на значительном удалении от него.

Был еще один способ «содержания» духовенства — обход причтами домов прихожан на праздники. При этом никакой фиксированной платы не было, и получали кто сколько даст деньгами и продуктами. Эта процедура весьма тяготила духовенство, особенно образованное. Священники — второе, после дворян, сословие в государстве Российском, гордившиеся своим общественным положением, ставившие себя выше крестьян, вдруг они вынуждены были выступать в роли просителя, когда можно было услышать и резкое слово, и обидное мнение, терпеть недружелюбие крестьян. Хотя практика сбора уходила корнями вглубь прошлого, но почему же возникала напряженность в отношениях духовенства и прихожан? Ответ может быть только один: народ мало ценил труд духовенства, считая его в сравнении со своим легким. Не зря же бытовала поговорка: «Духовным деньги достаются горлом, а народу горбом».

Если собранных денег едва хватало священнику и дьякону, то что уж говорить о других членах причта. Причетнику доставалась лишь четвертая часть от того, что получал священник, или половина от того, что получал дьякон. В силу этих обстоятельств, чтобы выжить, они вели точно такое же хозяйство, что и прихожане: пахали землю, косили сено, разводили скот, занимались огородничеством и садоводством. Но если крестьяне могли посвятить своему хозяйству все свое время, то священно- и церковнослужители не могли так поступать. Ведь нужно

было совершать ежедневные службы в храме, крестить и отпевать, в любое время напутствовать умирающего, то есть постоянно совершать много такого, что не укладывалось ни в какие временные рамки и расписания, трудно согласовывалось с неотложными сельскохозяйственными работами. Отсюда вынужденное обращение к помощи крестьян для выполнения сельскохозяйственных работ, а вместо платы выставлять угощение и, по настоянию крестьян, обязательно с выпивкой.

Так жила и семья Сергиевых, удерживая за собой выделяемые ей земли, покосы, огород. Продолжателем священнического рода Сергиевых в селе Сура в первой половине XIX столетия был Илья Михайлович Сергиев (1808–1851). Не сохранилось ни портрета, ни описания внешности этого человека. Окончив в 1824 году Пинежское уездное духовное училище, он вернулся домой и стал приходским дьячком в Никольской церкви. В 1828 году Илья Сергиев обвенчался с дочерью дьячка того же прихода – Феодоре Власьевне Порохиной (1808–1871). В браке у них родилось шестеро детей: четыре мальчика и две девочки. Первенцем был младенец Иван (1829) – будущий Иоанн Кронштадтский. Двое детей – Никита (1831) и Василий (1834) умерли в младенчестве. Еще один сын – Иван-младший (1832) – умер от туберкулеза в 1850 году. Всего в живых остались Иван-старший, Анна (1836)* и Дарья (1839)**.

Илья Михайлович был болезненным, не в силах ему было совладать со всеми работами по хозяйству, а потому постоянно просил помощи крестьян, расплачиваясь с ними чем придется. По существу, семья бедствовала.

Первенец – Иван, родившийся 19 октября 1829 года, был слабым, и родители, боясь, что он умрет без святого крещения, поспешили его окрестить. «За слабость здоровья крещен в доме своем священником Сергиевым; восприемники: Иван Кунников и священника Сергиева дочь Дарья» – такая подлинная запись, правда, была она без всяких знаков препинания, о рождении отца Иоанна в метрической книге***.

* Анна в 1852 году вышла замуж за сурского дьячка В. И. Фиделина, ставшего в 1889 году священником Верхнематигорского прихода Холмогорского уезда; их старший сын Иван (а всего у них было 12 детей) в конце 80-х годов XIX века переехал в Кронштадт и стал личным секретарем и издателем некоторых работ Иоанна Кронштадтского.

** Дарья вышла замуж за крестьянина деревни Горской Семена Малкина. Имела шестерых детей. После кончины мужа проживала в основном Иоанном Кронштадтским Сурском Иоанно-Богословском монастыре, где и скончалась в 1911 году.

*** Дом, где жила семья Сергиевых и где родился Иоанн, долгое время сохранялся. Устроенный в селе Сура Иоанно-Богословский монастырь взял над ним своеобразное шефство. Дом стоял прямо за оградой монастыря и был прикрыт деревянным чехлом. Одна из комнат дома была пре-

Поскольку крещение пришлось на день памяти преподобного Иоанна Рылского, новорожденному дали имя в честь преподобного. Ниже под записью о крещении имеется и другая запись: «В сем месяце записана чинена верна, в чем и подписуемся. Священник Михаил Сергиев. Диакон Иван Киприанов. Дьячек Илия Сергиев подписуюсь». Это первая и единственная подпись отца Вани Сергиева. Почерк красивый, каллиграфический, мягкий. Отсюда можно заключить, что раб Божий Илия по характеру своему был человек уравновешенный, аккуратный, спокойный, кроткий...

Мальчик был слаб здоровьем, часто болел, однажды едва не умер от оспы. Не раз приходилось подростку Ивану видеть свою мать в слезах перед иконой Богоматери, молящуюся за его здоровье*. «Как велика была немощь моего младенчества! — читаем мы в дневнике Иоанна Кронштадтского. — Сколько слез пролито мною тогда, как бы в знак того, что и последующая жизнь моя будет также достопащевна и исполнена слез и рыданий! Каких трудов стоило моей матери вскормить меня, возрастить меня! Сколько забот обо мне сокрушало сердца моих родителей? Буду ли я здоров? Как я буду учиться, доучусь ли до окончания курса? Чем я буду потом: буду ли я их помощником на старости или беспутным, неблагодарным сыном?»

Мать — Феодора Власьева — была глубоко верующей, простой и строгой женщиной, всю жизнь прожившей в Суре**. До нас дошли ее фотопортреты — лицо очень русское, широкое, благообразное, выражает особую, свойственную русским северянам твердость. Современники отмечали ее «религиозность без уступок и колебаний, веру в Бога без сомнений».

На страницах дневника Иоанна Кронштадтского можно обнаружить немало теплых слов, сказанных им в адрес своей матери — как он писал: «Маминька, святыня моя». Так, в день ее смерти, 6 июля 1871 года, он записал: «В 7-м часу утра скончалась от холеры родительница моя Феодора Власьева, на 63-м году от роду. Упокой, Господи, душу возлюбленной

вращена в часовню. Это было первое место, куда обязательно приходил Иоанн во время своего пребывания в Суре. Здесь хранились некоторые из предметов, которые принадлежали когда-то семье Сергиевых.

* *Михаил (Семенов), иеромонах.* Отец Иоанн Ильич Сергиев (Полная биография с иллюстрациями). СПб., 1903. С. 5—6.

** Известно, что трижды (1860, 1866, 1871) она приезжала к сыну в Кронштадт, где в последнее свое пребывание скончалась от холеры. И в юности, и позднее в особо сложных ситуациях Иван обращался за советом к матери, духовный авторитет и благословение которой были дороги для сына-священника. Над ее могилой на кладбище в Кронштадте по инициативе Иоанна Кронштадтского была построена часовня-усыпальница. В 1999 году во время ремонта часовни останки Феодоры Власьевны были переложены в новый гроб.

матери моей, рабы Твоей Феодоры, в селениях праведных. Где я встречу после матери такую нежную любовь, такую простоту, бережность, светлость, нелицемерность, такое смирение искреннее? Слова: здравствуй, дитяtko, благослови, дитяtko, — останутся у меня навсегда в памяти сердечной, все ее услуги безотговорочные, скорые. Видно, так Господу угодно было, чтобы я походил за ней во время смертельной болезни и похоронил ее, помолившись о упокоении души ее».

Это свидетельство сыновней любви не просто к женщине, которая его родила. Мать для него — идеал христианского смирения, непререкаемый авторитет в духовных вопросах, духовная наставница, старица.

По воспоминаниям близких, родители оказали огромное влияние на малолетнего Ивана. С самого раннего детства, лет с четырех-пяти, они приучали ребенка к молитве и воспитывали своим примером отношения к вере и религиозным обязанностям. На шестом году отец купил для маленького Вани букварь, а мать стала преподавать ему азбуку, хотя и была неграмотной. Можно представить, как по вечерам при лучине (ведь керосина еще не было) собиралась вся семья. Отец плел лапти или что-то починял. А мать раскрывала букварь и рассматривала картинки вместе с Иваном.

Мальчик регулярно вместе с отцом ходил в храм, летом — во Введенский, зимой — в Никольский. Пока отец участвовал в службе, Ваня вместе с другими детьми сидел в притворе храма на длинной широкой скамье, примыкавшей к печке, и обучался грамоте, слушал чтение, рисовал.

Как впоследствии писал сам Иоанн Кронштадтский: «Воспитание проходило в строго религиозном направлении. С ранних лет мамой был научен молиться утром, днем и вечером Богу перед святыми иконами дома; по воскресным дням и праздникам непременно должен был присутствовать в храме с близкими родными, вечером за всеношным бдением, а утром за Божественной литургией. Эти добрые навыки привели к тому, что я с малых лет возлюбил молитву, воспринял страх Божий, старался исполнять заповеди Божии и церковные установления — все это я совершал с большой радостью, охотно, без всякого прекословия».

Одним из ранних детских впечатлений Ивана Сергиева, сохранившимся у него на всю жизнь, было ознакомление с Евангелием. У отца было Евангелие на славяно-русском языке. Сначала он читал его своему сыну. Потом, по мере овладения грамотой, Ваня сам любил его читать и находил в нем постоянную опору. Вспоминая эти годы, Иоанн Кронштадтский в разговоре с игуменьей Леушинского монастыря Таи-

сией (Солоповой) вопрошал: «Знаешь ли, что прежде всего положило начало моему обращению к Богу и еще в детстве согрело мое сердце любовью к Нему? Это – святое Евангелие. Любил я читать эту чудную книгу, когда приезжал домой на вакационное время; и слог ее, и простота речи были доступны моему детскому разумению; читал и услаждался ею и находил в этом чтении высокое и незаменимое училище. Могу сказать, что Евангелие было спутником моего детства, моим наставником, руководителем и утешителем, с которым я сроднился с ранних лет».

К этому же времени относится и случай, записанный той же игуменьей Таисией со слов самого отца Иоанна: «Однажды ночью Ваня увидел в комнате необычный свет. Взглянув, он увидел среди света Ангела в его небесной славе. Младенец смутился. Ангел успокоил его, назвавшись Ангелом-хранителем»*.

Известно, что Ваня рос сострадательным к чужому горю и набожным ребенком. Но в остальном он ничем не отличался от детей односельчан. Мог вместе с ними предаваться обычным детским радостям своего возраста – играл «в рюхи» с крестьянскими мальчишками, лазил по деревьям в саду своего деда, священника Михаила...

Поскольку сохранилось немного правдивых сведений о детстве Ивана, то спустя годы, когда Иван Сергиев станет Иоанном Кронштадтским, многие авторы будут обращаться к его ранним летам, додумывать что-то изначально необычное в поведении мальчика. Следуя за известными агиографическими образцами, напишут, что родня сызмальства привыкла смотреть на Ивана как на человека особенного, не от мира сего, имевшего некий особенный благодатный дар, пользовавшегося уважением не по возрасту. Мол, пропадет ли лошадь у мужика – идут просить Иванушку помолиться; случится ли горе какое, или заболит кто – опять идут к Иванушке, просят помолиться о них... Ну что ж, вполне понятные и простительные «воспоминания».

Как это и было принято в семьях духовенства, по достижении положенного срока старший сын был отправлен на учебу в духовное училище, делая тем самым первые шаги в своей «духовной карьере». В 1838 году родители собрали последние деньги и определили Ивана в Архангельское приходское училище, что действовало при Рождественской церкви в качестве приговорительного для поступления в уездное училище.

Жизнь церковных учебных заведений определялась уставами, утвержденными еще в 1814 году. Весь цикл обучения, от

* Семенов-Тянь-Шанский А. Отец Иоанн Кронштадтский. Нью-Йорк, 1955. С. 17.

уездного училища до академии, состоял из шестнадцати лет: три двухгодичных класса в училище (низший — приходской, средний, высший) и три двухгодичных отделения (историческое, философское, богословское) семинарии, в академии еще четыре года. Понятно, что пройти весь этот путь суждено было немногим.

Трудности встречались уже в начале пути. Поистине бедствием для родителей было взяточничество училищных и семинарских служащих. Механизм был таков: взятки брали и при поступлении, и в течение года. «Приводят мальчику в училище, отец должен его “явить” смотрителю и пятерым учителям. Явить — значит принести деньги. От беднейшего причетника требовали не менее двух рублей серебром смотрителю и не менее рубля каждому учителю. Священник, так тот и вовсе должен был представить за своего отпрыска вчетверо или, по крайней мере, втрое больше»*. Самые большие взятки брали при переводе с курса на курс. Ставки назначали разные — от 5 до 150 рублей. Но кроме единовременных бытовали и текущие поборы. По некоторым подсчетам, в год нужно было платить деньгами до десяти рублей серебром, не считая «натур» — яиц, муки, говядины и т. д.

Впервые оказавшись в Архангельске — губернской столице, Иван был поражен размерами, благолепием, многолюдием города. На то время здесь проживало не менее десяти тысяч жителей, имелось более тысячи строений, в том числе и каменных. Некоторые из центральных улиц, например, набережная Северной Двины, были вымощены булыжным камнем. На реке, бывшей связующим звеном между Севером и Центральной Россией, содержались 14 пристаней, из которых две были постоянными. Несмотря на то что Архангельск уступил пальму первенства другим российским портам, прежде всего — Санкт-Петербургу, и потерял свое значение когда-то первого «окна в Европу», все же он разительно отличался от того, к чему привык маленький Иван. По реке в город доставлялись товары, отправлявшиеся за границу, — лен, льняное масло, смола, лесной товар. Но главное, конечно, — рыба. Устраивались в городе и ярмарки, на которые сходились поморские ладьи и многочисленные суда с верховьев Двины. Возможно, именно так — по Северной Двине и Пинеге, с попутчиками-торговцами, и прибывали после вакаций в Архангельск учащиеся духовных школ.

Губернская столица встречала всех своим парадным видом. Словно на блюде, выдвинуты на набережную лучшие здания города, заслонявшие собой пространство, спрятавшееся

* *Беллюстин И. С.* Описание сельского духовенства. Париж, 1858. С. 11–12.

за ними. На одном из высоких холмов в конце города белела Кузнечевская церковь, а на другом — высились купола Архангельского собора, обрамляющие открывшуюся картину. Вид ошеломил сельского мальчишку, подавлял и по первым впечатлениям казался враждебным.

Рождественская церковь, а вместе с ней и приходское училище находились в южной части города, где проживали в основном торговцы. Неподалеку, на берегу Двины, располагался Михайло-Архангельский монастырь с самым древним храмом в городе — во имя архистратига Михаила, построенным в конце XVII века по типу московского Успенского собора. Учащиеся жили на частных квартирах. Ясно, что родители искали подешевле, среди людей своего же круга: вдовы духовных, дьячки и причетники, обслуживающий персонал духовных школ — то есть это были люди скромного достатка, даже бедные, которые, естественно, не могли создать ученикам необходимых условий для учебы и отдыха. Нередко мальчишки восьми—десяти лет попадали в скверные условия обитания, где, по словам современника, ребенок видел «отвратительную нищету, неразлучные спутники которой: грязь, грубость — до зверства, самые страшные пороки, которые не считают нужным даже скрывать... Его заставляют быть орудием и даже участником разных мерзостей: воровать, бегать за водкой и т. п.»*.

Один из бывших семинаристов дал живописную картинку подобного обиталища, содержавшегося лакеем епархиального владыки. Навсегда запомнилось ему, как хозяин смотрел «свысока не только на нас, но и на родителей наших». Как, впервые придя на квартиру, он застал здесь несколько «богословов» и «философов» — воспитанников семинарии, прибывших после вакансий продолжать свое просвещение. «Иные из этих ученых молодых людей важно расхаживали, жадно куря сквернейший табак; другие сидели за бутылкой водки, стараясь разрешить ученый философский вопрос о том, “цепь привязана к собаке или собака к цепи?”»**.

В такой обстановке мальчишкам было не до занятий.

Приходское училище содержалось на средства епархии и родителей, определяющих детей на учебу. Принимались в основном дети духовенства. Занятия велись ежедневно. По средам и пятницам Великого поста и в дни церковных праздников ученики посещали архиерейскую Крестовую церковь или церковь Михайло-Архангельского монастыря.

В училище было более пятидесяти человек. В каждом классе — смотритель, инспектор и несколько учителей. Правда,

* Там же. С. 4—5.

** *Соловьев Н.И.* Как нас учили // Русская старина. 1899. № 11. С. 378.

учителей не хватало и бывало зачастую так, что каждому из учителей приходилось вести несколько предметов, подчас весьма разнородных. Оценки успеваемости учеников производились по трем направлениям: успехи, способности, прилежание. Велись инспектором и специальные журналы, в которых ежемесячно делались записи об успехах учеников. За поведением воспитанников во внеучебное время присматривали особые служители, в штате значилась «нянька для малолетних бурсаков».

В первый год мальчиков обучали буквам и складам, русскому букварю, письму и руководству по чистописанию, первой части арифметики, Священной истории и сокращенному катехизису, чтению книги «Детский друг». Правда, редко кто заканчивал полный курс училища (шесть лет) и получал аттестат. В основном, обучившись чтению, письму и первой части арифметики, ученики уходили в приказные, в услужение и «в дома к родителям».

В первый год Ваня Сергиев попадает на полуказенное обеспечение. Учение на первых порах шло крайне туго. В учебной ведомости об учениках, поступивших в приходское училище, Иван Сергиев, «сын дьячка Сурского прихода», значится под номером 25. Указано было, что на испытании он обнаружил умение «читать по складам порядочно», а «более ничему не учен». Ничего удивительного в этом не было, таков был общий средний уровень подготовленности детей священно- и церковнослужителей. Не зря же смотритель училища Андрей Мысов в записке в правление отмечал: «Большая часть священно- и церковнослужительских детей, поступающих в училище в 7 и 8 летнем возрасте, оказываются совершенно не подготовленными к училищу, так что о пении, чтении по гражданской печати и письме и понятия не имеют, ограничиваясь чтением азбуки по церковной печати; некоторые же из этих детей не знакомы и с правилами христианского благочестия»*. Наверное, первая часть записки полностью распространялась на Ивана Сергиева, тогда как религиозность и благочестие характерны были для него с раннего детства, чем он и отличался от остальных мальчиков.

Оставшись в Архангельске совершенно один, Ваня лишился родительского руководства и должен был до всего доходить самостоятельно. Сверстников по классу он сторонился, будучи замкнутым по своему характеру, да и не искал в них себе поддержки или помощи. Он воспринимал себя «последним учеником», скорее ощущая, чем понимая, что никто из них не

* ГААО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 237. Л. 119.

хотел «возиться с сыном бедного причетника». Вместе с тем он уже осознавал тягостное положение своих родителей, а оттого его неспособность к учению действовала на него угнетающе и рассматривалась как действительное несчастье.

Кроткий и смиренный мальчик искал по-детски ему понятный путь к преодолению своего тяжкого положения. Таким была молитва, сердечное и искреннее обращение к Богу с просьбой просветить ум к разумению учения. Вот что пишет об этом сам отец Иоанн: «Ночью я любил вставать на молитву. Все спят... тихо. Не страшно молиться, и молился я чаще всего о том, чтобы Бог дал мне свет разума на утешение родителям. И вот, как сейчас помню, однажды был уже вечер, все улеглись спать. Не спалось только мне, я по-прежнему ничего не мог уразуметь из пройденного, по-прежнему плохо читал, не понимал и не запоминал ничего из рассказанного. Такая тоска на меня напала: я упал на колени и принялся горячо молиться. Не знаю, долго ли я пробыл в таком положении, но вдруг точно потрясло меня всего. У меня точно завеса спала с глаз, как будто раскрылся ум в голове, и мне ясно представился учитель того дня, его урок; я вспомнил даже, о чем и что он говорил. И легко, радостно так стало на душе. Никогда не спал я так спокойно, как в ту ночь. Чуть светало, я вскочил с постели, схватил книги и, — о, счастье, — читаю гораздо легче, понимаю все, а то, что прочитал, не только все понял, но хоть сейчас и рассказать могу. В классе мне сиделось уже не так, как раньше: все понимал, все оставалось в памяти. Дал учитель задачу по арифметике — решил, и учитель похвалил меня даже. Словом, в короткое время я подвинулся настолько, что перестал уже быть последним учеником».

А вот еще выдержка из дневника, посвященная этому событию: «Помню я, как, поступив в Училище совершенно безграмотным и беспомощным, я желал прежде всего, чтобы Ты (Господь. — М. О.) вразумил меня в учении, и Сам же вложил Ты мне мысль и желание помолиться Тебе о ниспослании этого дара. И живо помню я, как Ты вдруг отверз мне ум разумети писания или письма. Так что это удивительно было и для меня самого, и для моих товарищей. После этого из мальчика малосмысленного и безграмотного я стал довольно смысленным и грамотным: скоро первая грамотка (письмо), писанная собственноручно, известила моих родителей о моих успехах в грамоте». Заметим, что ученики, чтобы иметь бумагу для упражнений по письму, ходили по всяким присутственным местам и выпрашивали ее. Событием и радостью было, когда Иван, как и другие мальчики, получал десяток-другой листов белой бумаги.

Современный исследователь биографии Иоанна Кронштадтского по выявленным документам из архивного фонда училища фиксирует состоявшуюся перемену: если в начале первого учебного года Ваня был двадцать восьмым по успеваемости, то по результатам всего 1838/39 учебного года он уже — пятнадцатый в общем списке учеников*. В июле 1839 года Сергиев был переведен во второй класс, зачислен в ученики 2-го разряда как имеющий «очень хорошие» успехи.

В самом начале сентября 1839 года Илья Михайлович Сергиев вместе со своими двумя сыновьями, двумя Иванами, прибыл в Архангельск. У него было два дела. Во-первых, он привез младшего Ивана для поступления в первый класс приходского училища. А второе — намеревался обратиться в правление семинарии, которому было подчинено училище, с просьбой принять старшего сына на полное казенное содержание, поскольку содержать на собственные средства двоих учащихся сыновей он был не в состоянии.

В силу установленных порядков семинарское правление запросило справки о финансовом положении родителей. Из сохранившейся переписки мы узнаем, что в Сурский приход на тот момент входило 238 дворов, в которых проживало 830 лиц мужского пола, 871 — женского**. Отцу, Илье Михайловичу, предоставлено было 20 десятин пашенной земли и еще некий надел, дававший 20 возов сена. Пользовался он и урожаем, что давал надел земли, закрепленный за младшим Иваном, числящимся на «праздном пономарском месте».

Принятое семинарским начальством решение было весьма неблагоприятно для семьи Сергиевых. Старшему Ивану было не только отказано в полном казенном содержании, но и в том пособии в 20 рублей, которое он получал в течение первого года обучения. Решение обосновывалось отсутствием бурсачных вакансий, а также и тем, что сыну просителя в его далекой деревне «предоставлено пономарское место»***. Не совсем понятно, о каком сыне идет речь в документах правления, так как отец просил за старшего, а пономарское место было предоставлено младшему. Но как бы то ни было, отец вынужден был забрать из училища старшего сына, оставив в нем младшего Ивана.

* *Балакшина Ю. В.* Годы учения Ивана Сергиева в Архангельских духовных школах. 1838—1851 // Кронштадтский пастырь. Церковно-исторический альманах. Вып. II. М., 2010. С. 41.

** Проживали на территории прихода и раскольники: 138 женщин и 77 мужчин.

*** Обычная практика того времени, узаконенная форма материальной поддержки семьи, где дети учатся в духовных школах.

Лишь спустя год старший Иван вернулся в приходское училище, так как отцу удалось раздобыть денег и оплатить его обучение. В июле 1841 года Иван окончил училище шестым учеником с «очень хорошими» успехами. Окончил училище и его младший брат — Иван. Теперь они оба перешли в епархиальное училище, где предстояло учиться еще четыре года.

Жизнь в училище была «несладкая», кормили, конечно, скудно. А если обратиться к воспоминаниям прошедших эту «школу», то выясняется, что «крутыми» были и наказания: побои, стояние на голых коленях на песке, причем в руки давали поленья, битье розгами «на воздухах», пьяные учителя. К тому же больно мучила мысль о родном доме, о нищете там, и, кажется, в это время он научился чувствовать чужую нужду, болеть о чужой бедности, нищете.

Каждый раз по окончании очередного учебного года Ивану приходилось возвращаться домой на попутных лодках, подводах, а то и пешком. Именно тогда в нем зарождается любовь к родной природе. Поистине поэтическое отношение к природе будет сопровождать его всю жизнь. «Идешь сотни верст пешком, — вспоминал он спустя годы, — сапоги в руках тащишь: потому вещь дорогая. Приходилось идти горами, лесами; суровые сосны высоко поднимают стройные вершины. Жутко. Бог чувствуется в природе. Сосны кажутся длинной колоннадой огромного храма. Небо чуть синее, как огромный купол. Теряется сознание действительности. Хочется молиться, и чужды все земные впечатления — и так светло в глубине души».

Природа радовала его, умиляла, говорила о Творце, тогда как человек — «огорчал». «Смотрю, — пишет Иоанн в дневнике, — на травки, цветочки, деревья, на птиц, на рыб, на зверей и всяких гадов — и вижу, что везде точное исполнение творческих законов: и потому все прекрасно. Смотрю на людей, и — увы! — мало, бесконечно мало исполнения законов Вседержителя, и оттого сколько беспорядков, сколько безобразия, сколько страданий в жизни их?»

И в дальнейшем в его проповедях нередко были упоминания о природе, что воспринималось слушателями весьма положительно. Они сами были в большинстве своем выходцами из деревни. В дни праздников, особенно на Троицу, украшали свои жилища и церкви: церковные полы — травой, а иконы — листьями, полевыми цветами и венками. Порой веток, а иногда и деревьев было так много, что создавалось впечатление, что под церковные своды перенесся волшебный лес, и недаром говорили, что в этот праздник «вся земля именинница». Наверное, упоминание природы в проповедях приходско-

го священника говорило слушателям гораздо более, чем иные ученые слова архиереев.

По дороге домой Иван обязательно посещал заштатный Веркольский Артемиев мужской монастырь. И хотя в те годы он находился в совершенном упадке, и всё — деревянная, ветхая, низкая монастырская ограда, малая каменная церковь и еще два-три каких-то ветхих здания — свидетельствовало о крайнем его убожестве и бедности, но встреча с чудом — святыми мощами угодника Божия праведного отрока Артемия искупала и трудный путь, и невзрачный вид монастыря.

Еще каких-то 40 верст... и, наконец, на мысу, образуемом Пинегой и Сурой, мальчик видел свое родное село, падал на колени и со слезами на глазах начинал молиться.

В начале лета 1845 года обучение в уездном (епархиальном) училище завершилось. Сыновья «сравнились» с отцом в духовном образовании и возвратились в родной дом. Однако то, что было достаточным для сельского причетника 20 лет назад, явно было недостаточным для того, кто хотел бы получить священный сан. Илья Михайлович на своем жизненном опыте, да и на опыте священства Пинежья твердо знал: чем солиднее образование, тем лучше будет перспектива по службе. Да и законы, касавшиеся духовенства и принятые в первой трети XIX века, давали право занимать священнические места, а значит, и получать две трети дохода причта только окончившим полный курс семинарии. Более того, устав семинарий специально оговаривал, чтобы места в епархиях раздавали строго «по степеням, каждому разряду учеников семинарией присвоенным». Не зря современники отмечали, что «школе сообщалась магическая сила: как прежде упирались, так теперь стали напирать». Окончить семинарию стало мечтой, управляющей всеми помышлениями подрастающего духовенства.

Родители мечтали и хотели видеть в старшем Иване продолжателя священнического рода Сергиевых. Тот с радостью воспринял родительское благословение — ему хотелось продолжить обучение. Подтверждение мы можем найти в дневнике. «Получивши желаемое, человек обыкновенно желает большего и большего, так было и со мною: перешедши в высший класс, я стал смотреть на Семинарию — на риториков, на философов, на богословов; почтенны были в глазах моих первые, привлекали взоры удивления другие; склонялся я невольно пред величием и мудростью последних. И — о Боже всеблагий! — я сам становился постепенно ритором, философом, богословом!»

В самом конце лета 1845 года Иван возвращается в Архангельск для поступления в духовную семинарию.

Бурса*: Архангельская семинария. Петербургская академия

Государственная образовательная система Российской империи XIX века включала в себя и духовно-учебные заведения: духовные училища, семинарии и академии. Вторая половина 1830-х – первая половина 1840-х годов – это время ее очередного реформирования. Взошедший на престол в 1825 году, Николай I совершенно не был похож на своего брата (Александра I) в его молодые годы и считал проводимые им реформы в образовании излишне отвлеченными и либеральными. По его мнению, смысл и ценность образования определялись исключительно практическими соображениями государственной пользы, которая понималась как добросовестное исполнение служебного долга.

К тому же религиозное образование рассматривалось как лучшее средство против либеральных и революционных устремлений. В школах, уездных училищах и гимназиях, относившихся к Министерству народного просвещения, в обязательном порядке изучались малый катехизис и библейская история с важнейшими молитвами. Преподавателями должно было выступать духовенство, получающее необходимые знания в духовных семинариях и академиях, достаточные для исполнения ими священнических обязанностей.

Один из современников так характеризовал отношение самодержавия и государственной церкви к просвещению в николаевский период: «Теперь требуют, чтобы литература процветала, но никто был ничего не писал, ни в прозе, ни в стихах; требуют, чтобы учили как можно лучше, но чтобы учение не размышляли... Теперь требуют от юношества, чтобы оно училось много и притом не механически, но чтобы оно не читало книг и никак не смело думать, что для государства полезнее, если его граждане будут иметь светлую голову вместо светлых пуговиц на мундире»**.

Рычагом, с помощью которого светская и духовная власть стремились втиснуть русскую культуру в рамки «охранительных начал православия, самодержавия, народности», была цензура. Последовал ряд указов и циркулярных распоряжений Министерства народного просвещения и Синода, значительно расширивших права духовной цензуры и давших ей возможность контролировать любые сочинения, газету, журнал. Постоянно расширялась сеть духовных цензурных комитетов, и к 1850 году их было уже двенадцать. По свидетельству совре-

* Бурса – в России начиная с XVII века так назывались общежития при духовных учебных заведениях, особенно при семинариях.

** *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. М., 2004. С. 313.

менников, если посчитать всех лиц, заведующих цензурой, их окажется больше, чем книг, выходящих в течение года.

Духовная цензура утверждала к печати сочинения по всем отраслям знаний: от художественного произведения до научного трактата. Особенно поражает обилие сохранившихся в архивах духовной цензуры отчетов и заключений по просмотренным периодическим изданиям, за которыми был установлен особенно строгий контроль. Здесь можно увидеть заключения на все вышедшие в то время в России журналы: от детского журнала «Елка», армейского «Чтения для солдат» до «Отечественных записок» и «Современника». Все они подвергались двойной цензуре: поступали в светскую, а из нее — в духовную цензуру. И опять в светскую. Редкая статья могла преодолеть этот барьер. В 1840—1841 годах из всех запрещенных для распространения в России книг третья часть была задержана по религиозным соображениям. Не зря же А. И. Герцен назвал 1830—1840-е годы «моровой полосой».

Особенно строго предписывалось цензорам относиться к французской литературе, невзирая — художественной или научной. Результаты не замедлили сказаться: в 1841 году запрещена «Система природы» Гольбаха из-за «резкого материализма, знаменующего эту философию, отрицающего бытие Божие и разрушающего основные начала веры, политики и нравственности». Эта же судьба ждала работы К. Вольнея, А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна, Л. Фейербаха, М. Шенье, В. Гюго, О. Бальзака, Г. Гейне. «Страдали» и российские авторы — Г. Р. Державин, А. Д. Кантемир, А. С. Пушкин, В. Г. Белинский, М. Н. Загоскин...

Приложило свою длань и Третье отделение, указав светским и духовным цензорам незамедлительно сообщать начальнику тайной полиции имена авторов, «распространяющих безбожие» или «нарушающих обязанности верноподданного». С таким же предложением Третье отделение обратилось и к высокопоставленным представителям духовенства.

Доносом петербургского митрополита Серафима (Глаголевского) началось печально известное дело об опубликованном в 1836 году Н. И. Надеждиным в журнале «Телескоп» «Философического письма» П. Я. Чаадаева. Из письма Серафима шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу следует, что митрополит с января 1835 года, с ведома Николая I, являлся агентом Третьего отделения и письмо о журнале «Телескоп» было его первым «служебным доносом». Митрополит характеризовал письмо Чаадаева «негодным», а суждения автора, по его мнению, — «ложны, безрассудны и преступны сами по себе». Предлагал

он привлечь к ответственности и издателя, осмелившегося «распространять между соотечественниками столь преступные хулы на отечество, веру и правительство свое»*. Таким же образом по доносу епископа Афанасия и священника Иакова Остромысленского Синод возбудил несколько дел против журнала «Отечественные записки».

Особенно лютовала цензура в 1848–1855 годах, которые получили в либеральных кругах наименование «страшная семилетка». Причина революций 1830 и 1848 годов в Европе виделась русским монархам в распространении новейшей философии, религиозного индифферентизма, переходящего в атеизм. Чтобы не допустить в Россию «губительных идей Запада», в апреле 1848 года был создан межведомственный секретный цензурный комитет для духовного надзора за деятельностью светской и духовной цензуры – Комитет 2 апреля. До марта 1855 года его возглавлял Д. П. Бутурлин, непосредственно отчитывавшийся только перед царем. Взгляды Бутурлина красноречиво характеризует как-то брошенная им фраза, которую воспроизводят в мемуарах все современники, писавшие о нем. «Не будь Евангелие так распространено, – говорил он, – то его бы следовало запретить за демократический дух, им распространяемый». Аналогичный комитет был создан и при Синоде.

По существу стало невозможным какое-либо развитие науки, культуры, искусства, образования. Отсекалось всё и вся, что хоть немного выбивалось из жесткого обруча «православных истин» и «долга перед государем». По доносам возбуждались дела против ученых, издателей, писателей. Все это привело к тому, что в России, как ни в одной другой стране мира, получила широкое хождение так называемая бесцензурная литература – «самиздат». Запрещенные произведения переписывались от руки и распространялись в списках, некоторые литографировались. Нелегальная печать, издаваемая за границей, и прежде всего в Вольной русской типографии А. И. Герцена, пробивала бреши в царской России, привнося в общественное обсуждение назревшие вопросы – отмена крепостного права, реформы во всех областях русской жизни.

Любопытное свидетельство о распространении в России нелегальной литературы оставил в своем письме министру внутренних дел П. А. Валуеву барон М. А. Корф, писавший: «Нет и не было запрещенной книги, которой бы нельзя было достать; именно в то время, когда правительство всего строже преследовало известные лондонские издания, они расходились в тысячах экземплярах, и их можно было найти едва ли

* Русская старина. 1870. № 3. С. 291–293.

не в каждом доме, чтобы не сказать — в каждом кармане; когда мы всего более озабочиваемся ограждением нашей молодежи от доктрин материализма и социализма, трудно указать студента или даже ученика старших классов гимназий, который бы не прочел какого-нибудь сочинения»*.

Претворение в жизнь «императорских начал» в деле образования и культуры общества возлагалось на обер-прокурора Святейшего синода графа Н. А. Протасова, занимавшего эту должность в 1836—1855 годах**. Протасов проводил линию на подчинение церкви государству. Современники свидетельствовали: «Все делалось по его мановению, и стук его гусарской сабли был страшен для членов Синода». Одновременно Протасов проявил и качества тонкого политика, психолога, мастера интриг. Он сумел очаровать первенствующего члена Синода санкт-петербургского митрополита Серафима, да так, что тот на вопрос Николая I: «Доволен ли он Протасовым?» — ответил: «Лучшего и желать не надобно». Пользуясь абсолютным доверием царя, Протасов твердой рукой правил церковным миром: добился принятия Устава духовной консистории, деспотическими методами боролся с всевластием православных архиереев, без устали ревизуя их деятельность. Именно тогда все с удивлением узнали, что и архиереев можно судить, что и для них законы писаны, что и на них можно жаловаться в Синод.

...Можно сказать, что Иоанн Кронштадтский впитал в себя «протасовский дух» на всех ступенях своего духовного образования, что, конечно, во многом и объясняет его взгляды, убеждения и представления о месте Церкви и священника в обществе, о взаимоотношении Церкви и государства, о государе как помазаннике Божиим, о содержании православного богословия и его практическом воплощении, об отношении Русской церкви к нерелигиозной культуре, взглядам и ценностям...

Граф и понял, и смог найти способы воплотить замыслы своего патрона — Николая I. Службу свою в Святейшем синоде начал он с того, что разослал всем ректорам духовных академий и семинарий циркуляр с поручением, «дабы они свободно изложили, как они понимают богословию и какие улучшения полагали бы внести в нее». Особое одобрение получила запис-

* Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904. С. 137.

** При этом граф Николай Александрович (1798—1855) не только оставался в списках лейб-гвардии Гусарского полка, в котором на строевой службе дошел до полковничьего чина, но и продолжал успешную военную карьеру: в 1840 году он был пожалован генерал-адъютантом, а в 1848 году произведен в генерал-лейтенанты.

ка ректора Вятской семинарии архимандрита Никодима (Казанцева), которому было поручено подготовить новый проект устава семинарии.

...Ненастный сентябрьский день 1838 года не предвещал ничего положительного. Никодим знал: если приглашают к обер-прокурору «явиться в ранний час и при параде», то готовься к неприятностям. Да и духовенство уже успело увидеть и понять за два прошедших года, что есть из себя новый обер-прокурор. Предчувствие не обмануло.

С хмурым лицом встретив посетителя и даже не подойдя под благословение, он пригласил его сесть в жесткое черное кресло, а сам стал мерно расхаживать по кабинету. Без каких-либо приуготовлений и объяснений он обрушился на архимандрита:

— Вы учились в семинариях и академиях не для себя, а для нас... Вы наши учителя в вере...

— Да, но паства ждет к себе образованного священства, — робко пытался вставить архимандрит.

— Но вас не понимают люди, стоящие в храме. Вы чуждаетесь практического богослужения... Не умеете ни петь, ни читать, не знаете церковного устава... Вами руководят дьячки, над вами издеваются начитанные мещане.

— В семинариях обучаются выходцы из духовного сословия, они вполне...

— Ваша богословия, — прервал генерал архимандрита, — очень выпренна, проповеди высоки.

— Но слово пастыря обращено ввысь...

Не замечая робких попыток посетителя хоть что-то пояснить, а, может, просто его не слыша, Протасов вышагивал по своему кабинету, то приближаясь, то удаляясь... Никодим понял, что надо молчать и дать обер-прокурору высказаться.

— Вы хотите быть и почитаться универсальными учеными, — говорил граф. — Это ошибка. У нас всякий кадет знает марш и ружье; моряк умеет назвать последний гвоздь корабля, знает его место и силу; инженер пересчитает всевозможные ломы, лопаты, крюки, канаты. А вы, духовные, не знаете ваших духовных вещей. Вы изобрели для себя какой-то новый язык, подобно медикам, математикам, морякам. Без толкования вас не поймешь. Это тоже нехорошо. Поучайте Закону Божьему так, чтобы вас понимал с первого раза последний мужик!

— Ваше превосходительство, — видя, что Протасов остановился на противоположной стороне стола и разглядывает какие-то бумаги, решил сказать несколько слов Никодим, — как вы изволите видеть, в моих бумагах я указал на недостатки и

достоинства современных семинарий, а в проекте устава семинарского выразил мнение о том, что надо бы сделать для улучшения дела духовного образования.

— Читал. — Обер-прокурор оторвался от бумаг и в упор посмотрел на собеседника. — Подумай хорошенько и кратко скажи мне: что нужно изменить в семинарии? Как упростить существующие науки? Не нужно ли ввести новые? И какие именно? Может, что-то нужно сократить. Пойми, семинария не академия. Из академий идут в профессора, им нужно много знать. Из семинарий поступают во священники по селам. Им надобно сельский быт знать и уметь быть полезными крестьянам даже в их делах житейских. На что такая огромная богословия сельскому священнику? К чему нужна ему философия, наука вольномыслия, вздор, эгоизма, фанфаронств? Пусть лучше затвердит хорошенько катехизис и церковный устав, нотное пение. И довольно!

Заключительные слова «декламатора», как про себя называл Протасова Никодим, решительно его испугали.

— Я такого не писал, — испуганно проговорил он. — Богословие — опора практического священнодействия, научения паствы и стояния в вере! — как-то даже вызывающе заключил он.

— Я не спорить пригласил тебя, — сухо отреагировал обер-прокурор. — Ты не знаешь, что, когда я упомянул государю, что в семинариях читают философию, государь с гневом и в недоумении воскликнул: «Как? У духовных есть философия, эта несчастная, безбожная мятежная наука?! Изгнать ее!»

«Изгнание» и стало главным лозунгом, делом и козырем Протасова. Он наводил порядок в духовном образовании по своему разумению, доводя все до «отупляющей военщины», как называли это в своих дневниках многие духовные лица той поры. Но были и положительные, хотя и маленькие, моменты: обращено внимание на улучшение питания, чистоту в спальнях комнатах, в которых теперь нельзя было находиться в течение дня, а для занятий выделялись специальные классы. Обеспечение, пусть и единообразной, но порядочной одеждой.

В 1840 году появились новые семинарские программы. Учащиеся приступили к изучению основ медицины, крестьянского хозяйства, естествознания, землемерия. Поверхностное, а другим оно и не могло быть, изучение названных дисциплин не превращало семинариста в квалифицированного специалиста — медика, агронома, зато ограничивало его возможности в достаточной мере овладеть специальностью духовной. Стало обычным делом, когда окончившие полный курс семи-

нарии не знали элементарных вещей и доучивались уже в процессе служения на приходе.

«Изгнание» коснулось светских общеобразовательных предметов и светских книг. Философия же сведена была к логике и психологии. Одновременно расширили курсы пастырского богословия и гомилетики. Пожалуй, положительным было только то, что латынь, на которой ранее преподавался ряд дисциплин, приравнена была отныне к другим предметам. Преподавание же в целом велось отныне на русском языке.

И все же программа семинарии оставалась очень обширной. Для ее усвоения требовалось шесть лет. Обучение было разделено на три двухгодичных цикла, или отделения. В низшем (первом, или риторов) больший упор делался на изучении риторики и поэзии, а потому обучающиеся назывались «учениками словесности». В среднем (втором, или «философском») отделении — добавлялись патристика, философия, психология, герменевтика, логика, естественные и сельскохозяйственные науки. В высшем (третьем, или «богословском») отделении — помимо продолжения многих из уже названных предметов уделялось особое внимание богословским наукам и изучению иностранных языков. В самих духовных школах резко возросла власть ректоров. На эту должность назначались почти исключительно монахи. Они же рассматривали эту должность как дополнительную, излишнюю, ступень на пути к архиерейству и подчас пренебрегали ею.

На такие сложные обстоятельства «в эпоху перемен» пришлось обучение Ивана Сергиева в семинарии.

Архангельская духовная семинария была одной из старейших на севере России. Она была учреждена еще в 1723 году и располагалась первоначально в городе Холмогоры. В 1811 году по распоряжению епископа Парфения (Петрова) семинария переводится в Архангельск и начинается строительство нового двухэтажного здания. Место для него было выбрано видное — на берегу Северной Двины, между улицами Архиерейской и Монастырской*. Здание имело большую залу для собраний, помещения для начальствующих и 17 комнат одинакового размера, в которых размещалась «классами и жильством вся бурса Архангельской епархии». В сентябре 1812 года семинаристы и их воспитатели переехали в новое здание. Постепенно обустроился целый семинарский городок: столовая и кухня, больница и баня, кладовые и амбары. Вокруг был разбит сад, а вся территория была обнесена сначала деревянным, а затем и каменным забором.

* На этом месте располагается сейчас Поморский государственный университет.

Административно Архангельская семинария причислена была к Петербургскому духовному учебному округу. Правлению семинарии были подотчетны приходское и епархиальное училища. Принимаемые на заседании правления решения заносились в журнал правления и вступали в действие после согласования с правящим епископом. В общей сложности в трех заведениях учились около трехсот человек.

В годы учебы Ивана Сергиева семинарию возглавляли настоятель Архангельского монастыря архимандрит Вениамин, кандидат богословия, воспитанник Петербургской духовной академии, а затем — архимандрит Василий (Кульчицкий), выпускник Киевской духовной академии, профессор богословия.

Хотя число преподавателей в семинарии было больше, чем в училищах, но все равно их не хватало, и потому даже профессора вынуждены были вести несколько предметов. Магистр богословия Филетер Павловский преподавал историю, археологию, обрядословие и каноническое право. Кандидат Павел Остров преподавал Священное Писание, герменевтику, катехизическое учение, греческую литературу, еврейский язык.

Хотя в целом программа семинарских предметов утверждалась в столице, и изменения в ней не допускались, но все же в интересах нужд той или иной епархии иногда позволялось введение некоторых дополнительных предметов. Для Архангельской семинарии таковым в 1840 году стало «учение о разных видах заблуждений раскольнических, замечаемых в Архангельской губернии». При императоре Николае I гонения на сторонников древлеправославия снова усилились. В 1836 году Николай I высочайше одобрил постановление «О мерах к ослаблению раскола в Олонецкой и Архангельской губерниях». В 1848 году в Архангельске был учрежден Секретный совещательный комитет по делам раскольников, в который вошли: генерал-губернатор, архиерей, управляющий палатой государственных имуществ и жандармский начальник. Была начата кампания по борьбе с архангельскими старообрядцами*. Всего в 1846 году в Архангельской губернии числилось 12 489 старообрядцев всех согласий, 25 скитов и шесть пустынь, в которых было 22 часовни и моленных и проживали 185 мужчин и 798 женщин.

В семинарии в те времена лекций не читали, а задавались и выслушивались школьные уроки. Не случайно и в воспомин-

* Результаты не оправдали надежд. Спустя десятилетия, в 1861 году, власти вынуждены были констатировать, что в Архангельской губернии насчитывалось до ста тысяч «записных раскольников» и «преданных расколу», то есть — треть населения всей губернии.

наниях учеников ничего не оставалось светлого от многих лет, проведенных в семинариях. Как они писали, «...профессора представляли из себя посредственность. Занимались исключительно чтением уроков по составленным заранее запискам. Лишь несколько чудаков преподавали хорошо, но и те давали в сущности лишь объяснения к сказанному в учебниках или их конспектах». Кстати, даже такое поведение этих последних противоречило уставу семинарий и могло вызвать нарекания и наказания со стороны начальства. Конечно, качество преподавания оставляло желать лучшего. Не случайно в ревизионных текстах епископа Варлаама (Успенского) можно прочитать о «растянутых, сбивчивых, темных уроках», содержание которых воспитанниками трудно усваивалось и в памяти не удерживалось.

Оценка успеваемости учеников семинарии проводилась по трем направлениям: успехи, способности, прилежание. Велась специальные журналы, в которых ежемесячно делались записи об успехах учеников. Итоги успеваемости подводились по окончании семестра и заносились в специальные ведомости. В семинарии не существовало единой системы оценок, господствовали достаточно произвольные эпитеты: похвальные, очень хорошие, порядочные, посредственные... до пятнадцати вариантов у одного учителя. В 1849 году по предложению епископа Варлаама система оценок была несколько упорядочена и разбита по разрядам: первый — отлично хорошо, весьма хорошо, очень хорошо, хорошо; второй — довольно хорошо, очень достаточно, достаточно, добропорядочно; третий — недостаточно, слабо, худо, безуспешно.

Семинария имела библиотеку, насчитывавшую три тысячи книг на греческом, латинском, еврейском, славянском, русском, французском, немецком, английском и польском языках. Среди рукописей памятники XVI—XVII веков и книги на древних языках. Ежегодно для семинаристов выписывались журналы «Воскресное чтение», «Христианское чтение» и некоторые периодические издания: «Северная пчела», «Санкт-Петербургские ведомости». Изредка поступали новые книги, прежде всего издававшиеся в России.

Но от воспитанников по-прежнему требовались зубрежка и бессмысленное затверживание наизусть учебных текстов. Ученику не позволялось ни малейшего отступления от толкований учителя. От хорошего ученика не ждали ничего, кроме тупого повторения сказанного преподавателем. Учителей, которые пытались преподавать свой предмет в более свободной манере, вскоре начинали подозревать в недостаточном владении материалом или в вольнодумстве.

Бюджет на содержание учеников складывался из трех основных источников: государственные отчисления; так называемый епархиальный училищный фонд, включавший процентные отчисления от продажи свечей и кружечного сбора в каждом из приходов; наконец, плата за обучение, поступающая от родителей учеников.

Ученики, полностью учившиеся за казенный счет, назывались бурсаками; пополам — полубурсаками; остальные находились «на коште родителей». Как правило, в разряд бурсачных попадали дети священно- и церковнослужителей, по бедности своей не имевших возможности оплатить их обучение. Поскольку среди поступающих в семинарию большинство были выходцами из семей священно- и церковнослужителей, то правление семинарии вынуждено было постоянно ходатайствовать перед епархиальным архиереем и Синодом о выделении дополнительного числа «бурсачных» мест для них. Характеризуя положение духовенства, администрация семинарии писала: «Вообще духовенство Архангельской епархии на сельских приходах по причине частых неурожаев хлеба от повреждения морозами и по бедности прихожан в весьма скудном положении, особенно причетники... Не только не могут содержать в училище своих детей, но и с большою трудностью доставляют их в оные, а особливо из отдаленных мест, за 300, 400 и более верст. Одежда их и белье бедны, нищенские рубища в заплатах и дырах, неопрятны, не имеют учебных книг, — словом, во всем недостаточны и даже безобразны, а обувь носят только зимою, не говоря уже о постели — отчего многие страждут чесоткою и простудою, а некоторые от простуды и померли»*. К этому духовенству принадлежал и отец Ивана Сергиева.

Казеннокоштные учащиеся обеспечивались за счет ведомства минимумом одежды и обуви, питанием и помещением. Многочисленные свидетельства тех, кто провел годы и годы в стенах церковных учебных заведений, открывают нам поистине жалкое положение казеннокоштного воспитанника. Именно этот типаж столь живописно представлен в художественных произведениях середины XIX века, принадлежащих перу Ф. М. Решетникова, В. Т. Нарезного, Н. Г. Помяловского**. Судя по совокупности данных, бытие бурсаков в разных епархиях мало чем различалось. Помещения, где жили дети, не отличались ни чистотой, ни удобствами. Грязные до невозможности полы (так, что порой и половиц не видно), спертый

* ГААО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 238. Л. 167.

** Решетников Ф. М. Ставленник. СПб., 1864; Нарезный В. Т. Бурсак. СПб., 1824; Помяловский Н. Г. Очерки бурсы. СПб., 1865.

воздух комнат, который посторонний не мог вынести дольше нескольких минут; убогие деревянные кровати с подушками, лоснящимися от грязи, одеяла — стандартный набор.

Архангельская семинария не была многочисленной в силу малой населенности края и относительно небольшого количества церквей и монастырей, не испытывавших острой потребности в церковных кадрах. Семинарские выпуски осуществлялись раз в два года и, как правило, насчитывали двадцать с небольшим человек. Большая часть выпускников выбирала церковное служение, что объяснялось не только их происхождением из священнических семей, но и тем, что у них просто не было альтернативного выбора по светской службе.

В семинарии был врач, наблюдавший за здоровьем учеников. Среди болезней, особенно досаждавших ученикам, — цинга, чесотка, горячка, воспаление глаз. Цингу лечили лимонами и супом из мяса, приготовленным с луком и хреном. Болезнь глаз лечили тем, что с утра умывание лица заменяли многократным обливанием головы холодной водой, что, по мнению врача, должно было закалять учеников и «способствовать их умственной деятельности». Испытать на себе искусство семинарского эскулапа пришлось и Ивану, несколько раз лежавшему в семинарской больнице с диагнозами — катар хронический, цинга, «нервная горячка».

Семинаристы имели собственную форму — синие суконные сюртуки, суконные картузы, шерстяные полчулки, сапоги, холщовые рубашки. Стол семинаристов не отличался особым разнообразием: подавали репу, редьку, капусту и рыбу; мясные блюда и разносолы присутствовали на столах по большим праздникам.

О семинарской жизни Ивана Сергиева известно немного. Сам он впоследствии в своих публичных выступлениях и в дневнике почти никогда не касался этой темы. Только в последние годы церковная наука обратилась к поиску документальных материалов, характеризующих историю жизни Иоанна Кронштадтского, а потому сведения о годах его учебы пока отрывисты и скупы. Известно, что по ходатайству секретаря семинарского правления Л. Корытова с июля 1845 года по 5 февраля 1846 года он, имея каллиграфический почерк, исполнял должность писца. Причитающееся ему жалованье (1 рубль 71 копейка) было ощутимым подспорьем и для семинариста, и для почти нищенствовавших родителей. Однако обязанности письмоводителя он исполнял недолго.

25 августа 1845 года в Архангельск, взамен преосвященного Георгия (Яшуржинского), прибыл новый епископ — бывший

викарий Киевской митрополии Варлаам (Успенский)*, чье имя будет стоять на многих документах во время учебы Ивана Сергиева. Стоит заметить, что в те годы слава Архангельска как первенствующего торгового центра закатилась и назначение на Архангельскую кафедру воспринималось чуть ли не как наказание — далеко, малоллюдно, холодно, неухоженно, бедно. В случае с Варлаамом плюс был лишь в одном — он из викариев, все же зависимых и подотчетных управляющему епархией, становился самостоятельным епископом.

В январе 1846 года епископ предложил семинарскому правлению найти на должность писца нового ученика, ссылаясь на «слабое здоровье» Ивана Сергиева.

В 1849 году Иван перешел в высшее отделение семинарии и по рекомендации старшего инспектора архимандрита Илариона (Воскресенского) 9 сентября того же года был назначен «старшим учеником над учениками семинарии». По всей видимости, в его обязанности входило и наблюдение за архиерейскими певчими. По свидетельству современников, то была самая некультурная, пьяная и распущенная часть бурсы. Они пользовались особыми привилегиями: жили в певческом корпусе при Архиерейском доме, получали жалованье, имели более свободный дисциплинарный режим. О нравах, господствовавших среди них, свидетельствует журнал семинарского правления. Так, под 1850 годом сообщалось о том, что неоднократно у них отбирали деньги и вещи, чтобы предотвратить их «нетрезвость», особенно усиливавшуюся на Пасхальной неделе. Нередко они и на службе в храм являлись нетрезвыми и устраивали дебоши и потасовки. Общение с ними едва не сгубило и самого Ивана, чуть было не принявшего «образ и подобие певчих», да вовремя он образумился.

Иван учился очень неплохо. В 1850/51 учебном году даже получал архиерейскую стипендию. Как правило, он занимал третье место в списках учеников семинарии. Согласно записям инспектора семинарии архимандрита Илариона, который в течение всех лет обучения ежемесячно составлял списки поведения учеников, Сергиев отличался «добродушием, искренностью, честностью и усердием к делу» (октябрь 1845 года); «в поступках прост и вместе благороден» (июль 1847 года); «при тихом и спокойном природном расположении отличается честностью и добродушием» (июнь 1848 года); «скромностью

* В опубликованных в 1902 году «Материалах для истории православной церкви в царствование Николая I» можно найти характеристику епископа Варлаама, данную ему по результатам ревизии: «грубый, религиозный фанатик, готовый положить на костры и плахи всех, кто не разделял его убеждений, суевер, враг всякой новизны, смотрящий на просвещение как на заразу и порчу нравственности» (с. 381).

в поступках, почтительностью и религиозным направлением ума и сердца» (апрель 1851 года).

Думается, что такое поведение давало Ивану возможность «увидеть свет», то есть побывать и за пределами семинарского городка. А в Архангельске было что посмотреть, все же губернская столица! Торжественно и даже величественно обставлялся спуск на воду морских судов, построенных на верфях местного адмиралтейства. Когда, к примеру, спускали корабль «Сисой Великий», «Губернские ведомости» сообщали: «Толпы народа пестрели на пристанях по обе стороны корабля, и даже за Адмиралтейством берег был покрыт множеством народа, несмотря на сильный ветер и холодную погоду»*. Может быть, среди них был и видел это великолепное зрелище и Иван Сергиев.

Пышно – с праздничной иллюминацией, громко – с пушечными выстрелами и барабанным боем отмечались дни рождения августейших особ и членов императорской фамилии, военные победы и православные праздники. В праздник Богоявления во время крестного хода на Иордань над городом разносился колокольный звон во всех церквях и толпы народа спускались на берег Двины, а особо отважные опускались в проруби.

Богата была и культурная жизнь Архангельска: обычно в теплое время года череда театральных трупп из российских городов, гулянья с танцами, военной музыкой и фейерверками на Моисеевом острове; концерты заезжих знаменитостей, в том числе и из Европы; запуск воздушных шаров в городском саду.

Посещал Иван и «немецкую слободу», застроенную на протяжении версты деревянными красивыми домами, в которой все сплошь жили иностранцы – купцы и мастеровые. Украшением этой части города была башня евангелическо-лютеранской церкви – кирхи Святой Екатерины. Западный стиль сохранился в этой части города не только в архитектуре, но и в укладе жизни – основным языком был немецкий, а часы досуга жители слободы проводили в Александровском летнем саду с его постоянным оркестром, театром и рестораном.

Хотя семинария и была отделена от городской жизни, но та вторгалась в размеренный распорядок бурсацкого существования.

В мае 1843 года случилось наводнение, река поднялась на 14 футов 8 дюймов выше нормы. Бурный поток уносил в море не только огромные глыбы льда, но и обывательские строения вместе с домашним скотом и скарбом. Только через несколько

* Архангельские губернские ведомости. 1849. 21 мая.

дней река вернулась в свои берега, оставив на суше выброшенные суда, разбитые береговые укрепления, поврежденные деревянные тротуары. Подтопило наводнение и территорию семинарского городка.

Обычный бич для тогдашних, в основном деревянных городов — пожар, коснулся и Архангельска в те годы, когда там жил и учился Иван. Сохранившиеся записи рассказывают, как в июле 1846 года огонь не пощадил и город, и семинарские постройки — сгорела семинарская баня, «несмотря, — как сказано было в документах, — на все усилия учеников и пожарной команды». А в один из июньских дней 1847 года, бывший ветреным и жарким, более четырехсот домов разом спалено было огнем. Пострадали и здания, в которых проживали преподаватели семинарии, вынужденные из-за этого некоторое время проживать со своими семьями в семинарском корпусе.

6 апреля 1851 года в числе пятнадцати учеников высшего отделения семинарии, в качестве поощрения за особые отличия в учебе, Иван Сергиев в церкви Михайло-Архангельского монастыря был посвящен епископом Варлаамом в стихарь*. Здесь же прозвучали первые учебные проповеди будущего священника, и здесь же он прислуживал архиерею на службах. До конца жизни он сохранил благодарное воспоминание об этом храме**.

Особым почитанием жителей города пользовалась чудотворная икона Божией Матери, именуемая Грузинской. Ежегодно в октябре эту икону переносили из Красногорского монастыря, где она постоянно находилась, в Архангельск на монастырское подворье и затем крестным ходом обносили по всем городским церквям. Торжественно прибывала икона и в семинарию, где ей оказывалось должное поклонение.

Ежегодно из Петербургского духовного учебного округа в семинарию наезжало начальство, дабы выбрать наиболее подготовленных семинаристов для обучения в Санкт-Петербургской духовной академии. Также традиционно, по мере приближения выпуска семинаристов, поступали предложения о направлении лучших учеников в различные высшие учебные заведения России. Ивану Сергиеву делались предложения о направлении в Петербургскую медико-хирургическую академию, в Главный педагогический институт, но он отказывался. Наконец, в конце июня 1851 года в семинарию

* Стихарь — одежда, богослужбное облачение священно- и церковнослужителей, прямая, длинная, с широкими рукавами. По благословению правящего епископа в нее могут посвящаться (облачаться) алтарники, чтецы и певчие, участвующие в богослужении.

** В 1893 году, во время его ремонта, он пожертвовал на строительные работы 1905 рублей, а в 1894 году, после пожара обители, — еще 2100 рублей.

прибыл инспектор Петербургской духовной академии архимандрит Иоанн (Соколов) «для обозрения семинарии».

В начале июля среди учеников высшего отделения семинарии проходят внутренние испытания за вторую половину 1850/51 учебного года и подведение итогов за полный учебный год. Успехи и прилежание Ивана Сергиева за полный учебный курс по церковной истории и церковному праву, литургике и сельскому хозяйству оценены были как «весьма хорошие»; по медицине, чтению греческих и латинских отцов — как «очень хорошие»; по еврейскому языку — как «добропорядочные». Публичные испытания учеников семинарии в присутствии инспектора Иоанна проходили по программе двух последних учебных лет.

Вот и наступил день окончания Архангельской духовной семинарии — 10 июля 1851 года. В итоговой ведомости всего семинарского выпуска на первом месте значился Иван Сергиев. Ему было доверено от имени двадцати трех выпускников выступить на торжественном акте по окончании семинарского курса. Он благодарил своих воспитателей за труд, понесенный ради духовного образования юношества и поддержания в них стремления ко всему доброму и полезному. В словах Ивана Сергиева звучало чувство живейшей признательности: «Сколько сокровищ учености раскрыто было перед нами, чтобы каждый брал из них, что хотел, для обогащения своего ума. Как при наставлении вы старались доставить речи своей разнообразие и приятность, чтобы истины, нам сообщаемые, легче и удобнее были воспринимаемы умом и сердцем! Мы ощущали в сердце сладость ваших наставлений, старались запечатлеть их в памяти, чтобы потом, в свое время, употребить их с пользою для себя и для других. Но всего более вы заботились, как добрые отцы, о сохранении между нами доброй нравственности; для чего, с одной стороны, отнимаема была возможность для совершения пороков, могущих закрасться в душу извне; с другой — постоянно внушаема была необходимость чистоты жизни как самого верного и надежного средства быть счастливыми во всяком состоянии и возрасте». От имени теперь уже бывших воспитанников Иван Сергиев обещал, что все они сумеют воспользоваться полученным образованием, изберут для себя соответствующее церковно-общественное поприще и будут достойны своих учителей.

Участники торжества, именитые гости и родители были взволнованы и растроганы, а ректор семинарии на подлиннике поднесенной ему речи написал: «Очень хорошо». Иван же был награжден книгой «Руководство к церковному красноречию».

Иван Сергиев, несмотря на трудные для него годы учебы, сохранил о семинарии теплые воспоминания. С некоторыми из семинаристов своего выпуска он будет поддерживать отношения в последующие годы. Спустя годы, в феврале 1858-го, он, обращаясь к временам учебы, записал в своем дневнике следующие слова: «Не смею думать, чтобы я был лучше других моих товарищей по семинарии. Не оттого ли, что еще в молодости, при всех моих слабостях, был некоторый начаток веры, живой и искренней, в моем сердце, что при слабостях юности я глубоко вздыхал и болезновал о них; и еще более — не оттого ли, что Господь испытал меня некоторым терпением в самой ранней молодости и потом наградил сторицею это терпение?»

Для Ивана Сергиева окончание семинарии связывалось с завершением необходимого и достаточного для службы на приходе образования. Ни о чем другом он не помышлял. «Весь видимый мною горизонт мира ученого (провинциального), — писал он позднее в дневнике, — был пройден, и я не думал преступить за него». Но то, что когда-то казалось мечтой несбыточной, стало реальностью, и можно было «замахнуться» и на большие духовные высоты.

Удачное стечение обстоятельств — первый в семинарии, а тут еще и подоспевшее предписание Святейшего синода о направлении на учебу за казенный счет одного из выпускников в Санкт-Петербургскую духовную академию — создавало реальные возможности продолжить образование. Поскольку Синод указал в документе, что следует направлять «самого благонадежного как по способностям и оказанным уже им в семинарии успехам в науках, так не менее того и по поведению», то правление семинарии единогласно сошло на кандидатуре Ивана Сергиева.

В своем дневнике Иоанн Сергиев не раз будет возвращаться к этому одному из переломных событий в своей жизни. Думается, что если в момент окончания семинарии он скорее чувствовал, что в его жизни происходит что-то важное, что судьба дает ему некий шанс, то спустя годы он сформулировал это очень четко и ясно: «В самом деле, чем бы я был бы, если бы по окончании семинарского курса поступил священником в село? Едва ли бы далеко был от состояния болвана: все доброе во мне заглохло бы и пропало. Но теперь Господь дал мне случай и пробуждение развиться во мне всему доброму. — И отчего так милостив ко мне Господь? Что Он нашел во мне?»*

28 июля 1851 года Иван покидает город, где прожил 12 лет. В подорожной, выданной ему, было указано: «Давать две лоша-

* Дневник. Т. 1. Кн. 2. М., 2002. С. 349.

ди с проводником без задержания на прогонах от Архангельска до Санкт-Петербурга». На руки были выданы пять рублей серебром за «ношение должности старшего певчих»; а еще — аттестат, выписка из метрической книги о рождении и крещении, медицинское свидетельство о состоянии здоровья.

15 августа 1851 года пара мезенских лошадок в упряжке — сильных, выносливых, приспособленных к северному климату — подъехала к столичному шлагбауму.

— Прощай, семинарист! — крикнул извозчик Ивану Сергиву. — Далее уж городскими добирайся.

За шлагбаумом сквозь утренний влажный и серый туман просматривался город, о котором почти ничего не знал, но который должен был принять его.

Санкт-Петербургская академия была относительно молодым высшим богословским учреждением, от года ее образования не прошло и столетия, или, как подсчитал Иван, — она была всего на 20 лет старше его самого.

Академия жила по уставу, составленному еще в 1809—1814 годах. Целью обучения в ней считалось «образование благочестивых и просвещенных служителей Слова Божия». В его основу полагалось изучение Священного Писания, в котором предполагалось особо отметить «главнейшие места богословских истин». Таким образом, теология становилась ведущей академической дисциплиной. Кроме того, школа являлась классическо-гуманитарной. Философские и филологические дисциплины становились необходимым подспорьем в деле повышения ее богословского и общенаучного уровня. Вопросы административные и воспитательные были разработаны мало и в самом общем виде. Власть была сосредоточена в руках ректора академии.

Устав предполагал, что «...профессор философских наук, пройдя кратко для возобновления в памяти студентов философскую терминологию, должен вести их потом прямо к самим источникам философских знаний и в них показывать им как первоначальные их основания, так и связь разных теорий между собой. В толпе разнообразных человеческих мнений есть нить, коей профессор необходимо должен держаться. Сия нить есть истина евангельская. Он должен быть внутренне уверен, что ни он, ни ученики его никогда не узрят света высшей философии, единой истинной, если не будут его искать в учении христианском, что те только теории суть основательны и справедливы, кои укоренены, так сказать, в истине евангельской. Ибо истина одна, а заблуждения бесчисленны»*.

* Богословские труды. Сборник, посвященный 175-летию Ленинградской духовной академии. М., 1986. С. 187—188.

Санкт-Петербургская духовная академия, как и другие академии, испытывала на себе твердую руку обер-прокурора Протасова. По его указанию было принято решение, чтобы преподаватели не читали собственные курсы, а читали единый авторизованный курс. То есть преподаватели должны были скрупулезно придерживаться определенных учебников и не выходить за их пределы. Всякая научно обоснованная критика в процессе обучения была запрещена, а богословская литература подвергалась беспощадной цензуре. Малейшее отклонение преподавателя от курса считалось «преступлением».

Для высшей духовной школы николаевское время оказалось весьма сложным и противоречивым. «Ученость» оказалась ненужной государству. Ему требовались исправные пастыри-требоисправители, не парящие в высотах богословского умствования, а умеющие разъяснить, с опорой на Священное Писание, суть государственных начал, на которых зиждется империя. Охранительное настроение обернулось обращением к догматике, к переписыванию, более или менее удачному, различных руководств по догматике, что держало богословскую мысль в «схоластических схемах». В церковной науке даже имеется специальный термин для обозначения этого периода, введенный профессором протоиереем Г. В. Флоровским, — «время обратного хода». Если иметь в виду отдельных лиц тогдашнего государственно-церковного руководства, кто и определил ход времени, то это — адмирал А. С. Шишков, граф Н. А. Протасов, митрополиты Санкт-Петербургский Серафим (Глаголевский) и Киевский Филарет (Амфитеатов), епископ Винницкий Афанасий (Дроздов) и ряд других.

...В конце августа 1851 года почти все зачисленные на первый академический курс съехались в общежитие. Хотя в основном это были дети духовенства из провинциальных городов, городков и сел, но их интересы и предпочтения оказались весьма различными. Кто-то чуть ли не с порога отправился знакомиться со столицей и пропадал неделями, посещая музеи, театры, выставки, забираясь под самый купол Исаакиевского собора и оттуда обозревая Северную Пальмиру, и лишь «к отбою» возвращался в стены академии. Кто-то заводил знакомства с семейными домами, где можно было весело провести время. И те и другие в общении со сверстниками не скрывали, что пришли учиться не для священства, а чтобы получить места преподавателей, а еще лучше — чиновников. Им присуще было религиозное равнодушие, хотя и тщательно скрываемое от руководства академии.

Лишь немногие, а среди них и Иван Сергиев, всецело отдавались учебе. Думая о будущем пастырстве, исправно посе-

шали лекции профессоров, участвовали в утренних и вечерних церковных службах в академическом храме. По вечерам, сидя под керосиновыми лампами с абажурами за столиками, что расставлялись вдоль стен аудиторий, каждый из них занимался любимым предметом: кто Святыми Отцами, кто вавилонскими раскопками, кто древними языками. За ними закрепилось общее название «богомолы», и насчитывалось их на весь курс из пятидесяти-шестидесяти человек всего каких-то пять-шесть.

Были среди питомцев академии и те, кого сами студенты презрительно величали «отступники, безбожники, ренегаты», но их насчитывалось еще менее. Были и «политики» — студенты, увлекавшиеся политическими событиями в стране, почитывавшие потихоньку запрещенную литературу и всё куда-то с таинственным видом исчезающие по вечерам.

Студенты академии в бытовом отношении были обеспечены значительно лучше студентов других учебных заведений, вынужденных скитаться по частным квартирам и углам, питаться в городских столовых. У академиков всё было под рукой и к их услугам. Жилые комнаты большие, светлые, хороший стол, одежда в достаточном количестве, громадная библиотека для занятий, большой сад для прогулок. Все это обеспечивалось бюджетом, куда входили средства Синода, пожертвования епархий, монастырей и других учреждений, отдельных иерархов и частных лиц.

В год поступления в академию Ивана постигло горе — умер отец Илья Михайлович, тяжело переживавший смерть младшего Ивана, и мать осталась одна с братом и сестрами на руках, в крайней нужде и бедности. Помощи им ждать было неоткуда, если только не от старшего сына. Не видя иного выхода, Иван решил оставить учебу в академии, вернуться на родину и стать дьяконом или псаломщиком где-нибудь на приходе. Однако мать воспротивилась этому решению и не позволила сыну бросить учебу. Пошло навстречу и руководство академии: зная о стесненных обстоятельствах Сергиева и о том, что у него лучший на курсе каллиграфический почерк, ему предложили место писаря в академической канцелярии с жалованьем 9—10 рублей в месяц. Кроме того, письмоводителю полагалась отдельная рабочая комната. Таким образом, помимо жалованья, которое он стал отсылать матери, Сергиев получил возможность уединенного сосредоточенного досуга.

Как об учебе в семинарии, так и об учебе в академии Иоанн Кронштадтский вспоминал не часто, и каких-то полных и развернутых записей, касающихся его жизни этого периода, нет. В дневнике иногда можно обнаружить скупые

строки: «Чту почтенную память вашу, мои бывшие начальники и наставники (владыка Макарий, инспектор архимандрит Иоанн (Соколов)*, лектор богословия и профессор архимандрит Кирилл)»**. Трое названных были теми «звездочками», что ярко сияли на фоне общей убогости, серости и безынициативности академического образования времен обер-прокурора Протасова. Припомнить кого-то еще действительно было трудно. Разве можно указать на профессора И. А. Чистовича, автора двухтомного труда по истории Санкт-Петербургской академии.

Ректор Макарий (Булгаков) был назначен на эту должность в декабре 1849 года. Ранее, с 1842 года, он преподавал здесь же — бакалавр в богословском классе, экстраординарный, ординарный профессор, читающий курс догматического богословия; профессорские обязанности сохранил он за собой и в последующем. В 1851 году состоялась его хиротония во епископа. Академические годы были весьма плодотворными для Макария: написаны три первых тома «Истории Русской церкви», подготовлены к публикации некоторые памятники древнерусской литературы, выпущен ряд статей. Все эти, а потом и последующие церковные труды, когда он занимал Московскую кафедру, обеспечили ему почетное и высокое место в русской науке.

В личности и деятельности Макария на профессорском и ректорском постах отразилась та самая линия «обратного хода», ярко проявившая себя в «протасовские времена». Как профессор догматики он во многом являлся ее проводником, создав классический курс догматического богословия, ставший обязательной настольной книгой для всей Церкви. В начале XX века среди русских богословов, пытавшихся преодолеть догматико-схоластическое наследие прошлого и вернуть православное богословие на путь развития, «нападать на Макария» и даже «ниспровергать» его догматические сочинения стало чем-то вроде правила хорошего тона.

Макарий запомнился учащимся академии не только сво-

* *Иоанн (Соколов, 1818–1869)* — доктор богословия, экстраординарный профессор, впоследствии ректор академии, а затем епископ Смоленский. Известен как лучший русский канонист своего времени. Проповеди, произнесенные им в Смоленске: о гласности, о характере современных лжеучений, о женском образовании, о женской эмансипации, о свободе политической и гражданской, о принципах суда и судящей совести — изданы отдельным сборником «Беседы, поучения и речи» (Смоленск, 1871).

** *Арсений (Жадановский), епископ*. Отец Иоанн Кронштадтский // Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев. М., 2004. С. 596.

ей богословской и исторической образованностью, но и строгостью. Так, например, выход за пределы Духовной школы был возможен лишь дважды в неделю по отпускным билетам. Понятно, что студенты все равно обходили самые строгие правила, но подчас это приводило к тяжким последствиям. В дневнике под датой 14 ноября 1906 года Иоанн вспоминает, как один из студентов, В. И. Метельников, напившись до бесчувствия, вынужден был в зимнее время оставаться на улице, так как ворота академии были закрыты. В результате – отморозил руки, да к тому же был изгнан из академии.

Инспектор академии Иоанн (Соколов) также отличался строгостью в отношении студентов и одновременно своей ученостью, являясь автором образцовых для того времени трудов по церковному праву. «Он был дивный человек, – вспоминал Иоанн, – и ему я обязан тем, что получил это великое назначение – священство»*. Очевидно, говоря так, Иоанн Сергиев имел в виду, что именно архимандрит Иоанн инспектировал Архангельскую семинарию и там заприметил его, и способствовал поступлению в академию.

Можно обнаружить характеристику Иоанна (Соколова) в воспоминаниях других его учеников по академии. Например, московский митрополит Леонтий (Лебединский) писал: «Каноническое право преподавал Иоанн Соколов... уроки его мы слушали с удовольствием. Очень даровитый, он имел смелый полет мыслей и здоровую голову. Из скучного, по-видимому, предмета он умел сделать весьма интересный по манере изложения. В преподавании он много отличался от Макария (Булгакова. – М. О.), говорил довольно медленно, возбуждал вопросы и решал их превосходно. Особенно он обладал критическим талантом. Помню, когда он разбирал “Духовный регламент”, мы были в восторге»**.

Архимандрит Кирилл (Наумов) – профессор, будущий епископ Мелитопольский, труды которого по пастырскому богословию и ныне не потеряли актуальности. С ним студента Сергиева связывает интересный случай, о котором вспоминал он сам: «В один двенадесятый праздник было приказано мне за всю ночь стоять и держать митру архимандриту Кириллу, экстраординарному профессору и помощнику инспектора Академии, а я [митру] не снял, и потом, когда товарищи заметили, зачем я это сделал, ответил: “сам снимет”. Как мне сошла эта грубость, не знаю, но только архимандрит, видимо,

* *Духонина Е. В.* Как поставил меня на путь спасения отец Иоанн Кронштадтский (дневник духовной дочери). М., 1998. С. 163.

** *Леонтий, митрополит.* Мои заметки // Богословский вестник. 1913. № 9. С. 169.

обиделся на меня и по адресу моему на лекции в аудитории говорил очень сильные нотации, не упоминая меня. Он читал нравственное богословие и был родственник ректора»*.

В годы обучения Ивана Сергиева произошли некоторые изменения в академическом учебном плане: с 1851 года студенты обязывались писать один раз в каждую треть года проповеди по основному богословию. В программе обучения появились новые предметы – русская церковная история (выделена из общецерковной истории), логика, психология.

С товарищами, по-видимому, у Ивана Сергиева не было каких-либо особо близких отношений и дружбы, а тем более не участвовал он в веселых товарищеских пирушках. Он не любил ходить в гости, как это делали его сокурсники. Пустое времяпрепровождение претило ему. В его записях можно найти следующие рассуждения: «Вот светский кружок: говорят большею частью, переливая из пустого в порожнее, и нет речи о Боге, о Христе Спасителе... в кругу своих семейств и в кругу светских людей; а проводят часто время в пустых разговорах, играх и занятиях!.. Боятся наскутить или опасаются, что сами не выдержат, не будут сердечно вести речь о духовных предметах. О мир прелюбодейный и грешный! Горе тебе в день Суда от общего всех, нелицеприятного Судии!.. А “пустые” речи с гостями уносят из сердца живую веру, страх Божий и любовь к Богу. Гости – язва для благочестивого сердца. Я разумею именно таких гостей, которые могут только переливать из пустого в порожнее. Но иное дело – гости солидные, религиозные»**.

Подобно древнему святому Василию Великому, он пользовался уважением и даже боязнью со стороны студентов. Не до веселья и не до празднословия было ему: учение, канцелярия и самообразование отнимали у него все время и внимание. Хотя, конечно, в молодые годы трудно быть полным анахоретом, «срывался» и Иван. Сам он об этом пишет так: «Вспомнил я свою Санкт-Петербургскую академию и жизнь мою в стенах ее, которая была не безгрешна, хотя я был весьма благочестивым студентом, преданным Богу всем сердцем... Грехи мои состояли в том, что иногда в великие праздники я выпивал вина, и только один Бог хранил меня от беды, что я не попадался начальству Академии и не был выгнан из нее... Вы снизошли ко мне и не наказали меня соответственно вине моей и дали мне

* *Арсений (Жадановский), епископ.* Отец Иоанн Кронштадтский // Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев. М., 2004. С. 596.

** *Вениамин (Федченков), митрополит.* Отец Иоанн Кронштадтский. М., 2001. С. 63.

возможность окончить счастливо и получить академическую степень кандидата богословия и сан священника»*.

В свободное от занятий время Иван с упоением читал творения Отцов Церкви, особенно Иоанна Златоуста. Иногда, сидя за чтением его поучений, он вдруг начинал хлопать в ладоши святому Златоусту: до такой степени восхищали его красота и глубина ораторства великого христианского учителя. Первой и единственной книгой, которую он позволил себе купить в годы учебы на деньги, полученные за переписку профессорского сочинения, были толкования Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея. Можно даже сказать, что Иоанн Златоуст стал для него духовным руководителем, наставником, «старцем» на всю последующую его священническую деятельность. Из русских богословов студент Сергиев увлекался трудами митрополита Московского Филарета (Дроздова), которого называл «русским Златоустом» и глубоко почитал.

Быстро прошли три года учебы. Биографы пишут о случившемся у Ивана Сергиева на четвертом курсе коротком «духовно-нервном кризисе, выразившемся в приступах тяжелой, беспричинной тоски и отчаяния». Может, он был связан с тем, что вопреки ожиданиям его академические успехи были скромными? Как сам он признавал: «Едва ли не самый последний из студентов, бессловесен в классе и на экзаменах»**. Или с тем, что пора было определяться в будущей жизни и самостоятельной церковной деятельности? Одно время думал о принятии монашества и вступить на путь миссионерства где-то в далеком Китае, Японии или даже в Америке. Благо к тому были объективные обстоятельства и потребности Церкви, которая расширяла свое присутствие за пределами России, и везде требовались активные молодые подготовленные миссионерские кадры. Да и «технически» это было возможно. Тогда возрастной минимум для пострижения в монашество был установлен в 25 лет. Но в силу необходимости, чтобы восполнить «кадровый резерв» ученого монашества для воспроизводства епископата, бывали, и довольно часто, посвящения и в более раннем возрасте — лишь бы студент академии согласился.

Считается, что отказ от миссионерства во многом был связан со знакомством Ивана Сергиева с реальной петербургской религиозной жизнью. Он был поражен столичной разгульной жизнью, преобладанием везде и во всем «своих язычников», которые, и это было очевидно, нуждались в просвеще-

* *Арсений (Жадановский), епископ. Отец Иоанн Кронштадтский // Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев. С. 596.*

** Творения: Дневник. М., 2005. Т. 3. 1860–1861. С. 184.

нии христианском. Может, и так, но следует прислушаться и к тому, что пишет сам Иван Сергиев: «Прошел я три школы: низшую, среднюю и высшую (духовное училище, духовная семинария и духовная академия. — *М. О.*), постепенно образуя и развивая три душевные силы: разум, сердце и волю как образ тричастной, созданной по образу Святой Живоначальной Троицы, души. Высшая школа, коей присвоено название Духовной академии, имела на меня особое благотворное влияние. Богословские, философские, исторические и разные другие науки, широко и глубоко преподаваемые, уяснили и расширили мое мирозерцание, и я, Божией благодатию, стал входить в глубину благодати Божией; во мне развилось и окрепло религиозное чувство. Прочитав Библию с Евангелием и многие творения святителя Иоанна Златоуста, святителя Филарета Московского и других церковных витий, я почувствовал особенное влечение к званию священника и стал молить Господа, чтобы Он сподобил меня благодати священства и пастырства словесных овец». Миссия священнослужителя вдруг представилась ему чрезвычайно важной, высокой и ответственной: «Какое высокое достоинство, честь, счастье — молиться за людей, за это драгоценное стяжание и достояние Божие! С какою радостью, бодростью, усердием, любовью надо молиться Богу — Отцу человеков о людях Его!»*

Во время учебы в Санкт-Петербурге Иван любил прогуливаться по академическому саду и часто в «объятиях природы» совершал молитвенное правило. Однажды после такой прогулки ему приснился удивительно ясный — можно было разглядеть все детали и все подробности — сон. Увидел он себя в священнических ризах посреди огромного величественного собора. Вот он вошел в северные и вышел в южные врата алтаря. — Где я? — задался он вопросом. И ему было открыто, что он находится в соборе во имя святого Андрея Первозванного, в городе Кронштадте.

Студент Сергиев воспринял этот сон как указание свыше и принял для себя окончательное решение — избрать поприще приходского иерея, отдаться всецело этому делу. Но оставался неразрешенным вопрос о семье. Иван с детства видел, как трудно клирику на приходе совмещать служение Церкви Божией с заботами о семье. Он уже заранее страшился за тех, кто мог оказаться рядом с ним. Однако каноны церковные не разрешали неженатого посвящать в иереи моложе сорока лет. Возникал почти непреодолимый барьер. Именно тогда у Ива-

* Слово в день памяти преподобного отца нашего Иоанна Рыльского, 19 октября 1899 года // Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев. С. 24—25.

на зарождается мысль найти такую «матушку», которая согласилась бы на сохранение целомудренной жизни и после вступления в брак.

В сентябре 1855 года Иван Сергиев был причислен ко 2-му разряду академических воспитанников и после защиты диссертации «О кресте Христовом в обличение мнимых старообрядцев»* утвержден в степени кандидата богословия. В списке выпускников XXI курса выпуска 1855 года Сергиев оказался чуть ниже «серединки», под номером 35. Из однокурсников отца Иоанна, в будущем достигших церковных или светских высот, можно указать М. О. Кояловича – известного историка Западной Руси, доктора церковной истории; Д. А. Тихомирова – профессора Лесного института, прославившегося научно-литературными трудами; историка А. И. Предтеченского; известных протоиереев И. В. Толмачева и Д. П. Соколова, ставших членами Учебного комитета Святейшего синода; архиереев – Варлаама (Чернявского), Аркадия (Филонова) и Мемнона (Вишневского)**. К сожалению, никто из них не оставил сколь-либо существенных воспоминаний о своем сокурснике – Иване Ильиче Сергиеве, будто подтверждая этим, что был он среди самых «незаметных» студентов.

Лишь священник Н. Г. Георгиевский спустя время написал несколько строк, из которых явствует, что Иван Сергиев «отличался необыкновенной тихостью, редкой набожностью и смиренным характером». Добавляя, что «после обычной вечерней молитвы все мы, студенты, ложились спать, а он еще долго, стоя на коленях, молился перед иконой у самой кровати». Касаясь же отношения к «увеселениям», отметил: «Будучи не привязаны к внешней жизни, мы с о. Иоанном в течение всего академического курса ни одного раза не были ни на одной вечеринке, ни в одном театре, а все время проводили в чтении книг, нужных для сочинений»***.

Точно так же и Иван не вспоминал своих сокурсников, за весьма и весьма небольшое исключением, хотя судьба уготовит ему неоднократные встречи с ними, а к помощи некоторых он сам будет прибегать. Так, Варлаам (Чернявский) станет викарием Санкт-Петербургской епархии и примет участие в

* *Святой праведный Иоанн Кронштадтский. О Кресте Христовом. В обличение мнимых старообрядцев.* М., 2006.

** *Родосский А. Биографический словарь студентов первых 28 курсов Санкт-Петербургской Духовной академии. 1814—1869 гг.* СПб., 1907. С. LXIV, LXV.

*** *Вениамин (Федченков), митрополит. Отец Иоанн Кронштадтский.* М., 2001. С. 64.

освящении пристроек к расширяющемуся Андреевскому собору, свершавшихся в 1870-х годах.

Все же на страницах воспоминаний современников можно «открыть» удивительные примеры молитвенности и веры студента Ивана Сергиева. «Это было давно! Я тогда был студентом Духовной академии, — читаем мы воспоминания Д. Озерова, записавшего рассказ Иоанна Кронштадтского. — За несколько дней до 9 мая ко мне зашел мой товарищ по академии и сообщил мне горестную и ввергшую его в отчаяние весть, что совершенно и безнадежно оглох. Все врачи, к которым он обращался, объявили ему, что он не излечим. Я ему говорю: “А как же выпускные экзамены? Как же ты их будешь держать?” — Пишу ему на бумаге; он прочел и говорит: “Как же я могу держать экзамены, когда я ничего не слышу?” — И пишу ему на той же бумажке: “Приходи ко мне 8-го вечером, и мы всю ночь с тобой помолимся святителю Николаю Чудотворцу, затем отслужим литургию, молебен с акафистом”. Так мы и сделали, и мы вдвоем так молились, так просили, так убеждали Николая Угодника нам помочь, что после акафиста мой товарищ вдруг услышал, и мы друг друга поздравляли, плакали и обнимались. И он успешно выдержал все экзамены. Вот это событие я никогда 9 мая не забываю и всю жизнь благодарю угодника Божия за его помощь и заступление»*.

Завершились годы академические... Нужно было выбирать путь служения в миру, в обстоятельствах земной юдоли плача и печали... Иван должен был думать о себе, о своей церковной карьере сам. Не было у него богатых родственников, как не было «родного человечка» и среди иерархов. Близких и друзей среди влиятельных в церковном мире людей — тоже не было.

Не было и денег, чтобы искать в консисториях нужных людей, могущих «порадеть», а в противном случае и надеяться не на что было. Ибо в те годы, и это не было секретом, взяточничество, всякого рода должностные проступки и злоупотребления процветали во всех консисториях. Как писалось в одной из записок Николаю I: «Грабительство сделалось всеобщим». Всякое решение в пользу просителя обложено было податью, данью, которые нужно было платить консисторским чиновникам. Вымогательство процветало и в какой-то мере даже превосходило все то, что творилось в канцеляриях других ведомств.

Процветала в Церкви и семейственность. Каждый из архиереев стремился продвинуть на нужное и теплое местечко своих родных и семейственников: им доставались лучшие прихо-

* *Озеров Д. Отец Иоанн Кронштадтский // Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев. М., 2004. С. 423—424.*

ды, места в правлениях, консисториях, в архиерейской свите; их ожидали быстрое продвижение по карьерной лестнице, награды, почет, слава, деньги! Что говорить о «простых» архиереях, даже маститые из них не избежали этого. Митрополит Московский Филарет (Дроздов) протезировал отцу и мужу своей сестры. Митрополит Киевский Арсений (Москвин), уроженец Костромской губернии, приложил немало усилий, устраивая списком своих родственников на выгодных местах, напоминая местному епископу о знаках внимания и наградах для них. Епископ Иннокентий (Вениаминов) перевел своего сына из Иркутской семинарии в Петербургскую, а по окончании курса забрал его в свою епархию, дав сразу несколько оплачиваемых должностей. Будучи же переведен в Москву, привез с собой и сына, определив его на выгодное место, а затем и сделав протоиереем.

Решать надо было и другую, для молодого выпускника довольно сложную проблему: найти подругу жизни, так как получить священство можно было только в браке. Иван же никогда не уделял внимания розыску возможной супруги, нигде и никогда не был он замечен, как его товарищи по старшим курсам, в участии встреч, празднествах и прочих обстоятельствах, в которых молодые люди могли найти спутницу по жизни.

Оставалось надеяться на случай и помощь Божию... и она пришла. Как-то его буквально затащили на один из вечеров, традиционно устраиваемых в академии для выпускников, намеревавшихся принять священный сан. Здесь Иван познакомился с Елизаветой Константиновной Несвицкой. Она ему понравилась скромностью, духовностью, миловидностью.

Как выяснилось, Елизавета была старшей дочерью в семье протоиерея Константина Петровича Несвицкого, служившего многие годы в Дмитровском соборе города Гдова и одно время бывшего благочинным Гдовского уезда. Любимая родителями Лиза росла в патриархальной атмосфере строгого христианского благочестия. Воспитанием дочери занималась мать, Анна Петровна, которая прививала ей благоговейное отношение к Церкви и постоянно бывала с ней на богослужениях. Лиза с самого раннего детства росла серьезным, послушным, нежным и отзывчивым ребенком. Девочка рано научилась читать, с удовольствием помогала матери в домашних делах, нянчила и помогала воспитывать младших братьев и сестер. Родители дали дочери хорошее образование. Она владела иностранными языками, музицировала, пела. Обладая тонким художественным вкусом и трудолюбием, Елизавета, по старинной русской традиции, мастерски и с увлечением вышивала. Пелены

и платы, вышитые ею, были украшением храмов, где служил ее отец.

С 1848 года протоиерей Константин был переведен на новое место службы – ключарем Андреевского собора в Кронштадте. К этому времени в семье Несвицких было уже восемь детей. В 1855 году семью постигает большое горе – внезапно умирает супруга отца Константина – Анна Петровна*. Здоровье отца Константина, подорванное тяжелой утратой, резко ухудшается. Все заботы о детях падают на Елизавету Константиновну, которая старалась по мере сил заменить своей сестринской любовью и неусыпной заботой мать, вспоминая ее уроки воспитания.

Вскоре Иван сделал предложение Елизавете. По окончании учебы они обвенчались. Таким образом, путь во священники был открыт. 10 декабря 1855 года в Александро-Невской лавре епископом Винницким Макарием (Булгаковым) Иван Сергиев был рукоположен во дьякона, спустя два дня в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга епископом Ревельским Христофором (Эммаусским) – во иерея к кронштадтскому Андреевскому собору.

На основании известных и доступных нам сегодня источников мы можем уверенительно предполагать, что брак Ивана Сергиева и Елизаветы Несвицкой был браком по договору (по расчету). Это ни на кого из них никак не бросает тени осуждения – любовь и в прошлом, и в настоящем приходит не к каждому... а жить-то надо!

Для середины XIX столетия такой брак в священнической среде был обычным явлением, он помогал сохранять наследный порядок передачи замещения приходских должностей. Да, это имело негативное последствие – способствовало сохранению замкнутости духовного сословия, его обособлению от прочих сословий. Но православное духовенство упорно и настойчиво стремилось готовить своих сыновей себе в преемники, чтобы затем, при наличии добрых взаимоотношений с приходом, заранее добиться согласия на их избрание на должность причетника. Немаловажно, что это повышало и доход семьи, так как новые члены причта получали свою долю за совершение треб. Своевременно обеспечив сына должностью причетника и взяв его образование в свои руки, священник избавлял его от ненавистой семинарии. В возрасте 25 лет причетник становился нередко уже дьяконом. А в 30 лет, при благоприятных обстоятельствах, – вторым священником.

Сошлемся на мнение известного церковного историка

* Похоронена на Троицком (ныне – Кронштадтском) кладбище.

П. Знаменского, писавшего: «Без преувеличения можно сказать, что из всех лиц белого духовенства, поступивших на должности за последние 20—25 лет, едва ли найдется $\frac{1}{20}$ таких, которые поступили бы на совершенно свободные места, т. е. без всяких обязательств семейству предшественника или без взятия замуж девицы, за которой было предоставлено место»*.

Если же у священника были дочери, то он мог взять себе в помощники или уступить свое место зятю, то есть молодому священнику, женившемуся на его дочери. В таких случаях обращались с соответствующим прошением в епархиальное управление. Место, как правило, оставляли за дочерью, и оно играло роль «приданого». Все заинтересованные стороны: семья — обладатель места, претендент—жених, и епархиальная власть в лице архиерея — относились к заключению брака очень серьезно. Ясно, что о любви между молодыми людьми, вступающими в брак, речь не шла — всё было поставлено на деловую основу.

Намеревающийся жениться юноша обязан был обратиться за позволением к архиерею. В случае положительного решения выдавалось специальное свидетельство — билет на вступление в брак. Только после этого формальности считались улаженными и начиналась подготовка к свадьбе.

Но если в священнической среде такого рода отношения не осуждались и рассматривались как вполне допустимые и корректные, то в обществе можно было встретить и совсем иные точки зрения. К примеру, писатель В. В. Розанов воспринимал такой брак как «гнуснейший и открытый торг о приданом». В одной из своих работ он писал: «Священник будущей берет за невестою, смотря по тому, кончил ли он курс в семинарии или в духовной академии, от одной до пяти тысяч рублей и тщательно выговоренное вещественное приданое, платья шерстяные и шелковые, посуду чайную и столовую, серебряные ложки чайные и столовые (обеденные), мебель и проч.»**.

Итак, венчание и рукоположение во священники вводили Иоанна Сергиева во второе сословие в государстве Российском — православное духовенство. Это была самая многочисленная и игравшая в жизни народа важную роль группа. Священники помимо собственно религиозных выполняли и важные государственные функции: вели метрические книги и выдавали метрические свидетельства; оглашали официаль-

* Смолитч И. К. История Русской церкви. М., 1996. Кн. 8. Ч. 2. С. 326—327.

** Розанов В. В. Русская церковь // В темных религиозных лучах. М., 1994. С. 16.

ные документы; «предупреждали» и «пресекали» возможные волнения и заговоры, «предостерегая прихожан своих против ложных и вредных разглашений, утверждать в благонравии и повиновении господам своим». Закон требовал от духовника, еще с петровских времен, нарушать тайну исповеди и открывать властям, кто замышляет преступные действия, направленные против государства и особенно против монарха.

Выгоды пребывания в духовном сословии, помноженные на инерцию сознания, привели к обособленности православного духовенства. Если в Европе в XIX веке в католическом и протестантском мире только 20—30 процентов духовных лиц происходили из духовного сословия, то в России — почти все 100. Священно- и церковнослужительские должности превратились в своего рода наследственные профессии. Таким образом, там, где особенно нужно было призвание, существовало нечто в виде полудобровольной рекрутчины, в силу чего ряды молодых пастырей пополнялись людьми случайными, смотрящими на священный сан лишь как на доходное место. Естественно, это не служило укреплению авторитета духовенства.

Глава 2
МОРСКАЯ КРЕПОСТЬ НА БАЛТИКЕ

Содержать сию цитадель, с Божьей помощью, аще случится, до последнего человека. И когда неприятель захочет пробиться мимо оной, тогда стрелять, когда подойдет ближе, и не спешить стрельбою, но так стрелять, чтобы по выстрелении последней, первая паки была готова и чтоб ядер даром не терять.

Петр I

Кроншлот... Кронштадт – неприступная цитадель

Кронштадт, где суждено было служить Ивану Ильичу Сергиеву, место историческое, связанное с именем Петра Великого. Овеянное славными победами в длительной и тяжелой Северной войне, когда России удалось не только вернуть свои ранее утраченные исконные земли, но и прочно утвердиться на берегах Балтики. Однако «возвращенное» и «завоеванное» необходимо было надежно защитить, как и строящуюся новую столицу Российской империи – славный град Петров, Санкт-Петербург.

Осенью 1703 года шведы покинули Невскую губу, и Петр I сразу отправился в Финский залив для измерения глубин у острова Котлин*. Этот остров под названием «Ретусаари» – Крысиный остров, был известен с XIII века. В 1323–1617 годах он являлся пограничной межой между Россией и Швецией, а в 1617 году по Столбовскому мирному договору отошел к Швеции. В 1703 году в ходе Северной войны остров вновь оказался на российской территории.

Петр определил, что с севера и юга остров окружен валунами и мелями и корабли шведов смогут пройти к Петербургу только по узкому проливу. Царь велел рубить крепость-форт на небольшой отмели рядом с островом Котлин, чтобы

* О происхождении названия острова существует несколько версий. Согласно легенде, когда к его берегу подошла яхта Петра I, то солдаты шведского сторожевого отряда, увидев русский корабль, бросились в лодки и скрылись. Их бегство было столь поспешным, что на привале остался гореть костер, на котором в котле варилась еда. В некоторых современных публикациях указывается, что название «Котлин» могло произойти от слова «котловина», которым обозначалась Невская губа, которую закрывает остров.

заградить проход кораблей. С осени на острове был заготовлен материал для строительства, и в начале января 1704 года, когда лед встал, начались работы по возведению первого укрепления. Делали ряжи — деревянные ящики, которые наполняли камнем. Под своей тяжестью они опускались на дно и становились основанием крепости, построенной в виде десятигранника, где каждая грань имела длину — 9 метров, при наибольшей ширине в 29 метров, и с 14 пушками по периметру. Крепость, «мимо которой невозможно без препятствий ни одному кораблю в устье пройти», Петр назвал Кроншлот — Коронный замок.

Вскоре настало время испытания надежности Кроншлота. В июне 1704 года восьмидесятысячный шведский корпус пытался пробиться к Петербургу по суше и по морю. Вблизи Кроншлота появилась неприятельская эскадра, состоявшая из одного линейного корабля, пяти фрегатов и восьми небольших судов. Но шведов постигла двойная неудача: заградительный огонь орудий форта Кроншлота и батарей на острове Котлин сделал безуспешными действия сухопутных сил и кораблей неприятеля.

Вообще 1704 год ознаменовался новыми успехами русских войск в Прибалтике. Тогда удалось взять Нарву и Дерпт, оттеснить неприятеля к Ревелю и Риге. Но опасность утраты новых приобретений еще не миновала, и потому приходилось спешно укреплять остров Котлин, сооружая новые батареи.

В июне 1705 года 25 шведских кораблей вновь приблизились к Кроншлоту. Но на этот раз неприятель, успевший оценить силу огня его орудий, не пытался захватить форт, а направил усилия против оборонительных и прочих сооружений на острове Котлин. С шведских кораблей был открыт огонь по расположенным на острове русским батареям. Затем около полутора тысяч шведов высадились на острове, но русские солдаты дали им отпор. При этом иноземцы понесли ощутимые потери: 300 шведов было убито, 31 (в том числе два офицера) оказался в плену, а девять шлюпок было уничтожено. Не принесли неприятелям успеха и новые попытки атаковать русские укрепления. В августе того же года, когда шведский флот опять попытался пробиться в устье Невы, путь ему преградили русские военные корабли. Происшедший морской бой не дал очевидной победы той или другой стороне, поскольку кораблям пришлось разойтись ввиду разыгравшейся непогоды. Таким образом, и в 1705 году шведам не удалось прорваться через русские укрепления к Петербургу.

Почти два десятилетия спустя Петр I принимает решение заложить на острове Котлин «главную крепость». Импера-

торский указ гласил: «Его императорское величество изволит особую своею завтра пополудни во втором часу пойти в поход на Котлин остров, и указал в коллегиях объявить, чтобы в тот же поход идти коллегии президентам и всем коллежским советникам и ассессорам остаться в коллегиях; и в услышании сего подписаться». Событию было придано значение общегосударственного дела, что предопределило небывалую пышность церемонии.

Обстоятельства похода так описаны в «Походном журнале» Петра: «По сигналу 2 октября <1723 г.> у Троицкой пристани собрались все суда и тронулись в путь Невою. Ночевали в Галерной гавани. К вечеру 3-го пришли к Кроншлоту и стали у пристани против двора его величества. Их величества ночевали в новом каменном дворце, государь чертил на яхте укрепления Котлина, а потом был на работе и обрисовал место фортеции маленькими ровиками. Следующие два дня, т. е. 5 и 6 октября Петр тоже чертил, бывая на работах, но закладки нельзя было сделать, так как от сильного ветра вода поднялась и затопила место закладки. 7 октября в первом часу пополудни тремя выстрелами с Кроншлота дан был сигнал собраться на месте закладки, хотя был сильный дождь. Заложили таким образом: сперва был молебен с водоосвящением, и на молебне (крепость. — *М. О.*) именована “Кронштадт”*, а по молебне, наперед сам его величество изволил положить три дернины, потом ее величество государыня изволила положить три дернины, после того прочие все по одной дернине; и как положили все, то его величество угол обрезал, как быть больверку, а с Кроншлота учинена из пушек пальба. Затем солдатам был заложен погреб (то есть выкачены бочки с вином и пивом), а знатным господам подношено было по бокалу хорошего вина бургонского. На другой день все суда тронулись в обратный путь».

В последующие годы работы на острове Котлин интенсивно продолжались: сооружались гавани и канал, доки, заводы, мастерские, перестраивались батареи, возводились дополнительные укрепления, увеличивался гарнизон крепости и возрастало количество орудий, находившихся на островных батареях и на морских фортах. Разрастался и город, где проживали все те, кто обслуживал форты и крепость. С самого начала его строили по той же градостроительной модели, что и Петербург — широкие проспекты с дворцами. Сюда приглашали лучших петербургских архитекторов — среди них Чарлз Кэмерон и Василий Иванович Баженов. Сам император не менее

* Тогда же и возникший вблизи город получил то же наименование Кронштадт, что означает «Коронный город», или «Город-венец».

пятнадцати раз в год посещал свое детище — Кронштадт, оставаясь иногда в нем по нескольку дней. И все последующие главы Дома Романовых не ослабляли свое внимание к поддержке в боеготовности крепости Кронштадт, неоднократно посещали крепость и город и при этом неизменно участвовали в литургии в Андреевском соборе Кронштадта.

Спустя десятилетия побывавший здесь в 1794 году немецкий путешественник И. Г. Георги так описал Кронштадт: «Город занимает наиболее к востоку находящуюся часть острова, велик, с множеством хороших домов, церквями, публичными зданиями; но ради великого числа малых домов, пустых мест, немощеных, часто грязных улиц и прочего не имеет хорошего вида. Он многолюден и имеет также Немецкую и Английскую церковь, содержит не более 204 записанных мещан; прочие жители принадлежат по большей части к флотскому штату, к таможене, и многие суть не постоянные и на время токмо поселившиеся жители»*.

Сто лет спустя, в 1894 году, в Кронштадте вместе с войсками насчитывалось около пятидесяти тысяч человек. Еще более население города увеличивалось в судоходный период, когда прибывали до полутора тысяч иностранных судов, а перевозку грузов из Кронштадта в Петербург осуществляли более восьмисот судов. Имелось на острове более трех десятков всевозможных фабрик, заводов и мастерских морского ведомства и частных. Общий годовой доход города составлял 230 022 рубля, а расходы — 220 796 рублей.

Постепенно Кронштадт стал морской столицей Российской империи, основным местом базирования российского флота. Именно здесь были снаряжены чуть ли не все военно-морские экспедиции, известные по морским сражениям XVIII — начала XIX века в Балтийском и Средиземном морях: от Гангута (1714) до Наварина (1827). Из Кронштадта отправлялись в походы первая российская кругосветная экспедиция Крузенштерна и Лисянского; экспедиция Беллинсгаузена и Лазарева, впервые увидевшая Антарктиду, а также около пятидесяти других экспедиций. Здесь проходили службу известные адмиралы — Ф. Ф. Ушаков, М. П. Лазарев, В. А. Корнилов, П. С. Нахимов, С. О. Макаров.

В любой истории российского флота XVIII—XIX веков Кронштадт будет самым упоминаемым городом. В 1815 году здесь была открыта первая в России пароходная линия, соединившая Петербург и Кронштадт. В 1864 году в Кронштадте на

* *Георги И. Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного, с планом. СПб., 1996.

заводе Бритнева было построено первое в мире паровое судно ледокольного типа «Пайлот», плававшее зимой из Кронштадта в Ораниенбаум. В гавани Кронштадта проводил свои опыты с радиоволнами преподаватель физики Технического училища морского ведомства А. С. Попов.

С 1771 по 1798 год в Кронштадте располагался Морской кадетский корпус — «кузница» морских кадров, в котором учились выдающиеся российские флотоводцы — И. Ф. Крузенштерн, Ю. Ф. Лисянский, Ф. Ф. Беллинсгаузен, В. М. Головнин, Д. Н. Сенявин и многие, многие другие.

Кронштадт оказался связанным и с церковной историей. Здесь жили и служили на флоте представители рода Симанских, давшего Русской православной церкви патриарха Московского и всея Руси Алексия I (1945—1970).

Первым военным моряком в этом роду был Александр Лукич Симанский (1752—1810). Тринадцати лет он был определен в Морской корпус. В начале 1768 года получил звание гардемарина и совершил плавание на линейном корабле «Святая Екатерина» от Кронштадта до Ревеля (Таллина). В 1769 году он уже капрал, в 1770 году — сержант, в 1771 году — мичман, в 1775-м — лейтенант. Служил на фрегате «Дерись», на гребном флоте, на катере «Диспас», на котором ходил до острова Гогланд. В 1776 году ему пришлось проститься с Балтикой и принять назначение на фрегат «Григорий», который в 1777—1779 годах совершал плавания в Черном и Средиземном морях.

В 1780 году А. Л. Симанский вернулся в Кронштадт и был назначен командиром придворной яхты «Петергоф». Эту должность он занимал до конца 1781 года, причем получил в награду от императрицы Екатерины II золотую табакерку. Спустя год его направляют в Таганрог, он служит на кораблях Азовской флотилии и в 1785 году выходит в отставку в чине капитан-лейтенанта.

В годы Русско-турецкой войны 1787—1791 годов Александр Лукич возвращается на службу: его определяют на корвет «Ростислав» с приказом состоять флаг-офицером при адмирале В. Я. Чичагове; он участвовал в морских сражениях со шведским флотом в 1788—1790 годах, занимал должность флаг-капитана на базировавшейся в Кронштадте Гребной флотилии принца К. Нассау-Зигена. За проявленное мужество в морских сражениях награжден орденом Святого Владимира 4-й степени. В конце 1791 года Симанскому было приказано вернуться в Петербург. В 1794 году, командуя кораблем «Память “Евстафия”» в эскадре вице-адмирала Повалишина, совершил переход из Архангельска в Кронштадт. Здесь он

вплоть до 1801 года служит на разных должностях и произведен в вице-адмиралы.

В 1804 году Александр Лукич уволился с флота и поселился в Петербурге, где служил «по дворянским выборам» и был даже кандидатом в Сове́стный суд Санкт-Петербургской губернии. В столице отставному адмиралу принадлежало несколько домов, в силу чего его имя оказалось запечатлено на карте города: одна из петербургских улиц называлась «Симанская».

Трое сыновей А. Л. Симанского — Николай, Владимир, Лев — пошли по стопам отца и в различное время служили на флоте, защищали Кронштадт и устье реки Нарвы от англо-французского флота во время Восточной войны. А один из его правнуков — Иван Николаевич Симанский (1871—1896) по окончании Морского училища был награжден премией имени адмирала Нахимова за отличную учебу и в 1890 году проходил практику на Балтике на корвете «Скобелев». Мичман Симанский в 1891 году на корвете «Витязь» совершил переход из Кронштадта во Владивосток, где служил в течение нескольких лет. Он был участником картографической экспедиции к корейскому побережью. Его именем назван небольшой остров в Японском море — еще одно название острова Чон Чхо До. В 1894 году лейтенант Иван Симанский зачисляется в Морскую академию. Ему гарантирована блестящая карьера, но 1 июня 1896 года он скоропостижно умирает в Вильне.

...Одним из последних военных подвигов Кронштадтской крепости стали события Восточной (Крымской) войны (1853—1856). Из-за угрозы появления у острова вражеских эскадр были произведены ускоренные ремонтные работы, усилены береговые укрепления, установлены мощная артиллерия и подводные мины в прилегающей акватории. Корабли неприятелей безуспешно пытались выманить из кронштадтской бухты русский флот. Сами же англичане и французы так и не решились подступить к острову Котлин и высадить здесь десант. Не удалось им и разрушить Кронштадт при помощи бомбардировок. В марте 1856 года последовало заключение Парижского мирного договора, положившего конец Восточной войне.

Можно с гордостью утверждать, что за полтора века крепость-герой Кронштадт исполнила свое военно-историческое предназначение — ни один корабль неприятеля ни разу не прошел мимо Кронштадта к Неве, столичные рубежи были надежно защищены.

С момента возникновения Кронштадта его особенностью стал многонациональный и многоконфессиональный харак-

тер населения. Еще по указу Петра 1 от 1712 года сюда для строительства «фортеции и жилия на острове Котлине» были направлены работные люди со всей России, а для службы в российском военном флоте приглашались иностранцы. Приходившие в Кронштадт торговые и пассажирские суда также обслуживались людьми самых различных национальностей и верований. Жизнь, служба и работа этих людей немислимы были без духовенства и храмов различных религий. За время существования Кронштадта здесь было построено около восьмидесяти культовых сооружений: соборы, церкви, часовни, колокольни, молитвенные дома – как православные, так и иноверческие.

Первая православная деревянная церковь на Котлине была построена в 1706 году. Срубленная по приказу Петра I на Олонецкой верфи, она в разобранном виде была сплавлена по Неве и Финскому заливу к острову Котлин и собрана здесь в короткое время. Уже в июне состоялось ее торжественное освящение во имя Преображения Господня.

Вскоре появляются сразу несколько новых церквей. В их числе первая морская – Богоявленская в Морской слободе (на Горе). Ее возведение осуществлялось по указу Петра I, по проекту талантливого русского зодчего И. К. Коробова, российскими плотниками, столярами, резчиками и преимущественно на средства порта и пожертвования моряков. В 1731 году она была освящена. Церковь была деревянной, однопрестольной и в плане своем крестообразной. Ее высокая семярусная колокольня видна была даже из Петербурга и служила своеобразным ориентиром для кораблей. Морская Богоявленская церковь была очень известным и любимым моряками храмом. Здесь отмечались важнейшие события и даты, связанные с историей и повседневной жизнью флота России, служили молебны о морских победах и панихиды по погибшим морякам. В храме хранились морские реликвии и судовые иконы. Более ста лет простояла эта церковь, пока из-за ветхости своей не была в 1841 году разобрана.

Для духовного обслуживания чинов сухопутного крепостного гарнизона с середины XVIII века существовал единственный гарнизонный храм – деревянная церковь Владимирской иконы Божией Матери. В 1874 году во время большого пожара она сгорела. В 1875–1879 годах на ее месте по проекту архитектора Х. И. Грейфана был построен новый храм, который вмещал до трех тысяч молящихся. В нем находилась очень почитаемая Владимирская икона Божией Матери. В 1902 году церковь переосвятили в собор.

Конечно, число флотских и армейских православных хра-

мов в Кронштадте было значительным: действовали церкви при Морском и Сухопутном манежах, при флотских экипажах и пехотных полках, квартировавших в Кронштадте, при тюрьмах, госпитале, училищах, фортах и укреплениях, на кладбищах.

Первая городская церковь была построена в 1717 году. Средства на строительство выделил лично сподвижник Петра А. Д. Меншиков, а место для ее возведения было выбрано рядом с его дворцом. Освящена она была во имя святого апостола Андрея Первозванного, что не было случайностью — Андреевский флаг развевается на кораблях российского военноморского флота и является его символом. 13 июля 1718 года в присутствии Петра I храм был торжественно освящен. Именно здесь произошло знаменательное событие в истории российского флота — впервые был совершен чин освящения Андреевского флага. Флаг этот был поднят над кораблем «Святитель Николай» и фрегатом «Орел». В 1720 году собор становится главным храмом на острове Котлин, окормлявшим и гражданское население, и моряков.

В 1742 году за ветхостью храм был разобран. Полвека спустя, в 1804 году, архитектор Ч. Камерон составляет проект нового каменного собора. Заложен он был 20 июня 1805 года в присутствии императора Александра I и его свиты. Освятил это событие митрополит Петербургский и Новгородский Амвросий (Подобедов). Храм строился под руководством главного архитектора морского ведомства А. Д. Захарова. В плане своем собор имел вид корабля, где колокольня высотой в 27 саженей должна была представлять собой мачту, что вполне соответствовало обстоятельствам дела — его строили в городе-порте для моряков, отечеством которых, выражаясь фигурально, был корабль. Освящение храма было совершено 26 августа 1817 года епископом Филаретом (Дроздовым), только что, в начале месяца, хиротонисанным и назначенным епископом Ревельским, викарием Санкт-Петербургской епархии.

До 1852 года собор оставался без всяких переделок. Но в последующем ему пришлось трижды быть перестроенным. В первый раз под началом архитектора Р. К. Кузьмина и при участии архитектора В. В. Виндельбандта собор был расширен. Необходимость этих работ оправдывалась «заботою о благолепии храма и душах прихожан». Но, скорее всего, дело в более прозаических вещах. Количество населения в Кронштадте заметно возросло, и необходимо было увеличить «пропускную способность» церкви за счет дополнительных приделов, где можно было бы служить литургии, совершать обряды. Строительство велось без остановки, невзирая на начавшую-

ся в 1853 году Восточную войну. В новых пристройках, которые попутно уничтожили и прежний захарьевский иконостас, устроены были приделы: в правом — во имя апостолов Петра и Павла, а в левом — во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Храм стал трехпрестольным и в своей основе — крестообразным. Освящение главного престола было совершено 19 марта 1855 года местным духовенством в присутствии великого князя генерал-адмирала Константина Николаевича.

Андреевский собор был главным храмом для гражданского населения Кронштадта. Здесь хранилось множество святынь, среди которых крест с частицей мощей святого апостола Андрея Первозванного, Андреевская лента, полученная Петром за взятие в 1703 году на бордаж шведских судов в Финском заливе, костяной образ святого Андрея Первозванного, сделанный самим Петром.

Одновременно в Кронштадте имелось немало инославных и иноверческих храмов. Одним из первых, еще в 1707 году, в исторических документах упоминается евангелическая лютеранская церковь во имя святой Елизаветы, которая находилась в доме адмирала К. И. Крюйса. Затем на Петербургской площади была построена деревянная церковь, сгоревшая в 1833 году. На ее месте, по проекту архитектора Э. Анерта, в 1834—1836 годах была выстроена каменная церковь*. Рядом с церковью Святой Елизаветы в 1868 году была построена новая лютеранская церковь Святителя Николая**.

Первая католическая часовня была освящена во имя апостолов Петра и Павла в 1797 году. В 1837 году по высочайшему повелению императора Николая I начинается строительство каменного костела на углу Николаевского проспекта и Кронштадтской улицы. 6 августа 1850 года, после полного завершения работ, было совершено его торжественное освящение, хотя служба здесь велась уже с октября 1843 года. Здание — круглое в плане, вход украшал четырехколонный коринфский портик. На хорах был установлен одиннадцатирегистровый орган***.

Одними из первых иностранных людей, занимающихся торговыми делами в Кронштадте, оказались англичане. Много их служило и на российском флоте. Уже в 1737 году в Кронштадте существовала англиканская церковь, которая действовала до начала XX века, занимая различные здания.

С 1903 года в Кронштадте существовала домовая старообрядческая молельня — церковь во имя Казанской иконы Бо-

* Была закрыта в 1925 году. Сейчас в этом здании находятся производственные помещения водоканала.

** Здание разрушено в 1930-х годах.

*** Здание разрушено в декабре 1941 года.

жией Матери и устроена она была в квартире купчихи Коноваловой в доме 12 на Сайдашной (Велешинского) улице. Ее посещали чины морского и сухопутного ведомств, портовые мастеровые и рабочие*.

Существовала в Кронштадте и мечеть, поскольку мусульмане служили в морском и сухопутном ведомствах, постоянно проживали в городе или приезжали на сезонные работы. Мечеть располагалась в одном из деревянных домов морского ведомства на углу улиц Петербургской и Чеботаревой (Комсомола)**. Был даже подготовлен проект строительства соборной мечети в Кронштадте, но он так и не был осуществлен.

В разное время вблизи Петербургских ворот, затем на Посадской и Флотской улицах была устроена небольшая домовая синагога.

Конечно же многонациональность Кронштадта привела к появлению не только храмов, но и кладбищ по национальной и вероисповедной принадлежности. На рубеже XIX—XX веков действовали семь кладбищ: два православных — городское и военное; два лютеранских, а также католическое, еврейское и магометанское. При них действовали церкви и часовни. Дошедший до нашего времени Кронштадтский некрополь имеет большое историко-культурное значение.

Нельзя умолчать и о том, что Кронштадт с момента своего зарождения стал местом ссылки «неблагонадежных» и «провинившихся» по службе матросов и солдат. По ощущению современников, это была какая-то сплошная убийственно однообразная казарма. Едва ли где людям приходилось столько страдать, как в Кронштадте. Здесь находился дисциплинарный батальон, в котором подвергались утонченной душевной и физической пытке матросы, зачисленные в «разряд штрафованных», то есть фактически поставленные вне закона. Царский дисциплинарный устав разрешал подвергать их даже телесному наказанию, в то время как телесные наказания были повсеместно отменены еще в 1864 году. В Кронштадте имелось не одно, а целых пять мест тюремного заключения, не считая многочисленных казарменных карцеров.

Когда начальство списывало матросов с кораблей и отправляло их в Кронштадт, они рассматривали это назначение как самое тяжкое административное наказание. В их представлении остров Котлин был так же ненавистен, как остров Сахалин — мрачное убежище ссыльных и каторжан. К этому добавлялся и тот факт, что правительство ссылало в Кронштадт убийц, во-

* Храм был закрыт в июне 1927 года.

** Мусульманская община прекратила свое существование в 1929 году.

ров и прочих уголовных преступников, от которых таким образом ограждался столичный люд. Жизнь ссыльных была ужасна. «Темнота, грязь, грех, — писал современник, — здесь даже семи-летний становился развратником и грабителем».

Выстроенный и заселенный по царскому указу город, хотя и построен был лучшими архитекторами, но из-за своего островного положения долгие годы оставался для населения гибельным местом. И причина не только в его изолированности, а и в неумении распорядиться свободным временем людей, для которых дом — это морской кубрик с казенной койкой и пищей. Мужчины, уставшие от военной службы со строгим распорядком дня, ночных вахт и частых экстремальных ситуаций, на берегу пускались, что называется, во все тяжкие. В свои нечастые увольнительные дни и часы засиживались они в питейных и ночных заведениях. В. П. Невельской, беллетрист и автор «Путевых записок от Санкт-Петербурга до Кронштадта и обратно», изданных в 1865 году, задавшись целью подсчитать, сколько в Кронштадте питейных заведений, насчитал их «что-то чересчур много — кажись, до 200».

В периоды ледохода и ледостава Котлин был совершенно отрезан от мира. Газета «Кронштадтский вестник» писала: «Кронштадт периодически по два раза в год подвергается осадному положению, налагаемому на него природою». Порт замирал, и тысячи людей полгода бедствовали, перебивались случайными заработками, ждали помощи благотворительных обществ. К тому же и жить-то им особо было негде — неприглядные деревянные домишки на окраине города становились местом их обитания.

К этим бедам добавлялись нехватка и дороговизна продуктов. В тех же «Путевых записках» В. П. Невельской отмечал, что «огурцы в Кронштадте ценою наравне с апельсинами в Петербурге». Отсутствовала на острове в достаточном объеме и должного качества питьевая вода: колодезная была бурой и мутной, а морская — солоноватой. В городе часто вспыхивали эпидемии. После одной из них пришлось открыть отдельный сиротский дом исключительно для детей, потерявших родителей.

**Адмирал Макаров:
«морской волк» и верный сын Православной церкви**

Получая назначение в Кронштадт, Иван Ильич Сергиев не мог и предполагать, что вся его пастырская и человеческая жизнь отныне неразрывно, более чем на полвека, будет свя-

зана с Кронштадтом; что в течение десятилетий он будет соединен узами сотрудничества, совместных дел, горестных и радостных, наконец, простой человеческой дружбы со многими видными деятелями русского флота. Среди них: начальник главного управления кораблестроения и снабжения вице-адмирал Владимир Павлович Верховский — «старый друг юности и бывший смиренный сополитвенник»; адмирал Константин Николаевич Посьет, кавалер почти всех высших российских орденов и орденов многих других стран, автор хорошо известного всем морякам сочинения «Вооружение военных судов», инициатор известного в свое время периодического издания «Морской сборник»; и, наконец, Степан Осипович Макаров.

История российского флота не может быть представлена без славного имени одного из выдающихся его сынов — Степана Осиповича Макарова. Многогранная деятельность Макарова — мореход, океанограф, полярный исследователь, кораблестроитель — органично включает в себя и многие годы его жизни и деятельности на Балтийском флоте, в Кронштадте. Естественно, что просто не могло не состояться его знакомство с Иваном Ильичом Сергиевым. Многочисленные архивные документы и материалы, ставшие известными в последние годы, публикация забытых и полузабытых свидетельств той ушедшей эпохи дают нам основание считать, что это знакомство не было «шапочным», эти два человека действительно тянулись друг к другу не только «по службе, но и по дружбе», и оказывали благотворное влияние друг на друга.

Впервые восемнадцатилетний Степан Макаров — штурман корвета «Аскольд» — оказался в Кронштадте, куда он прибыл с Дальнего Востока в 1867 году. Хотя для военных моряков, находившихся в крепости, предназначалась Богоявленская церковь, но многие из них посещали и иные православные храмы. Мы не знаем и нет каких-либо утвердительных документов, но вполне возможно, что С. Макаров посещал и Андреевский собор, где к тому времени уже 12 лет служил набиравший известность отец Иоанн Сергиев.

С. О. Макаров, будучи чрезвычайно любознательным человеком, во всех своих морских походах много внимания уделял ознакомлению с религией народов стран, где ему доводилось бывать. В 1886—1889 годах, совершая кругосветное плавание на корвете «Витязь», он заинтересовался положением православия в Японии и даже издал небольшую брошюрку «Православие в Японии» (1889). В ней он задается вопросом: а какая из религий наиболее соответствует государственным интересам Японии? И дает ответ — православие, которое, по его мнению, в отличие от католицизма не влечет за собой подчи-

нения духовному вождю, проживающему за пределами страны; а в отличие от протестантизма не ведет к «распадению на секты» и всемерно помогает делу объединения государства. «Православие, — пишет Макаров, — может дать Японии живую внутреннюю силу и упрочит в ней консервативные принципы, столь необходимые для прочности ее благосостояния в будущем».

Такой подход объясняет, почему Макаров столь активно помогал православному делу в Японии, везде и всегда ища жертвователей на нужды тамошней Православной миссии и строительство храма Воскресения Христова в Токио. Пока трудно установить, где, когда и при каких обстоятельствах состоялось знакомство Макарова и Иоанна Сергиева, но это случилось. Свидетельством тому можно считать письмо от 10 (22) января 1890 года начальника Русской духовной миссии в Японии, епископа Ревельского Николая (Касаткина). В нем он благодарит Макарова за хлопоты по сбору денег на православный собор в Токио, за предоставление имен людей, откликнувшихся на его обращение, а среди них оказался и отец Иоанн, перечисливший 500 рублей*.

Определенно, опираясь на факты и документы, мы можем говорить, что судьба свела вместе С. О. Макарова и Иоанна Кронштадтского во второй половине 1890-х годов. В канун нового, 1896 года Макаров получил назначение на должность старшего флагмана 1-й флотской дивизии на Балтике. Известие это застало его в Гонконге: здесь стоял на ремонте в доке броненосец «Николай I», на котором он служил. 11 января 1896 года Макаров в качестве обычного пассажира рейсового парохода, что было весьма для него непривычно, направился на родину, на новое место службы — в Кронштадт. Путь предстоял неблизкий, почти равный кругосветному путешествию — через Тихий океан, самый большой по площади и глубине на Земле, до Американского континента. Пересекая бурно развивавшиеся тогда Северо-Американские Соединенные Штаты с запада на восток, от Сан-Франциско до Нью-Йорка, Макаров стремился увидеть и познать всё, что могло бы пригодиться для развития российского флота. Особое впечатление произвела на него работа американских ледоколов на Великих озерах, где он побывал в феврале, в самый разгар зимы. Несколько сравнительно небольших ледоколов обеспечивали круглогодичное оживленное судоходство.

В те годы, казалось, весь мир сошел с ума от фантастической идеи достижения Северного полюса, а имя норвежского ученого Фритьофа Нансена, одного из первых, кто попы-

* Гузанов В. Ваш слуга и богомолец... М., 2003. С. 90.

тался это осуществить, известно было во всех уголках земного шара.

Для Макарова было абсолютно ясным и понятным, что Россия, «выходящая фасадом к Северному ледовитому океану», должна быть впереди всех стран по изучению и освоению Севера. Прибыв в Кронштадт, он подает 9 января 1897 года обстоятельную записку на имя управляющего Морским министерством вице-адмирала П. П. Тыртова. В ней содержалась подробная программа освоения Северного морского пути с помощью ледоколов. «Большой ледокол, — писал Макаров, — мог бы сослужить огромную службу в Ледовитом океане для поддержания сообщения с реками Обь и Енисей и для поддержания всяческих работ в этих местах как по задачам коммерческим, так и научным... Полагаю, — добавлял он, — что содержание большого ледокола на Ледовитом океане может иметь и стратегическое значение, дав возможность нам при нужде передвинуть флот в Тихий океан кратчайшим и безопаснейшим в военном отношении путем». Но понимания в министерстве он не нашел, а потому ему отказано было в выделении денежных средств и судов*.

Сейчас, по прошествии ста с лишним лет, совершенно очевидно, что три практические цели, сформулированные Макаровым: исследование Ледовитого океана; регулярное пароходное сообщение с Обью и Енисеем в летнее время; открытие зимней навигации в Петербурге — были абсолютно реальны уже в ту пору, то есть вполне технически осуществимы, экономически и стратегически выгодны. Дело было за малым: нужно было построить хотя бы один мощный ледокол. Увы, собрать необходимые по первоначальной прикидке полтора миллиона рублей для отдельных энтузиастов было задачей невыполнимой.

Выручить могла только государственная казна, которой де-факто распоряжался министр финансов С. Ю. Витте. Человек практичный, он привлекал для консультаций по наиболее сложным вопросам видных российских ученых. Один из них, Д. И. Менделеев, поведал всесильному министру о «ледокольном проекте». В ходе встречи с С. Ю. Витте в течение двух с половиной часов Макаров давал пояснения. При этом он, следуя предусмотрительному совету Менделеева, ни словом не помянул о намерении покорить Северный полюс, а делал упор на практические выгоды освоения морских сообщений с Сибирью. Единственным видимым и практическим результатом встречи было то, что в распоряжение адмирала предоста-

* *Петров Г. Ф.* Кронштадт. Рассказ из истории города от его основания до наших дней. Л., 1971. С. 89.

вили небольшой пароход с разрешением провести кратковременную экспедицию к устьям сибирских рек.

Не дожидаясь, пока его корабль окончательно закончит снаряжение, адмирал отправился в Швецию и Норвегию, чтобы встретиться с тамошними моряками, имевшими большой опыт плавания в полярных водах. На норвежских кораблях он совершил несколько коротких плаваний в северных водах, ухитрился даже забраться на Шпицберген.

12 августа 1897 года С. О. Макаров вступил на борт небольшого парохода, который отходил из норвежского порта Варде к берегам Енисея с караваном судов английских купцов. И тут-то всех ждал сюрприз — на борту кораблика красовалось название: «Иоанн Кронштадтский». Хозяин судна иркутский купец А. Немчинов приобрел его у англичан и планировал переправить на Байкал. Рассказывают, что новое имя кораблю дал С. О. Макаров в честь Иоанна Кронштадтского — это одно из первых зримых подтверждений уже имевшихся между ними прочных связей: моряки просто так наименование кораблю не дают.

Экспедиция проходила в обстановке, необычайно удачной для движения судов: в навигацию 1897 года условия плавания в арктических морях были на редкость благоприятны: льды отступили далеко на север, и караван за очень короткий срок без всяких помех дошел до устья Енисея. Макаров был, видимо, единственным человеком среди всех участников плавания, которого удручало подобное положение дел. И понятно: никакого опыта прохождения через ледовое пространство он не приобрел. Пришлось на сей раз довольствоваться лишь рассказами, полученными, правда, от бывалых полярников. Путешествие через Северный Ледовитый океан завершилось для Макарова поездкой по великой сибирской реке: от Енисейска до Красноярска. По пути останавливались в Томске, Тобольске, Тюмени и в некоторых других сибирских местностях, и всюду Макаров тормозил купцов, раскрывая перед ними перспективы судоходства после прихода к устью Енисея мощного ледокола и морских грузовых пароходов, рассказывая о будущем первом российском ледоколе. 19 сентября Макаров вернулся в Петербург, а «крестника» адмирала, оставшегося в Сибири, ждала долгая и славная история*.

*«Иоанн Кронштадтский», преодолев по специальному рельсовому пути, берегом, непроходимые Падунские (Братские) пороги, прибыл на озеро Байкал, где проработал десять лет. Осенью 1907 года у вдовы купца Немчинова судно приобрели два ленских рыботорговца — Миндалевич и Чепкасов, доставив его в расклепанном на две части виде на лошадях по Малышовскому тракту в Жигалово на Лену, где он к весне следующего года был собран и спущен на воду с новым названием «Север».

Тем временем общественное движение в пользу освоения Северного морского пути приобрело в России поистине общенациональный размах. Об этом писала пресса, множество граждан со всех концов страны сообщали Макарову или в редакции газет о своей поддержке. В ноябре 1897 года пришло долгожданное сообщение и от Витте: император дал согласие на ассигнование трех миллионов рублей на строительство мощного ледокола.

В ту пору в России гражданское судостроение развивалось гораздо слабее. Вот почему заказ пришлось отдать известной британской судостроительной фирме «Армстронг и Витворт». В канун нового, 1898 года Макаров подписал договор на строительство ледокола, которому было дано название «Ермак» — в честь знаменитого казака, покорителя Сибири.

Судя по всему, отец Иоанн был не только посвящен в эту драматическую историю, но и выказал свою духовную поддержку смелому начинанию Макарова. В дневнике вице-адмирала читаем: «Еще до моего отправления в Англию для приемки ледокола отец Иоанн Кронштадтский прислал мне благословение и образа Божией Матери и св. Феодосия. Образа эти установлены были на свои места при самой постройке ледокола». Друг и последователь Макарова Ф. Ф. Врангель уточняет, что эти иконы находились в салоне 1-го класса и в каюте самого вице-адмирала*.

О том, насколько важным для Макарова и всей команды ледокола был подарок отца Иоанна, можно судить по заметкам Степана Осиповича в книге «Рассуждения по вопросам мор-

В 1912 году, окончательно разорившись, незадачливые паромщики пустили судно с молотка. Новый владелец, якутский миллионер П. Кушнарв, переименовав его в «Полярный», сменил котлы, поставил новую высокую надстройку. Беспокойным оказался для хозяина экипаж его мощного парохода: в этом же году прошла самая крупная на Лене забастовка, охватившая речников и рабочих с «Лены», «Соболя», «Михаила». Экипажи протестовали против Ленского расстрела, требовали увеличения зарплаты, а матросы с «Полярного» — еще и увольнения помощника капитана, «прославившегося» неоднократными избиениями речников. В 1920 году, оставив пароход новым владельцам, Кушнарв сбежал за границу, а в 1922 году «Полярный», одетый в «броню» из двух слоев досок, просыпанных щебнем, принимал участие в установлении советской власти в Якутии. С 1931 года его переименовали в честь знаменитого в Якутии летчика О. Кальвица, погибшего при выполнении важного задания у поселка Сангар-Хая. На протяжении еще полутора десятков лет этот пароход можно было встретить в низовьях реки, среди многочисленных протоков дельты Лены, в бухте Тикси. Он был списан лишь в 1948 году, оставив после себя заметный след в истории флота.

* *Врангель Ф. Ф.* Вице-адмирал Степан Осипович Макаров. Биографический очерк. Ч. 2. СПб., 1911. С. 249.

ской тактики» (1897): «Дело духовной жизни корабля есть дело первостепенной важности, и каждый из служащих, начиная от адмирала и кончая матросом, имеет в нем долю участия»*.

Информацию о встречах Макарова и Иоанна Кронштадтского в эти годы можно обнаружить и в газете «Котлин». Так, 20 октября 1898 года сообщалось, что С. О. Макаров, временно исполнявший в то время обязанности командира порта и военного губернатора Кронштадта, присутствовал на праздновании дня ангела Иоанна Ильича Сергиева и произнес следующее приветствие: «От города Кронштадта и проживающих в нем моряков поздравляю Вас, высокочтимый отец Иоанн, с днем Вашего ангела и желаю Вам здоровья и сил, чтобы по-прежнему нести тяжелый крест, который по воле Божией достался на Вашу долю».

Степан Осипович, всю жизнь ведший личный дневник, поместил эту заметку между страниц дневника, а там, среди других записей за 1898 год нередко встречаются и такие: «Был на молебствии в Андреевском Кронштадтском соборе». Барон Ф. Ф. Врангель в своей книге о Макарове отмечает, что близкая дружба, связывавшая С. О. Макарова с отцом Иоанном, значительно помогала вице-адмиралу в делах благотворительности и управления городом.

В феврале 1899 года Макаров вновь в Англии, чтобы принять построенный ледокол. После завершения всех официальных процедур на «Ермаке» поднят российский коммерческий флаг, и корабль взял курс на родину. Утром 1 марта Макаров, стоя на мостике «Ермака», с волнением наблюдал, как приближается кромка сплошного льда — в том году в Финском заливе образовался необыкновенно тяжелый, толщиной до метра, лед.

Все тоньше и тоньше делается просвет чистой воды между носом корабля и неподвижным ледяным полем. Сможет ли «Ермак» выполнить свою задачу? Хватит ли сил у машин? Выдержит ли корпус? И вот настал миг первого испытания. Легкий толчок — и могучий корабль плавно продолжил свое движение среди ледяного покрова. Треск и скрежет ломаемых льдин не заглушили горячего «ура!», прогремевшего над «Ермаком». Некоторое время ледокол продвигался очень легко и со сравнительно большой скоростью — 7 узлов (13 километров в час). Но в районе острова Гогланд корабль неожиданно остановился: ледяное поле, лежащее перед ним, оказалось слишком тяжелым. Пришлось обойти это труднопроходимое место.

* Макаров С. О. Мир не вечен...: «Рассуждения по вопросам морской тактики» и другие сочинения адмирала С. О. Макарова. СПб., 1997. С. 110.

Два дня «Ермак» уверенно и спокойно двигался через замерзший залив к Кронштадту. Оказалось, ледяная поверхность отнюдь не пустынна, напротив, множество рыбаков занимались тут своим промыслом. На льду чернели их кибитки, сани, запряженные лошадьми. Увидев такое чудо — пароход, шедший по льду, рыбаки оставили свои снасти и бросились к «Ермаку». С криками «ура!» иные по несколько верст бежали за ледоколом, наблюдая, как он работает. Около Толбухина маяка, недалеко от Кронштадта, на корабль прибыл лоцман, подъехавший к борту корабля на лошади, — удивительное зрелище!

Кронштадт, получив известие о приближении «Ермака», жил в волнении: сумеет ли ледокол пробиться через ледяные поля или нет? И вот корабль оказался в непосредственной близости от острова. Население вышло навстречу медленно подходившему ледоколу. Рота Каспийского полка на лыжах первой приблизилась к «Ермаку». Под крики «ура!» и общие восторженные поздравления всю роту взяли на борт корабля.

А в Кронштадтской гавани было черным-черно от людей, высыпавших на лед. Корабль окружили толпы народа: многие выехали на лед на санях, а некоторые энтузиасты даже на велосипедах. В кают-компаниях «Ермака» было тесно от большого числа важных гостей.

Уверенно, как на смотру, «Ермак» вошел в замерзшую гавань, оставляя за собой ровную полосу темной воды, покрытую кусками разбитого льда. За 200 лет существования Кронштадта «Ермак» был первым судном, которое вошло в гавань в это время года. В порту гремели оркестры, раздавались крики «ура!». На мостике стоял высокий человек в штатском пальто и меховой шапке, с густой черной бородой — Макаров. В этот день — 4 марта 1899 года — он записал в своем дневнике: «Все благополучно и эффектно...» Это был триумф России, триумф русского адмирала, триумф русского человека!

Момент российской славы уловила и пишущая братия. Не случайно газета «Котлин», рассказывая о восторженной встрече «Ермака», писала: «В каждом из присутствующих невольно поднималось чувство гордости за нас, русских». Со всех концов России в Кронштадт шли и шли многочисленные телеграммы с поздравлениями: «Лед, запирающий Петербург, Вы победили, поздравляю, — говорилось в одной из них. — Жду такого же успеха в полярных льдах! — и подпись: — Профессор Менделеев».

7 марта, в воскресный день, ледокол посетил Иоанн Кронштадтский. Он отслужил молебен и прочел составленную им молитву: «Ты, Премудрый и Преславный во всех делах, Госпо-

ди, ныне новый и дивный путь льдами безмерными проходи-ти устроил еси через сие судно, движимое огнем и силою пара, умудрив и на сие дело человека, созданного Тобою по образу Твоея безмерная мудрости! Приими ныне от рабов Твоих, предстоящих zde Лицу Твоему и дивное плавание во льдах совершивших благополучно, кроме всякого вреда, благодарение всесердечное о милости Твоей, яко умудрил еси рабов Твоих и создати таковое судно, и препроводити доселе рукою твоею крепкою, яко Твоя есть держава, Твое царство и сила, и слава, и мудрость во всех во веки веков. Аминь».

Слова восторженной хвалы и славословия Богу за мудрость и силу, которой Он одарил человека, говорят о том, что отцу Иоанну была известна вся серьезность и рискованность ситуации с первым рейсом ледокола. В связи с этим понятно, почему молитва отца Иоанна произвела на всех глубокое впечатление. Впоследствии она была выгравирована на киоте одной из икон, подаренных команде ледокола.

Макаров собирался сразу же следовать в столицу, но ему срочно пришлось менять планы. Неожиданно поступило тревожное известие: в районе Ревеля (Таллин) 11 пароходов затерты льдами и терпят бедствие. Помощь требовалась немедленно. «Ермак» пересек замерзший Финский залив, теперь уже в обратном направлении. Мощный ледокол за полчаса освободил корабли из плена. Он вошел в Ревель, ведя за собой, как на параде, все 11 спасенных пароходов. И вновь толпы восторженных людей, оркестры, депутации...

4 апреля в два часа дня «Ермак», легко сломав невский лед, стал около Николаевского моста. Просторные набережные были запружены людьми — весь Петербург вышел встречать Макарова. И опять «ура!», опять музыка. Торжественно спустили трап на столичный берег. Первым поднялся на борт ледокола грузный, сильно располневший человек в дорогой шубе и шапке; лицо его расплывалось в улыбке, но маленькие глаза смотрели спокойно и внимательно — статс-секретарь Витте самолично явился поздравить Макарова-победителя.

«Ермак» быстро завоевал признание на Балтике, выручив из ледового плена несколько караванов судов. Затем отправился к Шпицбергену и Новой Земле, достиг 81-го градуса северной широты. Но из похода в Арктику «Ермак» вернулся с тяжелыми повреждениями. Царь запретил вести с его помощью научные исследования в Арктике, и «Ермак» превратился в кронштадтский портовый ледокол*.

* В советское время ледокол «Ермак» обеспечивал перевозки грузов на Балтике, в Арктике и Белом море. В годы Великой Отечественной войны на него установили два 102-мм, четыре 76-мм орудия, четыре 45-мм

6 декабря 1899 года вице-адмирал Макаров был назначен главным командиром Кронштадтского порта и военным губернатором этого города-крепости. Новая должность считалась не только высокой, но и весьма почетной. Он получил особняк, яхту, собственный выезд, содержащиеся «от казны». Хлопот по новой должности также было предостаточно. Кронштадт в ту пору служил главной базой Балтийского флота. Здесь с полной нагрузкой работали большой порт, доки, ремонтные заводы; находились склады и арсеналы; проходили подготовку и обучение большие контингенты моряков. На острове Котлин располагались батареи мощной морской артиллерии и форты, защищавшие подходы к русской столице. Все это требовало каждодневного внимания. К тому же Макарову как военному губернатору Кронштадта приходилось заниматься и чисто гражданскими делами: на маленьком острове проживало несколько десятков тысяч человек, и у каждого свои беды, свои заботы.

Степан Осипович очень много сделал для усовершенствования порта, крепости и самого города. Неустанное трудолюбие адмирала наглядно проявляется при знакомстве с его записными книжками, где в деталях отражена его повседневная жизнь: кого, когда и по каким вопросам принимал, в каких комиссиях и заседаниях участвовал, что именно обсуждалось, каковы были мнения присутствующих и его самого. Аккуратно записывал, где, перед кем и по каким вопросам выступал с докладами. Перечень этих поистине бесконечных дел и забот производит особенно сильное впечатление потому, что перед нами не официальный реестр, а черновые записи «для себя».

Как он мог все успевать? «Секрет» раскрывается, если обратиться к его ежедневному распорядку дня. Ровно в восемь часов в доме звучал низкий, бархатный бас: «Подъем! Подъем!» Макаров появлялся в детской и громко хлопал в ладоши, повторяя: «Подъем!» И не уходил, пока дети не поднимались, причем строго требовал от них вставать быстро и без хныканья. Строгости не касались лишь одного человека в доме — жены, Капитолины Николаевны.

зенитных орудия, четыре пулемета. Он участвовал в эвакуации гарнизона полуострова Ханко и островов Финского залива, проводил корабли для обстрела позиций врага, выводил на боевые позиции подводные лодки. В 1949 году, в связи с полувековым юбилеем, «Ермак» был награжден орденом Ленина (за боевую деятельность в годы Великой Отечественной войны и освоение Северного морского пути). В 1963 году ледокол был списан, попытки сохранить его как памятник-музей успеха не имели и в следующем году он пошел на слом. В 1965 году на стене здания Мурманского областного краеведческого музея был открыт памятник-мемориал — мозаичное панно с якорем, снятым с «Ермака», на постаменте. В 1974 году на смену «Ермаку» в плавание вышел новый ледокол с таким же именем.

В 8 часов 45 минут Макаров в своем кабинете принимал срочные служебные доклады. С 9 до 11 он объезжал корабли, казармы, учреждения, склады и т. д. К половине 12-го возвращался к себе в особняк, рассматривал и подписывал приготовленные для него документы. Точно в полдень он заслушивал ежедневный доклад начальника штаба порта, а затем как губернатор, то есть глава гражданской администрации в Кронштадте, принимал посетителей. Длилось это приблизительно до половины второго. В два часа к Макарову прибывали старшие начальники порта с докладами, а затем они вместе с адмиралом совершали объезд портовых работ.

К пяти часам адмирал возвращался домой и ложился спать. Засыпал он сразу же, как только ложился — всегда и в любых условиях. В 5 часов 45 минут вечера Макаров вставал, принимал душ, после чего садился обедать. Обычно к обеду приглашались знакомые и сослуживцы и велись деловые разговоры — застойной болтовни адмирал терпеть не мог. Пообедав и покурив с гостями, Макаров занимался домашними делами, играл с детьми. С восьми часов вечера — опять дела: он принимал краткие доклады своих подчиненных, тех, с кем не успел встретиться днем, и садился работать. Писал Макаров очень быстро. Причем обычно в копировальную книгу, чтобы иметь второй экземпляр письма или доклада (благодаря этому сохранились многие важные документы по истории русского флота). Пользовался он карандашами, причем обязательно остро отточенными. Такие карандаши лежали на столе справа от него: затупив карандаш, он передвигал его влево. Когда Макаров работал, его смел беспокоить только один человек — старший его денщик Иван Хренов. Он служил с адмиралом долгие годы, еще с «Витязя», и никогда с ним не разлучался. Хренов тихо входил в кабинет, молча брал затупленные карандаши, лежавшие слева, точил их и так же молча клал с правой стороны стола. И удалялся. В половине 12-го вечера Макаров пил чай прямо у себя в кабинете и при этом иногда тут же диктовал на машинку тексты своих записок или статей. После чая снова продолжал работать. Ложился спать ровно в час, не раньше и не позже.

Иоанн Кронштадтский был вхож в дом Макарова. Для него адмирал делал исключения и всегда принимал его. Отдадим должное отцу Иоанну — он, зная распорядок дня в доме, никогда, если дело терпит, не тревожил Степана Осиповича в неурочное время. Они обсуждали множество тем церковных, благотворительных, просветительских, поскольку многие комиссии по этим вопросам Макаров лично возглавлял, а Иоанн был их непременным членом — а иногда было и наоборот.

Не ошибемся, если выделим как одно из главных дело воз-
рождения кронштадтского Морского собора. Оно имело нера-
достную предысторию. Еще в январе 1849 года был высочайше
утвержден комитет по постройке новой каменной церкви Бо-
гоявления Господня. Однако дело строительства, по множест-
ву важных и не очень важных обстоятельств, неоправданно за-
тянулось почти на 50 лет. В 1896 году Морское министерство,
признавая настоятельно необходимым иметь в Кронштадте
Морской военный собор, объявило конкурс на составление
проекта. В 1897 году был высочайше разрешен всероссийский
сбор пожертвований на сооружение Морского собора, кото-
рый должен был стать местом молитвы для моряков и памят-
ником славных деяний русского флота.

Силой своего авторитета идею восстановления Морского
собора поддержал и Иоанн Кронштадтский. В мае 1897 года он
напечатал в газете «Котлин» письмо-обращение. «Возлюблен-
ные братья-моряки и все православные соотечественники! —
взывал он. — Живя в Кронштадте сорок два года и во все это
время видя малость, скудость и ветхость Морского храма, — я
снедался ревностью о нем и желанием просторного, прочно-
го и благолепного храма и ныне внес свою лепту на сооруже-
ние такового храма семьсот рублей. Благоволите и вы оказать
свое посильное усердие к сооружению его»*. Наверное, это
был первый денежный взнос на строительство, тот самый шаг,
с которого и начинается всякое большое дело.

Однако и в 1898 году давно ожидаемое строительство не на-
чалось, и более того, из сметы Морского министерства Госу-
дарственным советом был исключен кредит на постройку со-
бора. Узнав об этом, отец Иоанн обратился с взволнованным
письмом к начальнику Главного управления кораблестроения
и снабжений вице-адмиралу В. П. Верховскому: «Из газет я уз-
нал, что дело построения Морского Собора в Кронштадте от-
ложено в долгий ящик, то есть до скончания или града сего,
или и — самого века сего, близящегося к концу. Иначе понять
не могу. Мы строим многомиллионные военные суда, казна
отпустила 25 миллионов на укрепления Кронштадта; флот-
ские силы обеспечены отличным содержанием; жилые поме-
щения всех чинов морских отличаются простором и изящес-
твом, чистотою и обилием света, а морской храм**, который
должен бы быть славою флота и России и — свидетельством
веры и благочестия русских победоносных воинов — видом
своим похож на самую убогую сельскую церковь, или — на де-
ревянную коробку. Почти рядом с нею возвышают гордо вер-

* Котлин. 1897. 4 июля.

** Имеется в виду церковь Богоявления Господня.

хи свои каменные лютеранские церкви, а православная — морская церковь стоит в постоянном принижении. Не за это ли Господь принижает и наш флот, погружая наши военные суда на дно морское? Не оттого ли наши частые морские несчастья? Не оттого ли взлетел в дыму на воздух многомиллионный канатный завод среди бела дня, на виду всех? Мало ли еще нам уроков от Бога? — Нам, русским, стыдно показать иностранцам морскую святыню, разумею церковь. Бог с вами, Господа! Доколе же это будет? Я, посторонний человек, со стороны примкнул к некоторым морякам, желающим благолепного храма, и положил начало, думая сколько-нибудь двинуть святое дело, — и неудача! Надо спешить строить храм, как вы спешите строить военные суда. Церковь — тот же корабль, которым управляет Сам Господь со Отцем и Духом Святым и лучше всяких военных судов может охранять не только флот, но и все воинство и всю Россию»*.

Макаров, как новый «хозяин» города и порта, принял близко к сердцу возрождение Морского Никольского собора. Он возглавил комитет по сбору пожертвований на строительство главной морской святыни. С апреля 1901 года в личном дневнике вице-адмирала регулярно появляются записи о заседании комиссии по постройке Морского собора. Из них мы узнаем, что 27 октября 1901 года весь личный состав флотских экипажей и учебных отрядов в количестве 14 тысяч человек после молебна начал расчистку площади. Работы продолжались всю осень: были посажены деревья в овраге, прилегающем к месту постройки, расчищено место под фундамент. 1 сентября 1902 года Иоанн Кронштадтский в присутствии С. О. Макарова и многочисленных горожан совершил молебен на месте будущего храма. Даже уезжая в путешествие на родину, отец Иоанн в письмах не переставал интересоваться, как идут работы по сооружению собора**.

Газетные сообщения начала 1900-х годов постоянно рисуют вместе отца Иоанна и С. О. Макарова «во всех делах благочестия и благотворительности». Так, 12 августа 1900 года отец Иоанн и Степан Осипович участвовали в проводах шести сестер милосердия, отправляющихся на Дальний Восток на пароходе-лазарете «Царица». В том же 1900 году отец Иоанн служил молебствие по поводу возобновления церкви во имя преподобного Иоанна Рыльского при гражданской тюрьме, на котором присутствовал военный губернатор Кронштадта. Макаров был инициатором открытия летом—осенью 1902 года в Кронштадте местного отделения Российского общества

* РГА ВМФ. Ф. 427. Оп. 3. Д. 117. Л. 102—103 об.

** Котлин. 1902. 5 июля.

Красного Креста, председателем которого он и стал. Деятельность кронштадтского отделения особенно широко проявилась во время войны с Японией. Помимо сбора пожертвований общество снабжало больных и раненых воинов бельем, одеждой, обувью и медикаментами.

В дневнике Степана Осиповича есть записи, говорящие о том, что отец Иоанн был частым гостем в его доме: «1900. 19 февраля. Вечером была проба кинематографа у нас. Приехал отец Иоанн. Все время обеда скорбел, что не мог быть завтра. Приехал вечером смотреть кинематограф; 1900. 11 декабря. В 5 вечера прибыл Преосвященный Вениамин. Всенощная, а потом у нас обедали Владыка, отец Иоанн, отец Александр, архидиакон и <нрзб.>; 1901. 1 сентября. Приезд митрополита. Был у него в 6 часов вечера. Он, отец Иоанн и др. у нас затем ужинали».

Отец Иоанн неизменно поздравлял С. О. Макарова со всеми церковными праздниками, о чем свидетельствуют письма и записки батюшки, сохранившиеся вложенными в личный дневник вице-адмирала. Например, 8 апреля 1900 года отец Иоанн писал: «Позвольте соборному причту придти в Ваш дом прославить Воскресшего и поздравить Вас и супругу с высоко-торжественным Светлым праздником. Не благоугодно ли Вам, чтобы мы прибыли к Вам в одиннадцать часов, до полудня?»

Со своей стороны С. О. Макаров каждый год обязательно присутствовал на торжествах, посвященных дню ангела отца Иоанна (19 октября), и на юбилеях его священнического служения (12 декабря). Безусловно, каждый раз у него находились добрые и теплые слова о дорогом имениннике и юбиляре. Журнал «Миссионерское обозрение» в 1903 году напечатал слова, которыми вице-адмирал закончил свой тост за отца Иоанна: «Счастливы вы, господа, что вы видите его (указывая на отца Иоанна)! Идите и скажите вашим родным и друзьям, что видели его, что он здоров, весел, любит нас бесконечно, ласков к нам»*. Громкое «ура!» было ответом на этот тост С. О. Макарова.

В марте—апреле 1902 года вице-адмирал Макаров тяжело заболел. В течение долгого времени у него держалась высокая температура, он не вставал с постели и даже не мог делать записи в дневнике. Все доктора в один голос говорили, что шансов на выздоровление нет никаких. Но вот 25 марта Степана Осиповича посетил отец Иоанн. Под диктовку Макарова сын вице-адмирала Вадим записал в дневнике: «В 8 часов вечера внезапно прибыл отец Иоанн, застал Исаева. Семья была в сборе. Помолился Богу». По свидетельству очевидцев,

* Миссионерское обозрение. 1903. № 16. С. 822.

батюшка положил руку на голову Степана Осиповича, «промолвил про себя молитву, продолжавшуюся меньше минуты, и дал поцеловать крест. Сказав — “Бог поможет!”, — он вышел из кабинета»*.

На следующее утро вице-адмирал встал и вышел к утреннему чаю. Окончательно состояние Макарова стало улучшаться с 12 апреля. А 13 апреля, накануне Пасхи, отец Иоанн приветствовал семью Макаровых следующим письмом: «С живою радостью приветствую Вас со священной, предпасхальной ночью, желая Вам полной, невозмутимой радости о Воскрешшем Спасителе мира. Степану Осиповичу желаю от всей души скоро совсем оправиться». По окончании Светлой седмицы Макаров окончательно выздоровел.

В мае 1903 года Кронштадт посетил император Николай II с императрицами Александрой Федоровной и Марией Федоровной и многочисленной свитой. Они молились в Андреевском соборе, а затем на Якорной площади — в историческом центре Кронштадта, где проходят все городские торжества, военные парады, демонстрации, — свершилось торжество закладки Никольского Морского собора. Здесь же были Иоанн Кронштадтский и вице-адмирал Макаров. Ни тот ни другой не дожили до освящения главного храма российского флота, но собор стал достойным памятником им обоим**.

* Православная Русь. 1971. 28 февраля. № 4. С. 7.

** Автор проекта профессор В. А. Косяков взял за образец собор Святой Софии в Константинополе. По вместимости он уступает лишь храму Христа Спасителя в Москве. Длина здания — 83, 2 метра, ширина — 64, высота с крестом — 70,6 метра. Главный купол храма высотой около 70 метров виден со всех точек неевского фарватера. Он имел диаметр 26,7 метра. Крыши покрыли медью и украсили золочеными крестами и орнаментами.

Собор стоит на гранитном цоколе, облицован серо-желтым кирпичом и украшен гранитными полированными наличниками и колоннами порталов, терракотовыми орнаментами, мозаичными иконами. Внутри собора на мраморной панели размещались памятные доски из черного мрамора с именами погибших моряков. Два яруса галерей поддерживались колоннами искусственного мрамора. Иконостас был изготовлен из натурального белого и цветного уральского мрамора с мозаичными и бронзовыми украшениями. В нише главного входа со стороны Якорной площади располагалась часовня Спаса Нерукотворного.

На постройку и украшение собора израсходовано 1 миллион 955 тысяч рублей, в том числе казенных денег 1 миллион 675 тысяч рублей, пожертвовано моряками 280 тысяч рублей. 10 июня 1913 года состоялось торжественное освящение Морского собора во имя святителя Николая Чудотворца. Освящение возглавил глава военного и морского духовенства протопресвитер Г. И. Шавельский.

На следующий год после освящения собора началась Первая мировая война. Боевые действия на Балтике велись достаточно далеко от Кронштадта, но и здесь Морской собор служил флоту. Сюда приходили молитв-

С. О. Макаров уделял внимание организации при полицейских участках «пристанищ» для бесприютных или, как сказали бы сейчас, бомжей. Одно из них, уже после гибели Макарова, стало именоваться «Стефановским приютом» (в честь ангела погибшего адмирала), а затем после утверждения его устава — «Пристанищем для бесприютных имени вице-адмирала С. О. Макарова, учрежденном при Кронштадтском городском полицейском управлении».

Заботило вице-адмирала и положение беспризорных детей. Сохранилось сведение о том, что 15 марта 1902 года Макаров провел специальное собрание, на котором выступил барон О. О. Буксгевден с докладом по вопросу устройства исправительно-воспитательных приютов в Западной Европе. В частности, речь шла о корабле-школе в Генуе. Решено было нечто подобное устроить и в России. В 1903 году барон осмотрел портовые города России с целью учреждения в них приютов-кораблей и сбора пожертвований. На собранные в результате поездки деньги был учрежден детский приют-корабль в Таганроге. Аналогичное учреждение — «Корабль-школа» — было открыто в Кронштадте. В зимнее время школа помещалась в здании катка (на Итальянском пруду), а лето питомцы школы проводили на пароходе «Ижора», находившемся под покровительством цесаревича Алексея.

Иоанн Кронштадтский был приглашаем и на различного рода официальные мероприятия дипломатического свойства при визитах иностранных кораблей в Кронштадт. В начале мая 1902 года в Кронштадтский порт прибыл президент Французской республики Эмиль Лубе в сопровождении французской эскадры. Президенту, посетившему Россию по приглашению русского царя, был приготовлен парадный обед в залах Большого Царскосельского дворца, а французских моряков чествовали в Кронштадте и Петербурге*. Иоанн, который отсутствовал в это время в городе, откликнулся специальным посланием: «Привет дорогим гостям, высокопочтенным культурным французам, представителям высокообразованной нации, во главе с глубокочтимым ее Президентом Эмилем Лубе. Призываю на всех вас, господа, благословение общего наше-

ся моряки перед уходом кораблей в район боевых действий, здесь родные и близкие заказывали молебны о здравии православных воинов. Жестокая война добавляла все новые и новые имена к мартирологу на памятных досках, частыми стали поминальные службы.

До 1918 года собор принадлежал Морскому министерству и находился в ведении протопресвитера военного и морского духовенства. После упразднения в феврале 1918 года института военного и морского духовенства все храмы этого ведомства перешли в ведение епархиального архиерея.

* Кронштадтский вестник. 1902. 8 мая.

го Бога и Спасителя Иисуса Христа и молю Его смиренно и от всего сердца, да сотворит Он кратковременное пребывание Ваше в стране нашей вожделенным, радостным и благополучным для обеих великих наций и да будет обратное путешествие Ваше в страну Вашу в добром здоровье, при кликах ликования Ваших соотчичей»*.

Эмиль Лубе сделал весьма характерный жест, свидетельствующий о знакомстве с деятельностью Иоанна Кронштадтского. На имя супруги главного командира Кронштадтского порта К. Н. Макаровой он прислал одну тысячу рублей с просьбой передать эти деньги Иоанну Ильичу Сергиеву для раздачи, по его усмотрению, бедным жителям Кронштадта**.

...Наступил новый, 1904 год. Кронштадтская газета «Котлин» подробно описала новогодний праздник в старейшей морской крепости России. Читаем в этой заметке: «Обычные взаимные поздравления с Новым годом в Морском собрании отличались особым оживлением. Съезд начался с часу дня; очень многие адмиралы, генералы и другие чины собрания прибыли с семьями, так что число дам достигало пятидесяти. В 2 часа 10 минут при звуках музыки вошли в зал главный командир вице-адмирал С. О. Макаров с супругой Капитолиной Николаевной, которые обошли ряды собравшихся. От собрания всем были предложены: шоколад, кофе и чай с печеньем». Затем подали шампанское, начались тосты. Был провозглашен тост и за здоровье адмирала Макарова. В свою очередь, Степан Осипович напомнил о трудностях службы на Дальнем Востоке и предложил послать начальнику эскадры Тихого океана вице-адмиралу О. В. Старку приветственную телеграмму. Вот ее текст: «Члены кронштадтского морского собрания, собравшись для обычных взаимных поздравлений, шлют радостный привет Вам и всем товарищам эскадры. Сердечно желают успехов в тяжелых трудах служебного долга. Макаров».

Разнообразная жизнь огромной кронштадтской военной базы продолжалась обычным порядком. Макаров отдавал приказы, инспектировал форты, наблюдал за строительством. Но какая-то важная часть души его жила делами далекого Тихого океана. Он понимал громадное стратегическое значение этого морского театра; видел, что богатейшие дальневосточные земли привлекают к себе жадные взгляды ближних и не слишком ближних охотников до чужого.

Сообщения о нападении японцев на российскую эскадру стали известны в Кронштадте 28 января. В тот же день в мане-

* *Левитский П. П., протоиерей.* Протоиерей Иоанн Ильич Сергиев Кронштадтский... Пг., 1916. С. 35–36.

** Котлин. 1902. 11 мая.

же перед собравшимися офицерами, матросами и кронштадтцами Макаров произнес горячую и искреннюю речь: «Друзья, ваши товарищи уже вступили в дело, окрещены боевым огнем: нужно будет — они лягут костями на поле брани. Они сумеют выказать себя истинными героями. За их успех — ура!» Свою речь он закончил словами: «Моряки, с театра военных действий приходят и будут приходить известия то хорошие, то худые. Но пусть не дрогнет ничье сердце. Мы — русские. С нами Бог! Ура!»

1 февраля С. О. Макаров поздним вечером приехал в Кронштадт из Царского Села, где ему было объявлено о назначении командующим флотом на Тихом океане. Утром следующего дня Степан Осипович пришел в Андреевский собор к ранней литургии. Служил отец Иоанн. Макаров исповедовался у него и причастился Святых Христовых Тайн. После литургии он подошел к Иоанну проститься и принять от него благословение. Прощаясь с отъезжающим и благословляя его, Иоанн Кронштадтский сказал: «Желаю тебе быть мужественным и получить венец!»*

К девяти часам утра в особняк Макарова стали собираться гости. Пришли друзья и соратники, сослуживцы и знакомые семьи. Все были торжественны и взволнованны. Адмирал в парадном мундире со всеми орденами и с золотым оружием на боку вышел вместе с Капитолиной Николаевной в переполненную гостиную.

— Здравствуйте, господа! — обратился Макаров к собравшимся. — А теперь прошу всех присесть перед дорогой по русскому обычаю.

Все тесно уселись, кто на чем, стало тихо. Спустя пару минут Макаров поднялся первый, улыбнулся:

— Ну, с Богом, господа! Давайте простимся.

Площадь перед домом и вся улица были заполнены народом. При появлении Макарова раздались приветственные возгласы, крики «ура!». Адмирал сказал несколько слов, которые назавтра газеты разнесли по всей России:

— Спасибо, братцы, что собрались проводить меня. Там, на Востоке, началось жаркое дело. Нужны люди — поеду и я. В переживаемые минуты нужно поддерживать друг друга, и я еду туда.

Сняв фуражку, адмирал поклонился на три стороны, перекрестился. Ему в ответ все тоже поклонились, осеняя себя крестным знамением. К крыльцу подали кибитку. Макаров подошел к детям, благословил и расцеловал их. Кучер тронул

* Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев. М., 1997. С. 94—95.

вожжи, лошади рванули вперед, зазвенел колокольчик. По накатанной санной дороге через замерзший Финский залив кибитка понеслась в Ораниенбаум. Вдоль Княжеской и Петровской улиц были выстроены моряки. Тысячи кронштадтцев провожали Макарова до пристани.

В столице Макаров задержался лишь настолько, чтобы отдать самые необходимые распоряжения и сделать неизбежные в подобных случаях официальные визиты. В Царском Селе он был принят Николаем II. Тот произнес своим тихим, невыразительным голосом несколько банальных фраз, пожелал успехов, обещал молиться за него.

4 февраля на Николаевском вокзале Петербурга Макарову были устроены горячие и сердечные проводы. Кронштадтские моряки преподнесли своему адмиралу золотой складень для постоянного ношения с собой. А 5 февраля Макарова уже встречала Москва. На следующий день адмиральский поезд тронулся в путь — к Тихому океану. С театра военных действий поступали невеселые вести. В неравном бою погиб крейсер «Варяг». Японский флот блокировал Порт-Артур с моря. Японская армия высаживается в Корею.

24 февраля рано утром Макаров прибыл в Порт-Артур, где его появление вызвало необычайный энтузиазм на флоте и среди защитников крепости. Его имя было у всех на устах, оно сделалось залогом того, что удастся добиться перелома в войне, которая началась так несчастливо. В него верили, на него надеялись.

...31 марта 1904 года, 6 часов 40 минут. Рейд Порт-Артура... Флагманский броненосец «Петропавловск» неподвижно стоит на якоре. Море спокойно, ни малейшей качки. Трубы слегка дымят, кочегары поддерживают нужную температуру в котлах, чтобы корабль без больших задержек мог выйти в море. Тишина. Нет даже привычного крика чаек, еще не рассвело.

Каюта командующего эскадрой вице-адмирала Макарова... Степан Осипович сидит за столом и пишет, быстро макая ручку в бронзовую чернильницу. На лист ложатся строки:

«Моя любимая всегда и везде, пишу тебе рано утром... Мы всей эскадрой выходим в море. Прошу тебя не беспокоиться, японцы держатся очень осторожно, эскадренного боя избегают... Не беспокойся обо мне, я вполне здоров, прекрасно себя чувствую... Целую тебя и наших деток крепко-крепко. Да сохранил вас всех Господь.

Твой Стива».

Ровно в семь часов «Петропавловск» вышел в море, а спустя два с половиной часа подорвался на mine. Из всего экипажа спаслись 7 офицеров и 52 матроса. Вице-адмирала Макарова

среди них не оказалось... Слова отца Иоанна «о венце» стали пророческими.

Известие о гибели Степана Осиповича быстро дошло до Кронштадта. Узнав об этом, отец Иоанн написал письмо супруге адмирала Капитолине Николаевне. «Не стало доброго, лучшего друга и спутника жизни... — читала она. — Ныне пишу Вам эти строки, чтобы пролить хоть каплю утешения в Ваше сердце, истерзанное печалью по погибшем Степане Осиповиче. Он не погиб; а только преставился в другой, лучший, вечный мир, в коем нет болезни, печали и воздыхания, нет более смерти, в коем вечно ликуют мученики и все за веру, Царя и Отечество живот свой положившие. Еще так недавно он с нами молился, прощался, как бы предчувствуя свою участь, свою всегдашнюю с нами разлуку. — О душа, в которой витало столько благородства, любви к Царю и Отечеству, любви ко Христу; столько прекрасных намерений! Он и Морской собор заложил в Кронштадте, которого столь долго ждали и который быстро доведен им до половины. Вечная, вечная ему память! Он достиг тихого, вечного пристанища и не жалеет о здешней жизни, потому что вселился в лучшую и вечную. Утешся, добрая Капитолина Николаевна, с милыми своими детками. Я вспоминаю ежедневно в молитвах Степана Осиповича. Христос Воскресе! Ваш смиренный молитвенник. Протоиерей Иоанн Сергиев. 5 апреля 1904 г.»*

Гибель адмирала Макарова была не одним горьким известием для Иоанна Кронштадтского. На «Петропавловске» погиб также Павел Бурачек, его крестник и сын давнего и близкого друга. На заупокойной литургии по всем погибшим в Японском море отец Иоанн сказал слово утешения и памяти: «Итак, блаженны все, скончавшиеся в море смертью мученической воины наши с начальниками своими: они теперь почивают от трудов своих, и вкушают блаженный, всерадостный покой в Боге, и видят то, чего очи не видят и видеть не могут до времени, — видят Господа, видят святых ангелов и всех святых и с ними торжествуют и ликуют. И тем тверже мы тому верим, что они скончались в светлый день Пасхи, когда Церковь празднует Воскресение Христа из мертвых и держит открытыми царские двери, показывая всем, что воскресший Христос Своим Крестом и Воскресением открыл вход в рай всем верным»**.

Ближе к вечеру в квартиру Иоанна Кронштадтского пришел посетитель — один из близких С. О. Макарову морских офицеров. Он принес только что доставленное в Кронштадт

* РГА ВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 396. Л. 47—48.

** Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев. С. 96.

письмо адмирала своему сыну — Вадиму. «Дорогой мой сыночек! — писал адмирал. — Это мое первое письмо, посланное именно тебе, а не в отрывках в письмах к маме, как бывало ранее... Обращаюсь к тебе как к взрослому мужчине... Вадим, тут идет жестокая война, очень опасная для родины, хоть и за пределами ее границ... Объясню уж тебе, почему адресуюсь помимо нашей любимой мамы. Запомни на всю жизнь: на женщин никогда нельзя перекладывать тяготы нашей мужской доли. Иной болван и трус может заявиться домой чуть ли не в слезах и супруге своей с порога: вот на войну посылают, вроде... стоит ли... Что скажут тут любящие мать, жена, сестра? — Ни за что, погибнешь, ты у нас один, уклонись уж как-нибудь! — Ну, поженски понятно, что с них взять. Но настоящий мужчина должен явиться домой бодрым и сказать: “Ну, дорогая, собирай меня в дорогу, тут на границе веселое дело предстоит!” — Она поплачет, соберет тебя и успокоится, положившись на волю Божию. Обнимаю тебя, сынок. Учись старательно, помогай маме и сестре. Бога бойтесь, Царю служите. Твой Макаров-старший. Порт-Артур, ночь на 31 марта 1904 года».

Иоанн Сергиев до конца дней своих сохранил добрую память о своем духовном сыне — С. О. Макарове и всегда помнил его...

Глава 3

КРОНШТАДТСКИЙ ПАСТЫРЬ

Служитель Христов должен вести себя так, чтобы за ним, как за Христом, народ ходил толпами, то есть священник должен привлекать к себе прихожан словом и жизнью.

Иоанн Кронштадтский

Вступление на поприще церковное

17 декабря 1855 года, в воскресный день, священник Иоанн Ильич Сергиев вступил под своды недавно обновленного Андреевского собора Кронштадта. Чувство, охватившее его, вполне может быть охарактеризовано французским «дежавю» — уже однажды виденного... Внутренний вид собора показался ему хорошо знаком... Да, это был тот храм... храм из его сна, являвшийся ему неоднократно в последний год учебы в Духовной академии.

В тот день вряд ли он сам и кто-либо из окружавших его людей мог представить, что в Андреевском соборе пройдет вся его жизнь: третий священник (1855), катехизатор (1865), протоиерей (1875), ключарь (1876), настоятель собора (1894).

В проповеди с провидческим наименованием «Паси овцы Моя», с которой новый священник обратился к пастве, он определил свою пастырскую программу: научить и просветить, исправить и утвердить паству в вере. Собственно, ничем не отличалась она от налагаемых на православное приходское духовенство обязанностей. Сколько их, выходцев из духовных семинарий и академий, входило в церковную жизнь с благими намерениями?! Но не многие могли похвастаться исполнением даваемых обещаний. Видно, дело было еще и в призвании, в характере исполнения обязанностей, в стремлении раствориться в пастве, приближая ее к Богу, даруя надежду на вечное спасение.

Иоанн Сергиев оставил нам свои «рецепты», по которым он хотел священствовать. «С первых же дней своего высокого служения Церкви, — говорил он в одном из публичных выступлений, — я поставил себе за правило: сколько возмож-

но искренне относиться к своему делу, к пастырству и священнослужению, строго следить за собой, за своею внутренней жизнью. С этой целью я прежде всего принялся за чтение Священного Писания Ветхого и Нового Завета, извлекая из него назидательное для себя как человека, священника и члена общества. Потом я стал вести дневник, в котором записывал свою борьбу с помыслами и страстями, свои покаянные чувства, свои тайные молитвы ко Господу, свои благодарные чувства о избавлении от искушений, скорбей и напастей. В каждый воскресный и в праздничный день я произносил в церкви слова и беседы... Кроме проповедничества я возымел попечение о бедных, как и я, сам бывший бедняком».

На первых страницах своего дневника за 1856 год отец Иоанн написал такие слова: «Служитель Христов должен вести себя так, чтобы за ним, как за Христом, народ ходил толпами, то есть священник должен привлекать к себе прихожан словом и жизнью»*. В это время отцу Иоанну было 27 лет, его пастырская деятельность только начиналась, и никакие толпы за ним не ходили. Но эти слова стали программой его жизни.

Причт Андреевского собора состоял из нескольких священников, а потому службы в храме совершались «поочередно». В то время по церквям «служили службы» в воскресенья и праздники, а в будни — лишь по заказам: сорокоуст по покойнику или по особому случаю в семье, заказную обедню или по случаю какого-либо общественного торжества. Только в крупных городах, в больших соборах постепенно вводилась практика ежедневных литургий, поскольку число верующих было значительным и можно было ожидать, что всегда соберется достаточное их количество. Причащались люди тоже очень редко — раз в году.

Иоанн заметил, что в дни, когда он был свободен от служб, возвышенно-духовное состояние покидало его. Почувствовав это, он стал выпрашивать разрешение отслужить у «очередного» священника, но не все собратья его соглашались. Не одобрял действий нового священника и настоятель собора Трачевский. Иногда он, чтобы остудить пыл Иоанна, забирал антиминс** к себе домой. К тому же до него доходили слухи о «похождениях» Иоанна в Петербурге, который, бывая в столице, мог зайти в любой храм, чтобы совершить литургию или послужить вместе со священниками храма, причаститься. Не однажды его изгоняли из «чужих» храмов, в насмешку называя «чудотворцем».

* Дневник. Т. 1. 1856—1858. Кн. 2. Духовные опыты.

** Антиминс — плат с зашитыми частицами христианских святых. В обязательном порядке полагается на престол, и только в этом случае на нем можно совершать литургию.

Но постепенно, может, не так быстро, как хотелось, но богослужения все учащались и учащались; и Иоанн, наконец, стал совершать литургию ежедневно. Это было его духовной потребностью, которой он будет следовать всю жизнь.

Свои первые годы жизни в Кронштадте Иоанн потратил на доскональное знакомство с городом. Вскоре он уже в деталях знал чистенький и ухоженный центр города, с его площадями и широкими улицами, скверами и парками, официальными уездными гражданскими и военными учреждениями, кварталами симпатичных одно- и двухэтажных каменных домов, где проживали состоятельные жители, чиновники, торговцы, иностранцы. Пользуясь представлявшимися случаями, бывал он в порту, в матросских и солдатских казармах, в офицерских собраниях. Посетил и познакомился с духовенством других действовавших в городе православных храмов, часовен, кладбищенских церквей.

Но он понимал, что то была лишь небольшая, так сказать, парадная часть города. Стоило же чуть отойти от центра, и словно попадаешь в иной мир, в так называемый «посад», где проживала, ютилась, прозябала большая часть гражданского населения уездного города Кронштадта. Здесь селился рабочий люд, трудившийся в порту: чернорабочие, угольщики, грузчики со своими семьями. Более или менее постоянную работу они имели лишь в сезон навигации, а в остальное время — практически полгода — оставались без дела, подчас пьянствовали и бродяжничали. Не случайно для добропорядочных жителей города «посадские» стали синонимом спившихся попрошаек, бездомных и бесцельно шатающихся людей.

В довершение столичное градоначальство за различные неблагоприятные поступки и дурное поведение стало ссылать нарушителей общественного порядка и «неудобных» столице лиц на остров Котлин, откуда особо и не убежишь. Хотя и терпели они всяческие лишения, но образ жизни своей не меняли: предавались пьянству, разврату, попрошайничеству. Забредшему сюда случайному путнику открывалась типичная безрадостная картина: сырые, глубоко ушедшие в землю домики, а то и подвалы домов. В них помещались по 30, 40 и 50 человек в одном жилище, как сельди в бочонке. Тут старые и взрослые, мужчины и женщины, малые дети и грудные младенцы, все — в сырости, грязи, духоте, наготе, а часто и в голоде.

В эти районы было опасно заходить в темные вечера и ночи: могли ограбить, а то и убить. «Какие ужасы у нас в Кронштадте делаются, — пишет Иоанн в дневнике, — один капитан иностранного судна убит и брошен в канаву окровавленный,

избитый. Другой случай: двое мошенников, бежа от полицейских солдат, толкнули одного старика и убили его. Какое пьянство! Распутство! Увеселения!»

В другом месте он записывает впечатление от городских гостиниц: «Это — собрание людей (почти исключительно матросов), которые со всем усердием развратного сердца приносят жертвы и возлияния своему ненасытному идолу — чреву, и преимущественно в те дни, когда Церковь приглашает нас к духовной радости о Господе. Страшно видеть, что в них бывает: человек, в точном смысле, уподобляется здесь скоту несмысленному, даже является хуже его; как будто в какой чужой сосуд, который ему нет нужды беречь, он бросает или вливает в свой желудок так много пищи и питья, особенно хмельных напитков, с такою жадностью, с такою слепотою, чуждою всякого рассуждения поспешностию, что животный сосуд этот скоро наполняется, а часто и переполняется, и всякая всячина, брошенная в него, наконец, идет вон. И тут-то! О, ужас! О, омерзение! Человек до такой степени теряет свое достоинство человека, что всякому человеку со здравым разумом и сердцем больно, больно бывает видеть унижение природы человеческой до состояния несравненно худшего тварей бессловесных. И что же бывает при этом? Свои же клеветы, товарищи трактирные, смеются над таким несчастным, таскают его, как “дуб поверженный”, или, встречая проходящих мимо людей, своим видом и положением тела, неистовыми криками как бы говорят им: вот как мы живем на славу (хороша слава!), вот как мы своевольны, бесстрашны; вот как мы пользуемся временем, данным нам для отдохновения; вот как мы празднуем праздники!

Да! Язычники так едва ли упивались во дни своих празднеств после жертвоприношений богам своим! Нестерпимо! И кто же будет останавливать такие беспорядки? Которые сами смотрят на человека как на животное или как на одно работное орудие. Тут нужна любовь к человечеству, уважение в человеке образа Божия, души бессмертной, искупленной драгоценною Кровию Сына Божия. А те люди, которые имеют, обязаны иметь надзор за подобными людьми, или сами мало заботятся о своей душе, сами холодны к вере и потому как слепые не могут водить слепцов, или и заботятся, по возможности, исправить вопиющее зло, но не имеют достаточно к тому сил и способов. Боже мой! До чего дойдет сила сатаны над людьми сими? О! На нашем небольшом острове сатана видимо (зримо. — М. О.) поставил престол свой».

Вот это и была во всем своем откровенном виде паства Иоанна Сергиева! Но он не устрасился ее зверовидного внеш-

него облика, а, наоборот, ему захотелось исправить этот пьяный, но хороший, как он надеялся, ибо и в нем образ Божий, народ. Его сердце болело за них. Он шел к ним. Поначалу его встречали здесь с недоверием и даже враждебно. Он этим не смущался, говоря: «Злые люди — больные, а больных нужно жалеть больше, чем здоровых».

Он был то, что называется, безотказным священником. Куда бы и когда бы его ни позвали к больному, умирающему, утром, днем, ночью — он тотчас торопливо одевался и ехал. Он посещал всяких больных, не исключая и самых острозаразных. За такие поездки к больным и за молебны об их исцелении Иоанн не только ничего не требовал и не просил, но и не думал о получении какой-либо платы, руководствуясь словами Христа: «Туне приясте, туне дадите», то есть даром получили благодать Духа Святого, — даром и давайте ее.

Каждое свое посещение посадских Иоанн использовал для обращения к ним со словом обличения, увещания и вразумления, убеждая их бороться со своей страстью. Приходя сюда, он кормил голодных, одевал нагих, утешал скорбящих, исправлял заблудших. Почти все свои доходы батюшка раздавал нуждающимся, а иногда даже с себя снимал одежду и обувь.

Весть о молодом «необыкновенном» священнике быстро разнеслась по Кронштадту. Рассказы о подвигах милосердия, любви и благотворной молитве нового пастыря ходили из уст в уста. Двор маленького домика, занимаемого отцом Иоанном, стал наполняться всяким народом. Стекались недугующие, страждущие, нуждающиеся, обремененные. Всем была нужда до «батюшки», все жаждали исцеления. Его звали, приглашали, просили молитвы, благословения, денежной помощи, открывали свою душу. И он никому не отказывал, принимал всех, молился с ними, утешал, обнадеживал, везде вносил мир, надежду, веру.

Прошло два-три года, и оказалось, что у отца Иоанна нет ни днем ни ночью возможности отдохнуть, остаться наедине с самим собою: выходя из дому, он знал, что в садике его ожидает толпа народа; отпустив собравшихся, дав, по мере возможности, каждому, то, что тот просил, отец Иоанн спешил с визитами к прихожанам или в церковь, везде сопровождаемый толпой.

Но, в сущности, даже и окруженный толпой, и постоянно будучи на людях, Иоанн оставался чрезвычайно одиноким. Одинок — среди духовенства, паствы, городской знати и даже в семье и среди новых родственников... Кому поверить мучившие его мысли, устремления, переживания, надежды?.. *Alter ego* стал ему дневник, который он начал вести втайне от всех. Первая запись в нем была сделана 14 декабря 1856 года.

Дневник Иоанна — окно в его духовный, внутренний мир. Но он вполне допускал мысль, что когда-то изложенное в нем станет чьим-то достоянием, окажется кому-то полезным. «Не истребить этой книги, — пишет он, — и по смерти моей: может быть, кто-нибудь найдет, подобный мне по мыслям и по чувству, и покажет свое глубокое сочувствие написанному в этой книге, если не всему (на что я и не смею надеяться, потому что могут найтись здесь, при строгой критике, и ошибки), то, по крайней мере, по некоторым местам ее. Все хорошее и справедливое в этой книге почитаю не своим, а Божиим... мои только ошибки и недостатки»*.

На страницах дневника прежде всего — изложение проблем, возникающих в его пастырской деятельности, и поиск выхода из них. Здесь же наиболее ранившие душу факты текущей городской и церковной жизни. И размышления — размышления над тем, как реализовать христианскую истину в выпавших на его долю условиях. Подобно тому, как преподобный Антоний Великий рекомендовал монахам для духовного самосовершенствования записывать свои мысли и поступки, семинарские и академические наставники тоже советовали студентам вести дневник в дисциплинарных целях. Но еще более полезным было это правило для тех, кто только начинал свою пастырскую жизнь на приходе, когда возникает потребность неусыпного духовного контроля за собственными словами и действиями, а также непрерывного духовного окормления паствы.

Преобладающее впечатление от ранних дневников — их ученическое содержание. Они практически полностью посвящены размышлениям о Священном Писании. Молодой священник через усвоение смысла Писания вырабатывал для себя правила поведения в своей пастырской деятельности. Он как бы «доделывает» то, что не смог или не успел свершить в рамках своего духовного образования в семинарии и академии. Он постоянно наставляет себя: делай так, обрати внимание на это, говори об этом, обращай с паствой так-то и так...

Выстраивая свое внутреннее «я», Иоанн определяет в качестве константы — духовный рост, под которым понимает аскетизм, обращение к опыту отцов-пустынников и отшельников... Но возможно ли это в приходских условиях и обремененным семьей? — мучает его вопрос. Не сразу, но ответ был найден: Да! Но при обязательном рвении в совершении церковных служб, церковных дел и благотворительности. Именно этим должно заполнить то внутреннее пространство, что у обычного верующего человека отдается «земным инте-

* ГА РФ. Ф. 1067. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

ресам и радостям», семейным обязанностям и общественно-гражданским делам.

Иоанну, столкнувшемуся с реалиями приходской жизни, увидевшему простой народ и приблизившемуся к нему, пришлось ломать свой характер. Прирожденные и вскормленные годами учебы замкнутость, избегание контактов с людьми, предпочтение уединению и размышлениям о себе и спасении своей души — никак не уживались с реальной приходской жизнью, с запросами паствы, требующей ежедневного внимания к своим самым разным просьбам и жизненным ситуациям. Вот почему можно встретить в дневнике настойчивый призыв к самому себе: «Не должно пренебрегать посещением гостей: при этом посещении открывается, насколько мы обязательны друг ко другу и сердечно ли уважаем друг друга; общения не забывайте... вообще наши добродетели или страсти узнаются в служении ближним, кому бы то ни было»*. Или еще: «Принуждай себя к разговорчивости: слово прогоняет уныние души, успокаивает, расширяет недра души, просвещает, оживотворяет ее. Слово — золотая связь, цепь разумных существ. Дьявол повергает нас часто в уныние чрез бессловесие, не давая нам свобод-но мыслить, чувствовать и говорить»**.

Отсутствие навыков общения за пределами своего внутреннего пространства и духовной школы мешало Иоанну сходиться с людьми вне церковной службы. Первые годы службы в Кронштадте у него не то что друзей, но просто хороших знакомых не было. Он «обрастал» человеческими связями очень трудно и очень медленно.

Пожалуй, первая семья, где его радушно приняли, была семья известного в городе купца М. О. Бритнева. Человек достопочтенный и в том отношении, что еще в 1864 году первым в Кронштадте построил маленький ледокольный кораблик, который на несколько недель увеличил время навигации между островом Котлин и Большой землей в осенне-зимний период***. В этом доме Иоанн Сергиев часто бывал, стал своим человеком. Здесь он открывал свою душу и поверял о своих «обидах»: почему его постоянно обходят очередными церковными наградами, почему кронштадтцы так недружелюбно к

* ГА РФ. Ф. 1067. Оп. 1. Д. 12. Л. 13.

** Там же. Д. 8. Л. 63 об.

*** Судьба изобретения М. О. Бритнева оказалась печальной: российские предприниматели и власти не воспользовались им в широких практических целях. Как всегда, подсуетились иностранцы. В 1871 году стояла чрезвычайно суровая зима в Европе, вход в Гамбургский порт замерз, и решено было построить ледоколы. Иностранные инженеры приехали в Кронштадт. Посмотрели на работу ледокола Бритнева и за 300 рублей (!) купили чертежи и по ним построили в Гамбурге свой первый ледокол.

нему относятся... Не однажды он возмущался и недоумевал, раздражался и гневался по поводу, как ему казалось, пренебрежительного и легкомысленного отношения к священнику и его сану. В частности, не раз он сталкивался с тем, что в поведении прихожан не чувствовалось благоговейного отношения к благословию, даваемому им священником. Часто рука его просто «оставалась висеть в воздухе» и ожидаемого приложения к ней мирянина не следовало. Дабы покарать гордецов, Иоанн даже сочинил молитву-проклятие, которую про себя читал, оказавшись в подобной ситуации.

Собеседники успокаивали, говорили, что со временем все поймут, какой он необычный священник, и воздадут ему по его заслугам. Это доброе знакомство помогало Иоанну обжиться в незнакомом, чужом городе. Оно приносило и практическую пользу: сам Бритнев не скупился на поддержку благотворительных проектов священника и других именитых и богатых к тому призывал.

Был и еще один человек, который оказал Иоанну Сергиеву духовную поддержку в трудных для него обстоятельствах начала самостоятельного церковного служения. Он остро нуждался в духовнике, и таковым стал протоиерей церкви при военной тюрьме Кронштадта — Федор Бриллиантов.

Параллельно своей внутренней «перестройке» Иоанн стремился донести до паствы, что грехи и несчастья их земной жизни коренятся в их хладности к Церкви, в непосещении ими церковных служб и в забвении таинств церковных. Иоанн налагал на себя ответственность за «духовное пробуждение» прихожан и считал это делом своих пастырских забот. Под датой 24 августа 1857 года сделана запись, поясняющая намерения Иоанна: «Некоторые христиане не любят церкви или храма Божия вообще, находят себя холодными к молитве. Заставить их полюбить храм Божий. А так как они обыкновенно бывают в этом случае в некотором мраке по отношению к церкви, то осветить их разум ясным раскрытием необходимости и животворности занятий потребностями душевными, поставить на вид их жалкое положение, что они заботятся только об удовольствиях чувственных, о потребностях (слепых) тела; что они идут к погибели. Всякий человек самолюбив: обратить к добру эту общечеловеческую слабость и сказать кому бы то ни было: “Ты, брат, любишь себя; но ты не умеешь любить себя. По своему долгу я поучу тебя, как любить себя”, — и здесь раскрыть, в чем состоит истинная любовь к самому себе».

Люди должны были становиться духовными — вот убеждение и одновременно требование Иоанна Сергиева к себе и другим. По мере возрастания в духе они должны и будут ста-

новиться его сотоварищами на пути к Господу! Он звал и звал их в храм. Зачем? Запись в дневнике отвечает на этот вопрос: «Прихожанам... надо показывать смысл богослужения, обрядов, молитв, св. Креста, икон, отношение их к нашей жизни, — а не заставлять учить наизусть ектении* и молитвы, которые и без нас непрестанно повторяет Церковь»**.

Но даже те из них, кто приходил в церковь, отзываясь на призыв пастыря, оставались в лучшем случае простыми слушателями и наблюдателями всего того, что совершалось в ней, ибо не понимали смысла богослужений. Чтобы преодолеть это непонимание, в феврале 1857 года Иоанн предпринимает попытку организации Общества безвозмездного снабжения жителей Кронштадта духовно-поучительными и духовно-назидательными книгами. Общество должно было действовать тайно. Иоанн брал на себя труд определять те книги, что отличались «назидательностью и общедоступностью по простоте и ясности». Раздавать же их предполагалось после исповеди, так как и время, и место как нельзя больше соответствуют этому доброму делу. Но, судя по всему, каких-то заметных результатов эта во многом наивная и отвлеченная затея не принесла. Что же... оставался один прямой путь к душе, сердцу и чувствам человека — церковная служба.

...Каждый день в шесть утра Иоанн был уже в соборе. Ранняя обедня начиналась с чтения канона***. Иоанн непременно сам его читал, и в этом чтении слышалось всё — умиление, восторженность, радость, твердое упование, глубокое благоговение. Так он стремился донести до слушающих смысл церковных текстов и сделать их понятными самому простому человеку.

Кончив чтение канона, Иоанн быстро входил в алтарь и падал в глубокой молитве пред престолом, руки сложив крестообразно на жертвеннике и голову положив на них. Начина-

* Ектения — протяжное моление, возглашение — название последовательности молитвенных прошений; главная составная частей богослужения, входит в состав большей части богослужений в православной церкви. В зависимости от момента и характера службы ектения может принимать разные формы, или виды: Великая (мирная), Сугубая, Малая, Просительная и иные. Ектению читает, как правило, дьякон, стоя на амвоне лицом к алтарю. Ектения заканчивается возгласом священника, на который хор отвечает: «Аминь!» Возглас священника в большинстве случаев является громко озвученным окончанием про себя читаемой положенной в это время молитвы.

** ГА РФ. Ф. 1067. Оп. 1. Д. 13. Л. 65 об.

*** К а н о н — в православном богослужении жанр церковной гимнографии; произведение, посвященное прославлению какого-либо праздника или святого. Входит в состав богослужений утрени (обедни).

ли петь стихиры на «стиховнах»*. Укрепив себя молитвою, он снова выходил на клирос и присоединялся к певчим. Пел с воодушевлением, с глубокой верой в каждое слово, регентуя сам, подчеркивая отдельные слова и замедляя темп там, где это было нужно по логическому смыслу, содержанию песнопения. Певцы чутьем угадывали эти слова, этот темп и такт и вторили ему с немалым искусством и одушевлением. Пела как будто бы одна святая первохристианская семья со своим отцом во главе, пела свои победные, священные, великие гимны.

Акафисты** и молитвы Иоанн читал, как бы беседуя с незримо присутствующими около него Христом, Божией Матерью и святыми. Возгласы по ходу службы произносил громко, резко, будто отрывая каждое слово от своего сердца, и от этих звуков, раздававшихся в тишине многолюдного храма, веяло чем-то святым, высшим. Все чувствовали, что тут не простое чтение пред иконой, а именно живая беседа с Существом видимым и сущим.

Хотя православный устав предписывает священнику читать молитвы лицом к алтарю и спиной к прихожанам, но Иоанн нередко поворачивался лицом к молящимся во время таких молитвенных воззваний, как «Станем добре», «Горе имеем сердца», «Благодарим Господа», желая, чтобы люди глубже постигли читаемое им. При этом он настолько проникался мыслями, какие содержатся в читаемых им священных песнопениях, что не мог удержаться от самых разнообразных жестов. Его лицо выражало гамму чувств, которые обуревали его во время службы: то оно озарялось блаженной улыбкой, когда читал о небесной славе Бога, Богородицы и святых угодников Божиих; то передавало просьбу и мольбу, когда читал о немощи, грехе и падении человеческих; то искажалось праведным гневом, когда произносил встречающийся в тексте слова «Сатана», «дьявол»; то глубокий восторг и умиление отображало оно, когда речь шла о великих подвигах и победах над грехом, какие совершили святые мученики и подвижники. Иоанн плакал, восклицал и выкрикивал слова заутрени. Всякий раз при упоминании в молитвах паствы Иоанн либо указывал жестом на часть прихожан, либо проводил рукой над всеми, как

* Стихиры на стиховне – стихи, избранные из разных псалмов и других книг Священного Писания, подходящие для данного праздника или памяти святого.

** А к а ф и с т — христианское песнопение, исполняемое в храме всеми присутствующими стоя. Первоначальный текст такого песнопения был написан между 627 и 677 годами и посвящен чудотворной иконе Богоматери Одигитрии, избавившей Константинополь, столицу Византии, от нашествия персов и хранившейся во Влахернском храме. Акафист Богоматери состоял из двадцати пяти песнопений.

бы подчеркивая, о ком идет речь. И если прежде прихожанину легко удавалось оставаться в храме незаметным — лицом к спине священника и, уйдя в себя, не замечая ни службы, ни окружающих, ни священника, то теперь эмоциональный настрой священника передавался молящимся. Паства встряхивалась и переставала безучастно присутствовать в храме.

Утренняя заканчивалась... Звонили к литургии. Начинаясь она проскомидией*. Вновь Иоанн, будто в поисках дополнительной силы, подходил к жертвеннику, вставал перед ним на колени, руки складывал крестообразно на жертвеннике, голову склоняя на них. В этот раз под руками у него были кипы писем и телеграмм, всевозможные записки с просьбой помянуть больных и умерших... Волосы прядями ниспадали на плечи священника. Весь он был освещен слабым утренним светом, едва-едва пробивающимся в собор. Со стороны казалось, что он как бы умер и перед людьми было только его тело, оставленное, сброшенное его душой как ненужная одежда. Так продолжалось около десяти минут. После чего Иоанн вставал с колен, полный торжественной радости, в каком-то ликующем пророческом экстазе.

На проскомидии просфор бывало так много, что их приносили целыми большими корзинами и ставили на табуретки с левой стороны жертвенника, Иоанн быстро вынимал частицы и бросал просфоры в пустую корзину, стоявшую с правой стороны. Он молился громко: «Помяни Господи всех заповедавших мне молиться о них!» Собравшиеся в храме убеждены были, что этой краткой молитвы было достаточно, чтобы через посредство священника совершались чудеса во всех концах не только России, но и вселенной. Многие во время проскомидии лично подходили к отцу Иоанну и просили его помянуть своих родственников, вынуть хотя бы одну просфору.

Служба продолжалась. Иоанн вынимал Агнца**, с любовью и внимательностью равнял Его, обрезывал со всех сторон и благоговейно клал на дискос***. Сослужащие с Иоанном свя-

* П р о с к о м и д и я — первая часть литургии, когда путем особых священнодействий из принесенных хлеба и вина готовится вещество для евхаристии, при этом совершается поминовение всех членов Церкви, как живых, так и усопших. Совершается священником или архиереем в алтаре на жертвеннике.

** А г н е ц — освященный хлеб, приготовленный для последующего претворения его, согласно христианскому вероучению, в Тело Христово, что происходит на дискосе; это особым образом вырезанная на проскомидии из просфоры средняя ее часть с печатью наверху. Эта четырехугольная кубовидная сердцевина просфоры, надрезанная с нижней стороны крестообразно до самой печати.

*** Д и с к о с — литургический сосуд, блюдо на подножии с изображением сцен из Нового Завета. Согласно литургическим толкованиям дис-

щенники стояли рядом и не отходили. В эти минуты и они, и верующие испытывали религиозный экстаз, когда казалось — вот Он, Христос! Здесь Он! Среди собравшихся в храме! Становилось благоговейно страшно от каждого вдохновенного возгласа, раздававшегося с амвона. Вживую чувствовалось, как ангелы реют крылами.

Литургия продолжалась... Отверсты Царские врата... Произнесен первый возглас... Иоанн неожиданно, порывисто берет на престольный крест и с любовью целует его, обнимает его руками, восторженно смотрит, уста его шепчут слова молитвы. Потом он раза три, четыре подряд лобызает его, прикладывает его к своему челу... Уста снова что-то шепчут.

Первая часть литургии — преимущественно часть молебная. Иоанн в это время больше всего сознает себя как молитвенника «за люди». Он весь охвачен сознанием огромной ответственности пред этими немощными, вверившими ему себя, благо своих и души, и тела, и точно спешит молиться за них. Молится порывисто, настойчиво, не просит, а требует от Бога исполнения просьбы этих несчастных с властью священника, поставленного Христом.

С великого входа начинается вторая важная часть литургии. Иоанн берет святую чашу и относит ее, прибавляя от себя: «Изведоша Его вон из винограда и ту убиша Его». И этими словами вводит себя, как он говорил, «в священные воспоминания последних дней Христа Господа». Он отдается переживанию святых картин евангельского прошлого: он в Гефсимании, в Сионской горнице, около Голгофы.

По поставлении Святых Даров* на престол Иоанн чита-

кос символически изображает вифлеемские ясли, а также гроб, в котором было погребено тело Иисуса Христа. Дискос служит для положения на нем Агнца.

* Святые Дары — в православии это хлеб и вино, приготовляемые священником на проскомидии (первой части литургии). Хлеб, называемый просфорой, выпекают из квасного (дрожжевого) теста — из пшеничной муки, замешенной на воде с солью. Вино берут только чистое виноградное, чаще всего красное. В Русской православной церкви с XIX века вошло в обычай совершать евхаристию только на сладких красных винах, типа «кагор», хотя канонически не запрещается служение на полусладких или сухих винах. Красный цвет вина символизирует кровь Христову. Смешивание вина с водой производится в воспоминание того, что из ребра Спасителя, пронзенного копьем римского воина, истекли кровь и вода. Святые Дары преждеосвященные и запасные — это хлеб и вино, освященные заранее. Запасные Святые Дары служат для причащения больных на дому; обычно их освящают за литургией в Великий четверг, но при необходимости запасные Святые Дары могут быть заготовлены за любой литургией в течение года. Святые Дары хранятся в особом сосуде, называемом дарохранительницей, поставляемом на престоле в алтаре. Для переноса Святых Даров используется дароносица.

ет обычную молитву о ниспослании благодати на людей. Но от себя прибавляет: «На всех разсадницех юношеских и отроческих, духовных и мирских, мужских и женских, градских и сельских, и на всем неучащемся юношестве; — на всех разсадницех духовных, монашеских — мужских и женских, — на нищих людях Твоих, вдовицах, сирых и убогих, — на пострадавших от запаления огненного, наводнения, бури и труса, — от недорода хлеба и глада, — на всех заповедавших мне недостойному молиться о них и на всех людях Твоих».

Лобызая после возгласа «возлюбим друг друга» сослужащих священнослужителей в оба плеча, говорил: «Христос посреде нас живой и действующий». Эти слова производили огромное впечатление. Как записал в своих воспоминаниях один из духовных чад священника: «Я стоял, пораженный этими словами, и невольно думал. Да, вот среди нас, а не там, где-то вдали находится Христос Спаситель, находится не как отвлеченная доктрина, а живой, “живый и действующий”. Он среди нас. И даже “действующий”. Жутко становилось, трепетом великим наполнилась невольно душа. Я готов был упасть перед престолом».

Но вот приближаются священнейшие минуты литургии. «Горе имеим сердца, — восклицает Иоанн и затем прибавляет от себя: — Сам Господи, вознеси долу приклоншия сердца наши!» — «Благодарим Господа!» — снова восклицает Иоанн. Первые два слова молитвы: «Достойно и праведно поклоняться» произносит громко, а последние тише, смолкая совершенно под конец. Иоанн отдается воспоминаниям. Он видит Христа Бога в Сионской горнице, кругом Его апостолы. Любимый Иоанн на персях Его. Он светлый и скорбный делит хлеб, поднимает чашу. Иоанн спешит; его голос спешит радостно возгласить народу слова обетования. Он поворачивается к народу и говорит громко: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, пейте от нея вси». Так и слышится в эти минуты в голосе батюшки: «За нас пролита кровь, за вас, за тех самых, что вот стоите здесь в данную минуту, а не за тех только, что стояли у креста. Она пролита не за отвлеченное какое-то человечество, а за живых людей, за каждого бедняка, убогого, богатого, знатного, мужчину и женщину. Твоя грудь едва прикрыта рубищем, и за тебя пролита кровь. Ты забыл и отверг Бога, и за тебя пролита эта святейшая кровь. За ваши грехи, стоящие здесь, страдал Христос!»

Произнося эти слова, Иоанн не раз прикасался перстом к чаше, как бы даже с силой ударяя по ней. Снова подчеркнуты слова: «за вы и за многия изливаемая». Теперь он держит в руках святой дискос и, касаясь губами его краев, молится. Ощущается веяние Духа Святого, чувствуется, что Иоанн «слы-

шит» приближение благодати и ждет ее, и зовет. Это третий, самый великий момент литургии — здесь торжество и победа! Иоанн мысленно видит Господа на Голгофе, но в славе воскресшего победителя. Пастырь в эти минуты сам восходил на Голгофу за Господом, и скорбь переходит в радость Воскресения. Борьба слез и радостного восторга, постепенная победа торжественной радости над скорбью — это и есть то самое великое и страшное, что делает службу Иоанна необычайной.

Теперь отец Иоанн начинает молитву пресуществления*:
«Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолам ниспославый, Того Благий не отыми от нас». В первый раз он произносит эти слова торжественно и победно, но более или менее спокойно. Второй раз голос приподнимается, дрожит. В нем усиливается оттенок радости. Мы слышим, что он уже знает всё, уверен в том, что сейчас совершится чудо, слышит приближающийся свет невечерний и с радостью всматривается вперед, готовый сказать: «Осанна!.. Грядет Господь!.. Встречайте!» Третий раз читает Иоанн: «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа»... Его глаза широко открыты, кажется, он видит Самого Господа, идущего «заклатися и датися в снедь верным». Он чувствует присутствие Христа всем существом. — Здесь Он... Здесь, — будто шепчут его губы. И это «здесь» ясно читается в его глазах. Всех присутствующих охватывает благоговейный трепет.

Вот и настал момент... приобщается Иоанн тела и крови Христовых... Лицо его изменяется. Нет более на нем и следа той утомленности и какой-то скорби или грусти, какие можно видеть, когда он только что входил утром в храм. Неожиданная духовная радость, необыкновенный мир и небесный

* Пресуществление — богословское понятие, термин, используемый для уточнения смысла предложения хлеба и вина в тело и кровь Искупителя Христа в таинстве евхаристии. Термин «пресуществление» утвержден православной церковью на многочисленных соборах: в 1638, 1642, 1672, 1691 годах — где все, отрицающие пресуществление, предаются строгим анафемам и проклятиям. Эти решения были рецепированы Русской православной церковью и включены в Догматическое послание Патриарха Московского и всея Руси Адриана. С этого времени термин «пресуществление» становится обычным термином в православной евхаристологии: он употребляется в официальных посланиях иерархов, синодально одобренных исповеданиях веры, догматических пособиях и пр.

Преложение — понятие (термин), которое в учении православной церкви обозначается происходящее в таинстве евхаристии, когда хлеб и вино становятся телом и кровью Христовыми, не переставая быть хлебом и вином. Термин говорит о том, что у евхаристических элементов, как у Христа, две природы — одна природа хлеба и вина, которые не перестают быть таковыми, и одна сверхъестественная природа, которую принесенные в святую евхаристию элементы приобретают действием на них Святого Духа.

покой, необыкновенная сила и мощь отображались теперь в каждой черте его лица. Его лицо как бы светилось, как бы издавало сияние. Иоанн готов снова трудиться без всякой усталости с утра до самой поздней ночи, он запасся теперь силами на все предстоящие ему дневные труды и заботы.

После одной из таких служб Иоанн записал в дневнике: «Сегодня соединился с Господом в таинственном причащении на ранней литургии и бых полнота Исполняющего всяческая во всех. О, если бы это было всегда!.. то есть чтобы наполнить всех — все сердца»*. Характерно это «все сердца» — в этом проявляется стремление к неразрывной связи с паствой и совместное приобщение к Святым Тайнам, в этом сущность понимания им общественной значимости пастырского долга.

Воздействовал Иоанн на свою паству и словом проповеди. Хотя, как отмечают очевидцы, он и не славился особым ораторским искусством, но поучения его были просты и понятны, правдивы и убедительны. Скорее, он даже и не проповедовал в точном смысле этого слова, когда приходской священник словом хочет увлечь, увести за собой слушателя, вложить в его мозги мысли высокие и правильные, но, как правило, заимствованные проповедником из «чужой головы». Иоанн же любил наводить слушателей на размышления и заставлял вникнуть в самого себя, внутреннего, призадуматься над жизнью своей. В этой ситуации создавалось у слушающего впечатление, что он сам «дошел» до правильного вывода. Это ошеломляло человека, вдруг он обнаруживал способность к поиску и нахождению духовной истины!

Вот почему после почти каждой проповеди к Иоанну приходили несколько слушателей за разъяснениями и просили дополнительных сведений. Пастырь охотно давал их, беседа нередко затягивалась на два-три часа. Непременно вокруг собиралась толпа жадно слушающих людей, как бы примеряющих на себя ход доверительной беседы пастыря и прихожан.

— Ну, подумай, сообрази, — ласково говорил Иоанн своему собеседнику, — ну, возьми пример с соседа... — И сейчас расскажет какую-либо притчу, всем очевидную, и путем аналогии приведет сомневающегося к истине.

Однажды зашла речь о бытии Бога.

— Батюшка! Вот Библия говорит о происхождении Земли, человека. А если взять науку...

— Не бери науку в критику Библии, — строго перебивал пастырь. — В Бога мы можем только верить, а не доказывать Его бытие. Кто верит, тот не требует доказательства, а если ты хочешь доказывать, так где же вера? Я тебе говорю: у меня в

* ГА РФ. Ф. 1067. Оп. 1. Д. 14. Л. 26.

кармане есть булка; а ты отвечаешь: верю, батюшка, а дай-ка я рукой пощупаю. Одно из двух: верь или шупай.

— Но ведь учение свет, батюшка?

— Свет, большой свет. Но скажи, разве ты зажигаешь лампы днем? Или, если ты придешь ночью любоваться на звездное небо, разве ты принесешь свечу? Она тебе мешать будет, ведь и лампа, и свеча — свет...

— Так, батюшка; да я бы рад верить, но не могу.

— И я не могу, и все мы не можем. Вера дается от Бога просящим ее. Ты говоришь — хочешь верить, вот и проси. Обрати взор свой к небесам, забудь земное и проси небесного.

Случалось, что после подобных бесед вопрошавший являлся через несколько времени радостный, сияющий.

— Батюшка, — прямо с порога сообщал он, — а я получил веру! И как легко, как хорошо! Весь мир, кажется, обнял бы; с души точно гора свалилась.

— Благодарю Бога и помни, какие обеты накладывает на тебя вера, — отвечал священник. — Без дел вера мертва: надо любить Бога, а кто говорит, что он Бога любит, а брата своего ненавидит, тот лжец, по свидетельству апостола Иоанна.

В 1859 году вышли в свет первые «Катехизические беседы» Иоанна Кронштадтского. В них, опираясь на свой опыт общения с прихожанами, в доступной форме излагались основные догматы христианства. Книга пользовалась успехом. Вслед за ней последовал целый ряд брошюр, содержащих поучения Иоанна: «О Пресвятой Троице», «О сотворении мира», «О Престоле Божиим», «О блаженствах Евангельских».

Еще одним способом «завоевания» паствы стала исповедь. Иоанн Сергиев встречал приходящих на исповедь с распростертыми объятиями, не выражая какого-либо неудовольствия ни временем, ни числом исповедующихся. Он старался неформально, как можно дольше и подробнее исповедовать. Он изучал и проверял душевные качества исповедующегося и раскаивающегося. Иногда он мог проводить с человеком часы и откладывал отпущение грехов, заставлял снова и снова приходиться и произносить покаяние.

В первые годы служения Иоанн придерживался общепринятых правил индивидуального покаяния, а потому исповедовал часами. Вот в 1859 году он записывает: «Дивное дело! Я вчера исповедовал с 4 до 11 ч<асов>, и хоть немного устал, но, легши спать в 12 ч<асов> и вставши в 4 ч<аса>, я чувствовал себя бодрым и здоровым! Как хорошо работать Господу! Как Он подкрепляет — дивно!»*

* Там же. Д. 4. Л. 41.

По традиции особенно много говеющих и исповедовавшихся было в дни Великого поста. В левом приделе, где Иоанн обычно исповедовал, и около его ширм с каждым годом собиралось все более и более желающих попасть именно к нему на исповедь. В приделе стояла тишина. Были здесь и скромно одетые прихожане, и облаченные в дорогие шубы, в военное пальто. Все тихо и покорно ожидали своей очереди. А из-за ширм слышался иногда заглушаемый платком сдержанный плач, и оттуда торопливо выходил кто-нибудь с просветленным лицом и блестевшими от слез глазами.

Характер исполнения священнического долга Иоанном Сергиевым, пожалуй, можно определить одним словом — «истовый». Это было внове и воспринималось в Кронштадте в самых различных кругах далеко не однозначно. Сегодня мы видим в Иоанне признанного пастыря, святого Русской православной церкви... А тогда, особенно в первые годы его служения в Кронштадте, для всех он просто «батюшка» — «молодой», только что со «школьной скамьи» и такой... не в меру ретивый. В таких случаях всегда возникают раздражение, зависть, а то и клевета, и обвинения. Так было и вокруг Иоанна.

Одни обвиняли его в притворстве, лицемерии и искании славы. Другим казалось, что Иоанн «юродствует», ища популярности. Третьи были недовольны его принципиальным нестяжательством, на фоне которого их «стяжательство» выглядело греховным стремлением к богатству. Четвертым, той части местного «высшего» общества, что воспринимала Кронштадт как «пригород Петербурга» и привыкла к элегантным священникам, пришлось не по вкусу чрезмерно скромный вид батюшки да и манера служить — эмоционально, надрывно, нервно — они видели в нем «сельского попака». Этим последним «не по нраву» было само поведение Иоанна, воспринимавшееся как зазнайство и высокомерие. Вот он идет по городу, скрестив руки на груди и никого не замечая, творя непрестанную внутреннюю молитву. А им казалось это подозрительным. Хотя в этом случае Иоанн только обращался к практике Студитского монастыря в Константинополе, устав которого Феодосий Печерский ввел в Киево-Печерском монастыре.

В дневниковых записях Иоанн неоднократно упоминает о насмешках, которым подвергался. Но делает он это не напрямую, а отстраненно-назидательно: «Радуйся, когда над тобою издеваются и унижают: это — верный знак, что ты на тесном пути, вводящем в живот вечный». Священник подбадривал себя тем, что служит Божьему делу, выполняет завет служить обществу и обращать его на путь истинной веры, преодолевая

при этом враждебное к себе и делу своему отношение. Перед ним был пример, успокаивающий и защищающий его, — пример Спасителя! Вот характерная запись: «Иисус перед тем, как он служил в миру, искушаем был от диавола. И всякий человек, чем больше его служение, тем сильнейшему он подвергается в начале нападению от диавола; потому что этим последний старается в самом начале уничтожить то благотворное влияние, какое может произвести со временем в обществе человек, принимающий на себя служение обществу»*.

Удивляло и обижало Иоанна и поведение его братьев-священников. Дневники 1850—1860-х годов полны упоминаний об их враждебности. Соборный причт демонстрировал свое «отторжение» нового священника, его пытались всячески наказать, унижить и притеснить различными способами: не скупилась на пренебрежительные замечания; в дни больших праздников оставляли для него самое старое и заплатанное облачение; возлагали на него большую часть свершаемых в храме треб, но при этом обделяли деньгами; попрекали за «потакачество нищим, тунеядцам и мошенникам»; угрожали отобранием церковной квартиры... Хотя после того, как Иоанн обрел всероссийскую известность, об этом и не принято было вспоминать, но так было. Свидетельство тому можно найти и в воспоминаниях епископа Михея (Алексеева). В 1870—1880-х годах тогда еще Михаил Федорович Алексеев после окончания Морского кадетского корпуса служил по морскому ведомству, проживая в Кронштадте. Он чуть ли не ежедневно посещал служения Иоанна, тогда еще безвестного, служившего в одиночестве из-за отказа ему сослужить со стороны причтового духовенства. Молодой офицер нередко прислуживал в алтаре, заменяя алтарных служителей, часто удостаивался причащения Святых Тайн.

Публично протестовать Иоанн Сергиев не считал возможным и выплескивал свое недовольство на страницы дневника. Но и в этом случае нередко получалось, что «вина» ложилась не столько на недоброжелателей Иоанна, сколько на него самого. Вот одно из таких мест в дневнике: «Я завистник, ибо завидую своей братии, видя воздаваемые им почести и умноженное внешнее благосостояние, т. е. богатство, умноженное и сохраненное чрез сбережение и не подаяние бедным; досадую, что мне одному приходится расточать всюду собранное малое достояние великими трудами моими; что братия, для которой я много тружусь и богатство которой увеличиваю трудами моими, — не участвуют со мною в милостыне, не облегчают мне и милостыню на нищих, особенно младший иерей, получаю-

* ГА РФ. Ф. 1067. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

ший наравне со мною, с крайне малым и ленивым трудом, — и от того часто негодую на вопиющую несоразмерность в воздаянии за труд и в подаении нищим, коим нет числа; раздражаюсь, озлобляюсь на настоятеля, который накопил многие десятки тысяч рублей и никому не дает, спокойно живет и служит как ни в чем не повинный, как чистый совестью»*.

Большинство представителей городского православного духовного сословия, а их было более ста человек, жили обычными человеческими интересами: стремились добыть средства для пропитания своих семейств, которые, как правило, насчитывали немало душ, построить хорошие дома, обзавестись достатком, воспитывать своих детей. Со своими прихожанами священники встречались в основном в храме в свою «чреду» или по приглашению в их домах, приходя для свершения треб. Некоторые имели уроки в образовательных учреждениях. Вне своих пастырских обязанностей подчас они и не знали, как убить время от одной церковной службы до другой; свободного времени было достаточно... даже для карт, приема гостей, знакомых и пустого времяпрепровождения. Но чтобы идти куда-то в трущобы, в места проживания нищих, «бомжей», бедноты... Нет, желания не было, да и начальство не требовало, а если так, то можно было и не замечать, что там тоже люди православные, пребывающие в скорбях и грехах!

К тому же в середине XIX века жизнь духовенства в уездном городе серьезно изменилась: ему требовалось все больше и больше денег. Его уже не устраивало, что прихожане в основном жертвовали на церковь не деньги, так как их у них и не было, а в основном продукты. А духовным нужны были именно деньги, которые шли на обучение детей, расходы по найму квартиры и питание, на покупку соответствующих общественному статусу предметов обихода и одежды. Духовным сословием овладевает «болезнь приличия», то есть стремление подражать дворянству — первому сословию, — причем во всем: правильно говорить, носить модную одежду, пить чай, шампанское, обустроить дом, принимать гостей, заводить прислугу и кухарок. Боязнь унизиться до сходства с простонародьем выражалась и в нежелании поддерживать с ним постоянные отношения, входить в их нужды и заботы, бывать в домах и принимать у себя. Молодежь духовная считала зазорным развлекаться на манер «простой толпы» — народными песнями и играми.

Сложившийся мирок провинциальной жизни кронштадтского духовенства всех устраивал — и приходских пастырей, и их церковное начальство... Но вдруг он стал давать трещи-

* ЦГИА СПб. Ф. 2219. Оп.1. Д. 23. Л. 156.

ну.. Виною тому был новый священник Иоанн Сергиев. То ли ему все было внове, то ли он хотел соответствовать идеалу священника, сформировавшемуся у него в академии, при чтении и размышлении над творениями Отцов христианской Церкви и Священным Писанием, то ли его «обожгла» действительность бездуховной жизни основной части прихожан собора... Но жить, как все, и служить, как все, он не захотел.

В ответ соборяне не однажды направляли жалобы на Иоанна в епархию и Синод, суть которых была в одном: Иоанн не такой, как они, а значит, подозрительный, наверное, себе на уме, а что у него там?.. При их разбирательстве правящий архиерей митрополит Санкт-Петербургский Исидор (Никольский) не упускал случая попенять священнику за его странные начинания, как чрезмерное, не по уму, усердие, отклонение от подобающей священнику модели поведения. Даже спустя десятилетия Иоанн Кронштадтский ощущал подобную несправедливость. В 1890 году он отмечает на страницах дневника, что все 30 лет, возглавляя митрополию, преосвященный Исидор обращался с ним холодно и резко, вызывая подчас обиду и слезы, и ни разу не встретил его «по-отечески, добрым словом или взглядом, а всегда унизительно, со строгостию и суровостию»*.

Справедливости ради заметим, что ожидать иного отношения к себе со стороны правящего архиерея не только Иоанн, но и любой другой приходской священник просто-напросто и не мог. Во второй половине XIX столетия, как и прежде, епископы продолжали держаться мнения, что подчеркнутая строгость есть единственно правильный метод епархиального управления. Малейшие провинности духовенства сурово пресекались правящим епископом. За самые незначительные проступки священники и дьяконы ссылались в монастыри. Немало епископов пользовались среди духовенства дурной славой «деспотов», считались «бесчувственными, окаменевшими, безжизненными сердцами и душами». Мало кто из них стремился завоевать авторитет образцовой жизнью, человечностью и достойным отпращиванием богослужений. Архиереи синодального периода, даже и очень значительные, видели свою задачу в управлении верующими, а не в пастырском окормлении. Отсюда та непреодолимая преграда между епископами и низшим духовенством да и народом, что воздвигнута была и что остро ощущалась этими последними.

Что же касается Исидора, то возьмем его под защиту. Это был далеко не рядовой епископ, и не только «строгость» ему была присуща. После смерти в 1867 году московского мит-

* ГА РФ. Ф. 1067. Оп. 1. Д. 12. Л. 68; Д. 26. Л. 29.

рополита Филарета (Дроздова) иерархи Русской церкви смотрели на Исидора, по выражению Антония Храповицкого, «как на своего отца». Он пользовался громадным нравственным влиянием и авторитетом. С его именем связана целая эпоха в жизни Церкви. Он был удостоен всех наград, присвоенных духовным лицам, включая патриаршие отличия: право ношения двух панегий и предношения креста в священнослужении. Профессор Петербургской духовной академии А. Л. Катанский так писал о нем: «...крайне сдержанный, в высшей степени спокойный до поразительной невозмутимости, ровный, вежливый в обращении, склонный к юмору, чуждый порывов к произволу и часто встречающемуся архиерейскому деспотизму (! — *М. О.*), глубоко проникнутый чувством законности, в высшей степени дальновидный; наконец, искренне сочувствовавший успехам духовной науки»*.

Можно сказать, что Исидор был олицетворением победоносцевской эпохи**. Все знавшие его называли в качестве одной из основных черт его характера «полнейшее отсутствие желания прать против рожна». Он был «безучастен», помня о традициях синодального периода, вроде высылки из Петербурга обоих Филаретов (Московского и Киевского), и не встревал в вопросы общей церковной политики, подвластной государству.

Разные об этом времени остались свидетельства и мнения, но нельзя не прислушаться к тому, что писали иерархи православные. Вот, к примеру, рассуждение митрополита Флавиана (Городецкого): «Военных повышают за храбрость, профессоров за ученость, нашего же брата — за ничегонеделание, а кто много проповедует, горячится да пишет доклады, того, как беспокойного человека, оставляют подальше... За что меня сделали иерархом без академического образования? За то, что заметили во мне человека молчаливого и уступчивого. Государству не нужны сильные церковные деятели: оно терпит религию только в самых слабых дозах»***.

Не вступая в какое-либо противостояние с государством и даже не помышляя об этом, Исидор усиленно занимался делами своей епархии. Хлопотал об обеспечении быта духовенства, о развитии благотворительности и церковно-приходского образования. Как ученый он занимался русским переводом

* Катанский А. Л. Воспоминания старого профессора. СПб., 1918. Вып. 2. С. 23—25.

** Константин Петрович Победоносцев (1827—1907) — обер-прокурор Святейшего синода в 1880—1905 годах.

*** Никон (Рклицкий), архиепископ. Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время. Кн. 1. Н.-Новгород, 2003. С. 79.

Библии и вынес на своих плечах всю тяжесть ее издания. Но «ученость» его — это не синоним научных знаний и мировоззрения, это верность православному взгляду на мир, и здесь он был вполне «обычным». Именно ему принадлежит дурная слава гонителя российской науки. К примеру, по его настоянию в 1866 году «за изложение самых крайних материалистических взглядов», противоречащих религиозным представлениям о человеке и его душе, был наложен арест на книгу русского физиолога и мыслителя И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга». Более того, Исидор просил Синод сослать Сеченова «для смирения и исправления» в Соловецкий монастырь «за предрезостное душепагубное и вредоносное учение». Автора зачислили в число «неблагонадежных» и запретили ему читать «лекции для народа». Хотя спустя годы арест на книгу был снят, но до 1894 года она числилась в списках книг, запрещенных для хранения в библиотеках.

Записи в дневнике свидетельствуют, что была еще одна тема, постоянно обжигавшая Иоанна. Это чувство сословной приниженности и как ответная реакция — преследовавшее его годами чувство осуждения «богатых и праздных». Эти два чувства разрывали его внутреннее «я». Он ни на минуту не забывал, что его отец — дьячок, а не рукоположенный дьякон или священник, и что он стоит на очень низкой ступени православной иерархической лестницы. Сам Иоанн раз за разом пенял себе в дневнике за чувство стыда, которое пробуждалось в нем и мешало вести службу при виде лиц высокого социального положения, богатых и образованных. Возникало ощущение, что он «предает Христа» и Богородицу, внутренне съеживаясь из-за присутствия на службе «архиереев, протоиереев, разных чиновных — светских, военных, школьных, богатых и знаменитых»*.

Он понимал, что, войдя в мир духовного сословия, он все больше и больше отдаляется от среды, в которой жили его отец и семья; и чем дольше он жил «новой жизнью», тем все менее ему хотелось — и он даже этого страшился — вернуться в прежнее состояние. Но его «низкое происхождение» бунтовало против тех, кто, как ему казалось, жил праздно и суетно, в пресыщении всем житейским, с влечением ко всему светскому и не по средствам. Конечно, то был не социальный протест, или, скажем так, — возможный социальный протест облекался в негодование по отношению к тем «знатным и сильным», кто жил не по Христовым заповедям.

В дневнике за 1857–1858 годы из-под пера Иоанна на бумагу часто ложились слова осуждения. Вот он пишет: «Непра-

* ГА РФ. Ф. 1067. Оп. 1. Д. 12. Л. 61.

ведные богачи! Вы можете купить почти все чувственные наслаждения, но если вы забываете Бога, богатея неправдою, не можете купить величайшего из наслаждений, которое человек может иметь и на земле и которое раздает только один Господь обращающим сердца к Нему. Это – мир небесный, “Царствие Божие внутри нас” (Лк.17:21)».

Но если им не стяжать этого богатства, то кому оно доступно? Иоанн отвечает: «Не богаче ли вас поэтому тот слуга Божий, который владеет этим небесным сокровищем? Не почтеннее ли он вас? В вашем сердце царствуют страсти, именно: сладострастие, любостяжание, страсть к богатству мира сего и гордость житейская, а вместе с ними и диавол, – а в сердце верного раба Божия царствует Сам Бог и мир пренебесный».

Не остается сомнений, что «слуга и раб Божий» – это и сам Иоанн Ильич Сергиев, и подобные ему христиане, которых больше в той среде, выходцем из которой он был.

В дневниковых записях Иоанн просто приказывал себе следующую модель поведения в отношении подобных людей: «Возьми себе за правило пред знатными и сильными людьми, стоящими в церкви или в дому на молитве, сильнее и торжественнее возвышать голос свой, чтобы, если можно, смирить их гордость словами истины и христианского смирения».

Церковное рвение Иоанна Сергиева давало свои плоды, правда, очень и очень медленно. Собственно, первые 25 лет своей жизни в Кронштадте он был одним из многих городских «батюшек», разве только несколько отличаясь от тех из них, кто был «ленив и сыт».

Вокруг Иоанна формируется круг людей, которые регулярно исповедовались и причащались, были рядом с ним во всех его делах и всемерно его поддерживали.

Отдельно следует упомянуть Параскеву Ивановну Ковригину. Она появилась в Кронштадте в 1872 году, имея опыт духовной жизни: ее духовным отцом был старец Иларион (Решимский), ученик преподобного Серафима Саровского. Перед своей кончиной старец благословил Параскеву идти в Кронштадт и служить священнику по имени Иван. Параскева во время первого же своего посещения Андреевского собора подошла к Иоанну, попросила у него благословения и вскоре открыла душу на исповеди. Через некоторое время жители Кронштадта имели возможность наблюдать за тем, как Параскева Ивановна подолгу прогуливалась по улицам города с отцом Иоанном Сергиевым, всюду сопровождала его, смиренно беседовала с ним. На скромные и нескромные вопросы по поводу прогулок этих Параскева твердо и просто отвечала, какого рода беседы она ведет с батюшкой, и настаивала на том, что

искренне раскрывший перед ним душу на исповеди действительно внутренне обновляется. Постепенно и около старицы образовался небольшой кружок людей, которые шли к ней со своими духовными заботами. Она, можно сказать, стала основательницей той группы женщин, что постоянно следовали за Иоанном и воспринимали его чуть ли не как святого уже при жизни. В народе их называли «богомолки».

Когда Параскева объявилась, Иоанн уже обладал, хотя и в скромных пределах своего города, славой священника с даром исцеления людей. Листая дневник за февраль 1858 года, мы можем обнаружить одну из первых записей исцеления по молитвам Иоанна. «Двое малюток, Василий и Пелагея, — читаем, — бывшие в сильной падучей болезни, сначала от действия молебного пения и чтения, а потом окончательно — от действия животворящих Таин совершенно выздоровели и стали бодрые и веселые... Что исцеление последовало не от действия лекарств, а от действия молитвы и святых Таин, это доказывается тем, что дети, которых сильнейшим образом било до начатия молебна, во время самого молебна затихли, и сами молились Богу и после того до вечера были совсем спокойны. А вечером был только легкий припадок. От причастия же совершенно все прошло».

А в дневнике за 1859 год можно встретить запись о «воскрешении младенца» купца Александра Коновалова по молитве Иоанна и по крещении им ребенка. С начала 1860-х годов подобного рода записи продолжают наполнять страницы дневника. Вот запись от 19 февраля 1867 года: «Господи! Благодарю Тебя, яко по молитве моей, чрез возложение рук моих священнических исцелил еси отрока (Костылева)». Потом «чудес» будет больше и больше. Иоанн исцелял, пророчествовал, вызывал дождь, прекращал эпидемии, разоблачал дурные мысли завистников, говорят, даже мертвых воскрешал. По мнению рядовых верующих, «чудо» становилось его «повседневностью».

Параскева убедила отца Иоанна устраивать духовные беседы в «достойных домах» для жаждущих духовного просвещения. Поначалу на беседы собиралось немного людей, но со временем появлялись все новые и новые желающие послушать священника. То, что не сразу усваивалось на беседе, разъяснялось на досуге Параскевой Ивановной, которая хорошо знала Священное Писание и учения Святых Отцов. Для многих старица стала доступной, понятной, доброй и смиренной наставницей. Сильное духовное влияние старица Параскева имела на всех тех, кому приходилось обращаться к ее посредничеству. Таких лиц было весьма много, и особенно женского пола,

потому что женщины, стесняясь отца Иоанна, откровеннее и проще могли объясняться в своих задушевных тайнах с Параскевой.

Как-то пригласили Иоанна служить молебен о здравии болящего. По обычаю своему, он служил твердо и с верою. Но присутствовавшая здесь Параскева сказала, что батюшка не так молится, как нужно и как он может молиться. Молиться следует ему с великим дерзновением, с несомненным упованием на исполнение просимого, а не просто, как все молятся.

Какое-то время Иоанн, не считая себя достойным быть особенным посредником между людьми, нуждающимися в помощи Божией, и Богом, отказывался и думать о такого рода молитвах. Но неотступные просьбы и уверения Параскевы сделали свое дело, и Иоанн стал обращаться с мольбой к Богу об исцелении болящих и расслабленных душой и телом: больные и расслабленные исцелялись, «бесы» покидали человека. В начале 1880-х годов к Иоанну стали приводить больных специально для излечения.

В 1880 году отмечалось 25-летие служения в священном сане Иоанна. Ему поднесли подарок — наперсный крест из золота и драгоценных камней стоимостью 800 рублей — сумма по тем временам немалая. Инициатором сбора денег и покупки подарка была Ковригина. Иоанн был растерян и расстроган. В ответной благодарственной речи он говорил: «Но как я вложу его (драгоценный крест) на перси, когда Пастыреначальник наш Господь Иисус нес деревянный крест на раменах своих для принятия несправедливой казни за нас, изнемогающая под тяжестью его?» Тем не менее крест был принят, как и другой, теперь уже за две тысячи рублей, но уже в год тридцатилетия церковного служения. И опять инициатор — Ковригина.

Вообще, именинные дни Иоанна и круглые памятные даты его жизни и служения постепенно стали не только его «личным делом», но приобретали «общественное звучание», отмечались городской властью с участием приезжего духовенства, представителей церковных и общественных учреждений Петербурга, Петергофского уезда, Москвы. Сохранилось свидетельство, что на один из таких дней в Кронштадт приезжал Антон Павлович Чехов в качестве корреспондента газеты «Новое время». Правда, Великий пересмешник ничего особенного не заметил ни в поведении, ни в словах, ни в личности юбиляра. Он показался ему «обыкновенным». Не стоит расстраиваться по этому поводу, так как многие и «великие», и «малые» отмечали в Иоанне Кронштадтском именно это качество — обыкновенность!

На преподавательском посту

Через год после обоснования в Кронштадте отцу Иоанну было предложено дополнительно к его обязанностям третьего священника в Андреевском соборе приступить к педагогической деятельности в уездном училище. Он с радостью согласился — во-первых, это отвечало его желанию духовного руководства детьми, а во-вторых, в этом он увидел возможность иметь приработок, который можно было по собственному усмотрению употребить на благотворительные цели, никак не ущемляя семью.

Кронштадтское училище было «долгожителем», имея солидную историю, так как действовало с 1783 года. Первоначально оно было организовано на средства купца Василия Мурганова в принадлежащем ему каменном двухэтажном доме. Потому между городскими обывателями называлось «Мургановкою», а после того как в 1791 году перешло в казну, стало называться «народным».

В 1832 году, согласно высочайше утвержденному уставу учебных заведений Министерства народного просвещения, «народное училище» было преобразовано в «уездное». В него принимались дети, умеющие читать, писать и знающие четыре правила арифметики. Им преподавались грамматика языков русского и немецкого, география и история; первоначальные основания геометрии и естественных наук. Давались и практические знания — «технические, непосредственно полезные для промышленной деятельности», учитывающие запросы местной промышленности и потребности города. Ко всем этим предметам в обязательном порядке присоединялся — четыре часа в неделю — Закон Божий. В него входило изучение катехизиса и библейской истории; чтение книги «О должностях человека и гражданина» и введение в нравочение.

В течение 1857–1862 годов священник Иоанн Сергиев преподавал Закон Божий, то есть был законоучителем в уездном училище. Немного свидетельств этого периода сохранилось, ибо кто же мог разглядеть тогда в «обычном» священнике будущего православного святого?

Но что отмечают все, так это присутствие в отце Иоанне какой-то неземной, ангельской любви к детям. Детская душа в представлении отца Иоанна — это живая Божия красота. Любовь к детям Иоанн ставил краеугольным камнем деятельности педагога. «Вы — дети мои, — говорил священник, — ибо я родил и рождаю вас благовествованием о Христе Иисусе, духовная кровь моя — наставления мои текут в жилах ваших...

Вы — дети мои, потому что я имею вас всегда в сердце моем и молюсь за вас. Вы — дети мои, потому что я действительно как священник — отец, и вы называете меня батюшкой»*.

Иоанн сравнивал учителя с садовником. «Мы садовники, — любил говорить он детям, — вы растения и цветы, а гимназия — сад; преподавание — это поливание; перевод из класса в класс — это пересаживание и перемена грунта; сухие ветви и пожелтевшие листочки — это ученики недоброго поведения и безуспешные в науках, сухие и бесплодные»**.

Дневник Иоанна Сергиева свидетельствует, что Иоанн выстраивал себя как педагога и следил за собой и своей преподавательской деятельностью, извлекая и развивая опытом подтверждаемое лучшее и отсекая неоправдавшееся. В дневнике за 1857—1858 годы читаем: «При обучении мальчиков... взять такую методику преподавания, которая, обнимая небольшое число предметов, обнимала бы всех мальчиков, несмотря на различие их по степени их знаний. Для этого не иначе поступать, как заставлять их всех слушать объяснение урока. Преимущественно стараться об изучении Катехизиса и молитв. История будет преподаваться в уездном классе. Не нужно гнаться за множеством при изучении какой-либо науки, особенно когда она преподается мальчикам, еще не развитым и не очень охотно занимающимся своим делом: множество тут часто бывает причиною того, что мальчики не удерживают в голове ничего. Нужно как можно меньше, только яснее».

Об ответственности педагогов в деле воспитания раз за разом не устает повторять Иоанн: «Дети доверены педагогам на воспитание Богом и родителями — что требует ответственного и заботливого отношения к ним. Все прекрасное, индивидуальное, самобытное уже заложено в них, как в семенах. Богом дано и все необходимое для их роста и развития». Дело же педагога, считает Иоанн, раскрыть эти задатки и развить их, отсекая все неверное и неправильное, подготавливая их не только к настоящему, но и будущему вечному***.

Жизнь есть жизнь, и многие идеальные представления Иоанна, — а откуда было взяться практическим? — о подвиге учительства и месте религиозного воспитания в образовательной системе того времени разбивались о реальности российской действительности, повергали его в смущение и разочарование. Его возмущало, что директор водит учеников в театр,

* Полное собрание сочинений протоиерея Иоанна Ильича Сергиева. Т. 4—5. СПб., 1994. С. 379.

** Там же. Т. 3. СПб., 1994. С. 312.

*** Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Дневник. Т. 4. С. 439, 440.

устраивает для них танцы, позволяет им есть скоромное в пост, но не разрешает Иоанну читать в классе душеполезные книги. Более того, он просил отказаться от молитвы, читаемой учениками перед занятиями, которая, как он выражался, «только отнимает время от уроков». В своем дневнике Иоанн комментирует и спорит: «Отнимают время! Это занимает полминуты, а он иногда по четверть часа болтает в учительской. Боже, обуздай лукавство директора, пусть его гордость обратится в горе. Буди!»

В течение семи лет Иоанн преподавал Закон Божий в уездном училище, положительно зарекомендовав себя, снискав уважение и авторитет среди преподавательского состава, родителей и учащихся. Его уроки были очень просты по форме и одновременно содержательны, доходчивы, раскрывая перед детьми мир христианства, историю и первенствующее место православной церкви в государственном и общественном устройстве России.

Вот почему, когда в 1862 году в Кронштадте совместными усилиями и средствами Морского министерства и Министерства народного просвещения организуется мужская классическая гимназия, Иоанна Сергиева приглашают туда в качестве законоучителя. Здесь он проработает 25 лет!

К этой должности пастырь будет относиться очень серьезно, как к служению. «К преподаванию Закона Божия, — писал Иоанн, — надо приготовиться ничем ни меньше, как и к совершению Таинства, ибо обучение есть тоже Божие таинство». В дневниковых записях он формулирует для себя цели законоучительской деятельности: посвятить себя совершенно образованию, полюбить своих учеников, обращаться с ними всегда кротко, ровно, степенно, с приличной важностью, преподавать от всего сердца, со всем усердием.

Он довольно критично воспринимал современную ему общепринятую практику преподавания Закона Божия. Его не устраивало, что хотя формально курс этот и поставлен был в программе на первом месте, но на деле больше оказывался последним. Его удручало, что дети, как и их родители, зачастую увлечены были «духом света», чтением светских журналов, наполненных «легкими, игривыми, карикатурными примерами страстей человеческих, над которыми читающие любят только смеяться». Светская литература, считал он, все более решительно проникавшая в жизнь людей, не имела примеров нравственных, из которых можно было бы извлечь «уроки жизни». Тогда как Иоанн надеялся посредством обращения к христианской истории и нравственности прояснить для юношей цель человеческой жизни, ее высшие ценности и поня-

тия. Дело воспитания он видел в нераздельном двуединстве: воспитания для земли и воспитания для неба. «Как член гражданского общества, человек, — говорил Иоанн, — должен возрастать для круга общественной деятельности, к которой Бог призывает его (по принципу “Кесарю кесарево”), а как предназначенный к небесной жизни, он должен созреть ко дню жатвы и принести неувядаемые плоды добродетели (“Богу — Божие”)».

По гимназической программе Закон Божий преподавался в 1—4-х классах — по три часа в неделю; в 5—7-х классах — по полтора часа в неделю. Уроки Закона Божия в первых четырех классах в общем повторяли программу уездных училищ, разве что несколько подробнее. В 5—7-х классах изучались: история церкви, главным образом православной; Священное Писание с толкованиями; разъяснялись обязанности христианина, то есть своего рода нравственное богословие.

...В первые дни октября 1862 года во вновь организованной кронштадтской мужской гимназии при огромном стечении учащихся и учащихся, почетных гостей и родителей состоялось актовое торжество, знаменующее не только первый день жизни гимназии, но и начало первого в ее стенах учебного года. Заключительное слово было предоставлено законоучителю гимназии Иоанну Ильичу Сергиеву. Он был краток:

— Всякую наукой дорожите, всякую науку любите, потому что всякую науку открыл людям Господь Бог, источник разума и премудрости. Учитесь охотно и прилежно. Когда будет вам трудно или скучно, обращайтесь смело с верою к Господу Иисусу Христу, любящему вас, и Он тотчас поможет вам.

Гимназисты влед за своими наставниками стали расходиться по классам. Первоклассникам повезло — первым уроком у них был Закон Божий. Дежурный ученик, стороживший в коридоре, вбежал в класс со словами: «Идет! Идет!» Мальчишки торопливо рассаживались по своим партам, наступила тишина. В дверях показался батюшка: в темно-лиловой рясе, с наперсным крестом, блестящим на груди. Необычайная доброта его лица и ласковая улыбка сразу располагали к нему. Немало учеников сошли со своих мест и подошли под благословение, целуя с чувством радости его руку. Батюшка каждого благословлял и ласково гладил по голове и щекам.

— На молитву, дети! — сказал он и повернулся к иконе.

Дежурный прочитал молитву.

Иоанн, неторопливо подойдя к кафедре, сел на стул и раскрыл журнал. Внимательным взором оглядел притих-

ший класс. Казалось, он каждого согрел и обласкал. Начался урок. Внимание мальчишек было привлечено тем, что в руках учитель держал целую стопку разноцветных книжек. Это оказались жития святых, разъяснения праздников, описания святых мест и душеполезные беседы. Каждый из учеников получил по книжке. Вторую половину урока батюшка уделил чтению житий святых. Эти чтения настолько занимали ребят, что они просили эти книги с собой на дом. Учитель был этому рад и приговаривал: «Читайте, дети, внимательно, сколько в этих книжках благодати Божией!»

Так и повелось. Еженедельно учитель приносил новые книжки и раздавал их, собирая старые, прочитанные учениками. Затем батюшка объяснял урок следующего дня, а после этого начинал спрашивать. Желающих отвечать урок обыкновенно было много. Пять-шесть учеников стояли около его кафедры и непрерывно просились отвечать. Протягивались нетерпеливые руки и слышались умоляющие возгласы: «Батюшка, позвольте мне! Позвольте мне!» Иоанн по очереди внимательно выслушивал каждого, иногда поправлял, кивал одобрительно головой, говоря: «Хорошо, хорошо, так, так!» Потом гладил счастливец по голове и ставил отличный балл. Тот, весь сияющий, отходил, садился на свое место и, вынув жития святых, начинал читать. Не знавших урока не было. Звучал звонок, и батюшка прощался с ребятами до следующей встречи.

Иоанн стремился донести до детей события Священной истории с учетом их возрастного восприятия и миропонимания. Объясняя жизнь Христа Спасителя, Его заповеди и чудеса, отец Иоанн преисполнялся весь духовным подъемом. Казалось, что в этот момент он не видит своих учеников, а внутренним взором созерцает и, как свидетель, передает происходящее в отдаленной веками истории христианской церкви. В эти минуты румянец оживления на лице его становился ярче. Пламенная вера дышала в каждом его слове, жесте; душа трепетала от полноты чувств и переживаний – и все это передавалось ученикам, внимавшим словам учителя, которые умиляли и несказанно трогали, согревали той теплотой, которой была полна его душа. Дети тоже становились свидетелями Истории, и будто совсем недавними казались им жизнь Спасителя, Его проповедь и общение с народом. Слезы выступали на глазах батюшки во время рассказа о крестных страданиях Спасителя. Грусть проникала в сердца детей, они сидели потрясенные, притихшие, по-детски сопереживая свершившуюся трагедию.

А в третьем классе вместе со своим законоучителем мальчишки учили устройство храма и церковную службу.

— В храме вы — перед Лицом Божества! — говорил Иоанн.

Ученикам, с которыми никто так ранее не говорил, становилось и страшно, и таинственно, и ответственно. В голове роились вопросы: «А как же быть, что делать, на что обращать внимание?» Словно подслушав эти сокровенные недоумения, Иоанн наставлял: «Стойте благоговейно и внимайте всему, что там поется и читается. Это трудно, но надо. Ходите чаще в церковь, дети! Молитесь от всего сердца. Молитва — вода живая, душа ею утоляет жажду свою».

Иоанн Сергиев всех призывал посещать храм, но никого не обязывал и не принуждал к этому. И нередко бывало так, что после его уроков у мальчиков зарождалось общее стремление — бывать чаще в храме, дабы «опытно» проверить на себе наставления законоучителя. На последнем уроке текущей недели кто-либо из учеников спрашивал у отца Иоанна: будет ли он служить всенощную? — И если ответ был положительный, то можно было не сомневаться, что класс будет в храме на службе.

Волнующейся стайкой, желая быть незаметными и никому не мешать, стояли они поблизости от стены, наблюдая и внимая всему происходящему. Каждый из них отмечал соответствие тому порядку, о котором они слушали на уроке и читали в учебнике.

Вот открывались массивные Царские врата, и сквозь облако кадильного дыма они видели в глубине алтаря казавшийся таким чудно далеким силуэт любимого учителя. В детские сердца проникала сладость сознания, что это «их учитель» и от него они познают Христовы истины. Служба являлась прямым и неоспоримым доказательством силы слова отца Иоанна, правдивости и искренности его чувств. Он являл собою пример, и многие из его учеников старались, хотя бы приблизительно, идти по его пути.

По окончании службы мальчишки не уходили. Они хотели исповедоваться у своего пастыря. Иоанн неспешно беседовал с каждым, и это были минуты, когда детская душа была ближе всего к Богу, и когда возможная для нее нарождающаяся опасность отчетливо ощутима, и когда она легче может быть устраняема силой слова и силой молитвы.

Дети любили своего законоучителя. Во время уроков были всегда тишина и внимание, все ловили каждое его слово и не замечали ничего вокруг. Иногда батюшка приходил на урок усталый. Тогда он был молчалив, слушал ответы, борясь с одолевающей его дремотой. Дети затихали.

— Батюшка устал, молился, верно, всю ночь... больных посещал, — шептали они друг другу.

— Батюшка, я закончил, — говорил отвечающий.

Отец Иоанн поднимал на него свои усталые глаза, нагибался к нему, гладил по голове, хвалил и тянулся с пером к журналу. О доброте его и участии к чужому горю, к бедным ученикам хорошо знали. Уже тогда между ними ходили слухи, что за одного мальчика из очень бедной семьи батюшка заплатил за право учения, такому-то ученику помог, а отец другого мальчика поправился благодаря молитве отца Иоанна.

Конечно, в каждом классе были свои «ленивцы». Так, в пятом классе был юноша лет шестнадцати, крайне своенравный. На одном из уроков, когда класс изучал катехизис — определение Бога как Духа, вдруг он встал со своего места и резко заявил:

— Я отказываюсь признать это определение.

В классной комнате воцарилась гробовая тишина. Напряженные лица... испуганные глаза устремлены на учителя.

— Безбожник! Изувер! — воскликнул отец Иоанн, пронизывая слушника резким и упорным взглядом. — А ты не боишься, что Господь лишит тебя языка за твое юродство? Кто произвел тебя на свет?

— Отец с матерью, — отвечал глухим голосом протестант.

— А кто произвел самый свет? Кто создал все видимое и невидимое?

Ученик молчал, опустив голову и шмыгая носом.

— Молитесь, дети, — обратился тогда батюшка ко всему классу, — молитесь со всем усердием и верою!

По окончании урока «отступник» был позван к батюшке в учительскую. О чем говорил он с ним с глазу на глаз, никто не узнал, но тот вышел из учительской взволнованным, а в последующем изменил свое поведение.

Иоанн никогда не прибегал к тем приемам преподавания, которые часто имели место в тогдашних учебных заведениях, то есть ни к чрезмерной строгости, ни к нравственному принижению неспособных. У него отметки не служили мерами поощрения, а наказания — мерами устрашения. На его уроках не было «неспособных», ибо само отношение учителя к делу преподавания рождало теплое, задушевное отношение учеников и к нему, и к Закону Божию. На уроках Иоанна Сергиева все без исключения жадно вслушивались в каждое его слово. Уроков его ждали, и они были скорее удовольствием, отдыхом для учащихся, чем тяжелой обязанностью, трудом. Это была живая беседа, увлекательная речь, интересный, захватывающий внимание рассказ.

Меткими и короткими изречениями, многие из которых надолго, а то и навсегда остались в памяти гимназистов, Иоанн Сергиев поучал своих учеников. Воспоминания многих из них воспроизводят, например, такие высказывания:

«Помни, что сердечно и твердо веруя во Христа, спасемся в жизнь вечную. Помяни, как Святая Церковь из верных своих последователей никого не погубила, а всех спасла благодатью Божиею».

«Научись вспоминать и произносить имя “Бог” всегда с великою верою, благоговением, любовью и благодарным сердцем. Никогда не произноси его легкомысленно».

«Колокольный звон — зов на беседу с Богом, детей с Отцом, зов на явку пред Него».

«Учитесь молиться, принуждайте себя к молитве: сначала будет трудно, а потом, чем более будете принуждать себя, тем легче будет; но сначала всегда нужно принуждать себя».

«Уважай себя, как образ Божий: помни, что этот образ — духовный, и ревнуй об исполнении заповедей Божиих, восстанавливающих в тебе подобие Божие. Крайне остерегайся нарушать малейшую заповедь Божию; это нарушение разрушает в нас подобие Божие и приближает к подобию дьявола».

Бывали случаи, когда педагогический совет гимназии, потеряв надежду на исправление какого-нибудь воспитанника, приговаривал его к исключению. Тогда Иоанн являлся его заступником перед начальством, упрашивал не подвергать несчастного такому жестокому наказанию, ручался за его исправление и всегда склонял совет в пользу виновного, а потом уже сам принимался за его исправление. Проходило несколько лет, и из ребенка, не подававшего никаких надежд, вырабатывался полезный член общества.

Осенью 1887 года Иоанн Ильич оставил службу в Кронштадтской гимназии, так как приходские дела и обязанности отнимали столь много времени, что ни на что другое его просто не оставалось. В день прощания, совпавший с 25-летием его законоучительства, коллеги, почетные гости, родители говорили много теплых слов. В преподнесенном адресе отмечалось: «Не сухую схоластику Ты детям преподавал, не мертвую формулу, а тексты и изречения Ты им излагал; не заученных только на память уроков Ты требовал от них; на восприимчивых душах Ты сеял семена животворящего Глагола Божия. Множество детей прошло через Твою святую школу. Многие Твои ученики стоят на различных степенях и званиях на службе Царю и Отечеству, и все они, вдохновленные Тобой и Твоим святым общением с ними, вспоминают Твою любовь,

наставления, Твои уроки, и все, благословляя Тебя, с благоговением вспоминают те незабвенные часы, которые они проводили с Тобою...»

Благотворительность и социальное служение

Известно изречение — «в России две беды: дураки и дороги». Авторство отдают самым различным историческим личностям XIX столетия: Н. В. Гоголю, М. Е. Салтыкову-Щедрину, Н. М. Карамзину и даже Николаю I. Но думается, что настоящая беда исторической России — бедность и нищета большей части ее населения.

Знавала нищих, убогих и сирот и Московская Русь. Русская церковь стремилась выработать в людях отношение к ним на принципах христианской любви, требующей проявления сострадания и участия к конкретному человеку. Российская жизнь, перестроенная под мощным прессом монарха-реформатора Петра I, теперь предписывала иные побудительные мотивы — филантропия, когда помощь оказывается из соображений абстрактного гуманизма и своим проявлением имеет соучастие в общем, но отстраненном деле милосердия; этакая снисходительная благотворительность благополучных — униженным и сирым.

XIX век породил частную светскую благотворительность: основываются богоугодные заведения, благотворительные общества, богадельни, приюты, дома призрения и ночлежные дома. Нуждающиеся трудоспособные мужчины и женщины в возрасте 20—45 лет могли надеяться на небольшие денежные пособия и бесплатные обеды. Временную работу найти было непросто. Человек в лохмотьях, истощенный, без документов, но желающий честно трудиться, практически не имел шансов на получение места. Это ломало людей нравственно и физически. Они становились профессиональными «нищими», и вновь приучить таких людей трудиться, вернуть их обществу было почти непосильной задачей.

С момента отмены крепостного права непрестанно росло число «лишних людей» в крестьянском мире. Выброшенные из него, они устремляются в крупные промышленные районы и растущие города. Многие связывали свои надежды на лучшую жизнь со столицами — Санкт-Петербургом и Москвой, куда в поисках работы и пропитания, особенно в неурожайные годы, стекались толпы нуждающихся.

Но города мало что могли предоставить для сотен тысяч прибывающих в них бывших деревенских жителей. Практи-

чески отсутствовала система социальной помощи и поддержки нуждающемуся пришлому населению. Число государственных и частных благотворительных заведений исчислялось единицами. «Новые» горожане сталкивались с проблемой обеспечения жильем, социальными услугами и работой. Очень часто они, так и не найдя себе применения, пополняли армии бродяг и нищих. А тех, кого надо было, как писал русский исследователь-обществовед Д. Полупанов, «изолировать от вредного влияния преступного столичного мира, дать ему недорогой и по возможности благоустроенный временный ночлег, снабдить пищей и помочь найти скорее постоянную работу», было огромное множество*. Человек в городе оказывался один на один со своими проблемами. «На наших глазах, — писал журнал «Вестник благотворительности», — беспрепятственно болеют, мрут несчастные, пришедшие за тысячу верст за работой люди, распространяя заразу и на весь город; а “город”, в ответ на эту ужасающую нужду, преступно бездействует и молчит»**.

Добавим к этому отсутствие разработанного трудового законодательства, защищающего рабочих, отсутствие элементарной охраны труда и техники безопасности. Санитарно-гигиенические условия на производстве и по месту жительства рабочих были просто ужасными. Как правило, они жили в казармах, бараках или «по углам» в наемных частных квартирах, где отсутствовали элементарные санитарные условия.

На страницах книги «Современное хозяйство города Москвы» жизнь в таких ночлежках описывалась так: «Вопреки всяким правилам во всех ночлежных квартирах мужчины ночуют вместе с женщинами, и открытый разврат царит повсюду. Десятки тысяч работников ежегодно проходят через Хитров рынок, заражаясь здесь и физически, и нравственно и унося эту заразу с собой. Множество честных работников утопает в раскинутых тенетах эксплуатирующей части Хитрова рынка, превращаясь в пропойц и тунеядцев»***. Добавим, что из 16 140 квартир, обследованных городской управой Москвы в 1899 году, 70,2 процента были настолько переполненными, что на каждого человека приходилось менее одной сажени воздуха. Именно в этих квартирах, даже по официальным данным, была самая высокая смертность населения.

Аналогичным было положение и в имперской столице. Городская газета «Вечернее время» писала о таких человеческих жилищах: «В этих квартирах вырастают дегенераты, вы-

* Полупанов Д. Жилищная нужда и меры против нее в С.-Петербурге // Трудовая помощь. 1914. № 1. С. 27.

** Вестник благотворительности. 1900. № 5—6. С. 97.

*** Современное хозяйство города Москвы. М., 1913. С. 176.

рожденцы, рахитики, в зрелом возрасте усваивающие приемы уголовников и перекочевывающие на Горячее поле или Гутуевский остров, в волчьи ямы, прикрытые снаружи сухими ветками»*.

Очень часто отторгнутые от родных и привычных условий жизни и не нашедшие себе места в городах люди опускались на «дно», где оставались до конца дней своих, не в силах преодолеть царившие там порядки. Среди обитателей «дна» — бродяги, нищие (в основном профессиональные), проститутки (в большинстве несовершеннолетние), вору, беспризорники и другие деклассированные элементы.

Однако и эти люди нуждались в социальной поддержке. Но социальных учреждений явно было недостаточно. В 1900 году на всю страну их насчитывалось немногим более тринадцати тысяч. Государство не знало ни того, сколько всего людей нуждается в помощи, ни того, какие средства на это необходимы, ни где взять эти средства. По данным же российских ученых, не менее семи миллионов человек нуждались в экстренной помощи, что составляло пять процентов всего населения**. Было абсолютно ясно, что существовавших благотворительных учреждений было недостаточно для оказания помощи этим нуждающимся. Да и к тому же большая часть из них относилась к частному сектору и существовала на частные целевые вклады. Государство фактически самоустранилось от дела помощи нуждающимся. В России душевой расход на дело общественного призрения равнялся в конце XIX века всего лишь 0,09—0,35 копейки. Для сравнения укажем, что этот показатель составлял: в Германии — 0,90; Италии — 1,18; Франции — 1,20; Швеции — 1,33; Швейцарии — 1,90; Норвегии — 1,97; Великобритании — 3,0***.

Приведем слова, сказанные в 1893 году председателем Комитета для пересмотра законодательства о призрении бедных статс-секретарем К. К. Гротом и дающие обобщающую оценку: «Призрение не имеет у нас соразмерности ни в действиях своих, ни в средствах, ни, наконец, единства в целях»****.

Иоанн Сергиев, выходец из бедной сельской семьи, на себе

* Вечернее время. 1913. № 496. С. 3.

** Браудо А. Россия в конце XIX века. СПб., б/г. С. 936.

*** Иванова Е. В., Иванова Ж. Е. Зарубежный опыт социальной работы в рамках российской благотворительности. М., 2001. С. 49.

**** Там же. С. 52.

испытывавший трудности и лишения деревенской жизни, видевший и привыкший к взаимоотношениям между сельским священником и его паствой, во многом сохранявшим свой патриархальный характер, переносил их на свое кронштадтское служение.

Он стал ежедневно посещать бедных жителей Кронштадта — поступок беспрецедентный для городского духовенства XIX века. По первому зову являлся для совершения треб (чего избегали его сослуживцы), оказывал духовную поддержку обитателям трущоб. Случалось, на свое жалованье покупал одиноким и больным беднякам продукты питания, одежду, приводил врачей, приносил лекарства. Священник, который не просил, а сам давал деньги, был столь необычным явлением, что рассказы о его неслыханной щедрости быстро разносились по городу, достигали Ораниенбаума, Петербурга и распространялись далее. Также и двери его дома были открыты для всех нуждающихся, и любой мог рассчитывать здесь на теплый прием и отдохновение.

Щедрость тем более была примечательна, что давалась Иоанну нелегко. Детство, семинарское и академическое прошлое приучили его экономить во всем и «свободных» средств у него никогда не было. Картины несытого прошлого и недостатка во всем преследовали еще многие годы отца Иоанна. И в своей новой, семейной, жизни он вынужден был быть весьма рачительным, если не сказать, скардным, когда каждая копейка на счету.

На страницах дневника он не раз укоряет себя, что «заглядывает» в тарелку гостя, мысленно высчитывая, во что обошелся его приход. Он пеняет себе за скупость, за трудное преодоление страха перед бедностью и нищетой, пережитыми в детстве и отрочестве. Он наставлял себя: «Гости и родные никогда не отбирают твой последний кусок, используй молитву, когда скупость закрадывается в твоё сердце; снадомое есть дары Божии, общие для всех, а ты лишь приставник к ним, ты исполняешь завет Божий... твори добро ближнему, и оно вернется с большей отдачей».

Ему доставляло огромное удовлетворение зафиксировать «возвращаемое» сторицей. В одном месте он пишет: «Дивно, осязательно Господь промышляет о творящих милостыню: милующие других сами получают щедрое подаяние от людей... Так я, многогрешный, подал сегодня милостыню бедной старушке и 2-м бедным мужчинам. — И что же? — Пришедши домой, вижу, что мне самому принесены подарки от доброго человека: большой горшок пресного молока, горшок свежего

творогу и 10 свежих яиц. Дивны дела Твои, Господи! Явна де-
сница твоя, Преблагий, на меня грешного»*.

Конечно, Иоанн не мог не видеть, что материальная по-
мощь пастве только личными силами и средствами мало что
меняла в положении бедного люда. Жизнь показывала, что
желающих следовать путем благотворительности, каким он
стремился идти сам, не было. Имеющие что-либо не спешили
отдавать «излишнее» ближнему и, более того, скорее тра-
тили деньги на «безделушки, побрякушки, развлечения», чем
хотя бы копейку отдать нищим или в церковь для благотвори-
тельных целей. С недоумением и возмущением Иоанн прямо
пишет об этом в своем дневнике: «Лавочки, малознающие,
торгующие кожаными и мягкими товарами, скольких бедных
могли бы одеть, обувь — а между тем у них не допроситься ни
одной рубашки, ни одной обуви, ни одного кафтана — и мно-
го товара лежит у них без движения. О, если бы они сочли за
счастье одеть нищего, как Самого Иисуса Христа! О, если бы
они стяжали от Господа духовный разум, который бы внушил
бы им считать эту трату за величайшее приобретение»**.

Или даже еще более зло: «Всего больше неправды делают
на земле люди богатые и желающие обогатиться, которые за-
гребают в свои лапы богатство всеми возможными мерами,
невзирая на страдания людей бедных»***. Полагая Россию страной
христианской, Иоанн воспринимал кричащее социальное
неравенство настоящим злом, борьба с которым — обя-
занность священника. Но как бороться? Священник отвергал
идеи социального равенства, присущие социалистическому
учению, постепенно распространяющемуся в России, постольку
они допускали и насилие. Для него оставался единственный
путь — личная благотворительность, должна стать
образцом поведения для паствы и всех подданных.

В 1868 году Иоанн Сергиев сделал первую попытку при-
влечь внимание городской общественности и местных властей
к бедственному положению «мещанского населения», не име-
ющего места и приюта. Он обратился в городскую думу, при-
зывая позаботиться о бедняках, предоставить им крышу над
головой, создать Дом трудолюбия, где они могли бы обучаться
ремеслам. Но... услышан он не был.

Спустя время, теперь уже в 1872 году, Иоанн опубликовал
в «Кронштадтском вестнике» два воззвания к своей пастве с
призывом помочь ему в осуществлении дела помощи бедным.
«Кому не известны рои кронштадтских нищих, — писал он, —

* ГА РФ. Ф. 1067. Оп. 1. Д. 4. Л. 75.

** Там же. Д. 14. Л. 47.

*** Там же. Л. 77.

мещан, женщин и детей разного возраста? Кто не видал того, что между нищими мещанами есть много людей молодых и здоровых, представляющих из себя весьма жалкие фигуры по своей крайне грязной и изорванной одежде, трясущихся у преддверия храмов или у лавок и заборов в ожидании подавания от какого-либо благодетеля? Но всякий ли додумывается до настоящей причины такого множества бедных в Кронштадте? Вероятно, многим или некогда было вникнуть в истинную причину этого зла, потому что всякий преследует свои житейские цели, свои удовольствия, или многие останавливались на той мысли, что нищета — неизбежное зло всех городов, не исключая, конечно, и сел. Многим гражданам, вероятно, и не приходилось видеть полную картину кронштадтской нищеты, — картину далеко неотрадную».

Священник перечисляет основные причины нищеты и рисует перед читателем веер самой разнообразной «бедности» — от рождения и сиротства; от бедственных случаев (пожар, наводнение, кража и пр.) и потери места; от неспособности к труду по причине старости и болезни, калечества и маловозрастности; от лени и пристрастия к хмельным напиткам; от недостатка труда и средств, которые необходимы для него, чтобы иметь порядочную одежду и обувь, продукты питания и инструменты.

Иоанн призывает горожан, состоятельных и не очень, лиц духовных, военных, чиновников, торговцев, мещан взять на себя сообща попечительство над нищими, чтобы занять их полезным трудом. В качестве практического шага в деле борьбы с бедностью он призывает «приискать или сделать... общее помещение и каждому дать соответственно его силам труд, которым он мог бы кормиться или одеваться». Он объявляет, что готов вносить «в кассу общества, которое примет на себя хлопоты по этому делу», 70 рублей ежегодно.

На этот раз призыв был услышан, откликнулась городская дума, высказавшись в поддержку устройства Дома трудолюбия. Но от словесной поддержки до помощи конкретной, материальной, было еще очень и очень далеко. По замыслу Иоанна Сергиева, Дом трудолюбия должен был охватить все категории социальных низов: от детей-сирот, неработоспособных женщин и стариков до физически здоровых мужчин. Предполагалось не только предложить им полезную и доступную работу, но и создать условия, при которых они могли бы воспользоваться этой возможностью.

В 1874 году усилиями Иоанна Сергиева, при поддержке барона О. О. Буксгевдена* и великой княгини Александры Иоси-

* *Отто Бальтазар Буксгевден*, известный в России как Отто Оттович Буксгевден, — барон, товарищ военно-морского прокурора, вынужден

Крестный отец. Уродец
и сын Иван Сергеевич

**Феодора Власиевна — мать
Иоанна Сергиева**

**Иоанн Кронштадтский
с сестрами
Анной Ильиничной
Фиделиной
и Дарьей Ильиничной
Малкиной**

Генерал от кавалерии
граф Николай Александрович
Протасов, обер-прокурор
Святейшего синода
в 1836—1855 годах

Митрополит Новгородский
и Санкт-Петербургский Исидор
(Никольский)

Константин Петрович Победоносцев,
обер-прокурор Святейшего синода
в 1880—1905 годах

Андреевский собор
в Кронштадте.
Фотография начала XX в.

Отец Иоанн и матушка
Елизавета Константиновна

Вице-адмирал
Степан Осипович Макаров

Памятник адмиралу
Макарову в Кронштадте
на Якорной площади

Настоятельница
Пюхтицкого монастыря
игуменя Варвара

Пюхтицкий
Успенский монастырь.
Фотография начала XX в.

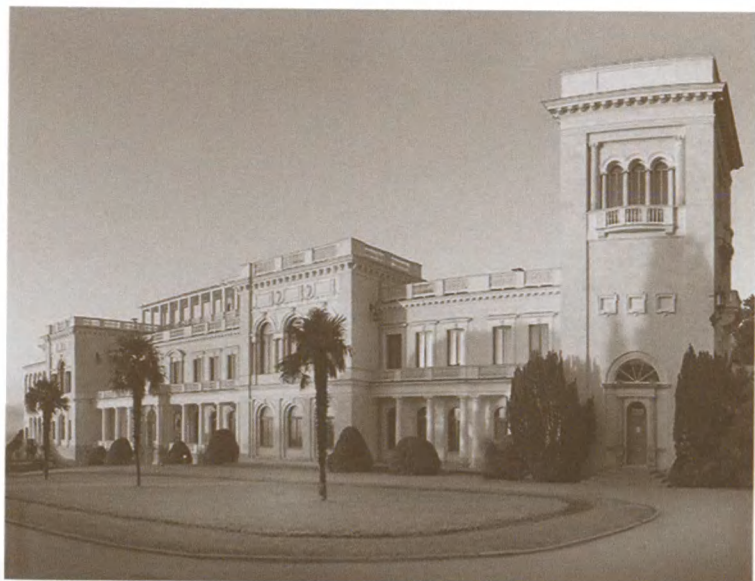

Александр III

Николай II

Ливадийский дворец — южная резиденция российских императоров

Патриарх Тихон (Белавин).
1917—1925 гг.

Патриарх Сергей (Страгородский).
1943—1944 гг.

Патриарх Алексей (Симанский).
1945—1970 гг.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Настоятельница
Леушинского
монастыря
игуменья Таисия

Леушинский Иоанно-
Предтеченский
монастырь

Как можно видеть из инспекционного
заявления о. Иоанн Кривошеин, т. е. светоты
въ союзъ русскаго народа и т. д. и т. д. № 200787
Вотъ это заявление:

25.

Въ Союзъ Русскаго Народа

Заявленіе.

Желая вступить въ члены Союза Русскаго Народа, стремящагося къ содѣйствію (въсѣми законными средствами) правильному развитію началъ Русской Церковности, Русской Государственности и Русскаго Народнаго хозяйства, на основахъ Православія, неограниченнаго Самодержавія и Русской Народности, прошу какъ единомышленника зачислить и меня:

Имя *Іоаннъ*

Отчество *Исавичъ*

Фамилія *Серіевъ*

Званіе *Протоіерей Кривошеинскіа Александровскаго собора*

Какой губерніи *Архангельска*

Родъ занятій *Кривошеинскій во.*

Личная подпись *Іоаннъ Серіевъ*

Адресъ: *Л. Кривошеинскій, съѣздъ Рудыкой уд.*

Участокъ *2*
Подъ рубрикой: *Грунтово-самоу Дуровина патента*

"Подпись лица рекомендовавшаго)" *не требуется*

августъ 19

дня 1908 г.

Дом Иоанна Кронштадтского
(Кронштадт, ул. Посадская, 21)

Гостиная зала в квартире отца Иоанна

Возрожденный Морской собор во имя святителя Николая Чудотворца в Кронштадте

Памятный камень на том месте, где стоял Кронштадтский Андреевский собор

Мемориальная доска на доме, где находится музей-квартира отца Иоанна Кронштадтского

Икона святого праведного Иоанна Кронштадтского

Свято-Иоанновский женский монастырь в Санкт-Петербурге — место упокоения Иоанна Кронштадтского

Памятник отцу Иоанну Кронштадтскому
(Кронштадт, ул. Посадская, 21)

фовны* основано было «Попечительство во имя апостола Андрея Первозванного о бедных». Первого числа каждого месяца происходила регистрация нуждающихся. Приходило множество стариков со свидетельствами от врачей о неспособности к физическому труду, которые получали небольшую пенсию. Здесь же выдавались разовые и регулярные денежные пособия, одежда и обувь нуждавшимся. Под патронажем попечительства в течение года находилось до трех тысяч человек.

Можно высказать предположение, что, обдумывая организацию и порядок деятельности Дома трудолюбия, да и в последующем, когда Дом заработал, Иоанн использовал международный опыт, в том числе и религиозных организаций. Известно, что его единомышленник О. О. Буксгевден бывал в Англии, где знакомился с социальной деятельностью государственных учреждений и церквей, в частности, Армии спасения. А адмирал Макаров, также не понаслышке знавший благотворительную деятельность Армии спасения, и вовсе считал полезным перенести ее опыт в Россию.

Начало Дому трудолюбия положили две мастерские: пенькошипательная и картузная**. В пенькошипательной растрепывали старые корабельные канаты на волокна и плели из них новые шпагаты, канаты, гамаки и сети. Там же изготавливали тюфяки из мочала и волоса. В картузной — клеили конверты, коробки и бумажные пакеты. Средний ежедневный заработок в мастерских составлял 19 копеек. На них человек мог худо-бедно содержать себя. В «народной столовой», работавшей при мастерских, чашка шей или супа стоила одну копейку; гречневой или пшеничной каши — две копейки; фунт обычного хлеба — две с половиной копейки, обдирного, из муки лучшего качества — три и четыре копейки; плитка чаю — одну копейку и три куса сахара тоже одну копейку. Горячий кипляток и кипяченую воду давали бесплатно. Переночевать в ночлежном приюте можно было за три копейки.

был оставить этот пост и стать членом консультации при Министерстве юстиции, чтобы иметь время на благотворительную деятельность. Неоднократно совершал поездки по странам Западной Европы для изучения опыта благотворительной деятельности и привнесения его в Россию. В Италии его интересовали детские приюты-корабли, в Англии — Союз детской помощи и Детская лига, в Германии и Франции — исправительные заведения для несовершеннолетних, работные дома.

* *Александра Иосифовна* (тетя Санны) — великая княгиня, жена великого князя Константина Николаевича, второго сына императора Николая I. Много занималась благотворительностью, детьми-бродягами. Это и способствовало ранее ее знакомству и сближению с Иоанном Кронштадтским.

** *Картузы* — так называли в то время всевозможные клеевые бумажные пакеты, конверты, коробки.

Когда в марте 1881 года был убит император Александр II, отец Иоанн предложил увековечить его память постройкой при Андреевском попечительстве Дома трудолюбия. Он получил на это хотя и небольшую, но постоянную государственную субсидию. Председателем комиссии по сбору пожертвований был избран О. О. Буксгевден. В августе этого же года сбылась мечта отца Иоанна — состоялась закладка первого в России Дома трудолюбия на Медвежьей улице, впоследствии названной Сергиевской*. А его открытие и освящение свершилось в октябре 1882 года.

Дом трудолюбия объединил в единое целое создававшиеся на протяжении ряда лет социальные, благотворительные и общепросветительские учреждения: разнообразные мастерские и народную столовую; ночлежный приют и приют для малолетних; аптеку и амбулаторную лечебницу; начальное народное училище и читальню; публичную общедоступную библиотеку для взрослых и для детей; воскресную школу для детей и взрослых; убежище для сирот и дневное пристанище для проходящих детей; огороды и летний загородный дом милосердия, дом Андреевского приходского попечительства**. В 1888 году был построен трехэтажный каменный ночлежный приют, а в 1891 году — четырехэтажный каменный странноприимный дом.

Дом трудолюбия стал гордостью отца Иоанна. В его сохранившихся письмах родным и знакомым мы можем найти нередкие упоминания о напряженной деятельности Дома, об участии в его делах отца Иоанна. Вот он пишет в октябре 1882 года одному из племянников — Е. В. Фиделину: «Дом трудолюбия освящен и находится в действии. По воскресным дням в нем бывают народные чтения, народу ходит бездна, до духоты. Читал и я один раз. Буду по временам продолжать». Но конечно же участвовать в жизни Дома пришлось не «по временам», а регулярно. А когда при Доме в 1886 году была устроена церковь во имя святого благоверного князя Александра Невского, то он служил в ней.

Ежегодные общие расходы на содержание Дома составляли около 40 тысяч рублей. Эти средства формировались исключительно попечением отца Иоанна. У него была целая программа «добычи» денег: обращения к государю и представителям «высшего света», к высокопоставленным чиновникам и кронштадтским властям, к монастырям и храмам, рядовым членам Церкви, сборы средств во время поездок по стране.

* Современный адрес: ул. Фейгина, 7—9. Архитекторы — В. О. Титов и А. Я. Силин. Ныне здесь располагается школа.

** Кронштадтский Андреевский собор. Кронштадт, 1892. С. 59.

К каждой из категорий потенциальных жертвователей Иоанн умел найти нужные слова, привести примеры, указать цели использования средств. За 20 лет существования Дома Иоанн внес на его нужды более 700 тысяч рублей.

В начале XX века Дом трудолюбия оценивался более чем в один миллион рублей*. И это без тех ценностей, что постепенно скопились в Доме. Один из посетителей, осмотрев Дом, восхищенно писал: «В храме Дома трудолюбия особенно поразила нас ризница. Святых сосудов мы насчитали более десяти. Все они отличались ценностью и изяществом работы... Я, вероятно, не ошибусь, если скажу, что едва ли есть еще какая другая домовая церковь в целой России, где была бы такая ризница. Ризы были парчовые, бархатные и шелковые. Нам показывали такие ризы, из которых каждая по стоимости превышала тысячу рублей. Были, кажется, в три тысячи и более. Оплечья одних были богато расшиты золотом, других – украшены жемчугом и камнями, третьих – ценными иконами, четвертых – художественно разрисованы. Одна риза была сделана в Японии из тончайшего шелка, отделанная чудесными и дорогими кружевами... Это – дар бывшего моряка, несколько раз объехавшего всю землю. В ризнице показали нам громадных размеров сундук, наполненный ценными подношениями о. Иоанну. Это были не церковные все предметы, а предметы или роскоши, или вещи, необходимые в домашнем употреблении. Какая их была масса! Они сложены были без всякого порядка и без малейшей бережливости. Об употреблении их не могло быть и речи. Под церковью в небольшой комнате, где после богослужений переодевался Иоанн, нам показали много самого тонкого, дорогого, разнообразного белья. Все это были щедрые дары его почитателей. Нам говорили, что у о. Иоанна так много ряс, что он мог бы каждый день надевать новую рясу. Некоторые из его почитателей умоляют его хотя однажды надеть на себя их щедрый дар».

Не меньшее впечатление производил и кабинет Иоанна в Доме трудолюбия, которым он почти и не пользовался, – мра-

* Дом трудолюбия при Андреевском попечительстве был закрыт в 1920-х годах. Храм при нем был разорен, его алтарная апсида разрушена, а звонница над третьим этажом здания снесена. Здания странноприимного дома и дома Андреевского приходского попечительства стали жилыми домами. Улица, на которой стоят здания бывшего Дома трудолюбия, в 1918 году из Сергиевской была переименована в улицу Зиновьева. С 1933 года она стала носить имя Герасима Фейгина, комсомольского вожака, погибшего в 1921 году при подавлении Кронштадтского восстания. В 1940-х годах в здании Дома трудолюбия разместилась женская школа, а в 1975 году в него переехало профессиональное училище, которое готовит поваров, кондитеров, автомехаников и парикмахеров. О прошлом напоминают лишь экспонаты из музея училища.

мор, бронза, дорогие картины, роскошные портьеры, чудная мебель, прекрасные зеркала, великолепные ковры.

По завершении строительства Дом трудолюбия стал не только центром социально-благотворительной деятельности Иоанна Сергиева, но и объектом посещения и показа практически для всех официальных (церковных и светских) делегаций, посещавших Кронштадт. Здесь же стало традицией проводить торжественные приемы и мероприятия, связанные с жизнью православной церкви и города Кронштадта.

Например, в августе 1896 года в Кронштадт приезжала делегация из сорока человек из Галиции. Гости вместе с Иоанном Сергиевым посетили Католическое кладбище, где был захоронен галицко-русский общественный деятель и меценат, публицист и юрист — Михаил Алексеевич Качковский. Он скончался в Кронштадте во время путешествия по России. На его могиле, где членами Петербургского славянского благотворительного общества был поставлен памятник, отслужена панихида.

Успешный опыт кронштадтского Дома трудолюбия был воспринят и в ряде других городов России. По поручению министра внутренних дел с рассказами о нем в 1886—1898 годах барон О. О. Буксгевден посетил многие города Европейской России, убеждая губернаторов, духовенство и именитых горожан создавать аналогичные заведения. В результате в 1886 году был учрежден Дом трудолюбия в Санкт-Петербурге; в 1887-м — во Пскове, а к 1895 году по стране действовали 52 дома.

Тогда же императрица Александра Федоровна учредила Попечительство о домах трудолюбия и работных домах. В Положении о Попечительстве говорилось, что его целью была «попытка более планомерного дальнейшего развития и урегулирования такой формы призрения, которая так или иначе уже фактически существовала». Попечительство разработало единый устав и правила для обществ, организующих дома трудолюбия. В 1897—1917 годах оно издавало журнал «Трудовая помощь», выпускало литературу по организации занятости и устраивало ежегодный конкурс на лучшие исследования в области трудовой помощи.

В статьях «Трудовой помощи» можно было прочесть, почему именно такой вид помощи отстаивал журнал: «Мы подаем кусок хлеба, который бедняк с озлоблением отталкивает, потому что остается без крова и без одежды и не может обойтись одним хлебом. Мы подаем нищему монету, чтобы отделаться от него, и сознаем, что мы, собственно, еще глубже вталкиваем его в нужду, так как он пропьет данную ему милос-

тыню. Наконец, мы даем одежду раздетому, но напрасно, ибо он возвращается к нам в таких же лохмотьях». Вывод напрашивался сам собой — необходимо обеспечить условия для трудовой деятельности человека, которая становится основой для возможного его возвращения в общество.

К началу XX века в России было уже более ста домов трудолюбия. Был организован комитет по устройству домов трудолюбия в других городах России, и Иоанн Сергиев был назначен его членом*. Практически все дома трудолюбия состояли на дотации у государства или частных благотворителей. Средняя доплата для покрытия расходов Дома составляла 20—26 копеек в день на человека. Приходили в основном люди неквалифицированные, их труд был низкооплачиваемым. Но зачастую призреваемых приходилось сначала учить даже самым нехитрым навыкам, что значительно увеличивало расходы на их содержание. Заработок чернорабочего в мастерских составлял от 5 до 15 копеек в день. Работы по уборке улиц и на свалках нечистот оплачивались дороже, но таких заказов на всех не хватало. В результате некоторые из домов трудолюбия превращались попросту в дома призрения.

Несмотря на создание Дома трудолюбия со всеми его отделениями, обслуживающими тысячи человек, количество нищих в Кронштадте практически не уменьшилось. Более того, временами казалось, что они, прослышав об Иоанне Кронштадтском, ринулись в город со всей страны и во все более возрастающем количестве. Каждое утро сотни и сотни из них буквально сторожили Иоанна возле его дома. И тот на протяжении десятилетий начинал свой рабочий день с общения с ними и раздачи милостыни.

...Забрезжил рассвет. Кронштадт спит, и только «посадская голь» начала вылезать из своих «щелей» — грязных вонючих углов в низеньких ветхих домишках. Выскакивают фигуры, мужские и женские, в каких-то «маскарадных» костюмах: кто в кацавейке и больших калошах, кто в зипуне с торчащими клоками ваты; у кого на голове остов цилиндра или соломенная, в дырах, шляпа... Все торопятся, точно по делу бегут... Слышится: «Не опоздать бы, не ушел бы...»

Если спросить этих людей: «Куда же вы так торопитесь?» —

* В первые годы существования каждый из этих домов был своеобразной биржей труда, предназначенной для помощи в поиске или для предоставления работы лицам, ее утратившим. Дети, нетрудоспособные и профессиональные нищие оказывались вне поля их деятельности. Впоследствии дома трудолюбия решали более сложную задачу: дать работу не только ищущим, но и избегающим ее. Главная цель заключалась в переподготовке «профессиональных» безработных и в создании у них стойкой мотивации к самостоятельной трудовой жизни в дальнейшем.

то можно услышать: «В строй, к батюшке... кто опоздает к задаче милостыни, после ничего и не получит». Бегущие образуют ручейки, которые сливаются в большую человеческую реку, и она устремлена к воротам дома Иоанна Кронштадтского. Сотни собравшейся голи становятся вдоль забора, на одной стороне — мужчины, на противоположной — женщины. Меньше чем в пять минут образовалась длинная лента из человеческих фигур, примерно в полверсты. Все ждали...

Изнуренные лица, исхудалые, оборванные фигуры. На лице каждого можно было прочесть целую житейскую драму, если не трагедию. Были тут и молодые, почти юноши, и седые старцы. Попадались на костылях, убогие, с трясущимися головами, с обезображенными лицами. Такую коллекцию «сырых» трудно подобрать. Право, уж если каждый из них в отдельности не способен тронуть душу зрителя, то все вместе они могут заставить дрогнуть самое черствое сердце! Пусть большая часть их пьяницы или люди порочные, пусть сами они виноваты в своем положении, но ведь это люди... Люди страдавшие, страдающие и не имеющие в перспективе ничего, кроме страданий! Их удел на всю оставшуюся жизнь — безденежье, безработица, голод, трушобы, одиночество, прозябание...

Вот бывший студент медицинской академии, а рядом — надворный советник, а там — поручик, разорившийся купец-миллионер, дворянин громкой фамилии, у которых все в прошлом, все «было», сейчас же есть лишь одно — нужда... Кто-то среди них не один, сохраняя еще человеческие связи: у этого семья и больная жена, у того старуха-мать, сестры... Немало среди них убогих, инвалидов, безнадежно больных, которые без посторонней помощи не могут обеспечить себя... Все они никому не нужны в этом городе, в стране, в мире... Да и в самом их сообществе царят порядки джунглей, хищной стаи, где никто не застрахован от «соседской» жестокости, обмана, безразличия... Если бы не отец Иоанн, то большая часть этих людей, а то и все, давно умерли бы с голоду. Но попробуйте им сказать, что они живут подаванием, предложите им деньги... Откажутся, ибо не унижающей милостыни и подавания просят. А берут от «батюшки» — он же не свое дает, а Божие. Дает то, что он получает, как они уверены, для них от Бога.

Еще не было шести часов, когда из калитки хорошо знакомого всем собравшимся дома вышел Иоанн Ильич Сергиев. Толпа заколыхалась, обнажив головы, а кто-то и преклонив колени. Отец Иоанн снял шляпу, сделал поклон своим «детям», перекрестился на виднеющийся вдали храм и пошел вдоль шеренги. — Раз, два, три... десять... — считал он, — двадцать! — Двадцатый получал рубль для раздела с девятнадца-

тью «коллегами». Опять идет и опять считает Иоанн: «Раз, два, три... десять... двадцать!» — И опять рубль. Так до самого конца этого «строя».

Как только последний из пришедших получил деньги, толпа бросилась со своих мест к батюшке. Кто становился на колени, кто ловил руку для поцелуя, кто просил благословения, молитвы, некоторые рассказывали свои нужды... Иоанн терпеливо всех выслушивал, ободряя словом и жестом. Видно было, что он понимает их без слов, по одному намеку, точно так же, как и толпа понимает его по одним жестам. Окруженный и сопровождаемый своими «детьми», Иоанн медленно движется к собору Андрея Первозванного для служения ранней обедни. Исчез батюшка в дверях храма, и толпа рассеивается по городу, лишь ничтожная часть остается на паперти для сбора подаваний.

Но на завтра, в холод и зной, в мороз и слякоть, в праздники и будни... «строй» опять соберется под окнами дома Иоанна, и вновь состоится все та же процедура раздачи денег. Может, кого-то «строй» и не досчитается. Кто-то сгинет в неизвестности и упокоится на кладбищенском участке для «безродных и неизвестных»; кто-то, мучаясь от смертельной болезни или беспробудного пьянства, не мог встать с одра; кто-то покинул Кронштадт в поисках лучшей доли за пределами города-острова... Да были и счастливы, которым удавалось под влиянием отца Иоанна и при его материальной поддержке и помощи вырваться из адава круга, найти работу, стать сравнительно достаточными тружениками, торговцами. Их имена, как и их истории, еще долго будут передаваться и пересказываться среди их бывших сотоварищей. Но... прибывающих всегда несравненно больше выбывающих, почему численность «строя» растет с каждым годом.

Надеялся ли Иоанн Кронштадтский побороть нищету? Что подсказывала ему его, безусловно, благородная устремленность всем помочь, всех обогреть, обустроить, наделить деньгами, работой, пропитанием? Достаточно ли для этого только христианской любви к ближнему? Выстраивает ли она надежные и долговременные основания для человеческого счастья?

Убежден, что будь Иоанн Кронштадтский рядом с нами, он на всё отвечал бы уверенно положительно. В подтверждение тому можно найти высказывания в дневнике пастыря. Он не социальный реформатор, и его не занимает вопрос взаимосвязи и взаимозависимости присутствия или отсутствия нищеты и иных социальных язв от состояния современного ему общества: в сферах экономики, политики, собственности, прав че-

ловека, социального устройства... Его религиозное мировоззрение снимает для него этот вопрос, устремляет и направляет его пастырскую и человеческую активность в область веры. Присутствие или отсутствие ее в каждом конкретном человеке или в обществе в целом и есть, по Иоанну, причина «зла» в любом виде и качестве.

Всматриваясь в современную ему Россию, Иоанн Кронштадтский горько осознавал, что страна становилась все более «языческой». «Современный мир, — пишет он в дневнике, — по научению лукавого, усиливается внести и внес в жизнь народа прежние растленные обычаи, часто языческие... Народ снял с себя узду страха Бога, страха суда будущего, геенны неугасающей, — и предается пьянству, разгульству, а Св. Синод и местные архиереи, мало зная свою паству, ничего не предпринимают против общего зла»*.

И опять вопрос: кто же виноват в падении нравов? Ужель только нерадивое духовенство? Нет... Иоанн винит в этом прежде всего «образованное общество». Его представители получают на страницах дневника самую негативную оценку. Вот Иоанн в 1866 году, будто бы продолжая спор с одним из них, пишет: «Как только получает книжное образование, да надеет на себя студенческую тужурку или чиновнический мундир, так и воображает себя, что он стал иной человек, как бы другой природы, чем необразованные грубые простаки, за божество какое-то по сравнению с ними считает себя — но ты такой же окаянный грешник, смертный. Так же женщина в шелковом или бархатном платье с золотом и драгоценностями в отношении бедных»**.

Образование вне Церкви и вне прихода, не основывающееся, по мнению Иоанна, на христианских ценностях, и обрекает на постоянно растущий разрыв между «образованным обществом» и Церковью, и его тлетворное влияние ощущается все более и более. И вместе с тем «просвещенные люди», которым Иоанн отказывает в праве представлять российский народ, «препятствуют» претворению в жизнь российского общества христианских начал общежития. Иоанн не может с этим соглашаться, и отсюда формулируемая им необходимость борьбы со всем светским и нецерковным влиянием.

Идеи переустройства социальных отношений в России, свойственные, как пишет Иоанн, «либералам, изуверам, эгоистам, несочувствующим ближним, живущим для себя, а не для дела», априори не могут быть восприняты верующим человеком, ибо в их основе нет «правды Божией», нет «христианс-

* ГА РФ. Ф. 1067. Оп. 1. Д. 14. Л. 80.

** Там же. Д. 10. Л. 37об.

кой любви»... Но дальше этих, в общем-то, обычных для православия нравственных обличений дело и не шло. Не мог он предложить ничего конкретного, что следует изменить в недрах самого общества, чтобы не было нищеты и прочих социальных язв. И хотя некоторые исследователи почему-то приравнивают социальные взгляды Иоанна к идеям Добролюбова и Чернышевского*, но это недоразумение или заблуждение. Эти двое, чьих имен, а тем более и трудов и не знал Иоанн, предлагали изменить существующие социальные отношения вместе с политическими обстоятельствами жизни России, в несправедливости и бесчеловечности которых и скрывались, по их мнению, источники бедности и нищеты.

Думается, что в 1880-х годах, когда социальные проекты Иоанна Кронштадтского переживали стадию бурного роста и всемерной поддержки, сам он начал испытывать, если не разочарование, то недоумение по поводу того, что число обездоленных и нуждающихся не уменьшалось, а росло, росло и росло... Кронштадт, казалось, становился некоей воронкой, в которую втягивались огромные массы людей, нуждающихся и ищущих защиты. Толпы их везде ходили буквально по пятам Иоанна, карауля и поджидая его в общественных и частных местах: у ворот дома Сергиевых, на паперти Андреевского собора, на улицах и площадях города, на паровой пристани, у ворот частных домов, где бывал Иоанн.

То, что когда-то в начале пастырского служения воспринималось Иоанном как недостижимый идеал Христа, как уподобление ему во всем, в том числе и в том, чтобы и за простым священником в реальной земной жизни «народ ходил толпами», вдруг стало явью. Но эта явь обернулась и своими отрицательными сторонами: священник стал «рабом» и «жертвой» своей паствы. Иоанн осознает, что ему все труднее совмещать обязанности духовного наставника и молитвенного заступника за людей с обязанностями человека, обеспечивающего финансовую и материальную помощь людям. Да и паства эта чаще рассматривает своего пастыря исключительно как источник «хлеба насущного», как «должника» перед ними.

Дневниковые записи Иоанна Сергиева отражают минуты мучительной грусти от осознания невозможности совмещать молитву с материальной помощью. То он пишет о том, что «боится» выходить на улицу, чтобы не встретить толпы нищих; то пытается приучить их к какому-то порядку получения по-

* *Киценко Н.* Святой нашего времени: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. М., 2006. С.115.

мощи от него в определенном месте и в определенное время; то сообщает о том, что «надирали уши» назойливым мальчишкам-попрошайкам; то просто спасался бегством от нищих. Вот одна из показательных записей под датой 20 февраля 1882 года: «Крайне расстроился из-за нищих, особенно из-за девочек, кот<орым> я подал милостыню (по 2 ½ коп), кот<орые> и после того за мною следили, хотя я нарочно уходил от них, желая наедине тайно молиться; потом 40 чел<овек> нищих взрослых пришли ко мне, прося милостыни, и я, уже раздражен девочками, раздражился на взрослых, отсылая их к богатым городским. — В конце концов я весь разбит нравственно пришел домой... был прощен молитвою перед Тихвинской Б<ожией> М<атерью>»*.

То было тяжкое и нерадостное бремя священника. И не потому ли, став всероссийски известным, Иоанн все чаще и чаще «бежит» из Кронштадта, месяцами пребывая в разъездах, передоверяя свои социальные проекты другим людям...

Семья

Молодая чета Сергиевых поселилась на приморской окраине города Кронштадта, в доме причта. Мы не знаем, какую квартиру в этом доме они занимали первоначально, но с 1860 года переехали на второй этаж этого же дома в угловую квартирку с балконом, где прожили вплоть до декабря 1908 года. Дом стоял, скрытый от глаз прохожих довольно высоким забором и густой растительностью: роскошными кустами жасмина и фруктовыми деревьями. Внутри дом был разделен на две половины, и в меньшей его части, состоящей из трех низеньких комнаток, обитали Сергиевы. Обстановка столько же чиста, уютна, сколько и скромна, почти бедна: кровать с жестким матрасом, простой стол, несколько стульев, два-три шкафа — вот вся меблировка квартиры. Здесь же проживали и родные Елизаветы Константиновны: отец, братья, сестры.

Начало семейной жизни было весьма своеобразным: жених, а теперь и законный супруг, уже после венчания признался супруге, что дал обет остаться на всю жизнь девственником. Не приходится сомневаться, что новость эта повергла супругу в шок. Ведь ей хотелось простого семейного и женского счастья, как его представляли женщины, связывавшие свою судьбу с духовным лицом. Поначалу она бросилась вроде бы протестовать, говорила о разводе. С прощением о помощи обращалась и к правящему Санкт-Петербуржскому митрополи-

* ГА РФ. Ф. 1067. Оп. 1. Д. 23. Л. 144 об.

ту Исидору (Никольскому). Очевидно, спустя годы в народе родилась и бытовала легенда о том, как митрополит с угрозами уговаривал Иоанна иметь общение с супругой. Но тот не соглашался и в конце концов сказал: «В этом есть воля Божия, и Вы ее узнаете». — И как только он вышел от митрополита, владыка сразу же ослеп. Тогда он вернул отца Иоанна и стал просить прощения и исцеления и немедленно получил то и другое. После этого случая митрополит будто бы вызвал к себе Елизавету Константиновну и уговорил ее продолжать жить девственно. Но это благочестивые предания, и не более того.

Сколько бы мы ни листали дневник отца Иоанна, ни обращались к свидетельствам и воспоминаниям современников, ни читали хранящиеся в архивах и ныне доступные документы, ничто не открывает нам подлинных причин и не объясняет обстоятельств такого поступка Иоанна Ильича Сергиева. Как не имеем мы, может быть, и пока свидетельств первых, наиболее напряженных и драматичных дней, месяцев и лет достаточно спонтанного союза Иоанна и Елизаветы.

Ясно одно: Иоанн Сергиев толком-то и не знал, что такое семейная жизнь, ибо от родителей отринут он был в девять лет и все последующие годы жил вне и без семьи, наездами и кратковременно бывая в родных местах. Да и то, что он видел — беспросветная нищета и бедность, тяжкий рабский труд с утра до вечера, убогость жилища, отсутствие каких-либо духовных (кроме религиозных) интересов, материнская маята с детьми, болевшими и прозябающими в глуши, в темноте и холоде, — не могло внушить какого-либо пиетета перед брачными узами, которые и могли-то в таких обстоятельствах восприниматься только как тяжелая ноша и обязанность, лишь мешавшие пастырской деятельности.

Добавим, что и духовные школы, если еще к пастырским обязанностям готовили и «натаскивали» своих питомцев, то жизнь семейная, с ее правилами поведения и нормами, путями к разрешению возможных противоречий, оставалась для них *terra incognita*.

Вся предшествующая жизнь сформировала Иоанна Сергиева как человека, который «гнезда не вил», к комфорту и покою не стремился, к личным удобствам относился с достаточным небрежением. Он знал, как во всем обходиться одному и как обеспечить свою одинокую, почти монашескую, жизнь. Заботиться же еще о ком-то? Нет, на это он был не способен и к этому не готов. Но вместе с тем и монашеская жизнь с ее затвором от мира и небрежением мира не могла его удовлетворить. Он хотел быть в миру, среди людей. Хотел стать им нужным и руководить их духовной жизнью ради цели общей для

него и для них — спасения, жизни вечной. И священство он воспринимал как полное растворение и принадлежность другим, но не ближнему семейному кругу, а «ближнему» по совместному участию в службах, таинствах, делах прихода.

Можно предполагать, что стремление к сохранению девственности шло от христианской трактовки полового влечения как греха, которое, как утверждали Отцы Церкви, противоречит истинной природе человека. И если изначально, до грехопадения, человек, созданный по образу и подобию Божию, не имел признаков чувственности, то для человека, стремившегося к святости, девственность предпочтительнее брака. Таким образом, целомудрие отца Иоанна могло быть результатом его религиозного воспитания в семье, а позднее закономерным следствием его устремленности к аскетическому идеалу. Крепкое убеждение, что святость не достигается при физической близости в браке, ставило перед жестким выбором: либо то, либо другое.

Отец Иоанн стремился соответствовать аскетическим идеалам, которым следовали монашествующие, отцы-пустынники, монахи-отшельники, странники. «Вспомни, — пишет он в дневнике, — претрудную жизнь странника Никитушки, как он подвизался ради Господа, ради Царства Небесного, носил тяжелые вериги, никогда не умываясь в бане, допуская множеству вшей есть себя, не позволяя пресыщения, лакомства, ни малейшей гордости, подвергаясь за правду насмешкам, побоям, — и подражай его житию по силе своей. Сравни жизнь его с своею... ты живешь в неге, роскоши, пресыщении»*.

Последние слова прямо, кажется, обращены к самому себе, ибо, сравнивая свою жизнь с прежней нищетой, он инстинктивно ощущал себя «развращенным». Хотя и жил по мерке обычного городского духовенства весьма скромно, однако и эта скромность не шла ни в какое сравнение с пережитой им нищетой в детские и юношеские годы.

Но как же совместить идеалы аскетизма, в которых не было места плотским утехам, и «умерщвление плоти» с официальным положением женатого священника? Иоанн старался подчинить все стороны своей жизни Богу и пытался сдерживать любые желания и помыслы, которые могли бы помешать ему на этой стезе. Например, под 1868 годом он записал: «Систему принуждения над собою чаще употреблять ... жизнь моя должна быть ежедневно всесожжена Богу жертвою самоотвержения... то есть я должен благодатию Духа Святого поглотить все восстающие во мне страсти».

Кажется, в этих словах и содержится указание на выбор

* ГА РФ. Ф. 1067. Оп. 1. Д. 12. Л. 22.

Иоанна: он выбрал святость и тем отклонил обязательства перед женой и стал относиться к ней как к «посторонней» прихожанке. Что же можно было ожидать в ответ? Могут ли быть у отверженной женщины — и вместе с тем законной, венчанной супруги (!) — какие-либо «чувства»?.. Вряд ли. Ведь ее обманули в самых лучших ожиданиях! Неожиданно таинство венчания для Елизаветы Константиновны стало своего рода постригом в особый «сан» духовной сестры отца Иоанна.

Мы можем только предполагать, какие страсти бушевали в доме молодой четы Сергиевых. О чем-то мы можем догадываться по тем немногим словам и фразам, что поверял в минуты отчаяния Иоанн своему дневнику. Если по ним пытаться воссоздавать картину семейной жизни, то можно заметить, что отношения пастыря и жены постепенно ухудшались.

Ему неоднократно давали понять, что он «взят» в семью, которая по своему социальному статусу, уровню образования и культуры несравненно выше и его самого, и его родни. Иоанна возмущали постоянные упоминания свояченицы о высоком происхождении их семьи. Как бы заочно беседуя со своей женой на страницах дневника, он заносит такие слова: «Если твоя сестра Анна бредит графами да князьями, не сердись на нее за видимую гордость. Ибо такой дух есть плод ее воспитания: у нее крестный отец граф с ними жил; она училась с дочками графов и князей... как она может иначе? Когда дерево получило такое, а не другое, какое надо, направление еще в ранней юности, как можно это поправить? Надо смотреть, как сквозь пальцы, снисходительно»*. Хотя, представляется, что это обращение Иоанна предназначено не Елизавете, которая вряд ли пеняет за такое поведение своей сестре, а предназначено самому себе. Но кажется, что ему трудно и в дневнике прямо себе все это сказать и он выбирает некие иносказания, чтобы душевные терзания не были слишком мучительными.

В семейные неурядицы четы Сергиевых привносили свою лепту и сослуживцы отца Иоанна — духовенство Андреевского собора. Не без злорадства сообщали они Елизавете Константиновне об очередных «чудачествах» ее мужа: «Твой-то сегодня опять босой пришел». Пытаясь хоть как-то защитить семейный бюджет, Елизавета обратилась в епархиальное начальство с просьбой не выдавать Иоанну Сергиеву на руки причитающееся ему жалованье, составлявшее всего-навсего 85 рублей 77 копеек, из которых Иоанн и творил милостыню своим прихожанам.

Пожалуй, только с тестем, протоиереем Константином Не-

* Там же. Л. 35.

свицким, отношения у Иоанна сложились ровные и взаимоуважительные. Не случайно на страницах дневника можно найти и такие слова: «Двойное благодеяние тестя моего — благо нравная, прекрасная дочь и место, приносящее мне выгоды: чем я воздам ему за это? Чего мне жалеть для него? Ничем достойно не воздам, а потому, по крайней мере, ничего не стану я жалеть для него».

Отделенность от мужа и неблагополучность в семейной жизни не могли не сказаться и на отношении Елизаветы к пастырскому долгу супруга, к тому, что «отняло» у нее женское счастье. Постепенно она стала отходить от веры. Этому способствовало и то, что в доме Сергиевых постоянно проживали или гостили многочисленные родственники Несвицких, весьма далекие от церковной жизни. Как свидетельствует сам Иоанн, его «домашние» не говели даже на первой неделе Великого поста и выказывали «неуважение к постановлениям церковным».

Под новый, 1872 год он заносит очередные свидетельства своей семейной неустроенности: «30 и 31 декабря (1871) были для меня днями скорби, тесноты и мрака. Не понравились мне частые посещения и гостьба отца Григория и Анны К., особенно вследствие частых шиканий моей жены, чтобы ходил не стучал, и вследствие переселения ее в спальню свояченицы, а ко мне — отца Григория, да вследствие сору и беспорядков во всех комнатах. Но, признаюсь, я грешен в этой скорби, унынии и тесноте и мучении сам или самолюбие мое. Я должен отвергаться себя, своей собственности, своего спокойствия, своих удобств в пользу своих ближних, тем более что от меня и требуется небольшое самоотвержение. Привык я к простору, к чистоте, к одиночеству, и вот стеснение некоторое для меня стало несносно. О, где у меня душа общительная, довольная, кроткая, любящая, терпеливая, охотно уступающая ближнему свое жилище, свой хлеб и питье, свои сладости, свои деньги, только бы это ему послужило в пользу? Где это все? Увы! Эти добродетели иссякли вследствие пристрастия к земному. К земному простору, к земному богатству, пище и питию, вследствие пресыщения земными благами; нам дороги и любезны стали не ближние, а свои удобства и удовольствия, свои выгоды; мы готовы порвать всякую связь с людьми, если они бесполезны нам или если мы должны давать им часть своей собственности, хотя бы эти люди были к нам близки по родству и свойству. Так, человек достаточный и всем довольный делается кумиром для самого себя, равно как земные блага служат для него идолами, которые погашают в сердце его пламень любви к Богу и образу Его — человеку. А между тем вся жизнь,

все блаженство человека, все его богатство заключается в любви к Богу и ближнему, потому что оно только никогда не отымается от него и есть истинная, вечная жизнь наша, а земное богатство не сегодня-завтра будет отнято у нас смертью или бедственными какими-либо случаями».

Дополнительные нравственные страдания приносил Иоанну, как это ни странно звучит, проезд к нему в гости его матери — Феодоры Власьевны. Она годами не видела своего старшего сына. Разлетелись и остальные дети, создав собственные семьи. Она одна жила все в том же домике в Суре, где когда-то родился и Иоанн. Первый раз она приехала к сыну в Кронштадт в 1860 году и прожила почти все лето. Иоанн был рад приезду матери. В его дневнике появилась такая запись: «Ты и мать твоя — одно, ты плод ее, происшедший от ней. И в тебе, и в твоей душе, и в твоём теле доселе много остается такого, что ты получил от нее. Люби же ее чистым сердцем, прилежно. Всегда будь ниже ее в мыслях, в словах и поступках. Смотри: твоя маменька здесь одинокий человек — оказывай ей все возможные ласки и услуги: сделай для нее незаметным, по возможности, разлучение со своими родными и с своею родиною»*.

Но вместе с тем известная грубость и простота манер, внешний вид, «деревенская» речь матери постоянно смущали Иоанна. Они были напоминанием того, что он так желал забыть, — низкое происхождение, бедность. Понимая, что подобное «не красит» священника, Иоанн наставляет в дневнике сам себя: «Не гнушайся деревенским, грубым, неграмотным языком ее, как не брезгаешь языками самоедскими, зверьим и татарским».

Отношения Феодоры Власьевны с новыми родственниками не сложились. Да и других своих деревенских родственников, приезжавших в Кронштадт, Иоанн не решался приглашать к себе в дом и размещал их где-нибудь на стороне. Всякие попытки Иоанна помочь своим родственникам деньгами или вещами воспринимались в штыки и женой, и ее родными. Иоанну просто-напросто было запрещено тратить деньги на своих родных. Как пишет Иоанн в случаях таких ссор: «Горько мне было, смутился я... бросил их, пошел на свежий воздух гулять да молиться». Ситуация в семье в связи с «денежным вопросом» была столь напряженной, что и в те годы, когда в семью Сергиевых пришел достаток, Иоанн помогал родным втайне от жены. Как ни тяжело было в этой ситуации Иоанну, но он не забывал свою родню. Во время своих поездок в Суру всегда навещал, привозил с собой многочисленные подарки. Вся-

* ГА РФ. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 16. Л. 46—51.

чески стремился помочь подрастающим племянникам и племянницам, обустроивая кого на работу, кого на учебу, кого в монастырь, кого в духовное сословие. Непременно поминал он за богослужением в установленные церковные дни и ушедших своих родственников, следил и поддерживал «родные могилы» — отцовскую в селе Сура, материнскую — в Кронштадте. В 1894 году Иоанн просил архангельского владыку включить своих умерших родственников в помянники церквей и монастырей Архангельской епархии, в которые от него поступали пожертвования. Прошение было удовлетворено, и указ о том был напечатан в «Архангельских епархиальных ведомостях»*.

Отсутствие полноценной семейной жизни, напряженность во взаимоотношениях с супругой и ее родственниками делают психологически понятной ответную реакцию Иоанна Сергиева: бежать из дома такого! Прослеживая постепенно складывающийся его распорядок дня, видно, что «для дома» времени в распорядке дня отводится все меньше и меньше. И очевидно, что это выбор осознанный.

Летом еще чуть загорается восток и солнышка не видно, а зимой, когда утро темно и непроглядно, Иоанн просыпается. Умывшись, становится перед иконами и с полчаса приносит утренние молитвы. Если бы в эту минуту раздались крики: «пожар», «наводнение», «неприятель» — и т. п., по всей вероятности, он не услышал бы их или, вернее, не обратил бы на них внимания, потому что весь уходил в молитву, переносился в другой мир, забывал обо всем земном...

Часам к 6—6.30 утра пастырь в алтаре собора. Если «очередь» не его, то он становится на клирос вместо дьячка и читает Апостол и молитвы, поет. Громко, внятно, отчетливо и с каким-то особым благоговением звучит его приятный и сильный голос: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу», — и полная народу церковь падает на колени.

После службы в соборе, оканчивающейся около полудня, Иоанн не спешит домой. Для него наступает черед посещения приезжих и местных жителей Кронштадта, пригласивших его по той или иной нужде. Обычно это просьбы о молитве у постели больного. Но бывало и так, что до намеченной квартиры ему не удавалось доехать в срок: каждый, обращающийся к нему на улице, мог рассчитывать на то, что батюшка остановится, выслушает, скажет слово утешения, обнадежит и научит. Бывало и так, что, поговорив с верующим, он отправлялся совсем по другому маршруту, чем было намечено ранее. Он ехал к «детям» своим, чтобы удовлетворить все их духовные просьбы и нужды.

* Архангельские епархиальные ведомости. 1894. 15 декабря. С. 360.

Но и после этого нет пути домой. Его ждет Петербург, откуда поступали приглашения в дома верующих, в больницы, на фабрики, на общественные мероприятия. Он спешит на пароход — если дело происходит в навигацию, а зимой — мчится по льду на санях.

В лучшем случае поздним вечером, а то нередко и после полуночи Иоанн возвращался домой в Кронштадт. Дома он еще часа два ходил по двору, скрестив на груди руки и вперив взгляд в небо, молясь. Потом шел в дом, читал газеты и писал проповедь. Ложился, когда жена и все домашние видели третьи сны. А к шести часам утра снова был в соборе и снова все тот же служебно-пастырский круговорот.

В период Великого поста распорядок несколько менялся: в связи с наплывом верующих отменялись поездки в Петербург, а вместо этого Иоанн после посещения квартир в Кронштадте принимал исповедь в Андреевском соборе. Поскольку было большое число желающих попасть к нему на исповедь, она начиналась с часа-двух и была очень продолжительной. Сильно утомившись к одиннадцати вечера, он прерывал исповедь на полчаса, чтобы проехаться в коляске по свежему воздуху и восстановить силы, после чего снова возвращался в собор и продолжал исповедь. Она могла продолжаться до двух часов ночи, а иногда до самой утренней службы.

Этот распорядок стал правилом жизни отца Иоанна, и в этой круговерти он не имел возможности толком ни поест, ни отдохнуть. Все силы и время отнимали заботы о пастве. А семья? О ней он вспоминал, лишь возвращаясь поздно вечером в квартиру. По счастью, братья и сестры Елизаветы Константиновны, женившись и выйдя замуж, покинули квартиру. В 1867 году скончался ее отец — протоиерей Константин Невский*. Семье Сергиевых стало просторнее. Одна из комнат была отведена отцу Иоанну и служила ему кабинетом, молельной кельей и спальней. Как отмечали посетители, не особо respectable жилище отличалось только тем, что во всех углах всех комнат были киоты с иконами. На шкафах — клетки с воркующими голубями, а перед окнами — канарейки, без устали выводящие свои трели. Соединение вместе святых икон, благоухающих цветов, поющих птиц создавало в квартире необыкновенный дух «какой-то райской радости».

Чем больше внимания Иоанн уделял заботам прихода, тем меньше и меньше времени он мог уделять жене. До середины 1870-х годов Елизавета как-то мирилась с участью скромной помощницы священника, целиком отдававшего себя людям. Да, она осознавала, что Иоанн не хочет и не может принадле-

* Похоронен на Троицком (ныне — Кронштадтском) кладбище.

жать ей целиком, но он одновременно не принадлежал конкретно никому другому. Елизавета стремилась создать подобие семейного очага, наладить быт и уют. В какой-то степени ощущение, видимость полноценной семьи подпитывались присутствием племянниц Руфины и Елизаветы, которые росли в их доме. Дома Иоанн мог почувствовать себя в относительной безопасности и спокойствии, встретить сочувствие, понимание и поддержку. Его брак с Елизаветой напоминал не союз двух сердец, а некое семейное соглашение, гарантировавшее обеим сторонам и определенную взаимопомощь, и некоторую долю независимости и стабильности.

Но начиная с середины 1870-х годов, когда у Иоанна появились первые постоянные почитатели, а особенно поклонницы и последовательницы, повсюду сопровождавшие пастыря, томными взорами смотревшие на него, дарившие дорогие подарки, ситуация в семейной жизни чрезвычайно накалилась.

Все очевидцы свидетельствуют, что одевался Иоанн Сергиев всегда роскошно: носил рясы из очень дорогой плотной шелковой материи — черной или цветной, но весьма темного тона; подрясники же всегда были ярких цветов из шелка или бархата, такого же высшего качества; зимой носил шубы из очень ценных мехов. Но на всю одежду Иоанн не тратил ни копейки, так как все это ему дарили его почитательницы, желавшие видеть его в храме в достойной сана и авторитета церковной одежде.

Иоанн, может быть, и не хотел того, но его окруженность молодыми и не очень почитательницами воспринималась Елизаветой как знак, что между ним и этими женщинами существует связь — высшая духовная, — которая недоступна ей и невозможна между ней и ее супругом. Возникло ощущение, что в этом повышенном женском внимании лично к Иоанну тот будто бы обретал некую замену нормальных супружеских связей, а у Елизаветы их не было. Записные книжки отца Иоанна свидетельствуют, что это были не только предположения. В них можно встретить упоминания о том, что окружавшие женщины порождали в Иоанне «искусительные помыслы», хотя он им и противостоял. Среди этих женщин, будучи их «предводительницей», была и Параскева Ковригина, сыгравшая заметную роль в судьбе Иоанна.

Вдруг возникшего женского окружения и внимания к отцу Иоанну Елизавета не принимала и против этого восстала. Протест принимал сколь угодно причудливые формы. Елизавета перестала ходить в храм, не соблюдала посты; могла рыться в столе мужа, забирая отдельные предметы и деньги. Ссоры

и споры рождались буквально на каждом шагу и по каждому пустяку. Под 1882 годом Иоанн записывает: «Вечером сегодня вышла крупная неприятность с женою из-за того, что я обличил ее в подделке ключа к моему письменному столу и к внутренним ящикам и во взятии некоторых вещей и денег. Как лвица разъяренная она <налетела> на меня и готова была растерзать; от злости редела, выла, как бешеная; грозила ударить по щеке при детях; корила бабами, т. е. благочестивыми женщинами, имеющими со мною духовное общение в молитвах, таинствах, духовных беседах и чтениях, поносила самым бесчестным образом, а себя возвышала. Господи! Отпусти ей, не вест бо что говорит и творит. Вразуми ее всю омраченную житейскими суетами и сластями, утолсте и расшире и забы Бога!»*

Спустя некоторое время в дневнике вновь появляется запись: «Горе мне с домашними моими, с их неуважением к постановлениям церковным, с их лакомством всегдашним, безобраз<ием> в повседневной жизни... забавами, смехами с детьми Руф<иной> и Елисавет<ой>, с кошками и собакой, — с их леностию к молитве домашней и общественной (раз 5—6 в год ходят в церковь — Бог им судья!). Какой ответ они дадут за себя и детей: оне царствовать хотят и царствуют действительно, исполняя все свои прихоти и желания... А как оне воспитывают детей! О, ужас. Вне всякого уважения к уставам Церкви! Сами не соблюдают посты и детей также учат: на 1 неделе Великого поста едят сыр и яйца, не говоря о икре и рыбе. — Кто их вразумит? — Меня не слушают»**.

Домашней церкви не складывалось... Это удручало Иоанна, поскольку скрыть разлад с женой было невозможно. Немые укоры, а то и пересуды среди прихожан были тому свидетельством. Привыкнув к послушанию и почитанию в приходе, а затем и во всероссийском масштабе, Иоанн все меньше готов был терпеть отношение к себе как к простому смертному в своем собственном доме, непослушание и отступление от церковных правил. В дневнике его упоминания о семье становятся все реже и реже, замещаясь фиксацией горестей и радостей церковно-общественной жизни. Не остается сомнений в том, что спустя десятилетия острота неприязни спала, наступил период некоего равновесия в чувствах и порывах. Елизавета Константиновна даже ощутила в отсутствии своего супруга преимущества, которые ранее ей были неведомы, то есть достаточно свободный образ жизни, за который не надо было ни перед кем отчитываться и получать разрешения.

* ГА РФ. Ф. 1067. Оп. 1. Д. 23. Л. 126 об.

** Там же. Л. 92 об.

Для Иоанна «надобность» в супруге осознавалась как необходимость наличия рядом человека, который возьмет на себя все бытовые заботы и одновременно будет в необходимых случаях заботиться и о нем. Он вдруг оценил тот крест, что выпал, не без его участия, на супругу. Он был ей благодарен за то, что она создала дом-пространство, в котором он мог получить хотя бы ненадолго некоторое отдохновение от обязанностей перед Церковью, обществом, людьми. В немногих известных письмах к ней он именует ее особыми словами: «дорогое подружие», «боголюбезная», «богоданная супруга Елизавета». На своем портрете, подаренном матушке Елизавете к пятидесятилетию их венчания, отец Иоанн написал знаменательные слова: «Дорогой возлюбленной супруге Елизавете Константиновне Сергиевой в знак глубокой благодарности за мирное сожитие в продолжение 50 лет».

Как Иоанн, но по собственному выбору, никогда не жил личной жизнью, отдавая себя на служение Церкви, так и Елизавета Константиновна, но только вынужденно, никогда не жила для себя, только круг ее деятельности складывался более узкий, ограничивался служением родным и близким; их радостями она радовалась, их скорбями скорбела. Очень подвижная, с добрым, благообразным лицом, вечная хлопотунья, она любила всех обласкать и пригреть; любила сама постряпать, сама купить провизию, сама за всем присмотреть, чтобы все было чисто и вкусно. Приветливая, всегда ровная, ласковая, Елизавета Константиновна любила, когда кто-то из знакомых навещал ее; тогда она прямо закармливала гостя или гостью.

Среди хозяйственных забот Елизавета Константиновна не забывала и племянниц, которые после смерти сестры воспитывались в ее доме и стали приемными дочерьми. Все свое свободное время она проводила с ними, учила читать и писать по-русски и по-французски, провожала и встречала из гимназии, готовила с ними уроки. Елизавета Константиновна в этом выразила свое нереализованное материнское начало. Посильное участие в воспитании племянниц принимал и Иоанн.

Одна из «дочерей» — Руфина — оставила воспоминания, из которых мы можем почерпнуть сведения о семейной жизни четы Сергиевых в 1870—1880-х годах. В них много фактов повседневной заботливости и внимательности Елизаветы Константиновны к Иоанну. Когда молодость прошла, чувства угасли и несложившаяся семейная жизнь как бы отошла в прошлое, на первое место вышло женское чувство заботливости о человеке, живущем рядом не одно десятилетие, и воспринимать она его стала не иначе как «брата Ивана», выполняя

обязанности его «келейницы» и «земного» ангела-хранителя. Изменилось ее отношение и к храму: она регулярно ходила на службы, часто приобщалась в соборе или на дому, а последний год жизни — ежедневно. Она почти нигде не появлялась на людях, почти никуда не ездила, не занималась церковно-общественной деятельностью, немногие знали ее в лицо. Сохранилось всего лишь несколько снимков, запечатлевших Елизавету и Иоанна вместе возле их дома. Хотя есть и отдельные снимки четы Сергиевых на церковно-общественных мероприятиях.

Митрополит Вениамин (Федченков), вспоминая о своей встрече с матушкой Елизаветой в 1900-х годах, оставил нам именно этот образ заботливой «подруги» последнего периода семейной жизни Иоанна и Елизаветы. «На звонок мой, — пишет Вениамин, — вышла встретить нас глубокая седая старушка, вся в старческих морщинах. Я увидел ее впервые. — Батюшка дома? — спросил я ее. — Да, брат Иоанн дома, — кротко ответила она и тихо пошла доложить ему. Тут я понял, что это и есть славная “жена” — матушка знаменитого на весь свет отца Иоанна Кронштадтского. Какая она была простая и тихая. И всегда она была в тени при такой славе “мужа”!»

Глава 4
ВСЕРОССИЙСКИЙ БАТЮШКА

В какой бы дом я ни заходил, я везде видел на стене портрет о. Иоанна Кронштадтского. Это был пастырь и великий молитвенник, на которого были с надеждой обращены взоры всего народа...

А. П. Чехов

По России...

20 декабря 1883 года в популярной суворинской петербургской газете «Новое время» было опубликовано благодарственное заявление «группы граждан». Они сообщали: «Мы, нижеподписавшиеся, считаем своим нравственным долгом засвидетельствовать искреннюю душевную благодарность протоиерею Андреевского собора в Кронштадте о. Иоанну Ильичу Сергиеву за оказанное нам исцеление от многообразных и тяжких болезней, которыми мы страдали и от которых ранее не могла нас исцелить медицина, хотя некоторые из нас подолгу лежали в больницах и лечились у докторов. Но там, где слабые человеческие усилия явились тщетными, оказалась спасительной теплая вера во всемогущество Целителя всех зол и болезней Бога, ниспославшего нам, грешным, помощь и исцеление через посредство достойного перед ним благочестивого отца-протоиерея». И далее следовали подписи с краткими историями болезни и исцеления.

Необычная публикация в светской газете такой корреспонденции вызвала оживленные отклики. Обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев, учитывая противоречивую общественную репутацию газеты, взволновался: нет ли тут обмана и подвоха? Вызванному директору своей канцелярии он наказал: «Посмотрите, что напечатано в “Новом Времени” сегодня наряду с объявлениями о театрах и прочем. Думаю, тут не без греха священник. Что за человек и в чьем ведомстве?»

По «делу» отца Иоанна было проведено расследование, которое закончилось его вызовом к обер-прокурору.

— Говорят, — сказал Победоносцев, — что вы молебны служите, чудеса творите...

— Но не я тому причина, — последовал смиренный ответ.

— Однако церковная печать не пишет об этом... А кому как не ей правильно писать об этом?

— Да я и к ней не обращался...

— Смотрите, как бы вы плохо не кончили, — строго и приподымаясь из-за стола, давая тем понять, что аудиенция завершена, заключил Победоносцев.

— Не извольте беспокоиться, подождите и увидите, каков будет конец, — услышал он в ответ.

Встреча имела неожиданное продолжение. Спустя некоторое время Победоносцев фактически взял под защиту Иоанна, распорядившись «дать знать настоятелю» собора, что «вины» за священником по случаю публикации нет никакой: он и не участвовал в ней, и не знал о ней. Гнев на милость сменился, очевидно, по той причине, что было установлено, что Иоанн ровно год назад, в декабре 1882 года, присылал Победоносцеву письмо с отчетом об «учреждении в Кронштадте Дома трудолюбия в память в бозе почившего императора Александра II» и с просьбой «ходатайства пред г-ном министром финансов о даровании ежегодной правительственной субсидии в размере 1000 рублей на содержание Дома трудолюбия». Обер-прокурор тогда письмо поддержал, и субсидия была выдана. Вроде бы наказывать такого инициативного и патриотично настроенного священника было не с руки.

Публикация имела и далекоидущие последствия, положило начало всероссийской известности Иоанна Сергиева и, к удивлению многих, постоянным добрым отношениям между обер-прокурором и Иоанном. По приглашению Победоносцева они не однажды встречались, а в Кронштадт приезжали по протекции «душевно уважающего и преданного К. Победоносцева» многочисленные просители.

У нас нет оснований утверждать, что Иоанн знал о готовящейся публикации или каким-то образом содействовал ее появлению, но догадаться, кто тому способствовал, ему было не сложно. Это все та же Параскева Ковригина. С 1881 года она регулярно посещала Петербург, где сформировался круг ее почитателей. Она же непременно и всегда рассказывала всем об Иоанне, предлагала приглашать его в трудных жизненных обстоятельствах и настойчиво рекомендовала съездить в Кронштадт. Благодаря Параскеве Иоанн все чаще и чаще стал появляться в Петербурге. Росло число семей, духовно опекаемых им. Из числа людей, близко сошедшихся с Параскевой, а через нее с Иоанном, нашлись и те, кто смог обеспечить публикацию «Благодарственного заявления». Кстати, они же выступили и инициаторами, и основными благодетелями в 1884 году

при покупке для Иоанна подарка к его 55-летию – дорогого наперсного креста.

В 1885 году исполнилось 30 лет служения отца Иоанна Сергиева в священническом сане. Эта дата не прошла незамеченной, ее отмечали уже достаточно широко. Лишь год после этого прожила почтенная старица Параскева, радуясь тому, что исполнила волю своего духовника иеромонаха Илариона и что тот светильник веры, о котором он предсказывал, разгорался все более и более. В последние месяцы своей жизни Параскева Ивановна часто повторяла: «Как бы я хотела пожить еще два годика, чтобы видеть, как будут стекаться к отцу Иоанну Сергиеву тысячи людей и встречать его, и провожать огромными толпами».

Отец Иоанн ежедневно навещал больную Параскеву, по своему обыкновению беседуя с ней о душе, о Боге, о покаянии и загробной жизни. Все остальное время Параскева Ивановна проводила в чтении и пении псалмов. В этом состоянии она и скончалась 24 сентября 1886 года. Иоанн отпевал праведницу в церкви Дома трудолюбия, и он же говорил слово прощания, в котором особо подчеркнул: «Ты своим словом и примером многих привлекла к Святой церкви и благочестивому житию; многих научила чаще исповедоваться и приобщаться Святых Таин для укрепления в христианской жизни».

Не только храм, но и Медвежья улица были переполнены народом, среди которого преобладали женщины. Многие плакали, и прощание с покойной происходило очень долго, так как все старались протиснуться к гробу и коснуться тела покойной. Гроб на своих руках несли к Троицкому кладбищу «богомолки». В 1902 году попечением Иоанна на могиле была установлена часовня-усыпальница*.

После газетной публикации о чудодейственной силе молитвы Иоанна Кронштадтского на него обрушился шквал просьб и приглашений приехать в разные места Российской империи по самым различным поводам: службы, закладка и освящение церквей, больниц, благотворительных учреждений, к больным и страждущим. Если предшествующую четверть века он выезжал из Кронштадта весьма редко, в основном в Петербург и в Москву, то теперь, напротив, его все реже можно было увидеть в Кронштадте. Приведем обобщенный, но далеко не полный, список городов, где побывал отец Иоанн: Архангельск, Астрахань, Брест, Варшава, Великий Устюг, Вильна, Вологда, Воронеж, Выборг, Вятка, Екатеринбург, Кадников, Казань, Калуга,

* В советское время часовня на Троицком (ныне – Кронштадтском) кладбище была заброшена и разрушилась. В 2005 году восстановлена, а в 2007 году – освящена.

Киев, Кириллов, Кострома, Котлас, Курск, Москва, Нижний Новгород, Одесса, Орел, Остров, Петрозаводск, Псков, Ревель, Рига, Ростов-на-Дону, Рыбинск, Самара, Санкт-Петербург, Сарапул, Саратов, Севастополь, Симбирск, Смоленск, Тотьма, Тула, Углич, Устюжна, Уфа, Ферапонтово, Харьков, Херсон, Холмогоры, Царицын, Череповец, Чернигов, Ялта, Ярославль...

Если в 1870-х годах отрывочные и краткие заметки о чудесных исцелениях по молитвам Иоанна Сергиева появлялись в основном в газетах Кронштадта, то в 1880-х они стали постоянно и в пространных объемах размещаться на страницах газет Санкт-Петербурга и Москвы, в провинциальной прессе. Сообщалось также о чудесном свойстве священника видеть и ощущать события, происходящие в сотнях верст от него, и о его даре «провидца». Любопытна реакция кронштадтских знакомых и друзей Иоанна, которые еще совсем недавно запросто видели его в своих домах и беседовали с ним на самые обыденные темы за стаканом чаю, а иногда и за рюмкой легкого вина. «Что это газеты делают с нашим милым отцом Иваном? – вопрошали они друг друга. – Каким-то иконописным угодником и чудотворцем изображают. Это же кощунство!»

Но простой приходской священник и формирующийся его житийный образ уже существовали независимо друг от друга.

С 1888 года практически ежегодно, обычно в конце мая – начале июня, Иоанн Кронштадтский отправлялся на родину, в село Сура*. Его проводы в Кронштадте приобретали общегородской размах. В городе царило оживление, дорога к дамбе, где был пришвартован корабль, заполнялась народом. После обычной в таких случаях литургии Иоанн отправлялся на набережную. Здесь собирались толпы провожающих, которые буквально облепляли корабль. Лишь после долгих прощаний и уговоров пароход отплывал, но вскоре по просьбе Иоанна вновь приставал к берегу, на котором кто-нибудь стоял и кричал в голос: «Я бедный человек, четыре раза добивался увидеть вас и все напрасно! Помогите мне! Ради Бога! В семье у меня горе!» – Иоанн, слыша такое, передавал пакет с деньгами просящему.

Наконец, корабль набирал ход и направлялся к выходу из гавани. Позади оставалась Петровская набережная... можно было различить тысячи людей... слышны были крики, плач... видны были мелькавшие в воздухе белые платки... Корабль

* Хроника посещения о. Иоанном с. Суры в 1888–1907 гг. / Сост. В. Б. Милейко // Кронштадтский пастырь: Церковно-исторический альманах. М., 2002. Вып. 1. С. 40.

уходил все дальше и дальше от берега, — мимо красавцев грозных крейсеров и броненосцев, — в залив, на простор. Немного спустя впереди, на подернутом дымкой горизонте, проступал купол Исаакиевского собора...

Так начиналось ежегодное молитвенное шествие на гроб отца и место первых откровений Божьих, посещение родных мест и встреча с родственниками, близкими, земляками. Но не только. По существу это были миссионерские паломнические поездки по России, где цель — несение евангельской вести, неустанное церковное служение, слово проповеди. С отцом Иоанном всегда были сопутствующие лица — монахи, священники, писатели, художники, фотографы. Кто-то из них отправлялся в путешествие добровольно, кого-то направляли монастыри и правящие архиереи, чьи-то помощь и услуги оплачивались.

Путь Иоанна Кронштадтского на родину был неблизким. Добраться можно было либо водным путем, пересаживаясь в мелководных местах на лошадей и вновь двигаясь по воде, либо по железной дороге и затем на пароходе и лошадях. Иоанн предпочитал путешествовать водною, где «привольно» и можно «свободно подышать на чистом воздухе». Поначалу путешествия совершались на предоставляемых почитателями Иоанна пароходах. Иной раз помощь оказывала и власть, без содействия которой организовать и согласовать столь дальний и длительный переезд было просто невозможно. Как это бывало и как это выглядело со стороны, свидетельствует один из очевидцев: «Из Министерства путей сообщения пришел приказ предоставить пароход в распоряжение Иоанна Кронштадтского для его следования на родину. Чтобы как-то оформить этот незаконный огромный пробег парохода, мой начальник якобы командировал меня для маршрутной съемки реки Пинеги. Свита его: фанатично преданная ему пожилая горбуня, надоевшая всем нам, а больше всего о. Иоанну; его племянник, корявый, рыжебородый, крепко сложенный человек, не дурак выпить, темный делец, извлекавший большую для себя выгоду именем своего дяди; иеромонах Геннадий, тучный туняец, обжора».

В 1898 году на верфях Санкт-Петербурга на средства Иоанна был построен пароход «Святитель Николай». Этот 25-сильный пароход принадлежал к колесному типу, имел небольшую осадку, прекрасно подходящую для плавания на мелководных реках, какими были реки Пинежья; обладал необходимой устойчивостью, на встречных порогах против сильного течения поднимался сам, обходясь без буксиров*.

* См.: Котлин. 1898. 1 июля.

Из Кронштадта до Суры преодолеть нужно было более полторы тысячи верст: по Финскому заливу, Неве, Ладоге, Свири, Мариинской водной системе, по Сухоне, Северной Двине, Пинеге. На пути встречалось немало трудностей: узкие каналы, порожистые реки, Кубенское озеро, славившееся штормовыми ветрами, — все это требовало лоцманского искусства и бесстрашия пассажиров.

Когда корабль плыл через земли древнего Белозерья, вобравшие три огромных уезда Новгородской губернии: Кирилловский, Белозерский и Череповецкий, с их многочисленными древними монастырями, церквями, пустынями и скитами, то попадал в перекресток двух водных систем — Мариинской* и герцога Вюртембергского**. Пароход медленно продвигался по каналам, через шлюзы и лавы — плавучие мосты, где проход для судна был столь узок, что до борта можно было дотянуться рукой. Вдоль всего этого отрезка пути стояли многочисленные толпы, люди приносили детей, протягивали их прямо с берега на палубу корабля, а Иоанн их благословлял. Значительные участки этих старых систем, видевших пастыря-паломника, сохранились здесь поныне и продолжают действовать. До сих пор можно видеть свайные укрепления берегов, узкие судоходные каналы, деревянные плотины, плавучие мосты.

Особую трудность представляло плавание по Пинеге из-за большого количества песчаных отмелей и обмеления реки в жаркие летние месяцы. Исходя из обстоятельств плавания, Иоанн дождался времени максимального подъема воды, но все равно и это не спасало. Тогда приходилось по пути пересаживаться на лошадей. Об одном из таких случаев сообщает Иоанн в письме игуменье Таисии (Солоповой): «Нынешний год с большим трудом добрались мы — и то не все — до Суры; вода в Пинеге крайне мала и не допустила добраться пароходом до родины. Не доплыв 80 верст, мы должны были выйти с парохода на Карповой горе и отправиться горой на лошадях. Всех нас с непривычки очень протрясло, даже и меня, отвыкшего от тарантасов. После железных дорог и пароходов путешествие в деревенских тарантасах до крайности тяжело. В обратный путь до города Пинеги, где остановился ждать нас пароход, хотим отправиться на малой мелкосидящей барже монастырской. Не знаем, удастся ли этот чрезвычайный путь водою»***.

* Названа в честь императрицы Марии Федоровны, супруги Павла I.

** Названа в честь Александра Вюртембергского (брата Марии Федоровны), который руководил проектными работами этой водной системы, будучи главноуправляющим ведомством путей сообщения и публичных зданий.

*** Письма к настоятельнице... игуменье Таисии. СПб., 1909. С. 42–43.

Все, кому посчастливилось быть вместе с Иоанном во время путешествий, отмечают одну особенность — стоило появиться на берегу какой-либо церкви, Иоанн приказывал причалить. В церкви совершалась литургия. Сослужившее местное духовенство одаривалось из запасов Иоанна ризами и церковной утварью. И как это было всегда, стекался народ, прослышавший о приезде Иоанна Кронштадтского, подходивший для благословения и выслушивания назидательных бесед. Даже если по каким-то обстоятельствам и не было никого в храме, кроме сопровождающих, Иоанн всё равно служил и причащался. После этого отправлялись в дальнейший путь и до следующего причащения он чувствовал себя бодрим и счастливым.

Непременно делались остановки в монастырях, расположенных по пути следования. Первая обитель, которая встречается на пути по выходе из Белого озера в реку Шексну, — женский Воскресенский Горицкий монастырь, ставший известным более как монастырь опальных княгинь. Первое упоминание о посещении кронштадтским пастырем Гориц относится к 1891 году.

Дни пребывания в Горицах были днями поста и молитвы, светлым праздником для всех. В какое бы время ни прибывал пароход — рано утром или поздним вечером, — его ждали. Как только он появлялся на реке, раздавался торжественный звон столетних горицких колоколов. Весь монастырь точно воскресал от радости.

С пристани Иоанн мимо монахинь, выстраивавшихся в два ряда от святых ворот до игуменского дома, проходил в собор, где тотчас начиналось богослужение, за которым он, по обыкновению, читал и пел сам. Восторг и радость монахинь были неописуемы: все крестились, обнимались и плакали от радости. Храм был переполнен, почти все причащались.

Некоторые из дошедших до нас свидетельств позволяют почувствовать настроение людей. «Видя пламенную, слезную молитву истинного служителя Божия пред престолом, его глубокое благоговение к совершаемым таинствам, — записала одна из почитательниц Иоанна, — невольно чувствуешь, что претворяемые хлеб и вино суть истинно Тело и Кровь Христовы. В эти минуты как-то отрешаешься от всего земного и видишь пред собою только св. престол и перед ним молящегося отца Иоанна... И как благотворно действует на душу такая молитва! Точно воскреснешь после нее; и так молиться можно, кажется, только с отцом Иоанном».

И в других письмах Иоанна Кронштадтского содержится информация о трудностях плавания по реке Пинеге. — См.: ЦГИА. Ф. 2216. Оп. 1. Д. 14. Л. 314—315.

А после службы в игуменской квартире ставили стул для Иоанна Кронштадтского. Сюда по очереди, подымаясь бесконечной вереницей по лестнице, подходили к батюшке сестры монастыря для благословения, всего более шестисот человек. После них таким же порядком шли богомольцы, запрудившие всю площадку перед домом игуменьи и спокойно ожидавшие своей очереди.

Иногда Иоанн находился в монастыре несколько дней, и тогда вместе с игуменьей Нилой (Усковой) он выезжал в Кирилло-Белозерский монастырь или посещал скиты Горицкого монастыря: Никулинский, Фетиньинский, Зосимо-Ворбозомский.

Быстро пролетало время пребывания пастыря в обители, и неизбежно наступал час прощания. Колокольный звон на прощание так торжественно гудел, что казалось, даже земля под ногами дрожала. Весь берег вновь заполнялся народом и монахинями. Когда же пароход отчаливал от пристани, то почти все монахини стеной двигались по берегу за пароходом. И еще долго они бежали, перебираясь через встречающиеся изгороди. Иоанн весело улыбался, глядя, как это у них получалось, и сначала шляпой, а потом белым флагом махал им крестообразно. Наконец и самые неугомонные отставали и, остановившись, до земли ему кланялись. Отец Иоанн в ответ благословлял их и тоже кланялся. И еще долго он смотрел на удаляющийся монастырь, как бы молясь и внутренне призывая на него Божие благословение.

Пароход спешил, останавливаясь лишь для погрузки дров, — и дальше, дальше. Реки стремительно мелели после весеннего половодья, и нужно было добраться до Пинеги, пока воды в ней еще было достаточно. Подойдя до деревни Усть-Пинеги, пароход круто поворачивал и входил в реку Пинегу. Оставалось еще 300 верст. Река поражала разнообразием своих берегов: местами они похожи на берега Валаамских островов — отвесные, спускающиеся в воду скалы, из расщелин которых подымаются вековые сосны. Местами — напоминают отроги Карпат. Попадаются и характерные кавказские уголки с пропастями и обрывами... Пройден Красногорский монастырь, расположенный на правом высоком берегу Пинеги, а внизу под горой, среди густого леса, виднеется скитская церковь. Но воды становилось все меньше, появляются отмели. На носу корабля постоянно дежурит матрос, измеряющий глубину русла.

На всем протяжении Пинеги по берегам выстраивались толпы крестьян, лиц духовного сословия, желавшие видеть Иоанна. Наиболее смелые подплывали на лодках к кораблю,

приветствовали и просили благословения. По вечерам на берегу то там, то здесь можно было видеть разведенные костры, а при прохождении парохода крестьяне стреляли из ружей, устраивая своеобразный салют прославленному пастырю. В некоторых селениях Иоанн останавливался для того, чтобы проведать местных священников, которых он знал еще по семинарии.

Обязательным пунктом остановки на пути в Суру (или на обратном пути) был Архангельск. Иоанн встречался с архиереем и духовенством, служил в кафедральном соборе, в крестовом храме архиерейской резиденции. Каждый его приезд среди православного населения Архангельска поднимал настроение. И всякий стремился, если уж не принять благословение, то хотя бы лично повидать необыкновенного пастыря. Городские церкви в дни служения Иоанна переполнялись до отказа молящимися.

Посещал он и Архангельскую семинарию, встречался с ректором и преподавателями, особо выделяя пожилого кафедрального протоиерея отца Михаила Сибирцева, который преподавал еще в те годы, когда Ваня Сергиев сидел на семинарской скамье. Были и встречи с семинаристами, когда маститый протоиерей вспоминал годы своей учебы.

Непременно Иоанн жертвовал на нужды церквей и приходских учреждений Архангельской епархии: в 1902 году пожертвовал три тысячи рублей, а в 1903 году на реставрацию кафедрального собора выделил тысячу рублей. В одном из воспоминаний можно найти свидетельство благодарности крестьян за пожертвования на церковь: они летом запрягли лошадь в сани и в них повезли Иоанна на место строительства храма. Так в Древней Руси возили архиереев. Бывая в Архангельске, Иоанн иногда добирался и до Холмогор, где жила одна из его сестер.

Путь из Архангельска до следующей остановки — первоклассного Веркольского мужского монастыря занимал три дня. Иоанн, привыкший ежедневно совершать литургию и приобщаться Святых Тайн, переживал, что не совершал богослужения или, как он выражался, «не имел хлеба жизни в насыщение алчущей души». Но вот, наконец, и Веркола... На высоком берегу обнесенная каменной стеной высится громада монастыря.

Дорогого гостя встречают с колокольным звоном. Вся старшая братия обители и все случившиеся богомольцы выходят на берег. Отец Иоанн следовал прямо в храм, где почивают мощи святого праведного Артемия Веркольского. Здесь же служитя литургия. Затем в кельях настоятеля монастыря — тра-

пеца для гостей, и Иоанн торопится на корабль... до родного дома оставалось около 40 верст.

Очередной поворот реки, и вот она... Сура!

— О, тебя ль вновь вижу я?! — каждый раз, стоя на палубе парохода, в ожидании увидеть родные места, восклицал отец Иоанн.

Всем селом, и стар, и млад, выходили односельчане встречать своего прославленного земляка. Очевидец одной из таких встреч пишет о том, что люди буквально запрудили все пространство, так что не было никакой возможности отцу Иоанну протиснуться: «Однако он, так сказать, ринулся в гущу народную. Но и та, в свою очередь, ринулась на него, хватая за края одежды, целуя его руки и одежду и жадно ища благословения. Нас обуял страх за батюшку, что его замнут, задавят насмерть... К счастью, он был приподнят стиснувшей его толпой и так над всей толпой, на ее плечах, и был благополучно пронесен»*.

В родном селе Иоанн останавливался у родственников. Настроение, с которым он находился в Суре, хорошо передают его слова: «Где-то далеко-далеко, точно в другом мире, есть большие города с их шумной суетливой, а нередко и греховной жизнью; но звуки ее не долетают до глухого Сурского уголка: здесь живут тихо, спокойно, размеренно, скромно и почти праведно».

Возвращение в Кронштадт из поездки в Суру также возможно было несколькими маршрутами. Летом 1891 года Иоанн Сергиев возвращался через Череповец. Здесь же по делам своего Леушинского Иоанно-Предтеченского женского монастыря оказалась игуменья Таисия. Она уговорила Иоанна заехать в свою обитель. В монастыре он был недолго, встретился с сестрами, побеседовал с ними. Ему понравилась обитель, и он обещал заезжать сюда каждый раз, возвращаясь из поездки на родину.

Так и происходило в последующие годы. В обители у него появлялись редкие минуты уединения и отдыха от изнурительного многолюдья, которым он был постоянно и повсеместно окружен. Во время одного из посещений монастыря игуменья Таисия просила Иоанна принять монастырь под его духовное водительство. В тот день, когда согласие было получено, Таисия записала в дневнике: «От избытка ощущений, вызванных этим событием, я не могла разобраться в мыслях, я сознавала, что сказанное мне Батюшкой после чтения было делом слишком большой важности, слишком радостным для меня и для всей обители; я сидела, углубившись в свои мысли, и даже забыла поблагодарить Батюшку за его такой духовный бес-

* *Сурский И. К.* Отец Иоанн Кронштадтский. Т. 1—2. М., 1994. С. 293.

ценный дар». Позднее в обители при поддержке Иоанна было устроено 12 храмов, девичье училище, приют для сирот и престарелых вдов.

В воспоминаниях игуменья Таисии есть рассказ о чудотворении Иоанна. Он относится к 1903 году, когда сибирская язва свирепствовала в округе Леушинского монастыря. Мор на скотину принес огромные бедствия. Со всех сторон были поставлены карантинные заставы, и приезжавшим в монастырь приходилось от пристани Борки идти пешком десять верст. И хотя в самом монастыре падежа скотины не было, угроза оставалась.

Игуменья Таисия пребывала в сомнении, предупредить ли Иоанна о невозможности в то лето посетить Леушино или, презрев угрозу, подвергнуть опасности весь монастырский скот. Помолившись, она поехала к пристани на тарантасе, запряженной одной лошадей. За две версты от пристани, как ужасное предупреждение, встретились две дроги, везущие павших лошадей для закопки их в отведенном месте. Добравшись до пристани, опрыскав и окурив, поставили лошадь в конюшню. Утром Таисия отправилась на пароход к Иоанну. Он молча выслушал печальный рассказ. Но решение принял бесповоротно — едем!

Когда пароход подошел к пристани Борки, ближайшей к Леушинскому монастырю, на ней уже собралась не одна сотня домохозяев — просить батюшку помолиться об избавлении от такого тяжкого наказания, как потеря скота.

— Что мы будем делать без скотинки-то, кормилец? Ведь ни земли не вспахать, ничего — хоть по миру иди! Уж и без того бедно, а тут еще такая беда! — зывали они о помощи.

— За грехи ваши Господь попустил на вас такую беду, — настаивал их Иоанн, — ведь вы Бога-то забываете; вот, например, праздники нам даны, чтобы в церковь сходить, Богу помолиться, а вы пьянствуете; а уж при пьянстве чего хорошего, сами знаете!

— Вестимо, батюшка-кормилец, чего уж в пьянстве хорошего, одно зло, — покорно отвечали крестьяне.

— Так вы сознаетесь, друзья мои, что по грехам получаете возмездие?

— Как же не сознаваться, кормилец! Помолись за нас, грешных! — И при этих словах все пали в ноги тому, кто был последней их надеждой.

Иоанн велел принести ушат, зачерпнул из реки воды. Совершив краткое водоосвящение, он сказал:

— Возьмите каждый домохозяин себе этой воды, покропите ею скотинку и с Богом поезжайте, работайте. Господь помиловал вас.

Затем Иоанн вышел на берег, где уже стояли монастырские лошадки, которых он сам окропил, и все безбоязненно поехали в обитель. В тот же день все мужички поехали, куда кому было надо, все карантинны были сняты, о язве осталось лишь одно воспоминание. То ли чудо... то ли срок заразе вышел... кто знает?!

Когда Иоанн ехал в обитель, то благословлял и лес на обе стороны: «Возрасти, сохрани, Господи, все сие на пользу обители Твоей, в ней же Имя Твое святое славословится непрестанно»*.

Вскоре к обители прибавилось несколько подворий — в Петербурге, Череповце, Рыбинске, Кириллове, Ферапонтове, — каждое из которых представляло собой вполне самостоятельное хозяйство, и все они требовали много хлопот и опеки. Вслед за храмом строились кельи, различные служебные помещения, школы, приюты, богадельни.

Для вновь открывшихся общин игуменья Таисия составила устав, который тщательно выверил и благословил Иоанн Кронштадтский. В письме матушке он писал: «Устав, составленный тобою, я прочитал и кое-где поправил в выражениях. Устав носит отпечаток твоего недюжинного ума, благочестия и опытности духовной; на днях пошлю его к Преосвященнейшему Антонину, вероятно, и он будет доволен, а, пожалуй, и удивлен».

Появление одного из скитов Леушинского монастыря — пустыньки «Крестик» — непосредственно связано с Иоанном Сергиевым. Он был построен на том месте, где батюшка «чудесно нашел» землянику, которую до него здесь никто не видал ни раньше, ни потом, и по времени не была ее пора. Место приметили, вбили колышек, потом поставили крест, стали приходить сюда молиться. Собирались и в непогоду, и в зимнее время. Построили часовню, которую переделали в 1893 году в церковь во имя евангелиста Иоанна Богослова. Здесь во время пребывания в Леушине любил уединяться Иоанн для молитвы. «Благодарю за любовь, ласку и гостеприимство, встреченное и встречаемое ежегодно в вашей Леушинской обители, дающей истинный покой и отраду духа», — писал он с благодарностью Таисии.

Приезды Иоанна в Леушино сопровождалось, как и повсюду, встречами множества народа, жаждущего духовного общения с прославленным пастырем.

* Леушинский монастырь был закрыт в 1920 году. Впоследствии, в советское время, он попал в зону затопления при создании Рыбинского водохранилища и сегодня представляет собой трудно доступное место — крохотный выступ, окруженный водой и потопленным лесом.

Одну из встреч так описывает Таисия: «Мужички с обнаженными головами кланяются в пояс; женщины с младенцами на руках спешат наперерыв поднести своих деток, хотя бы ручкой-то коснулся их батюшка; только и слышно: “Батюшка-кормилец, родимый ты наш, красное солнышко”. — А батюшка на обе стороны кланяется, благословляет, говоря: “Здравствуйте, братцы! Здравствуйте, матери! Здравствуйте, крошечки Божии! Да благословит вас всех Отец наш Небесный! Христос с вами! Христос с Вами!”

А в монастыре сестры встречают громким стройным пением: “Благословен грядый во имя Господне!” и с пением провожают до самого соборного храма, где выстроились для встречи священнослужители. Звон в большой колокол похож на что-то пасхальное, прерадостное... общий подъем духа, общее торжество! После литургии, за которой всегда бывает много причастников, Иоанн проходит в сад, куда приглашаются все сослужившие ему священнослужители и гости, приехавшие с ним. Туда же подают и самовар со всеми угощениями, и дорогой гость старается всех утешить, зная, что всякому приятно получить чаек из его рук».

Когда игуменья Таисия надумала строить в Петербурге подворье Леушинского монастыря, то обратилась к отцу Иоанну за благословением, надеясь получить от него и материальную помощь. Иоанн благословил начинание и дал Таисии два гривенника. Она смутилась, однако с благоговением завернула гривенники в платок, веруя, что Господь поможет начинанию, которое благословил отец Иоанн.

Но на удивление скоро нашлось подходящее место для подворья на Басейной улице в Петербурге*; нашлись жертвователи и подрядчики, взявшиеся безвозмездно произвести строительные работы. И выросло трехэтажное здание, возглавляемое церковью во имя апостола Иоанна Богослова с дивным резным иконостасом из грушевого дерева. Оно стало любимым местом служения отца Сергиева. — Как хорошо в твоём храме! Спасибо тебе за твоё подворье! — не раз писал он игуменья Таисии.

В один из приездов в Леушино Иоанн Кронштадтский посетил скит в Ферапонтове**. Насельницами обители были вос-

* Ныне улица Некрасова.

** Ферапонтовский женский монастырь решением Святейшего синода от 10 декабря 1903 года был учрежден на месте упраздненного в 1798 году мужского монастыря. Восстановление древней обители, сохранившей много исторических и художественных памятников, было начато митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским Исидором. После его кончины архиепископ Новгородский Гурий подал ходатайство в Синод о восстановлении монастыря. Земельные угодья восстанавливаемой

питанницы Таисии, и устраивалась она по образцу Леушинского монастыря. Благословляя его открытие, Иоанн писал Таисии: «Поздравляю с началом по восстановлению Ферапонтовской обители. Много придется тебе поскорбеть и потрудиться над этим делом. Но Господь поможет тебе, — и тебе, великой старице, даст силу воссоздать древнюю обитель во славу Божию; посылаю на начало ее 300 рублей». Некоторое время спустя он опять сообщал: «Бог послал мне нечаянно доброго человека, который пожертвовал мне от своего достатка, как будто для того, чтобы я помог нуждам Ферапонтова; ибо случилось это в тот самый час, когда я, глядя на икону преподобного Ферапонта, думал о его древней св. обители, в которой просияло уже столько подвижников, из коих некоторые уже видимо увенчались в нетлении вечной славы. Вот этот-то дар я и посылаю для Ферапонтова на твое имя».

Икону, о которой идет речь в письме, накануне прислала в дар игуменья Таисия. И впоследствии Иоанн неизменно поддерживал новую обитель пожертвованиями: «Посылаю 300 рублей на Ферапонтовскую обитель, прошу меня не обижать отказами или оговорками, что мне и самому нужно на мои обители: Ивановскую, Сурскую и Воронцовскую. Мне Господь посылает на долю каждого, и моим обителям помогаю по несколько десятков тысяч, а другим — понемножку; а ведь обители-то пред Господом все равны».

Старые фотографии, хранящиеся в Институте истории материальной культуры Российской академии наук в Санкт-Петербурге, передают нам события встреч и проводов Иоанна, его пребывания на древней земле Ферапонтова. Неизменно рядом с ним Таисия. В Ферапонтовском приходе сохранились некоторые реликвии того времени: фотографии отца Иоанна, раздававшиеся по пути его следования, парный портрет Иоанна Кронштадтского и игуменьи Таисии, фелонь, в которой он совершал в обители преподобного Ферапонта богослужения.

...Не менее одного раза в месяц Иоанн Сергиев посещал Москву. Прибывал он утренним скорым или курьерским поездом по Николаевской железной дороге. Его приезд всегда держался в секрете, а допуск в храм, где он собирался служить, был только по билетам. На вокзале его встречала в карете вдова-купчиха Софья Яковлевна Бурхард, проживавшая в собственном доме на Мясницкой улице и заведовавшая посещениями Сергиева в Москве. Исполняла она свои обязанности

обители состояли из 204 десятин земли, отведенных местными крестьянами, и 87 десятин имения одной щедрой благотворительницы. Заботы по восстановлению и первоначальному устройству Ферапонтова монастыря приняла на себя игуменья Таисия.

очень добросовестно из чувства благоговения перед Иоанном, в чудотворную силу которого она глубоко верила. По заранее составленному ею списку Иоанн ехал в ту или иную церковь для служения литургии. Потом шли посещения знакомых и видных москвичей. Среди них — генерал-губернатор князь Владимир Андреевич Долгоруков и командующий войсками Московского военного округа генерал от артиллерии Апостол Спиридонович Костанда.

В частных домах батюшке устраивали торжественную встречу. На лестнице выстраивали хор певчих. Под церковные напевы подымаясь по лестнице, Иоанн здоровался со всеми, благословлял. Затем проходили в гостиную, где на маленьком столике уже находились миска с водой, крест, Евангелие, кадило, кропило, то есть все необходимое для водосвятного молебна. Священник останавливался перед иконой в гостиной. Минут пять молча смотрел на нее, как бы внутренне собираясь и ожидая молитвенного состояния окружающих. Затем опускался на колени и начинал молиться. Он всегда молился импровизированными молитвами, произнося некоторые слова очень резко, с особенным ударением, дерзновенно прося у Господа милости дому, где находился. Потом поминал об искупительной жертве Иисуса Христа. Пел сам: «Спаси, Господи, люди Твоя» и освящал воду. Затем обязательно ходил по всем комнатам и кропил их святой водой.

Во время посещения Иоанна всегда накрывали чай. Он любил чай самый крепкий, почти черный, и всегда просил сполоснуть чай и первую воду слить, — как он в шутку говорил: «Надо смыть китайскую нечисть». К чаю ставили какую-нибудь рыбную закуску. Мяса батюшка совсем не ел. Иногда выпивал полрюмки сладкого вина и, окинув взором присутствующих, давал кому-нибудь допить свою рюмку. Затем ставили перед ним ряд стаканов с крепким чаем, целую стопку блюдец и глубокую тарелку с кусковым сахаром, и он, благословив, брал сахар целыми горстями и рассыпал по стаканам. Быстро мешал ложкой, разливал по блюдецкам и раздавал присутствующим. Он любил такое общение.

После «чая» хозяин дома передавал Иоанну при прощании в конверте некоторую сумму денег, количество которых никогда не интересовало священника, хотя он никогда не отказывался от платы, которая могла составлять и 500 рублей за посещение, и пять рублей

Ближе к вечеру, в пять-шесть часов, Иоанн ехал к вдове статского советника Марии Павловне Дюгамель — женщине хорошо образованной, начитанной, глубоко религиозной, державшейся традиций эпохи Николая I. У нее в особняке на

Никитском бульваре Иоанн всегда обедал и немного отдыхал. Это была его благодарность за помощь и поддержку в дни юности, когда она помогала ему материально. Теперь он считал своим долгом непременно в каждый приезд в Москву заезжать к ней.

Здесь также свершался молебен с водосвятием. После был обед. Обычно (если не было строгого поста) подавались рыбные закуски: селедка, семга, отварная белуга и икра; мясного, за исключением бульона из куриных потрохов, он не ел ничего; из вина выпивал одну-две рюмки «Елисеевского» хереса «Золотой кораблик». После закуски следовали еще четыре блюда: горячее с пирожками, зелень, жареная рыба и сладкое. Любимым блюдом Иоанна была семга. Аппетит у него был весьма умеренный: два-три куска семги, несколько ложек супа, и он был сыт. Так что ко второму и третьему он иногда и не прикасался. Среди приглашенных в дом были С. Я. Бурхард со своей компаньонкой А. А. Горпиченко, священник церкви Ваганьковского кладбища И. Чанцев, некоторые другие лица по усмотрению М. П. Дюгамель. Во время обеда велась оживленная беседа на темы политического и злободневного характера, причем Иоанн показывал свой интерес к самым различным событиям в мире и имел по ним собственное мнение.

После обеда все направлялись в гостиную, где подавался кофе. За чашкой кофе Иоанн неизменно читал газету «Московские ведомости», тогдашний редактор которой Владимир Грингмут пользовался его одобрением и уважением за крайне правую редакционную линию.

Наверное, это был единственный дом в Москве, где Иоанн отдыхал душой и телом. Не однажды в письмах игуменье Таисии он сообщит: «Гощу в Москве у добрейшей моей знакомой, госпожи Марии Павловны Дюгамель, где мне покойно, как дома». Для Дюгамель Иоанн всегда был желанным гостем. Несмотря на свой возраст — около 90 лет — она сохраняла редкую ясность ума и память, отличаясь хорошим здоровьем и великолепным зрением (очков она не знала).

Опираясь на свидетельства и воспоминания очевидцев, можно хотя бы частично восстановить список мест в Москве, где в разное время и по разным обстоятельствам бывал и служил Иоанн Кронштадтский: Успенский собор, Благовещенская церковь (на Житном дворе) и Чудов монастырь в Московском Кремле, Богоявленский монастырь, что на Никольской улице, община сестер милосердия «Утоли моя печали» в Лефортове, Иверская община (Б. Полянка), Боевская богадельня (на Стромынке), Антиохийское подворье, Вознесенский монастырь.

Служил он и в некоторых учебных заведениях. К примеру, в Императорском лицее имени цесаревича Николая. В 1894–1896 годах его директором был В. А. Грингмут. При нем введен обычай – в начале каждого учебного года и перед экзаменами приносить в учебное заведение чудотворные иконы Спасителя, Божией Матери и святого великомученика Пантелеймона. В специально отведенные дни все ученики лицея были обязаны собираться в храме для совместного богослужения. По личной просьбе самого Грингмута в феврале 1895 года в лицей впервые прибыл протоиерей Иоанн Кронштадтский, который впоследствии и вплоть до 1905 года ежегодно служил в лицейском храме.

Отъезд Иоанна из Москвы всегда был торжествен. Для него, в виде исключения, открывали парадные «царские» комнаты Николаевского вокзала, куда вход для простой публики был строго ограничен. Возможно, это был не только знак особого уважения, но и необходимая мера предосторожности, способ сохранить общественное спокойствие при скоплении народа. Что опасность реальна, свидетельствовал один из первых приездов, когда охраной пренебрегли, и давка была нешуточная – вокзальная публика до такой степени смяла Иоанна и его сопровождающих, что погнула золотой наперсный крест священника.

Каждый раз у вокзала собиралась несметная толпа, так что экипажу приходилось ехать шагом, приближаясь к зданию вплотную, чтобы Иоанн мог незаметно и быстро войти в вокзал. Приходилось идти на хитрости. Чтобы обойти толпу, окружившую вагоны первого класса, Иоанн потихоньку проводил в вагон с противоположной стороны, через пути. Для отвода глаз перед вагоном на перроне стояли шпалерами жандармы, как бы ожидающие его прихода, и публика их обступала. В самый момент отхода поезда жандармы расходились, и перед изумленной публикой в окне вагона появлялось лицо пастыря, который, ласково улыбаясь, благословлял присутствующих.

...Привлекала внимание Иоанна Кронштадтского и великая российская река – Волга. Известно, что по ней он совершил несколько плаваний по разным маршрутам: от Углича до Царицына, останавливаясь практически во всех городах и даже селах. В частности, сохранились описания, относящиеся к 1893, 1894 и 1907 годам.

Трижды он побывал в Рыбинске – крупном волжском порту. Город был местом скопления обедневших крестьян, искавших пропитания на сезонной работе. С окончанием навигации многие оставались в городе, бедствуя, а часто и голодая.

В этом смысле Рыбинск напоминал Кронштадт, и неудивительно, что у отца Иоанна родилась мысль основать здесь Дом трудолюбия. В 1893 году, во второй свой приезд, он публично объявил о создании Дома трудолюбия и первым внес 200 рублей. Примеру пастыря последовало рыбинское купечество, и в короткое время собрано было более 50 тысяч рублей. Создано было Попечительское общество, а Рыбинская городская дума в 1896 году пожертвовала для устройства Дома трудолюбия здание. К очередной годовщине коронации императора Николая II, 30 января 1900 года, было приурочено открытие Дома трудолюбия. Только за первый год здесь получили кров и работу 500 человек. Кроме того, дневным приютом и питанием было обеспечено около тысячи детей. Летом 1900 года Иоанн побывал в уже действовавшем Доме трудолюбия, а затем участвовал в закладке нового храма во имя Толгской иконы Божией Матери (подворье Толгского монастыря, ул. Радищева, 2).

О содержании и размахе встреч Иоанна Кронштадтского в волжских городах дает представление описание его поездки летом 1894 года в Самару.

...27 июня в Самаре стало примечаться особенное оживление. Видно было, что город к чему-то готовится. В Архиерейском доме собрались правящий епископ, ректор семинарии, игуменья монастыря и другие лица. К воротам дома стала прибывать толпа, которая все более увеличивалась. Большими группами самарцы спешили к пристани пароходной компании «Самолет».

Около четырех часов пополудни показался сверху по Волге пароход. На его верхнем трапе стоял Иоанн Кронштадтский. При приближении парохода к пристани он несколько раз снимал с головы темную соломенную шляпу, кланяясь собравшейся на берегу многочисленной публике. Здесь же «официальная делегация»: епископ Гурий (Буртасовский), вице-губернатор. Первый визит был в Архиерейский дом. Владыка сообщал о епархиальных делах, особо напоирая на «опасность», грозящую самарской пастве со стороны баптизма, «воюющего в южных уездах епархии против церкви Божией»; говорил о планах, направленных к ослаблению сектантства и просил Иоанна их благословить.

Когда Иоанн показался на крыльце дома, сопровождаемый епископом, собравшаяся возле Архиерейского дома толпа устремилась в едином порыве к пастырю. Послышались рыдания, крики радости, вопли, просьбы: «Батюшка наш! Родной наш! Помолись о нас!» Кто целовал руки, кто кидался к краям риз, кто припадал к плечам... С трудом пробившись к карете, на ходу благословляя и отвечая на призывы, Иоанн отправил-

ся сначала в Иверский женский монастырь, а затем по домам пригласивших его горожан.

В первом же доме собралось человек 30—40. Перед молебном Иоанн каждого благословил, а затем, надев епитрахиль и повернувшись вполоборота, сказал громким и довольно резким голосом:

— Ну, друзья, на молитву! Сердце и ум ваш вознесите горе, к Богу! Он сам здесь невидимо присутствует, по слову его, что где два или три собраны во имя его, там и он посреди них. Молитесь с твердой, несомненной верой, что получите просимое, и непременно получите!

Эти слова имели необыкновенное действие на собравшихся. Когда Иоанн стал читать молитвы, то все, как по команде, опустили на колени. Видно было, что молились все единым сердцем. По освящении воды народ прикладывался к кресту, а Иоанн каждого кропил святой водой. По окончании молебна еще раз благословил и со словами: «Прощайте, друзья мои!» — оставил дом.

На другой день Иоанн служил утреню в Казанском (Старом) соборе. Он читал канон на случившийся в этот день праздник. За литургией ему сослужили самарские протоиереи и иереи. Казалось, всё свершалось, как всегда, по церковному уставу, но только предстоятель на богослужении был необычным. Всех поражали сила и простота его молитв... Он часто стоял с закрытыми глазами, наклонив голову перед святым престолом и указывая правою рукою на святой антиминс. Уста его произносили тайные молитвы к Господу, и только изредка он высказывал некоторые слова своей молитвы громко и внятно. Лицо его во время таких молитв выражало умирение, — насколько же сильны были иные мгновения некоторых из его молитвословий, видно было из того, что он, как бы изнемогая, опускался своим челом до престола и будто замирал. Все бывшие в храме стояли до того восхищенные молитвами отца Иоанна, до того пораженные виденным, что не могли удержаться от слез, слез умиления и благодарности Господу. Может быть, перед многими промелькнула в эти моменты вся жизнь, полная суетности, и многие воспрянули духом, и усугубилась их вера и надежда на Божие милосердие... Может быть.

Следует особо выделить посещение Иоанном Кронштадтским двух прибрежных (стоящих на реках Волге и Каме) российских городов — Нижнего Новгорода (1901) и Сарпула (1904). Здесь он побывал по приглашению правящих епископов: епископа Нижегородского Назария (Кириллова) и епископа Сарпульского Михея (Алексеева). Здесь же, и это было необычно, состоялись две встречи с епархиальным духовенством.

Они прошли по схожему «сценарию»: вначале Иоанн рассказывал о своем служении, а затем отвечал на многочисленные вопросы собравшихся. Один из участников записал свое впечатление: «Перед нами стоял благообразный старец. Лицо его ясное и открытое, приятно и сердечно улыбающееся, благодушно-мирное, благодатное лицо. Светлые, доверчивые, ласковые глаза, твердая и уверенная речь привлекли наше общее внимание. В о. Иоанне нет ничего болезненно-нервного и никакого электричества или магнетизма, которыми, — как говорили и даже писали, — он будто бы сильно действует и исцеляет больных. Это самый покойный, ровный, жизнерадостный, смиренный и предупредительный служитель Христов».

Иоанн делился своим отношением к Евангелию. Призывал читать и размышлять над ним ежедневно, говоря: «Сколько тут содержания! Сколько открыто законов жизни души человеческой! Сколько человек, стремящийся к духовному обновлению, может почерпнуть здесь указаний для того, чтобы переродиться из злого в доброго! Здесь неисчерпаемая тема для проповедей: только сумей сам назидаться и других назидать!»

Подчеркивал необходимость для пастыря как можно чаще, лучше ежедневно, совершать литургию и причащаться. «Ведь молящиеся, — говорил он, — видят и чувствуют мое искреннее, благоговейное служение и сами проникаются святыми чувствами и молятся усердно».

Учитывая, что в обеих епархиях значительное число жителей не относили себя к православию, Иоанн Сергиев говорил об обязанности священника обличать «заблуждения сектантов и раскольников».

Что же интересовало слушателей Иоанна Сергиева? На основе различных воспоминаний этот разговор можно представить примерно так:

— Ведете ли вы аскетический образ жизни? — последовал вопрос.

— Нет, братие, я не веду аскетического образа жизни. Условия моей службы лишили меня возможности быть аскетом. Весь день я занят самыми разнообразными делами, часто вынужден покидать Кронштадт.

— Читаете ли газеты?

— Читаю газеты, но часто жаль бывает потерянного времени. Много там пишут лишнего, совершенно бесполезного.

— Во время ваших постоянных разъездов, чем вы заполняете свободное время? Обстановка и ее смена производят ли на вас впечатление?

— Я молюсь, я постоянно молюсь, — быстро произнес

Иоанн. — Я даже не понимаю, как можно проводить время без молитвы. Воистину — молитва есть дыхание души.

— Скажите, батюшка, — продолжали вопрошать, — что делает вас во время литургии таким сосредоточенным, когда вокруг иногда так много беспорядка и всего того, что может мешать молитве?

— Этого я достиг только привычкою. Научиться быстро сосредоточиваться в молитве, овладеть собою — это большая задача... Очень тут необходимо покаяние, быстрое воспроизведение в своей душе образа Христова или Креста Господня и полное сознание своей духовной загрязненности и беспомощности.

— Научите, батюшка, бороться с унынием в деле пастырства? — вопрошал кто-либо из присутствующих. — Бывает страшное уныние от собственной греховности, опускаются руки, когда вспомнишь слова: «Врачу, исцелися сам»... учительство в голову тогда не идет. И сейчас же — уныние...

— Это напрасно, — ответил Иоанн. — Тут нужно помнить о долге. Мысль о долге должна принудительно и ободрительно действовать на пастыря. — Ты уполномочен Церковью, ты должен делать — эта мысль должна и одушевить пастыря, и, конечно, разогнать всякое уныние. Ибо это уныние — от врага!

— Но вот, батюшка, еще вид уныния — от хульных помыслов, которые порой появляются в голове в самые священные минуты богослужения.

— Ну а это уныние, — энергично пояснял Иоанн, — прямо от недостатка веры вашей. Хульные помыслы нужно презирать; борьба здесь не нужна и вредна; просто не нужно обращать внимания! Но если какие бы ни были помыслы доводят до уныния, это бывает уже от слабоволия. Значит, вы даете этим помыслам время господствовать над вами, пожалуй, даже ими соуслаждаетесь... Отсюда уже только вытекает уныние! Так до уныния не нужно доводить душу свою! В самом же начале горячею молитвою отгоняйте от себя всякое смущение душевное; в надлежащее время захваченное молитвой греховное настроение вовсе исчезает и довести до уныния истинно и горячо верующего человека никогда не может.

— А как же быть при виде торжествующего зла? Как же тут не впасть в уныние? — спросил все тот же голос.

— Вот это другое дело. Это поистине тяжело переживать: подобное состояние и мне приходится часто переживать. Тут нужно укреплять себя молитвою и твердо верить, что Господь силен даже самое зло обратить на добро.

— Как быть с современным обществом, которое не в церковь идет, а ищет развлечения?

– Согласен: никогда не было такой потребности в развлечениях, как нынче. Страсть к развлечениям как болезнь распространяется. Это прямой показатель того, что людям нечем стало жить, что они разучились жить серьезною жизнью, трудом на пользу нуждающихся и внутреннюю духовную жизнью, и начали скучать! И меняют глубину и содержание духовной жизни на развлечения! А между тем развлечение – это уже общественный порок! Вот куда должно пастырям направить свои силы; они должны внести в жизнь утраченное ею содержание, возвратить людям смысл жизни.

– Достаточно ли в Кронштадте жертвователей на богоугодные дела? – прозвучал еще один заинтересованный практический вопрос.

– Меня часто приглашают для молитвы в богатые и знатные дома, где много жертвуют. Этими средствами я делюсь с нищетою, которой так много стало в наше время. Я посылаю свои лепты в учреждения и в бедные церкви, делюсь с братьями – пастырями и вообще бедными людьми. Кроме того, мой доверенный ежедневно подает из моих средств тысяче бедняков на хлеб. Но я должен сказать, что пьяницам, попрошайкам – не подаю...

Встречи... встречи... сколько их было у Иоанна Кронштадтского – сотни, тысячи?! В больших и малых городах, в селах и деревнях, в храмах и монастырях, в пути и на отдыхе... Перед ним проходила многоликая Россия – и все более в образе истерзанного, страдающего, несчастного человека. Да, конечно, он искренне стремился каждому, с кем, пусть и на краткий миг, сводили его обстоятельства, помочь словом, помочь действием, благословить его, поддержать, выразить участие. Для большинства эти встречи были мимолетны и единственны, кому-то посчастливилось еще и еще раз встретиться с отцом Иоанном, кто-то шел со священником рядом в течение многих лет... Но признаем, что общение с неординарной личностью оставалось в памяти, запечатлевалось в душе у каждого. А в некоторых случаях оно кардинально меняло судьбу человека.

...В апреле 1893 года Иоанн Кронштадтский приезжал в Киев по приглашению тамошнего генерал-губернатора графа А. П. Игнатьева. Как обычно, были службы в храмах и монастырях, встречи и беседы с паствой, духовенством, семинаристами, чиновниками. В день отъезда отец Иоанн с чувством исполненного долга прибыл на вокзал и направился в «царские комнаты», специально открытые для него и лиц, его провожающих. В коридоре, недалеко от дверей, он заприметил юношу, скромно сидевшего и явно кого-то ожидавшего.

— Христос воскрес, голубчик! — Благословив юношу и похристосовавшись с ним, Иоанн пошел далее.

Прошло некоторое время, в коридор вышел А. П. Игнатьев. Подойдя к юноше, он любезно поинтересовался:

— А вы, молодой человек, видели отца Иоанна?

— Видел, — ответил тот.

— И что же он? — продолжал вопрошать граф.

— Похристосовался и благословил меня.

— И всё?

— Всё.

— Пойдемте со мной, — беря под руку юношу, сказал генерал и повел его в комнату, где Иоанн находился с провожающими его людьми.

Когда они вошли, все замолчали. Подошел В. М. Скворцов — чиновник особых поручений при киевском генерал-губернаторе* и, наклонившись к Иоанну, тихо проговорил: «Батюшка, это тот самый хороший ученик 5-го класса местной семинарии Феодор Пашковский, о котором я вам сегодня говорил. Он болеет, доктора не знают, чем ему помочь. Помолитесь о нем».

— Что такое, что с вами? — ласково осведомился Иоанн.

Юноша подробно рассказал о своей болезни: ушиб ногу, лечился, но ничего не помогает... ходить все труднее и, видимо, придется покинуть семинарию.

— Как же вас лечили?

Рядом оказался известный врач профессор Сикорский, который объяснил способ лечения, прибавив: «Да только болезнь не поддается лечению».

— Вы духовный воспитанник, — обратился Иоанн к Феодору. — Надо молиться. Научитесь горячо молиться... Станьте на колени.

Больной с трудом опустился на колени. Иоанн возложил на его голову руки, губы его стали шептать молитву. Спустя две-три минуты В. М. Скворцов помог встать Пашковскому, а Иоанн еще раз благословил его и сказал: «Молись... учись... и Господь поможет тебе!»

Больного юношу отвезли в семинарию. Ночью он молился пред образом Спасителя... Размышляя обо всем с ним бывшем в этот день, он пришел к убеждению не оставлять семинарии, продолжить обучение и сдавать переходные экзамены. На следующее утро он встал и, как и все воспитанники, пошел на занятия. Болезнь почти не беспокоила. Прошло еще несколько дней, и она окончательно ушла. Феодор сдал экзамены и пе-

* Впоследствии чиновник особых поручений при обер-прокуроре Святейшего синода в чине тайного советника.

решил первым во втором разряде в следующий — 6-й класс семинарии... В благодарность он дал обет стать послушником в пещерах Киевской лавры и исполнил его в 1894 году.

Судьба распорядилась так, что этот юноша, получивший от Иоанна Кронштадтского двукратное благословение, в 1922 году принял монашеский постриг с именем Феофил и был хиротонисан во епископа Чикагского, викария Северо-Американской епархии. В ноябре 1934 года он будет избран митрополитом всея Америки и Канады... Окажется вне Русской православной церкви и скончается в 1950 году в Сан-Франциско, так и не воссоединившись с матерью-церковью.

А вот и другая история встречи с Иоанном Кронштадтским.

...Один из июньских номеров «Вятских епархиальных ведомостей» 1904 года извещал читателей о том, что «поездом из Котласа в Вятку на несколько дней прибывает известный всей верующей России Кронштадтский пастырь». Новость быстро облетела город, его окрестности и даже отдаленные уголки губернии... Вятка заволновалась... Огромные толпы народа встречали котласский поезд. Увидев Иоанна, все рухнуло на колени, осеняя себя крестным знамением.

Удивительно бодрый для своих почти семидесяти пяти лет, Иоанн не давал себе отдыха в Вятке. Прямо с поезда он отправился служить в доме городских благотворительных учреждений, а на всенощном бдении прочитал канон в Успенском Трифоновом мужском монастыре. На следующий день совершил литургию в соборе Александра Невского. Не только внутри церкви, но и далеко от входных дверей по улице непроницаемой стеной стояли богомольцы — жители города и далеких его окрестностей, не имевшие за теснотой никакой возможности войти в храм.

Оба дня пастырь ездил из дома в дом по личному приглашению от учреждений и частных жителей, чтобы в одном месте благословить семью на добрую жизнь, в другом возложить умиротворяющую руку на голову исстрадавшегося больного, в третьем успокоить мятущийся дух несчастного, в ином подать добрый и благовременный совет в духовной жизни. И всюду — от дома к дому, из конца в конец города — за коляской отца Иоанна спешили толпы народа, желая еще раз видеть его и поклониться, а если повезет, то и получить благословение.

А в это время в небольшом домике недалеко от центра Вятки, где обитала семья отставного военного чиновника Александра Александровича Анисимова, жизнь была омрачена тяжелой болезнью хозяйки — Антонины Евлампиевны. По определению консилиума врачей она была обречена: болезнь пе-

чени не поддавалась лечению, доктора даже перестали посещать этот дом, и женщина таяла на глазах.

Младший сын Анисимовых Николай, прослышав о приезде в Вятку Иоанна Кронштадтского, решил во что бы то ни стало встретиться с ним и упросить посетить больную мать и помолиться о ее здоровье.

Он отправился к вятскому vicарному владыке Филарету (Никольскому) с просьбой помочь в свидании с отцом Иоанном. Архиерей посочувствовал горю и предложил перевезти маму в монастырский храм, если Иоанн туда приедет. Но больная была настолько слаба, что ее нельзя было трогать с места. Мрачные мысли одолевали Николая, когда он возвращался домой. Вдруг созрело внезапное решение: здесь поблизости проживает недавно прибывший новый вятский полицмейстер К. К. Коробицын. Не обратиться ли к нему за содействием?

Полицмейстер принял неожиданного посетителя довольно любезно и сказал, что отец Иоанн родом из Архангельска, его земляк. С этими словами он вручил юноше свою визитную карточку с распоряжением беспрепятственно пропускать его всюду, где будет находиться знаменитый протоиерей.

Но даже с пропуском полицмейстера Николаю с трудом удалось пробиться в дом, который посетил Иоанн. Он стоял в эпитафии в небольшой зале перед иконой и служил молебен. По окончании молебна люди начали подходить к святому кресту, подошел в числе последних и Николай. Волнуясь, едва сдерживая слезы, он сообщил священнику о смертельной болезни «мамочки». Тот спросил ее имя, перекрестился и сказал: «Дай Бог ей здоровья!» Затем велел отвезти ей освященной воды.

На следующий день юноша отправился в Дом трудолюбия, где именитый гость должен был совершить Божественную литургию. И снова — запруженные улицы, переполненный молящимися храм, колокольный звон, гул голосов. Верующие на руках несли Иоанна. Он узнал Николая, приветливо посмотрел и сказал:

— Ты уже здесь! А как мама?

— Все в том же положении... безнадежном... — был ответ.

— Будем просить у Бога здоровья, и Он услышит, спасет...

На следующий день Николай вторично присутствовал на богослужении, совершаемом отцом Иоанном, теперь уже в Иоанно-Предтеченском храме. Было много больных и одержимых. Под церковными сводами то и дело раздавались стоны, вопли и мольбы страждущих, чающих исцеления от недугов. А молитвенный голос отца Иоанна звучал так же, как и накануне: дерзновенно, уверенно, напоминая общение с Бо-

гом древних пророков... Трудно было сомневаться, что его молитва перед Богом может всё!

Николай Анисимов ушел домой до окончания богослужения, опасаясь, что мама может умереть в его отсутствие. Несколько позже, не вытерпев, он на извозчичьих дрожках отправился на поиски местопребывания отца Иоанна. «Теперь или никогда», — думал он, подстегиваемый любовью к матери и страхом ее потерять, непрестанно молясь и прося помощи в поисках Иоанна. Едва успел он свернуть со своей улицы, как, к удивлению, увидел показавшийся бесконечным ряд экипажей. На первом из них сидела знакомая ему старлица — Матрена Петровна Медведева со священниками. Увидев Николая, она замахала руками и закричала: «Куда ехать-то? К вам отец Иоанн!»

Слова ее поразили Николая — молитва сделала свое дело! Он вернулся домой, попросил отца и бабушку встречать гостя, а дворнику наказал, чтобы пропустил в ворота только экипаж отца Иоанна. Быстро приготовил столик, воду для освящения и церковные свечи, какие были в запасе. Между тем маму на кровати внесли в зал. К началу молебна толпы верующих заполнили не только зал и прилегающие к нему комнаты, но и двор, и улицу. Вошел отец Иоанн и спросил:

— Где ваша больная?

Пройдя в зал, благословил всех присутствующих и обратился к Николаю:

— Ну, вот видишь, я приехал к твоей маме. Будем молиться, и Господь Бог вернет ей здоровье! — С этими словами он подошел к ней, лежавшей в бессознательном состоянии, обласкал ее, как малого ребенка, приговаривая: «Бедная ты моя, больная Антонина...» — положил ей на голову свой наперсный крест, прочитал молитву и пригласил всех присутствующих молиться о болящей. Затем, встав на колени перед столиком с Евангелием и крестом, отец Иоанн громогласно, дерзновенно просил Бога исцелить болящую.

— Ради ее детей, Господи, — возглашал он, — яви Твою Божественную милость, пощади рабу Твою Антонину, верни ей жизненные силы и здоровье, прости ей все грехи и немощи! Ты, Господи, обещал просящим исполнить и дать просимое. Услыши же нас, Тебя молящих, и даруй здоровье болящей рабе Твоей Антонине!

Отец Иоанн произносил эти слова, обращенные к Богу, с совершенной уверенностью в милости Всевышнего. По окончании молебна он снова подошел к больной женщине, благословил ее и сказал твердо, повелительным тоном: «Сейчас же позвать священника, он причастит больную, и она с Божией помощью будет здорова!»

На прощание Иоанн Сергиев благословил всех и уехал. Когда он выезжал со двора, множество верующих, столпившихся на улице, окружили экипаж. Они хватали руками колеса, пытались прикоснуться хотя бы к краю его рясы, некоторые бросали письма, пакеты с деньгами, записки о поминовении.

Когда отца Иоанна проводили, все вернулись к Антонине Евлампиевне. Она лежала как преображенная. Кто-то спросил ее, сознает ли она, что сейчас произошло. Она чуть слышно прошептала: «Оставьте меня одну!..»

В этот момент пришел вызванный священник, и его оставили наедине с больной. Она исповедовалась и причастилась. На следующий день встала и уже не ложилась. Наступило выздоровление.

После этого знаменательного для всей семьи события Антонина Евлампиевна прожила еще около тридцати четырех лет. Для юноши случай плодотворной силы веры и молитвы оказал воздействие на его духовный рост и укрепил стремление посвятить свою жизнь Богу. Он принял монашество, стал миссионером на Камчатке, а в последующем принял епископский сан и с именем Нестор вошел в историю Русской православной церкви.

...Отец Иоанн, выезжая в различные уголки России, не забывал тех своих духовных чад, кто в силу обстоятельств покинул Кронштадт, но оставался под его духовным водительством, и по возможности он поддерживал и посещал их.

Еще в 1882 году Иоанн Ильич Сергиев познакомился с Павлом Владимировичем Симанским, представителем известного древнего рода. Образование он получил в кадетском корпусе, проходил службу в офицерских чинах на Балтийском флоте. В 1866 году, перейдя на службу в гражданское ведомство, во время Александровских судебных реформ посвятил себя судебной деятельности в качестве мирового судьи Петергофского округа по выборам (1866—1869) и председателя съезда мировых судей того же судебного округа (1869—1872). Затем избирался в почетные мировые судьи Островского уезда Псковской губернии, где у него было родовое имение, занимал должность предводителя дворянства.

В 1882 году переселился в Кронштадт, где был избран участковым мировым судьей. Однако эта деятельность его не удовлетворяла, и в нем родилось желание посвятить себя Богу. Со смертью жены Павел Владимирович отказывается от общественной деятельности и в течение многих лет готовится к принятию священства. Не получив богословского образования, он старается восполнить этот недостаток: изучает святоотеческую литературу, сочинения известных богословов,

ищет знакомства с лучшими представителями российского священства и монашества. Его духовником становится Иоанн Кронштадтский.

В 1893 году Павел Владимирович рукоположен в священники преосвященным Гермогеном (Добронравиним), епископом Псковским. Служил он в родовом имении «Екатери-нинское», что располагалось в Островском уезде Псковской губернии, где Симанскими была выстроена церковь во имя Спаса Нерукотворного. Отец Павел беспокоился о наилучшем обеспечении храма и о выполнении воли покойного отца устроить при храме небольшую богадельню для приема в ней «восьмерых увечных мужчин». В 1895 году вместе со своим племянником Владимиром Андреевичем* он решает вместо богадельни устроить женскую общину и выражает готовность принести ей в дар часть земельных владений с находящимися на них постройками.

В 1897 году Святейший синод утвердил положение об общине**. Получив разрешение на ее открытие, П. В. Симанский жертвует храм, снабженный необходимой церковной утварью, ризницей и иконами, множество жилых построек, приспособленных впоследствии для келий сестер, обширный фруктовый сад и всю принадлежащую ему землю. Кроме того, Павел Симанский гарантировал капитал в размере 15 тысяч рублей, проценты с которого также должны были идти на содержание общины.

На лето 1897 года назначено было торжественное открытие обители. Съехались многочисленные представители рода Симанских из самых разных регионов России. Впервые посетил родовое гнездо и тогдашний студент второго курса Московского университета Сергей Симанский***. Среди гостей было много псковского и иногороднего духовенства.

Торжество проходило два дня. 16 августа, утром, по случаю праздника Перенесения Нерукотворного Образа Господня, который был храмовым, совершено было богослужение приехавшим из Санкт-Петербурга протоиереем Казанского собора А. А. Лебедевым в сослужении священников П. В. Симанского и В. Н. Загорского. Вечером того же дня ими же, в сослужении архимандрита Мирожского монастыря Николая, совершено всенощное бдение. Затем служилась панихида по покойном преосвященном Гермогене, в свое время рукопола-

* Отец будущего патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского).

** В 1907 году Казанская община преобразовывается в монастырь.

*** Будущий патриарх Московский и всея Руси Алексий I (Симанский).

гавшем отца Павла Симанского в священный сан и скончавшемся 17 августа 1893 года, а также по строителям храма.

В ночь на 17 августа в село прибыл из Кронштадта старинный знакомый и духовник учредителя общины Иоанн Ильич Сергиев. Прослышав об этом, множество жителей города Острова, окрестных сел и деревень пришли в Екатерининское.

17 августа в восьмом часу утра Иоанн отслужил утреню. Утренним поездом прибыл из Пскова Антонин (Державин), епископ Псковский и Порховский, в сопровождении псково-печерского архимандрита Мефодия, и в десять часов утра начался звон к литургии. Ее совершал владыка в сослужении с отцом Иоанном, местным и приезжим духовенством.

За литургией последовал молебен Спасителю, Божьей Матери и святому мученику Павлу. Пели два хора певчих — архимандритский и местный соборный. Церковь была убрана коврами; спереди возвышалась архиерейская кафедра, покрытая красным сукном. Во избежание толкотни вход в церковь допускался по билетам. В числе почетных гостей в церкви находились: вице-адмирал Ф. А. Геркен, член Александровского комитета, товарищ отца Павла Симанского по корпусу; местный предводитель дворянства Н. А. Беклешов; уездный член окружного суда, городской судья Н. В. Симанский; председатель управы, председатели местного торгового сословия, родственники П. В. Симанского и гости из Пскова. Все пространство вокруг церкви, насколько мог видеть глаз, представляло из себя сплошное море голов: люди сидели на ограде, на крышах домов, влезали на деревья. Благодаря деятельности полиции в этой 25-тысячной толпе не было замечено особенного беспорядка.

По окончании богослужения его участникам и почетным гостям был предложен чай, а потом состоялся праздничный обед. Преосвященный Антонин провозгласил тост за драгоценное здоровье государя императора, священник П. В. Симанский — за владыку и всех духовных лиц, Иоанн Ильич Сергиев за отца Павла Симанского*. Певчие на тосты отвечали многолетиями. После обеда гости отправились в новый, только что отстроенный дом, где каждому была предоставлена в распоряжение отдельная комната.

В это время к Иоанну Кронштадтскому стали являться посетители для получения благословения, а также приносить к нему больных. Вокруг дома и вдоль решетки сада стояли толпы, ожидавшие увидеть Иоанна, который иногда появлялся в открытых окнах дома и благословлял народ.

* Остаток своих дней, вплоть до смерти в 1907 году, отец Павел Симанский жил в небольшом домике при монастыре.

Вечерний чай предложен был гостям на веранде, выходящей в сад, где пел хор архиерейских певчих, исполнявших различные концерты, и по желанию отца Иоанна пропели ирмосы* на праздник Успения Богоматери. Отец Иоанн благодарил певчих, а маленьких певчих собственноручно наделил сливами. С наступлением сумерек была зажжена иллюминация: весь сад светился разноцветными фонариками.

Отец Иоанн уехал в Санкт-Петербург в тот же вечер. Помимо своего молитвенного участия при начале существования общины он оказал ей материальную помощь: прислал 100 рублей перед открытием общины и 100 рублей после своего отъезда.

Впечатления от посещения родового гнезда, от торжеств и церковных служб студент Московского университета Сергей Симанский сохранил на всю жизнь. Можно сказать, что они были еще одним основанием для его горячего желания поступить в Московскую духовную академию и избрать путь священства и монашества. В будущем ему суждено будет еще не раз встречаться с Иоанном Кронштадтским. Особо памятна будет встреча в мае 1904 года, когда только что окончивший академию молодой иеромонах Алексей по приглашению ярославского архиепископа Сергия (Ланина) принимал участие в традиционном объезде архиереем своей епархии. На одной из стоянок под Рыбинском стало известно, что в ближайшем из сел находится Иоанн Кронштадтский. Алексей отправился к знакомому старцу. Тот встретил молодого священника возгласом: «А, отец инспектор!» Смутившийся Алексей Симанский стал объяснять, что это не так, но отец Иоанн упорно повторял свое. Алексей пробыл при нем около недели, и в эти дни был сделан групповой снимок всех, кто находился с отцом Иоанном. Фотография впоследствии как святыня хранилась Алексием и сопровождала его на всем многотрудном пути церковного служения. А спустя месяц Алексей получил назначение в Псковскую духовную семинарию в качестве инспектора... Исполнилось пророчество Иоанна Кронштадтского!

...Приходилось Иоанну Ильичу Сергиеву совершать поездки по стране и по обстоятельствам весьма нерадостным, связанным с распространением в православной среде различных слухов, домыслов о нем и его церковной деятельности. В начале 1900-х годов от обращающихся к нему духовенства и архиереев он узнает, что где-то в его честь составляют акафисты и почитают как святого Илью-пророка; где-то по деревням хо-

* Ирмос — в русском православном богослужении первая строфа в каждой из девяти песен канона, в которой прославляются священные события или лица.

доки собирают «жертву» по его благословию и на нужды его благотворительного дела; где-то распространяются утверждения, что истинное священство и служение есть только в Кронштадте, а потому надо всё бросать и ехать в Кронштадт; где-то имеют хождение «сведения» о бессмертии Иоанна, о необходимости молиться на него и его портреты*.

Иоанн пространно и старательно отвечал своим корреспондентам, убеждая их в бесосновательности такого рода рассуждений, бытующих среди верующей массы, в их нецерковности и неправославности, сектантстве. Протоиерею Владимиру Волкову он пишет: «Удивляюсь я безумию и невежеству ваших сектантов, уклоняющихся от своих пастырей... Свидетельствую Богом, что никому и никогда и повода не подавал, чтобы меня, грешного, считали за Илию пророка. Уверьте безумцев, что они вольною волей заблуждаются и ответят Богу за свое безумие и возмущение»**.

В отдельных случаях Иоанн пишет гневные письма и «сектантам». Автору «несмышленного, безумного, святотатственного и богохульного акафиста» Ивану Артамонову из Костромской губернии отправлен был текст, в котором были и такие слова: «Как ты, глупейший, осмелился во зло употреблять мое имя, и мне, грешному человеку, хотя и священнику, составить акафист, подобающий только святым?.. Никакому здравомыслящему человеку читать невозможно бесчисленных несуразностей в твоём книгомарательстве... И какое у тебя было намерение при составлении этой белиберды? Основать свое раскольническое общество, собирать свои собрания и отлучать добрых, простых людей от церкви Божией?.. За кого ты себя самого считаешь? Ты забыл самое главное, именно, что ты — невежда, немисленый, тумасшедший. Проклинаю я твой акафист. Скажи это всем твоим слушателям и последователям»***.

По настоянию Святейшего синода Иоанн подкреплял свои обличения ереси собственным посещением мест, где они были наиболее распространены. Встречался с верующими, проповедовал, служил и успокаивал взволнованную православную паству.

...Известно, хотя и не столь широко, что маршруты паломнических поездок Иоанна Кронштадтского пролегали и за пределами Российской империи. Бывал он в Берлине, вызванный туда, чтобы помолиться о тяжелобольном русском после графе П. А. Шувалове.

* ЦГИА СПб. Ф. 2219. Оп.1. Д. 7а. Л. 72–73.

** Котлин. 1902. 8 августа. С. 3.

*** Там же. 6 июня.

Однажды, в 1890 году, побывал даже и на Святой земле. Как ни поразительно, но ни в одной биографии святого об этом не упоминается. Трудно этому найти объяснение. Но данный факт имел место, и о нем мы узнаем из письма Иоанна Кронштадтского своей матушке Елизавете, написанного непосредственно во время пребывания в Иерусалиме.

Честь открытия этого письма принадлежит Галине Николаевне Шпякиной, правнучатой племяннице Елизаветы Константиновны. Оно небольшое и приведем его полностью: «Мир от Сиона и Благодать от Святого Живоносного Гроба Господня да пробудет с Вами во веки! Здравствуйте, мои дорогие и все ближние! Господь удостоил меня, наконец, вступить на Святую Землю. Много волнений и душевных страданий пришлось пережить во время пути. К ним присоединились и страдания телесные от непривычного для меня морского путешествия. Сильное желание посетить Святой Град Иерусалим, каждый час, каждая минута, приближавшая нас к Святой Земле, где воссияло для вселенной истинное Слово Правды – Христос Бог, отверзший своим Крестом всему человечеству двери райские, были так живительны, что заставили, однако же, забыть все невзгоды и скорби душевные и телесные. Не могу выразить словами, что я испытал, когда высадились в Яффе с парохода и вступили впервые на Обетованную Землю. “Скоро ли, скоро ли достигну Святого Града и удостоюсь поклониться трехдневному ложу Превечного”, – не сходило с моих уст. Наконец, вот и он, желанный! Показались верхушки зданий. Со слезами на глазах мы, все православные поклонники, бросились на колени и благодарили Бога, даровавшего нам возможность созерцать воочию то, к чему мы так стремились. Еще полчаса, и мы в Иерусалиме! Благодарение Господу! Остановились на Русских постройках. Окружающие нас все Русские. Отрадно быть на чужой стороне со своими соотечественниками.

На другой день отправились мы в Храм Воскресения Христа. Кто может удержаться от слез при виде Гроба Господня?! У кого не содрогнется сердце при виде распятия на Голгофе? Можете представить состояние, когда к таким Величайшим Святыням прикасаешься непосредственно своими грешными устами. После посещения Главных Святынь в самом Иерусалиме посетили мы Гроб Пресвятой Богородицы в Гефсимании, Елеонскую гору, Вифлеем, Горную, дуб Мамврийский, Иордан и др. Святые места. Много осталось отрадных и глубоко приятных впечатлений, о которых подробно расскажу при личном свидании, теперь же спешу заявить мое почтение и послать из Святой земли поклон»*.

* ЦГИА СПб. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 1. Л. 64.

Храмоздатель и монастырей устроитель

Иоанн Ильич Сергиев с первых лет своего служения в кронштадтском Андреевском соборе прилагал усилия к обустройству и расширению новых храмов на острове Котлин. Уже в 1860-х годах молодой батюшка принял участие в сооружении и освящении Морской церкви Богоявления Господня, с часовней; храма во имя святителя Николая Чудотворца при классической мужской гимназии императора Александра II на Княжеской улице; церкви Святой Троицы на Православном гражданском кладбище.

В 1870—1890-х годах отец Иоанн Сергиев освятил домовую церковь в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» при военной тюрьме в Кронштадте; собор в честь Владимирской иконы Божией Матери; храм во имя святого благоверного князя Александра Невского при Доме трудолюбия; домовую церковь во имя святого равноапостольного князя Владимира при Сухопутном манеже; деревянную часовню на православном военном кладбище в Кронштадте; церковь в казармах 148-го Каспийского полка; часовню на могиле своей матери, Феодоры Власьевны Сергиевой, на Кронштадтском кладбище; церковь в честь преподобного Иоанна Рыльского при кронштадтской гражданской тюрьме.

По мере возрастания известности отца Иоанна, все большее число жертвователей отзывались на его призывы, все большее количество средств мог он направлять не только на кронштадтские церкви, но и на храмы, и монастыри по всей России. Особенно покровительствовал он избравшим путь монашества, уделяя неослабное внимание поддержке женских обителей как давнишних, так и новоустроенных. По некоторым подсчетам, в круге его внимания оказались более тридцати монастырей*. География их расположения обширна: Русский Север и Центральная Россия, Великое княжество Финляндское и Холмская Русь, Прибалтийский и Привислинский края.

В первую очередь следует сказать о тех храмах и монастырях, что были построены, что называется, с нуля, по инициативе и поддержке Иоанна. Прежде всего это храмы на его родине — в селе Сура. Память о своей малой родине не отпускала Иоанна. Можно сказать, что он постоянно тосковал, вспоминал село, с которым связана судьба его рода, родителей, его самого. Видно, он глубоко переживал, что постоянная связь с

* Есть сведения о пожертвованиях и в мужские монастыри: Никифоров Важеозерский в честь Преображения Господня; Артемиев Веркольский; Второафонский в честь Успения Пресвятой Богородицы; Городецкий в честь Феодоровской иконы Божией Матери.

родиной фактически оборвалась с тех лет его детства, когда он десятилетним ребенком отправился на учебу в Архангельск. Потом были только немногие вакационные месяцы, а затем и вовсе десятилетиями он не бывал в родных краях.

До него доходили сведения о бедственном состоянии храмов в селе, о неумещающемся числе последователей раскола. Последнее обстоятельство признавалось и церковными властями, которые в 1885 году включили Сурский приход в состав Веркольско-Лавельского миссионерского комитета 1-го разряда. К этому разряду относились приходы Архангельской епархии, которые в сильной степени были «заражены» старообрядческим расколом.

В целях «укрепления» православия в родных местах Иоанн принимает решение о строительстве нового храма в селе Сура. Поначалу замысливался деревянный храм, но пожертвованный стало поступать столь много, что решено было строить каменный. В июле 1888 года состоялась торжественная закладка нового храма во имя святителя и чудотворца Николая Мирликийского. Место было выбрано между двумя старыми церквями, на возвышенности, господствовавшей над небольшой долиной, по которой змеилась Сура. Литургию возглавлял Иоанн в сослужении духовенства из Веркольского монастыря и местных приходов. Помня и в такой торжественный день о «врагах православия» — старообрядцах, Иоанн наставлял прихожан: «Берегитесь, как смертной заразы, темного и гнилого мертвого раскола, который, как сухой и гнилой сучок или сухая ветвь, отломившаяся от живого дерева Живоносной Церкви Христовой, лишен совершенно жизни и благодати Христовой и которого конец — проклятие и сожжение в огне вечном геенском»*.

Два года строился храм по проекту архитектора Шурупова. Прямо на месте были устроены маленький кирпичный завод и кузница. Нашлись и жертвователи, передавшие для строительства 55 500 рублей. Помимо денежной помощи поступали иконы, хоругви, церковная утварь из золота и серебра, облачения, богослужебные книги. Среди жертвователей были местные жители, а также купцы, крестьяне, рабочие из разных мест. Архангельский купец Василий Браванов, родившийся в Сурском приходе, пожертвовал сребропозлащенные напрестольные Евангелие и крест, церковные сосуды с принадлежностями. Сурский крестьянин Трифон Панфилов пожертвовал колокол в 30 пудов, а некий неизвестный Рыжов из Харькова — 10 колоколов, самый большой из которых весил 250 пудов. Среди жертвователей были даже лица царского

* Кронштадтский пастырь. М., 2002. Вып. 1. С. 48.

двора — например, великий князь Георгий Михайлович*. Рядом с храмом располагалась часовня — усыпальница Ильи Михайловича Сергиева — отца Иоанна. В 1891 году строительство было закончено. Освящение храма было запланировано на конец июня. Согласие возглавить торжество дал правящий архангельский архиерей Александр (Закке).

За месяц до освящения церкви Иоанн приехал в Суру и сам контролировал ход работ. Радостным событием стала доставка колоколов для храма. Их разгрузили на берегу и со всех концов села бежали суряне, чтобы помочь перетащить их в церковную ограду. Когда веревки были привязаны к самому большому и он был установлен на каток, около трехсот человек, в том числе женщины и даже дети, ухватились за веревки. По команде вся эта вереница людей ринулась вперед, и колокол плавно начал двигаться. Наконец он стал на место. Таким же образом были перетащены и другие колокола.

Все были заняты, все были увлечены... Лишь небольшая кучка мужиков стояла в стороне и не принимала никакого участия в общем деле. Не знавшие их приезжие обратились к ним с вопросом:

— Что не помогаете? Становись!

В ответ услышали:

— Мы не ваши, нам не подобает.

— Ах, так вы раскольники!..

— Мы не раскольники, мы верующие во Христа. А поп ваш, предводитель, и вы с ним — антихристы!

— Не подобает... — передразнил кто-то старообрядцев... — Глазеть пришли! Уходите прочь, вам тут не место.

Как оплеванные мужики потянулись прочь, сопровождаемые насмешками крестьян.

На следующий день после совершенной Иоанном краткой литии все 16 колоколов были подняты на двухъярусную колокольню. Устроили им проверку — звук оказался звучным и мягким.

Пока отец Иоанн Сергиев вместе со своими помощниками свершали последние приготовления к открытию храма, правящий епископ Архангельский завершал подготовку к объезду своей обширной епархии. В этот раз он намеревался посетить дальние приходы губернии.

16 июня 1891 года в шесть часов пополудни епископ Архангельский и Холмогорский Александр прибыл на Маляхинскую пристань, что близ Михаило-Архангельского монастыря.

* *Георгий Михайлович* (1863–1919) — великий князь; третий сын великого князя Михаила Николаевича и Ольги Федоровны; внук Николая I.

В распоряжение владыки местным купечеством был предоставлен пароход «Верколец», который уже стоял под парами. Проводить своего архипастыря собралось все городское духовенство, служащие духовно-учебных заведений, масса народа. Простившись, владыка дал знак капитану отчалить, и «Верколец» медленно отошел от пристани. Программа была насыщенной: обозрение церквей и приходов епархии, посещение монастырей в Пинежском, Холмогорском и Архангельском уездах, а также — освящение новопостроенного храма в селе Сура. Представительна и свита: настоятель Михаило-Архангельского монастыря, настоятель и дьяконы кафедрального собора, регент и певчие архиерейского хора, всего до тридцати человек. Поскольку непосредственно на судне было мало кают, то большая часть свиты разместилась на барже, взятой пароходом на буксир.

Рано утром следующего дня первая остановка — возле небольшой деревушки, в четырех верстах от которой располагался Красногорский монастырь. Епископ Александр посетил и осмотрел монастырь, оставшись довольным его состоянием. Пароход с баржей на буксире отошел от берега и продолжил свой путь. Природа будто благодетельствовала отъезжающим, которые могли любоваться прекрасным видом: белые церкви и другие монастырские строения с зелеными крышами, облитые ласкающим солнцем, купаясь в природной зелени красногорских холмов, давали замечательно гармоничное зрительное сочетание. Северный ландшафт оживлялся присутствием результатов векового труда самоотверженных отшельников во имя той святыни, что берегли они для назидания и молитвы прошлых, настоящих и будущих поколений.

Следующая остановка — Веркольский монастырь, до Суры оставалось 60 верст. К приезду владыки весь берег был усеян монахами, крестьянами, паломниками из разных сел. Только из села Верколы, что на противоположном берегу, никого не было — село до сих пор оставалось раскольническим. По случаю годового праздника архимандрит Виталий, настоятель монастыря, с истинным русским радушием встретил и разместил гостей: духовные лица — в монастырских кельях, светские — в гостинице.

Вечернее богослужение накануне дня памяти Артемия Веркольского возглавил епископ Александр. На следующее утро служба шла в главном храме, при вынесенной на середину его раки с мощами преподобного. Когда молебствие окончилось, священники подняли раку на руки и вынесли ее из храма во двор. Здесь совершенно было краткое молитвословие, и затем началось обнесение мощей вокруг всей обители в сопровож-

дении крестного хода. Зрелище просилось на картину: яркие лучи полуденного солнца, освещавшие громадное пространство, покрытое лугами и лесами, перерезанное долинами и теряющееся в бесконечной дали; множество сопровождавших святыню богомольцев, между которыми особенно ярко выделялись женщины в пестрых одеяниях. На ризах икон и одеянии священников причудливыми переливами играли солнечные блики, а хоругви тихо колыхались в воздухе в такт идущим. По окрестностям разносились священные песнопения.

Ночное плавание выдалось спокойным. Часов в семь утра, не дойдя до Суры верст шесть, остановились на правом берегу Пинеги, где стояла деревянная церковь Лавельского прихода. Несмотря на ранний час, прихожане высыпали на берег. Впереди местный священник — глубокий старик отец Исадский с причетником. После службы и осмотра церкви владыка, узнав, что в приходе есть много раскольников, а еще больше тех, кто тайно придерживается раскола, стал убеждать прихожан в беседе своей строго держаться святой православной церкви, избегать общения с раскольниками. Строго наказал он и священнику пастырскими увещаниями обращать на путь истины заблудших овец. Присутствовавших здесь же детей владыка экзаменовал на знание молитв, раздавал крестики, брошюры противораскольнического содержания. Осмотрев строящийся для священника дом, архиерейская свита отбыла на пароход.

Через час быстрого хода за одним из поворотов реки раскрылась панорама родины Иоанна Кронштадтского. Все высыпали на палубу. Осеняли себя крестным знамением. Село Сура располагалось на возвышенности при впадении одноименной реки в Пинегу. На первый взгляд невелико — видны покосившиеся крестьянские домишки, среди них лишь кое-где красивые, крепкие избы. Над всем господствовали три храма: два старых и новый, только что отстроенный, на освящение которого и направлялся владыка. По обоим берегам Суры лес... лес... лес. Среди него отдельные проплешины земли: на них работали крестьяне, здесь же бегали дети, проезжали телеги, пасся скот. На берегу стояли сурожчане, встречавшие епископа, а впереди всех — Иоанн Кронштадтский.

— Добро пожаловать, ваше преосвященство, на сурский берег! — приветствовал он епископа Александра.

Такой делегации Сура никогда не видывала: правящий архиерей и его свита, архангельский губернатор, городской голова Архангельска, епархиальные священники, хор архиерейский, дьяконы и иподьяконы. С парохода владыка отправился к старым церковным зданиям. Ветхость их была очевидна, и

оставалось удивляться смелости прихожан, собиравшихся в них на богослужения.

Осмотрен был и новопостроенный храм. Его внешнее благолепие — каменный, трехпрестольный с двухъярусной колокольней, обнесенный каменной оградой с железной решеткой — вполне гармонировало и с внутренним убранством. Прекрасные деревянные иконостасы, сиявшие золотыми киотами, резьбой и колоннами по белому их фону. Мастерски выполненные иконы, художественная живопись на стенах, картины в алтаре. Массивные серебряные под золотом хоругви, три грандиозных висячих паникадила, блестящие лампы перед иконами. Великолепные золотые и серебряные священнобогослужebные сосуды. Прекрасные священные облачения и разная церковная утварь... Все это никого не могло оставить равнодушным, все возбуждало в душе молящегося благоговейные молитвенные настроения, глубокое религиозное чувство.

На торжество освящения храма собралось все село. Действительно, то был необычный день и праздник для селян. Последний раз здесь освящалась церковь в XVI веке. Действо заняло три дня. Сначала шли крестным ходом в старую церковь, чтобы забрать почивающие там святые мощи, затем прошли вокруг новоустроенного храма и вошли в него. Последовательно освящали приделы: во имя преподобного Иоанна Рыльского, во имя святой мученицы Параскевы. И, наконец — главный престол храма во имя святителя и чудотворца Николая. Из уст Иоанна, говорившего в этот день торжественное слово, вырвалось: «Слава Богу! Это не сон и не привидение! Это действительность, видимая глазами и осязаемая руками! Это действительно величественный, художественный, благоукрашенный, сияющий златом и особенно — чудными ликами Господа и Богоматери и святых его, храм Божий, в удаленном от града бедном селении, в котором хотя и доселе стоят два деревянных храма, но по причине древности крайне ветхих и близких к разрушению».

По заведенной традиции в зале сельского училища гостям была предложена трапеза, за которой звучали здравицы и тосты в честь императора и Дома Романовых; губернатора и владыки; Иоанна Кронштадтского и многочисленных жертвователей на храм.

Когда после трапезы Иоанн и его гости вышли на крыльцо училищного дома, толпа народа приветствовала их: шапки летели вверх, несмотря на дождливую погоду, и долго не смолкали крики «ура!» . Вслед за приезжими гостями толпа проследовала на берег, где пароход готовился к отплытию и где уже собрался многочисленный народ. Певчие архиерейского хора

пропели «Свете тихий», а потом «Многая лета» отцу Иоанну. Недолгое прощание и... пароход отправился в обратное плавание.

Иоанн остался в селе, чтобы послужить в каждом из новоустроенных приделов. Затем он планировал посетить Архангельск и нанести визиты всем, кто посетил сурское торжество*. Действительно, «торжество» прогремело не только на просторах Архангельской епархии, но широко освещалось в периодической печати и стало известно всей читающей России. Газеты писали: «Этот величественный каменный храм византийского стиля, с двухъярусной при нем колокольной, по всей справедливости можно считать замечательным памятником современного церковно-строительного искусства и украшением не только для Суры, но и для всякого губернского и даже столичного города».

А далее Иоанн планировал посетить Рыбинск, Харьков и Москву, чтобы повидать наиболее значимых жертвователей, помолиться вместе с ними и выразить благодарность от своего имени и от своих земляков. К исходу июля он планировал вернуться в Кронштадт.

Долгое время Иоанна Кронштадтского не отпускала мечта устроить в родном селе женский монастырь, который мог бы стать приютом для вдов, сирот, престарелых и безродных. В прошении на имя епископа Архангельского и Холмогорского Иоанникия (Надеждина) Иоанн писал: «Опытom дознано, что иноческие обители весьма много способствуют не только религиозно-нравственному просвещению местного населения, но и материальному улучшению хозяйственного быта — наглядным примером трудолюбия. Заботясь о благосостоянии родины моей, села Суры, я пришел к убеждению, что основание в нем женской общины было бы весьма полезно в упомянутых отношениях. Ежедневное богослужение по уставу Святой Церкви, соблюдение постов, неустанное трудолюбие — все это, как живой пример, благоприятно повлияет на духовно-нравственное и сельскохозяйственное развитие населения»**.

Иоанн Сергиев представил в собственность учреждаемой им общины свой буксиро-пассажирский пароход, лавку в Су-

* Иоанн Кронштадтский задумал построить в селе Сура и второй храм — Успенский собор. Но реализован этот план был только в 1915 году. В советское время в Успенском соборе был клуб, а сейчас храм пустует, разрушается. Никольский собор, напротив, подвергся разрушению, но ныне восстанавливается.

** ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 122. Л. 4; Д. 127. Л. 17.

ре, имеющую почти десяти тысячный годовой оборот, паровую мельницу и другие постройки.

В октябре 1899 года Святейшим синодом было определено учредить в селе Сура Иоанно-Богословскую женскую общину. Тогда же появились первые насельницы и послушницы, общим числом 35 человек. Их силами и стал обустраиваться монастырь. Как записано в его летописи: «Мы пришли на голый песок, где не было никакого строения, каковое и пришлось нам начинать своим трудом, а именно: раскапывать канавы, вырывать пни, разрабатывать землю, носить сырой кирпич». Скоро число насельниц достигло 195 человек. Сестры выращивали лен, ячмень, картофель, овощи, держали скот. В монастыре работали кирпичный завод, столярная и швейная мастерские. Дел было много, быстро строились: деревянный корпус с кельями для сестер, деревянная церковь во имя апостола и евангелиста Иоанна Богослова, каменный корпус для игуменьи, каменная монастырская баня, гостиница для паломников и величественный каменный Успенский собор с тремя приделами.

18 июня 1900 года Иоанн прибыл в Суру. При пении монашеского хора и колокольном перезвоне пароход подходил к пристани, украшенной зеленью, флагами и красным сукном. Здесь все сурское духовенство, инокини общины, родственники Иоанна, ученики церковно-приходской школы, сельчане. Преподав благословение, Иоанн проследовал в приходской храм. Через два дня состоялось торжественное освящение монастырского храма.

Спустя месяц Архангельское епархиальное начальство отправило в Синод ходатайство о переименовании Сурской женской общины в монастырь. В нем говорилось: «Настоятель Кронштадтского Андреевского собора протоиерей Иоанн Сергиев, посетив ныне учрежденную указом Св. Синода от 30 октября 1899 г. за № 6877 в селе Суре Пинежского уезда женскую общину, сообщил мне, что он был приятно поражен ее быстрым преуспеянием как по отношению построек, так и тем более по благоустройству внутреннему: прекрасным стройным пением сравнительно небольшого хора, осмысленным и правильным чтением в церкви, знанием певчими церковного устава, нахождением среди малочисленного состава сестер опытных и достаточно обученных для каждого нужного в обители дела, как то: ризничей, свечницы, просфорни, трапезницы, поварни, не говоря уже о различных отраслях рукоделий и проч. Внутренний характер общежития носит отпечаток трудолюбия и послушания и других принадлежностей монастырской жизни. По внешнему отношению обитель в на-

стоящее время имеет грандиозный прекрасный двухэтажный деревянный крытый железом корпус, вмещающий до 20 просторных келий, церковь, хотя и домовая, но весьма просторная двухсветная, светлая, с трехъярусным иконостасом, при ней ризница и диаконик, над церковью большой осьмигранный купол. Для поддержки названной обители строится в С.-Петербурге подворье, несомненно имеющее доставлять в монастырь достаточное обеспечение».

На основании всего вышесказанного преосвященный Иоанникий ходатайствовал о переименовании общины в «женский Иоанно-Богословский монастырь с назначением в оный штата причта из священника и псаломщика»*.

Подготовкой послушниц для Сурского монастыря также руководил Иоанн Кронштадтский. Первые из них были приняты им и отданы для подготовки в Сурскую общину под духовное руководство леушинской игуменьи Таисии.

Иоанн заботился об обеспечении вновь устрояемого монастыря необходимой собственностью. По его прошению монастырю указом императора Николая II передана в дар корабельная сосновая роща в 18 километрах от Суры**. Здесь был устроен Свято-Троицкий скит монастыря, который имел Троицкий храм, хозяйственные и жилые постройки, пашню и уголья для выпаса скота.

Сурский монастырь обладал современным по тем временам оборудованием и транспортом. На правом берегу реки Сура находился механический завод с каменной кочегаркой. В нем был установлен десятицилиндровый паровой локомобиль. От него приводились в действие лесопильная рама и кирпичеделательная машина, мукомольные поставы и дроворезка. Единственному в России Сурскому монастырю принадлежали 25-цилиндровый пароход «Святой Николай Чудотворец» — дар отца Иоанна, и несколько барж.

Монастырь занимался различными видами благотворительной деятельности: помощь нуждающимся крестьянам и родственникам погибших солдат, сбор средств на благотворительные цели, раздача милостыни. В монастыре были открыты книжная лавка и читальня, для прихожан выписывали православные журналы и газеты, работали различные мастерские. В воскресные и праздничные дни читались духовно-нравственные повествования, иногда показывались картины «при пос-

* РГИА. Ф. 796. Оп. 181. Д. 1798. Л. 1–2 об. Согласно прошению Иоанна Кронштадтского Архангельская духовная консистория назначила благочинного, священника и духовника сурской общины // ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 1А. Л. 13, 20–20 об.

** Кронштадтский пастырь. Пг., 1913. № 41–42. С. 718.

редстве фонаря». Здесь же работали аптека и больница, церковно-приходская школа для детей и воскресная школа для взрослых. Действовали рукодельная, живописная, переплетная, сапожная, портняжная, красильная и кузнечная мастерские. В монастырской школе для девочек, организованной по типу интерната, дети обучались шитью, рукоделию, пошиву и ремонту обуви, вязанию. Программа школы была рассчитана на воспитание будущей хозяйки и матери.

Очень скоро обитель стала известна по всей России. Весной 1904 года монастырь участвовал в первой Всероссийской выставке монастырских работ, устроенной в Таврическом дворце в Санкт-Петербурге, и получил похвальный отзыв за экспонаты — икона святого Артемия, резной костяной и деревянный кресты, сапоги и ремни*.

Для упрочения финансового положения новоустроенной обители были устроены монастырские подворья в Архангельске** и Петербурге.

Иоанн Кронштадтский поддерживал и другие обители Пинежья. Прежде всего — Веркольский первоклассный монастырь***. Иоанн любил этот монастырь с детских лет, когда, добираясь домой на вакационное время, приходил сюда пешком. Теперь он считал за обязанность свою материально поддерживать обитель. На его средства над мошами святого отрока Артемия в 1892 году устроены были вызолоченный деревянный балдахин, новая рака.

Принимал он живое участие в строительстве главного монастырского храма — двухэтажного Успенского собора по проекту известного петербургского архитектора, академика Р. Р. Марфельда. Свои многочисленные проекты храмов и часовен зодчий старался создавать в традициях древнерусской архитектуры XVII века, что видно и в архитектуре Успенского собора Веркольского монастыря. Замечательны в облике собора крыльцо и открытая галерея для крестного хода в виде балкона на уровне второго этажа. Когда крестный ход следо-

* В 1921 году монастырь был закрыт.

** В 1901 году на деньги Иоанна Кронштадтского было куплено в городе Архангельске место для подворья. В 1902 году был построен двухэтажный дом, где Иоанн останавливался во время приезда в Архангельск. В 1903 году состоялось торжественное открытие подворья. В мемуарах читаем: «Заложенное о. Иоанном в Архангельске подворье было вскоре выстроено. Будучи расположено на одной из центральных улиц города, оно вмещало в себе общежитие для монахинь и иконописную мастерскую. В верхнем этаже его была устроена просторная, в два света церковь, охотно посещаемая местным населением».

*** Последним настоятелем монастыря был Павел (Павловский) епископ Пинежский, викарий Архангельской епархии (1917—1926), ставший впоследствии епископом Старицким, викарием Тверской епархии.

вал вокруг храма по галерее, казалось, что его участники, подобно ангелам, идут по воздуху. Престол нижнего храма освящен в честь Рождества Христова. Собор был построен всего за пять лет, и в 1897 году состоялось при участии Иоанна Кронштадтского его освящение*.

По описаниям современников, обитель тогда процветала: «Веркольский первоклассный монастырь еще издали обращает на себя внимание своей солидностью и благоустройством. Точно маленький город, стоит он на высоком берегу Пинеги, обнесенный красивой каменной стеной».

Но все же любимым монастырем Иоанна стал Иоанновский монастырь в Санкт-Петербурге, бывший первоначально подворьем Сурского монастыря. Он располагался на Аптекарском острове, на углу реки Карповки и Силина переулка. Немошеный и грязный берег, такой же грязный и очень тесный переулочек и огромный пустырь рядом. Почти все важнейшие здания и помещения подворья располагались по южному, главному, фасаду. На первом этаже находилась церковь во имя преподобного Иоанна Рыльского. На втором — комнаты, предназначенные лично для отца Иоанна, здесь же покои начальницы подворья и начальницы Сурского монастыря во время ее приездов в Санкт-Петербург. Во всю ширину корпуса расположено великолепный зал. Потолок и стены украшены огромными лепными кругами и четырехугольниками. Зал предназначен для приемов посетителей Иоанном во время его пребывания в подворье, служения в нем молебнов и для проведения торжественных собраний. В третьем и четвертом этажах, которые соединены в один этаж, располагались три алтаря главного храма подворья. Устроены были здесь и более сорока келий, просфорня, кухня, трапезная и другие вспомогательные помещения. Достопримечательностью монастыря стало то, что в иконостасе и по стенам храма помещены все те иконы, которые когда-либо были поднесены Иоанну Кронштадтскому его почитателями.

Осенью 1902 года отец Иоанн в письме митрополиту Антонию (Вадковскому) ставит вопрос о судьбе монастыря: «Основав, с Божией помощью, при пособии добрых людей и при непрестанных ежедневных трудах молитвенных, великолепное и обширное подворье с величественным храмом, под име-

* В настоящее время собор находится в плачевном состоянии. Обезглавленный и оскверненный, полуразрушенный и разоренный после 1919 года собор до сих пор ни разу не ремонтировался и не обновлялся. Сразу после возвращения монастыря Русской православной церкви на храм были установлены временные крыша и купол, но стены храма продолжают разрушаться.

нем Сурского подворья, для обеспечения основанного мною на родине в селе Сурском Архангельской губ. женского монастыря, я нашел, что это сооружение в столице слишком художественно и обширно, чтобы ему быть подворьем и находиться под двумя началами духовного управления: Петербургского Владыки — Митрополита и Архангельского епископа, и что ему лучше быть петербургским самостоятельным женским монастырем и в ведении одного митрополита С.-Петербургского, с тем неизменным всегда условием, что третья часть доходов обители (только не от доходов дома каменного 5-этажного при обители) поступала ежегодно в разные сроки года в Сурскую женскую обитель и чтобы на первых порах не облагать эту новую обитель разными обязательствами и налогами, требующими больших денежных расходов»*. Просьба Иоанна была удовлетворена, и подворье было преобразовано в самостоятельный Иоанновский женский монастырь, который и был переведен из Архангельской в Санкт-Петербургскую епархию**.

17 декабря 1902 года состоялось торжественное освящение главного монастырского храма в честь Двенадцати Апостолов с приделами Казанской Божией Матери и святого Андрея Критского. Чин освящения совершал Антоний, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский в сослужении с многочисленным черным и белым духовенством. Храм был переполнен молящимися, среди которых выделялось много высокопоставленных лиц. На момент освящения в монастыре находились 80 сестер, большинство которых перешло из Сурской общины. В подвальном помещении храма находилась еще одна церковь, в честь пророка Илии и преподобной Феодоры, чьи имена носили родители отца Иоанна.

Еще при жизни Иоанна Кронштадтского монастырь стал вполне благоустроенным и находился на полном самообеспечении. В обители проживало более 350 насельниц. В монастыре работали золотошвейная и белошвейная мастерские, типография, большая иконописная мастерская, лазарет на десять коек, просфорня с двумя печами. Перед монастырем с восточной стороны был разбит небольшой сад, а с западной находился образцовый огород, с которого сестры ежегодно снимали богатый урожай, несмотря на его небольшие размеры.

...С именем Иоанна Кронштадтского связана история еще одного известного монастыря — Пюхтицкого. На северо-вос-

* Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. СПб., 1910. С. 185.

** См.: Церковные ведомости. 1903. № 4, 5.

токе Эстонии, между Финским заливом и Чудским озером, там, где посреди обширной равнины возвышается тремя уступами величественный живописный холм, носивший в древности название Куремяги (Журавлиная гора), по преданию, явилась в XVI веке Божия Матерь. Своим пришествием она осветила ключевой источник у подножия горы, а на древнем дубе оставила икону Своего Преславного Успения. С тех пор местные жители прозвали гору Пюхтицкой, то есть Святой, а у древнего дуба построили деревянную часовню, где и поставили обретенную икону. Вскоре рядом с часовней была возведена новая, более обширная, перестроенная позднее в Успенскую церковь. Отовсюду шли сюда люди поклониться образу, дарованному Самой Царицей Небесной, омыться в животворящих водах источника, прославившегося многими чудотворениями и исцелениями. Ежегодно на праздник Успения Божией Матери в Пюхтицы собиралось такое множество паломников, что во время всенощной вся гора была усеяна огоньками свечей, которые держали в руках молящиеся.

О совершающемся на Святой горе ежегодном праздновании Успения Божией Матери при стечении богомольцев стало известно правящему архиерею епископу Рижскому и Митавскому Арсению (Брянцеву) и эстляндскому губернатору князю С. В. Шаховскому. Именно они стали инициаторами основания здесь обители.

В декабре 1886 года в приемной товарища обер-прокурора Святейшего синода В. К. Саблера состоялась знаменательная встреча князя С. В. Шаховского с Иоанном Кронштадтским. Князь преподнес Иоанну брошюры о Богородичной горе, иконку с изображением Успения, рассказал о жизни православных в Эстляндии. В частности, о том, что в центральном для русского влияния на сельское население местечке Йевве решено было устроить ряд благотворительных учреждений, забота которых простиралась бы и на эстонское население. К тому времени удалось начать строительство школы на 150 учеников, открыта лечебница.

О встрече узнала и супруга князя Елизавета Дмитриевна Шаховская. В письме Иоанну она подробно рассказала о трудах, просила молитвенной помощи. Иоанн откликнулся тотчас и переслал свой первый денежный взнос — 200 рублей*.

Все постепенно формирующиеся благотворительные учреждения планировалось перенести на Святую гору, как только там будет устроена женская монастырская община. Для

* Кронштадтский пастырь. 1999. № 1. С. 239—240.

заложения основ обители в Йевве была послана из Костромского Богоявленского монастыря монахиня Варвара (Блохина) с двумя послушницами. Жизнь их была трудна: тесная наемная квартира, иноязычное окружение, тоска по родным местам, безденежье, отсутствие богослужений. Так продолжалось два года. В отчаянии Варвара решает ехать в Кронштадт к Иоанну Сергиеву за духовной поддержкой.

...Пароходная пристань в Петербурге полнилась народом. В основном то был люд, направлявшийся в паломничество на остров Котлин, в Кронштадт. Все пребывали в нервном ожидании очередного парохода. Вот, наконец, и он. Народ ринулся на палубу, занимая свободные места. Среди них была и монахиня Варвара. Найдя укромное местечко, она дала волю слезам, переживая неустроенность и трудности своей жизни в Йевве. Вдруг слышит тихий, ласковый голос:

– Матушка, что же вы так горько плачете?

Отняла платок от глаз... Видит: перед ней стоит священник среднего роста, худощавый, с добрым, приятным лицом.

– Так горе у меня есть, батюшка, потому и плачу.

– Да куда же вы едете? – продолжал интересоваться незнакомый священник.

– В Кронштадт... к батюшке Иоанну. Говорят, он всех несчастных утешает.

Незнакомец неожиданно присаживается возле матушки и говорит: «Бог помогает вам... Я – отец Иоанн. Так какая у вас скорбь?»

Матушка начала рассказывать, как ей тяжело в Эстляндии, как скучает по родному монастырю, и просила благословить ее на возвращение в Кострому. Иоанн уговаривал не отказываться от возложенного на нее послушания. Но матушка не соглашалась и настаивала... Осерчав, Иоанн напомнил судьбу пророка Ионы и сказал, что и ее это ждет, если она послушается. Незаметно за беседой пароход прибыл в Кронштадт. Иоанн пригласил Варвару к себе и сказал, где продолжал уговоры, обещал поддержку, а потом благословил ее пойти в Андреевский собор к литургии, исповедоваться и причаститься.

Успокоенная Варвара вернулась в Йевве. В этот год на празднование Успения Богородицы вместе с ней на Святой горе были уже двенадцать послушниц, выразивших желание поступить в монастырскую общину. На следующий год территория, на которой была расположена Святая гора, была выкуплена и передана в собственность духовного ведомства, а Святейший синод разрешил учредить на Богородицкой горе Пюхтицкую Успенскую женскую общину.

В день памяти учителей славянских Мефодия и Кирилла

в Пюхтицу впервые прибыл Иоанн Кронштадтский. Совершив литургию в приходской Успенской церкви и молебен на живоносном источнике, все участники церковного торжества поднялись на гору. Указав место расположения будущего монастыря, Иоанн освятил его и благословил предполагаемое строительство.

Спустя три года обитель была полностью отстроена. Первые 70 сестер обители были крестницами Иоанна Кронштадтского и его духовными чадами. Варвара была назначена настоятельницей монастыря с посвящением в сан игуменьи.

В последующие годы и до самой кончины Иоанн принимал участие во всех значимых событиях жизни обители. Приезжая, он обязательно служил, проповедовал, причащал. Любил он уединенную молитву на месте обретения чудотворной иконы в маленькой деревянной часовне у древнего дуба, который он называл «Мамврийским». А на пути к источнику он любил останавливаться на горке, с которой открывался изумительный вид на окрестности. Именно здесь его посетило видение — будущий Успенский монастырский собор.

Новоустроенному монастырю Иоанн оказывал постоянную финансовую поддержку. Вот только несколько строк из его писем: «Посылаю муки, припасов, пятьсот рублей... — Присылаю на нужды обители триста рублей. Молю Господа о вашем здравии, обилии и довольствии благ земных и духовных»... «Ищите прежде Царствия Божия и Правды Его, и все земное приложится вам. Я посылаю вам триста рублей. Господи, помоги пюхтицким!»

В одном из ответных писем вторая игуменья монастыря Алексия (Голубева) писала Иоанну: «Нет поистине ни одного дела на нашей Святой горе, в котором не было бы Вашего участия, содействия, благословения и денежной помощи. И в минуты скорби, и во времена радостных успехов Ваше присутствие, ваше влияние, Ваша молитва и Ваше слово вносили в нашу среду глубокое сознание благодарного Божественного водительства в событиях жизни на Святой горе!»*

В последний год своей земной жизни Иоанн благословил начать строительство монастырского собора. Средства на его постройку были пожертвованы известным московским благотворителем генерал-майором Иваном Филипповичем Терещенко. В его завещании были такие строки: «Выдать в распоряжение Ревельского Епархиального начальства Эстляндской губернии капитал в семьдесят тысяч рублей, каковой исключительно должен быть употреблен на сооружение нового хра-

* ЦГИА СПб. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 17. Л. 27–28 об.

ма в Пюхтицком женском монастыре во имя Успения Пресвятой Богородицы».

Постройка собора быстро продвигалась. Кирпич сестры изготовляли сами. Не оставляя обычных своих послушаний — на полях, огородах, на скотном дворе, на кухне, в гостинице, в детском приюте, — сестры своими руками выстроили величественный пятиглавый собор. До первых морозов были возведены стены строящегося собора. Уже после кончины Иоанна Кронштадтского вознесли на купола кресты.

Искусно отделанный иконостас был изготовлен в Петербурге потомственным резчиком по дереву Петром Амбросимовым из тщательно просушенной сосны. Расписывал иконостас мастер церковной живописи, тоже петербуржец, Федор Егорович Егоров. Средства на церковную утварь пожертвовал житель Петербурга Дмитрий Лукин. В алтаре была помещена икона Божией Матери «Одигитрия», которой Иоанн Кронштадтский благословил строительство Успенского собора. На оборотной стороне иконы надпись, свидетельствующая об этом и датированная 12 февраля 1908 года.

Еще одной почитаемой святыней монастыря является Пюхтицкая икона, история которой связана с именем Иоанна Кронштадтского. В 1894 году сестры подарили пастырю в день его ангела икону, на которой запечатлено явление Пресвятой Богородицы в Пюхтицах у источника. Внизу на иконе подпись: «Протоиерею отцу Иоанну Ильичу Сергиеву, труд живописиц Успенского женского монастыря на Святой горе Эстляндской губернии. 1894 г. 19 октября». Эта икона пребывала с Иоанном Кронштадтским до самой его кончины. По его завещанию она перешла к благочестивой петербургской чете, которая передала впоследствии этот образ матушке Вирсавии, насельнице закрытого к тому времени Санкт-Петербургского Иоанновского монастыря. Та не расставалась с иконой вплоть до смерти. После этого, 1 июля 1946 года, икона была возвращена в монастырь. Ее торжественно встретили у древнего дуба. Приняла святыню в свои руки тогдашняя настоятельница игуменья Алексия II (в схиме Сергия).

Успешно налаживалась молитвенная жизнь обители: введен полный монастырский богослужебный круг, созданы два монашеских хора — на церковнославянском и эстонском языках, во всем установлен строгий монастырский порядок, какой можно было встретить только в старинных монастырях. Через несколько лет своего существования Пюхтицкий монастырь снискал такое доверие окрестных жителей, что они стали отдавать на воспитание и обучение в обитель своих детей. В приюте при монастыре воспитывалось 25—30 детей и

православного, и лютеранского вероисповедания, причем половину детей составляли мальчики. Кроме того, при обители было создано двухклассное училище на 50 учеников, в котором также не было разделения на православных и лютеран.

В монастырской лечебнице принимал окрестное население доктор Иоанн Федорович Кириллов. Медицинская помощь оказывалась бесплатно, лекарства раздавались тоже бесплатно. При монастырской лечебнице в 1896 году была учреждена Община сестер милосердия, состоявшая под покровительством Российского общества Красного Креста.

Так, буквально за три-четыре года на Богородицкой горе вырос монастырь. Трудами рук своих сестры полностью обеспечивали себя и паломников обители. Помня наставление Иоанна: «Держитесь за травку, отрада спасет», — пюхтицкие насельницы сеяли рожь, пшеницу, овес; выпекали хлеб; выращивали фрукты и овощи; заготавливали дрова, грибы, ягоды.

В 1894 году по благословению Иоанна Кронштадтского было основано Пюхтицкое подворье в Ревеле. Подворье было заложено на пожертвованном вдовой петербургского мещанина П. Е. Басаргиной участке по Шубенской улице. 26 октября 1896 года освятили деревянную подворскую церковь во имя святой великомученицы Варвары и преподобной Пелагии. Богослужение, совершаемое по строгому монастырскому чину, стройное пение сестер сразу же привлекли верующих ревельцев, и скоро маленькая деревянная церковь уже не могла вместить все возраставшее количество прихожан. Был создан комитет по строительству новой каменной двухэтажной церкви по проекту петербургского архитектора Н. Н. Никонова.

Почетным председателем комитета был избран Иоанн Кронштадтский, внесший первый взнос на строительство храма — тысячу рублей. 11 сентября 1900 года Иоанн Кронштадтский совершил закладку нового храма подворья во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы. В 1902 году строительство белокаменной церкви, увенчанной девятью куполами, было завершено, и 22 сентября состоялось ее торжественное освящение*. Церковь строилась на средства П. Е. Басаргиной и ее родственницы Александры Коршуновой, послушницы Пюхтицкого монастыря.

Забываясь о нуждах православных эстонцев, Иоанн Кронштадтский не оставил без своего пастырского попечения и тех из них, кто жил в Петербурге. В начале 1880-х годов в северной столице проживали около шестнадцати тысяч эстонцев, примерно четверть из них были православными. Однако, так как

* В 1960 году церковь была снесена и подворье упразднено.

православное богослужение на эстонском языке в Петербурге не совершалось (ближайший эстонский приход, основанный по благословению Иоанна Кронштадтского и пребывавший под его непосредственным покровительством, был в Кронштадте), они, не зная русского языка, по многу лет были оторваны от православной церкви, а их дети — от школы.

Когда же выпускнику Петербургской духовной академии священнику Павлу Кульбушу* удалось сплотить живущих разрозненно эстонцев в приход и организовать при нем Православное эстонское братство, Иоанн Кронштадтский благословил сбор средств на строительство храма, который послужил бы покровом и защитой православных эстонцев. Он же стал и первым жертвователем на новый храм, написав на первой странице сборной книги: «Всем сердцем моим молю Господа, Главу Церкви, да привлечет сердца доброхотов к посильным жертвам на устройство в столице православного эстонского храма. Кронштадтский протоиерей Иоанн Сергиев, 18 марта 1895 года». Иоанн Сергиев принимал деятельное участие в комиссии по строительству храма и состоял ее почетным председателем.

21 декабря 1903 года на освящении временного храма Иоанн Кронштадтский сказал: «Сегодня Господь сподобил нас вместе с православными эстонскими братьями присутствовать на освящении первого временного православного эстонского храма в столице». Весь сооружаемый для братства комплекс, ставший духовным пристанищем эстонцев, — пятиглавый двухэтажный храм Исидора Юрьевского и Николая Чудотворца, школа и зал собраний — строился по проекту архитектора А. А. Полещука на углу улицы Римского-Корсакова и Лермонтовского проспекта и был завершен к 1907 году. Для духовных нужд православных эстонцев книга Иоанна Кронштадтского «Моя жизнь во Христе» была переведена на эстонский язык.

...Последним из монастырей, строившимся стараниями Иоанна Кронштадтского, стал Воронцовско-Благовещенский монастырь в Тверской губернии.

* Павел Кульбуш (1869–1919) в августе 1917 года принял монашеский постриг с именем Платон; хиротонисан во епископа Ревельского Русской православной церкви. Ему было поручено управлять Рижской епархией, однако его резиденция оставалась в Тарту. В начале января 1919 года епископ Платон был арестован на улице и заключен в помещение Кредитного банка, превращенное в тюрьму. В ночь с 14 на 15 января 1919 года город был отбит натиском эстонской армии. Тело епископа Платона было опознано среди других жертв, погребено в левом приделе Спасо-Преображенского собора в Ревеле. В 2000 году был прославлен в лике святых Русской православной церкви.

В конце XIX века две пожилые сестры-дворянки решили отдать свое имение Воронцово под устройство женской монашеской общины. За благословением и помощью пришли к отцу Иоанну Кронштадтскому. Тот не просто благословил строительство монастыря, но лично взялся за устройство новой обители. Его неутомимой помощницей, как во многих других делах, стала игуменья Таисия. В Петербурге на средства Иоанна Кронштадтского было построено подворье Воронцовского монастыря, что давало возможность собирать необходимые на строительство средства*.

Иоанн Кронштадтский успел освятить место, где планировалось возвести монастырский Благовещенский собор. После смерти Иоанна строительство приобрело иной смысл – то была память об Иоанне Кронштадтском. Деньги на строительство собирали всем Петербургом. Проект сделал столичный архитектор; кресты, гранитные плиты для облицовки, каркасы куполов, рамы, керамическая плитка для пола – все это везлось из Петербурга. А вот кирпичи изготавливали на месте. Не будем забывать: вокруг – глухой лес, так что до сих пор непонятно, как к месту строительства привозили материалы. Построить пятиглавый собор – огромный даже по городским меркам – в глухом лесу было непросто. Работы продолжались три года, было потрачено два миллиона рублей. Собор освятили в 1919 году, когда вместо Российской империи строилась уже другая страна – Советская Россия и бушевала Гражданская война**.

...Храмы, построенные при материальной поддержке Иоанна Кронштадтского, разбросаны по всей России. Листая подшивки дореволюционных газет, можно найти не одно тому свидетельство. Например, в «Сибирской торговой газете» за 1900 год напечатана «Телеграмма», адресованная в Кронштадт Иоанну Сергиеву. Тюменцы благодарили его за помощь в строительстве Михаило-Архангельского храма. А в мартовском выпуске газеты в разделе «Хроника» можно прочитать: «Объявляется благодарность епархиального начальства о. протоиерею Кронштадтского Андреевского собора Иоанну Сергиеву за пожертвование 200 рублей на постройку храма в селе Ярковском Тюменского уезда»***.

* Здания подворья сохранились до сих пор: в одном – жильцы, в другом – спортивный зал.

** В 1925 году собор был закрыт. Одно время в нем располагалось зернохранилище. Потом храм просто бросили без присмотра в лесной глуши, и десятилетия, стоявший в запустении и небрежении, он разрушался. В 2003 году собор был признан памятником архитектуры федерального значения и в настоящее время восстанавливается. В храме постоянно совершается церковная служба.

*** История этой церкви завершилась в советское время: газета «Трудо-

Начиная с 1894 года Иоанн Сергиев поддерживал движение среди обосновавшихся в Сибири переселенцев за открытие новых православных церквей. Он постоянно оказывал денежную поддержку возглавляемому А. Н. Куломзиным Фонду имени императора Александра III, который занимался церковным и школьным строительством в Сибири. К 1899 году общая сумма пожертвований Иоанна составила 25 тысяч 134 рубля 50 копеек*.

Поскольку суммы, жертвуемые Иоанном, были весьма значительными, А. Н. Куломзин считал своим долгом советоваться с ним в вопросах распределения этих сумм и наименования сооружаемых храмов. Например, в письме от 14 марта 1905 года Куломзин спрашивает, куда направить его десяти тысячное пожертвование, и сообщает «о переселенцах четырех сибирских поселков, давно мечтающих о храме Божиим, собравших между собою посильные денежные жертвы и, тем не менее, не имеющих возможности соорудить церковь»**.

В 1904 году за свою помощь в деле открытия новых церквей в Сибири Иоанн Кронштадтский был удостоен Высочайшей благодарности.

К батюшке... за благословением, исцелением, помощью

В 1885 году исполнилось 30 лет служения в священном сане Иоанна Ильича Сергиева. Эта дата не прошла незамеченной. Ее отмечали уже достаточно широко в самом Кронштадте в присутствии многочисленных гостей из различных губерний России, из Санкт-Петербурга и Москвы. Служение отца Иоанна к тому времени было замечено и отмечено церковными и государственными властями. Тому свидетельством его церковные награды – набедренник (1860), бархатная фиолетовая скуфья (1861), бархатная фиолетовая камилавка (1866), благословение Святейшего синода (1869), золотой наперсный крест от Святейшего синода (1870), возведение в сан протоиерея (1875), крест с драгоценными украшениями от прихожан (1881). К ним присоединяются и награды государственные: бронзовый наперсный крест и светлобронзовая медаль на андреевской ленте в память о Крымской войне (1856), орден Святой Анны 2-й и 3-й степени (1878, 1883).

Но более всех наград об успехах батюшки свидетельство-

вой набат» за 1924 год сообщила о том, что ярковчане решили церковь разобрать и построить школу. Так и сделали — разобрали.

* Санкт-Петербургский духовный вестник. 1899. № 14. С. 169.

** ЦГИА СПб. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 16а. Л. 190–191.

вал полный храм в дни его богослужения. Толпы верующих из российских регионов в надежде увидеть, услышать необычного пастыря, исповедоваться у него, получить его благословение, а вместе с ним исполнение своих чаяний осаждали Андреевский собор. Паломники, сотни и тысячи обездоленных находили приют, внимание и поддержку в руководимых Иоанном благотворительных учреждениях. Получили распространение и признание его литературные труды: проповеди, поучения, размышления, наставления, дневники.

Ежедневно с почтамта на квартиру секретаря Иоанна платяными корзинами привозили адресованную священнику почту. Телеграммы и денежные письма распечатывали тотчас же, имена отправителей выписывали на особую лентообразную бумагу, которую и вручали Иоанну перед совершением литургии для поминания за вынуждением просфор. На другую лентообразную бумагу выписывались адреса просящих посещения, которые подносились ему же после богослужения и просматривались им в алтаре, прежде начала посещений; тяжело больные и умирающие получали при этом предпочтение. После телеграмм и денежной почты секретарь и его помощники приступали к платяной корзине простых писем, из которых делались новые выборки на бумагу в последовательном порядке. Если не хватало физических сил справиться со всей почтой, то последние пачки писем назывались лишь счетом — столько-то нераспечатанных!

Поскольку с ростом популярности Иоанна верующим становилось все труднее добиться личного свидания с ним, явились посредники между батюшкой и желающими его видеть. К 1890 году в Кронштадте сложилась местная индустрия по обслуживанию значительного потока паломников, число которых порой доходило до восьмидесяти тысяч человек в год. Ввиду физической невозможности уделить внимание всем желающим Иоанн был вынужден нанять штат сотрудников (женщин-секретарей), ведавших отбором посетителей. В итоге вокруг него сложился своеобразный бизнес, причем некоторые его секретари, беря мзду за возможность визита, «сколотили себе небольшой капитал и снискали гнев тех, кто обращался к ним за содействием»*.

Особенно возрастало число паломников в дни религиозных праздников, прежде всего — Великим постом, в первую его неделю, когда бывало десять, а то и более тысяч человек. Всем им нужны были еда, питье, кров. Разместиться они могли в странноприимных домах; в наемных квартирах, содер-

* *Киценко Н.* Святой нашего времени: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. М., 2006. С. 195.

жавшихся наиболее расторопными горожанами; в меблированных комнатах и на частных квартирах.

Везде предлагалось приблизительно одно и то же, как и правила были более или менее однотипными: курение табака воспрещено, в специально устроенной молельне каждый вечер читаются акафисты святым угодникам.

Бедняки пользовались общими помещениями, где за 10—15 копеек они имели койку или постель с соломенным матрацем и два чайника кипятку, так как провизия, чай и сахар у таких богомольцев были свои, да еще — пять—десять копеек за право присутствовать на молебствии отца Иоанна и получать его благословение. В общих помещениях мужчины не отделялись от женщин или взрослые от детей; все напускались в кучу, «сколько приехало»; если не хватало коек — стелили матрацы на полу. Никаких ропота и протестов за тесноту не бывало, потому что богомольцы проводили на ночлеге всего несколько часов; в пятом часу утра все уже отправлялись в церковь.

Более состоятельные люди занимали отдельные номера, с правом «просить батюшку» войти в номер для беседы наедине. Хозяева «гостиниц» хорошо понимали, что это «право», как единственная возможность поговорить с отцом Иоанном, стоит для некоторых больших денег и еще больших стараний; иные приезжали за тысячи верст только для этого «права», и им, конечно, ничего не стоило заплатить десятки рублей за номер. Эти-то богомольцы и составляли основную доходную статью странноприимных домов.

Посещение отцом Иоанном жилища паломников обещали все, но никто этого не мог гарантировать.

...28 августа — канун празднования дня Усекновения главы Иоанна Предтечи. Кронштадтская пароходная пристань в Петербурге. На парапете большими буквами написано: «В Кронштадт». В три часа пополудни пароход отправился в Кронштадт. На пароходке были представители всех сословий...

Так обычно начиналось путешествие тысяч и тысяч паломников, пожелавших в праздник быть на службе Иоанна Кронштадтского. Описанию дней паломничества посвящены десятки публикаций в российских газетах и журналах того времени. О них повествуется во многих воспоминаниях, опубликованных в различных сборниках и книгах, в том числе и в вышедших в последние годы. Попробуем представить, что же мог увидеть «типичный» паломник... назовем его господин N.

Спустя час пароход пришвартовался к кронштадтскому причалу. На пристани, среди путаницы подъезжавших и отъезжавших дрожек, благодушно дремали два пузатых дилижанса, так называемые «кукушки». В одной из них, направлявшейся

к Андреевскому собору, не без труда отыскалось место. Через какие-нибудь четверть часа дилижанс остановился на Соборной площади. Возле него тут же оказались пять-шесть женщин в темных платках, суетливо высматривавших постояльцев между вылезавшими пассажирами.

Господину N более других внушила доверие небольшая сушошавая женщина, вся в черном и с черным платком на голове, издали совсем похожая на монашку. Она улыбалась так умильно, почтительно и с такой трогательной ласковостью убеждала не сомневаться в людях и остановиться в соседнем переулке у Матрены Марковны Снегиревой, что N вручил ей свой дорожный саквояж и покорно последовал по адресу.

Жилище находилось в двух шагах от Андреевского собора. Отведенная комнатка отличалась уютностью и чистотой, и, вдобавок, из ее единственного окна можно было разглядеть в угловом двухэтажном доме напротив, вверху, два занавешенных оконца скромной квартирки отца Иоанна. Из обстановки — складная кровать да расписанный сундук. Комната напоминала не то монашескую келью, не то старокупеческую молельню: в углах, на стенах, в простенках — образа, иконки, картины религиозного содержания, фотографии отца Иоанна и портреты разных духовных лиц. Образами занят был весь угол по левую сторону окна, образами же изукрашен был и весь правый угол.

Вспомнив сообщение хозяйки, что отец Иоанн вернется не ранее половины второго, N, отворив форточку, стал всматриваться в темноте улицы в заветное оконце углового дома. Но там было темно... Спустя полчаса он вновь посмотрел в форточку, и на этот раз в оконце забрезжил огонек, и почудилось, что мелькнула тень. Не было ни малейшего сомнения, что батюшка вернулся домой. Подумалось: неужели завтра встреча, и он увидит того, чья тень только промелькнула, но уже вызвала такие умилительные чувства в душе?

Была четверть пятого утра, когда N очнулся от сильного стука в дверь. В комнате царил полумрак, но со двора, строгим упреком, уже доносились глухие удары соборного колокола. Быстро одевшись, ежась от утреннего холода, он последовал за своей вчерашней спутницей, которая на этот раз представилась — Феодосия Минаевна. На полпути от собора она встретилась с какой-то кумушкой в вязаном платке, о чем-то тревожно с той пошепталась и вдруг круто свернула в переулок направо. Оказалось, что отец Иоанн на этот раз служил обедню в думской церкви.

По полутемным улицам, мимо сонных домов со спящими дворниками и затворенными ставнями торопливо двигались

со всех концов туда же кучки народа. Страшно было осознавать: промешкай еще пять минут — пришлось бы вернуться, так как небольшая думская церковь была уже набита битком. Феодосия Минаевна взволнованно шепнула N на ухо, что батюшка уже служит, одновременно выразительно поглядев на свободный проход справа, около решетки. С величайшим трудом удалось протиснуться на указанное место... Вскинул глаза — и прямо впереди... отец Иоанн. Он стоял в правом приделе, впереди певчих, спиной к молящимся, перед повитой цветами иконой, и, порывисто осеняя себя крестным знаменем, возглашал канон Иоанну Предтече. Именно «возглашал»: громко, резко, нервно, как бы отрывая каждое слово от своего сердца. Скорее, он не молился перед чтимой иконой, а напряженно беседовал с Существом видимым и сущим. От этих звуков, наполняющих сдержанную тишину многолюдного храма, веяло чем-то неземным, святым и высшим.

— Святой великий Иоанне, Предтече Господень, моли Бога о нас! — прерывает клир его последние слова. — Крестителю и Предтече Христов! — раздается вновь знакомый, проникновенный голос. — Погружаемый всегда страстями телесными, ум мой управи и волны страстей укроти, яко да в тишине божественней быв, песнословлю Тя!

Канон прочитан, утренняя кончена, и отец Иоанн оборачивается лицом к народу для благословения.

«Да неужели же это отец Иоанн? Не ошибаюсь ли я?» — подумал N. На амвоне стоял обыкновеннейший сельский священник — среднего роста и худощавый, с кроткими детскими светлоголубыми глазами, с русой бородой и некрасивой дьячковской косичкой, выбившейся на затылке поверх ворота рясы.

Преподая благословение, Иоанн удалился в алтарь... Начинается обедня. В середине обедни, во время чтения Евангелия, в окно храма заглянуло солнце, и один из косых лучей его залил светом всю внутренность небольшого алтаря. Иоанн, стоявший по правую сторону престола и ярко освещенный до пояса, выступал как в раме, и вся его фигура — с благоговеино сосредоточенными чертами лица, молитвенно скрещенными на груди руками, в сверкании священнического облачения — запечатлена была какой-то непередаваемой, прямо неземной светозарностью.

К концу обедни выяснилось, что общей исповеди не будет; тем не менее в причастниках и причастницах недостатка не было, и в особенности поражало обилие баб в платках и повойниках* с младенцами на руках. К удивлению, обряд прича-

* П о в о й н и к — старинный русский головной убор замужних женщин, главным образом крестьянок.

щения маленьких именинников прошел в тишине, без обычного в таких случаях рева и визга. Но детей было столь много, что, казалось, им никогда не будет конца. Отец Иоанн вскоре удалился в алтарь, а причащение продолжил молодой священник. В этот момент, раздвигая толпу, протиснулся вперед церковный сторож с подносом, на котором высилась целая гора телеграмм и писем.

В начале десятого часа обедня кончилась, но народ не только не думал расходиться, но еще теснее сплотился, нетерпеливо поджидая выхода батюшки. Прошло добрых три четверти часа. Изредка алтарная дверь приотворялась, и мельком можно было видеть отца Иоанна, сидящего в кресле у окна, то углубленного в чтение присланных телеграмм, то исповедующего кого-нибудь, то отдающего приказания своему помощнику, молодому белокурому псаломщику, который то входил в алтарь за новыми распоряжениями, то выходил к теснившейся у церковной решетки толпе, осаждавшей его разными просьбами и вопросами. Перед самым амвоном, куда и должен был выйти батюшка, был отгорожен особой решеткой небольшой свободный проход, охраняемый у выхода двумя церковными сторожами.

Вдруг вся огромная толпа, переполнявшая церковь, колыхнулась, как один человек, и электрической искрой пробежал по рядам радостный шепот: «Батюшка!.. Батюшка!..»

Действительно, одна из боковых алтарных дверей приотворилась, и на пороге показался отец Иоанн. Сразу же вся толпа неудержимой волной, тесня и давя друг друга, хлынула в его сторону, а стоявшие за решеткой вмиг очутились на самом амвоне и чуть не сбили его с ног. При содействии псаломщика и двух сторожей Иоанн быстро перебрался к левому приделу и сделал шаг вперед, чтобы пройти с этой стороны. Не тут-то было. В одно мгновение та же толпа, точно подтолкнутая какой-то стихийной силой, стремительно шарахнулась влево и, простирая вперед руки, перебивая друг друга, крича и плача, сгучилась у церковной решетки, преграждая путь батюшке. О чем кричали, о чем молили — ничего нельзя было разобрать. Всё сливалось в неясный, оглушительный и растерянный вопль. Иоанн, затиснутый в угол, стоял, покорно прижавшись к стенке, и на утомленном лице его отражалась не то мучительная тоска, не то бесконечная горечь при виде этой исступленно мятущейся у его ног толпы.

Двое городских, находившиеся возле сторожа, и несколько человек из купцов стали по обе стороны пути и, протянув по всей линии толстую веревку, образовали нечто вроде живой шпалеры, с виду очень стойкой и внушительной. Но лишь

только Иоанн двинулся вперед, веревка с треском лопнула, купцы и городовые в один миг были отброшены в противоположный конец храма, и толпа, смешавшись и сшибая друг друга с ног, окружила Иоанна плотной непроницаемой стеной. Он вдруг как бы исчез... потом волнующаяся и вопящая стена колыхнулась в сторону, и можно было видеть Иоанна — смертельно бледного, сосредоточенно-печального, медленно, шаг за шагом, как в безжалостных тисках, подвигающегося вперед, с видимым трудом высвобождающего свою руку для благословения. И чем ближе он подвигался к выходу, тем толпа становилась настойчивее, беспощаднее и крикливее.

Инстинктивно, как перед чем-то неминуемо страшным, N закрыл глаза. Когда же он их открыл, то священника не было в храме, да и самый храм теперь совсем обезлюдел. Только в углу перед образом молилась на коленях какая-то богобоязненная старушка, да старик-сторож сумрачно подметал пол, на котором валялись обрывки веревок, дамские нитяные перчатки, клочок вязаной косынки — словно следы недавнего урагана. Глаза N встретились с сочувственным взглядом старика.

— Господи, что же это такое?! Неужто же это у вас так всегда?

Сторож сокрушенно вздохнул:

— Эх, милый барин, ежели бы так всегда... А то вот оно меднясь, под Успенье, нашло народу — так как есть сшибли с ног батюшку.

— То есть как это «сшибли»?

— А так, сронили вовсе наземь и пошли по ём, как по мураве.

— Ну а он что?

— Известно, агнец Божий, — встал, перекрестился и хоть бы словечко. — Старик махнул рукой и продолжал подметать.

Совершенно подавленным всем случившимся N вышел. На улице народ спокойно расходился по разным направлениям, и только у подъезда шумела кучка нищих, очевидно, делившая батюшкину лепту. Тут же поджидала Феодосия Минаевна с узелочком в руках и явной тревогой в лице.

— Надо спешить домой, мил человек, — скороговоркой уведомила она. — Батюшка, наверное, будет сегодня объезжать дома с постояльцами, и надо быть наготове... Никто не знает, к кому он заедет раньше.

Квартира в ожидании приезда отца Иоанна приняла праздничный вид. Все комнаты были вымыты, вычищены и прибраны. Вокруг все сияло: оклады икон, белоснежная скатерть молебного столика, медные ручки у дверей. Но самое главное сияние было, разумеется, на лицах паломников и паломниц, собравшихся в просторной горнице. Паломницы были разо-

деты по-праздничному — в ярких платках и пестрых ситцах. Мужчин было всего человек семь: купец, солдат, двое мастеровых, какой-то осунувшийся человек с синим подбородком, по-видимому, провинциальный актер, и, наконец, чиновник с сыном-подростком в гимназическом мундирчике.

В ожидании отца Иоанна господин N прохаживался из своей комнаты в коридор и обратно, выходил на просторный дворик, прилегавший к флигелю, и даже за ворота — и каждый раз дивился на феноменальную подвижность Феодосии Минаевны: то она стояла посреди улицы и, как-то по-казачьи закрывшись от солнца рукой, всматривалась вдаль — не видать ли дрозжек с отцом Иоанном; то вдруг совсем неуловимо исчезала в соседний переулок, затем вылетала оттуда сломя голову в ворота и на крыльцо и, приставив руку к губам на манер трубы, голосила: «Проехал к Мешковым!» или: «Молебствует у Глушковых!» А то другой раз раздавался со двора ее пронзительный крик: «Едет! Едет!» — и все бросались, толкаясь к окнам, и видели, как пролетка с батюшкой и псаломщиком пронеслась мимо... При каждом крике все выбегали во двор и неизменно находили у ворот Феодосию Минаевну в трагической позе, со съехавшим на сторону платком, слезливо шепчущую:

— Что же это?.. Опять мимо!.. Опять!..

Спустя час ожидания вдруг в горницу влетела Феодосия Минаевна и радостно закричала:

— Приехал!

В один миг находившиеся в гостинице повскакали со своих мест и стали метаться по комнате, бледные и потерянные. Но, увы! Отец Иоанн действительно приехал, но прошел наверх, в соседнее помещение, к какой-то приезжей больной даме.

Хозяйка квартиры быстро вошла в комнату N, захлопнула обе половинки двери, выходящей в общую горницу, и забаррикадировала их стулом. Затем она наклонилась к самому его уху и таинственно шепнула:

— Батюшка беспрерывно к вам первым взойдет... Так ежели вы имеете к нему какое особое дело, я могу предупредить его.

— Спасибо! Но о своем деле я предполагаю рассказать отцу Иоанну наедине.

Хозяйка ничуть не сконфузилась и деловито заметила:

— Нет, ведь это я к тому, что другой потеряется с непривычки и не сможет сказать нужных слов, а ведь батюшке, сами понимаете, некогда! Ну да Бог милостив, все обойдется благополучно! — вздохнула она и, уходя, как бы про себя добавила: «Вот помяните мое слово, к вам первым взойдет!»

На часах стрелка показывала половину третьего. Прошло еще десять томительных минут, показавшихся вечностью, — и

вдруг в коридоре послышался глухой шум, чей-то пронзительный вопль, неистовые крики: «Батюшка, спаси!.. Батюшка, благослови!..» — и дверь каморки господина N распахнулась... Стремительно, спешной походкой, с горящим пронизывающим взглядом, с ярким румянцем на нервно вздрагивавших щеках, с разметавшейся по затылку русой прядью вошел... Иоанн Кронштадтский! В его фигуре, в его движениях, в первом же звуке голоса чувствовалась какая-то непередаваемо-чудесная вдохновенность. Это был совсем новый отец Иоанн, чем тот, что был в думской церкви.

— Ну, говорите, что вам нужно? — раздался властный и отечески-проникновенный голос.

N рассказал о своих сложных и запутанных семейных отношениях, приведших его в Кронштадт. Батюшка внимательно выслушал, прочел молитву. N показалось, что батюшка уже все знает и знает, каков выход из создавшегося положения. Сердце по-детски раскрылось и размягчилось, как воск, и невольные слезы сдавили горло, мешали вырваться в словах накипевшей признательности. В заключение своего краткого собеседования Иоанн крепко поцеловал его в лоб и промолвил:

— Спасибо за доверие, голубчик!.. За доверие спасибо!..

Бедные соседи! Как они истомились в ожидании своей очереди встречи с батюшкой... Когда Иоанн произнес свое заключительное слово громко и отчетливо, стул, баррикадировавший соседнюю дверь, задвигался, половинки двери как-то жалобно заскрипели и с шумом распахнулись. На пороге стеснилась многоголосая разноголосая толпа, жадно следившая за малейшим словом и движением отца Иоанна.

— Батюшка... скоро ли к нам? — вырвался из толпы женский вопль.

Иоанн встал, встряхнул головой и прошел в общую горницу. Начался молебен. Толпа так стеснилась вокруг священника, что совершенно его и видно не было. Когда молебен окончился и поверх голов молящихся показалась знакомая рука с кропилом и стала кропить вокруг святой водой, толпа задвигалась, плотнее сжимаясь кольцом вокруг батюшки. Тому пришлось отступить в противоположный угол комнаты.

— Ну, зачем так?.. Ну, пустите! — кротко протестовал отец Иоанн.

Но ничего не помогало, и давка только усиливалась: одна баба пихала ему какие-то письма «из губернии, от болящих сродственников»; другая — рублевую бумажку на помин души какого-то Кондратия, вероятно, покойного мужа; третья, по видимости торговка, для чего-то совала целый узел с яблоками... Но вот вперед выступила хозяйка, бесцеремонно растал-

кивая баб и ласкательно приговаривая: «Милые, так нельзя! Так даже совсем невозможно!.. Дайте батюшке передохнуть! Дайте дорогому хоть чашечку чаю выкушать!» — Она протиснулась к батюшке, осторожно взяла его под локоть и провела до чайного стола. Псаломщик тем временем отбирал у баб письма и деньги и расспрашивал у каждой, в чем дело.

Над головами богомольцев проплыл кипящий самовар — и чай налит. Но не тут-то было. Едва отец Иоанн поднес чашку к своим губам, толпа, охваченная новым порывом, шаркнулась в его сторону и чуть не опрокинула чайный стол. Отец Иоанн тотчас же поставил чашку обратно, мигнул псаломщику и стремительно направился к выходу. Разумеется, толпа бросилась за ним следом, через кухню и коридор на луговину двора, где у ворот ждали отца Иоанна одноконные дрожки.

Боже мой, кого тут только не было! Весь просторный двор был заполнен людьми, начиная от барынь с плюшевыми ридикюлями и шляпками и кончая кучкой полуголых и испитых бродяг, совершенно свободно прохаживавшихся перед воротами. Эта кучка босяков оставляла глубокое впечатление. Невольно чувствовалось, что все эти отверженцы мира, едва осмеливающиеся показать на свет божий свои нищенские лохмотья и прячущиеся в другое время в отдаленных и темных закоулках, здесь, под рукой отца Иоанна, как бы сознавали себя равными братьями по Христу, и в их исподлобья сверкавших глазах улавливалась радостная искорка мимолетного торжества.

Нечего говорить, что добраться Иоанну до своего экипажа было не так-то легко. Наскоро благословляя народ, оделяя мелочью протиснувшихся к нему бродяг, отвечая бегло на сыпавшиеся на него со всех сторон просьбы и вопросы, очутился он, наконец, около дрожек. Молодой псаломщик, сопутствовавший ему, ловким движением подхватил батюшку и усадил в дрожки. В мгновение ока он очутился на дрожках сам и, крепко обхватив Иоанна ввиду волновавшейся вокруг толпы, крикнул кучеру: «Пошел!»

Этот быстрый маневр, однако, не помешал взобраться на дрожки и усесться в самых ногах отца Иоанна какому-то горбатому бродяжке с оторванным воротом, и уцепиться сзади за сиденье дрожек какой-то плачущей бабе в раздувавшейся красной юбке. Лошадь рванула, толпа отхлынула... и пролетка с отцом Иоанном, молодым псаломщиком, ободранной бродягой и плачущей бабой исчезла из глаз публики...

Ближайший пароход в Петербург отходил через полчаса. Мешкать было некогда. N расплатился с хозяйкой и, собрав

свои пожитки, вышел из дома. У ворот его нагнала Феодосия Минаевна, вызвавшись донести саквояж до первого извозчика. Проходя по совершенно пустынному теперь переулку, он невольно остановил глаза на знакомом оконце, принадлежавшем скромной квартирке кронштадтского пастыря.

— Вы не знаете, где теперь отец Иоанн? — любопытствовал N у Феодосии Минаевны.

— Теперича он молебствует в гостинице, у одного приезжего генерала.

— А затем куда едет?

— Затем отслужит молебна два-три «у городских» и отъедет на пароходе в Рамбов (Ораниенбаум).

— А из Рамбова — в Петербург?

— Из Рамбова — в Петербург.

— А когда же он вернется обратно?

— Да часу во втором пополуночи, не ранее. А только беспрерывно вернется, потому он служит завтра раннюю обедню в церкви Дома трудолюбия.

— Да полно, Феодосия Минаевна, уж спит ли отец Иоанн?.. Право, что-то не верится!..

Феодосия Минаевна как-то загадочно усмехнулась:

— Ну, вот уж этого никак нельзя определить... Это как когда придется. У него, знаете, совсем особый сон, как говорят промеж народа, — «сытый сон». Другой раз сидит со своими мыслями на пароходе, вдруг закинет голову и так с полчаса крепко-накрепко заснет... Да что вы думаете? И тут-то дорожному батюшке не дадут покоя. Зачнут ходить около и шепчут: «Батюшка заснул! Батюшка спит!..» А вот как раз и извозчик едет к нам навстречу, — неожиданно заключила Феодосия Минаевна и бросилась вперед торговаться.

Через четверть часа N уже был на пароходе. Еще немного, и полоска воды, все возрастая и возрастая, оставляла позади прожитый день в Кронштадте, необычные встречи и впечатления... N стоял на верхней палубе. «Я уезжаю из Кронштадта, — думал он. — О, как жалко-грустно расстаться с ним! Покидаю уголок благословенный — еду на страну далече... и буду снова объят суетой мирской... О, да не погибну, Господи, в волнах житейского моря!»

...Знал ли отец Иоанн о «бизнесе» вокруг него и его имени? Конечно! Он даже не однажды делал попытки убрать особо «зарвавшихся» или даже отказывался посещать те или иные странноприимные дома и квартиры. Но... либо за тех и за других вступались близкие к нему люди, которым он не мог отказать, и всё возвращалось на прежнее место, либо взамен изгнанного «хищника» приходил другой, не менее жадный. Сам

отец Иоанн, касаясь этой темы, не однажды говорил: «Хорошо, я откажу тем, которые меня теперь окружают. Я их прогоню, что ж, я лучше сделаю? Конечно, нет – ведь, “эти” уже нажились благодаря моему имени, а те, которые придут на их место, будучи беднее этих, начнут торговать... и с народа еще больше будут таскать».

Чтобы привнести хоть какой-то порядок в дело организации паломничества, Иоанн в мае 1891 года заложил Странноприимный дом. По его мысли, учреждение это должно было предоставлять пристанище в первую очередь тем бедным людям, что приезжали в Кронштадт к нему за молитвой и советом. А их число по мере того, как слухи о необычности служения Иоанна, о чудесах и исцелениях, свершаемых по его молитве, распространялись по стране, все возрастало.

Действительно, литургические действия Иоанна отличала новизна. Он сам часто причащался и настаивал, чтобы также поступали и верующие. Для участия в службе с ним он непременно приглашал приезжающее к нему духовенство. Алтарь при этом был доступным и для них, и для некоторых мирян. Сохранилось множество рассказов очевидцев о его служении, которое отличали: дерзновенная манера произносить возгласы; одушевленное чтение канона на утрне; расширение текста евхаристических молитв. Иоанн делал вставки в священнические молитвы Служебника: в просительные ектении, после прочтения Символа веры; в евхаристический канон, перед причащением. Он просил Бога о нищих, о сирых, об убогих, обо всех страдающих, о всех просивших его молитв, особенно молился за молодежь, об утверждении в вере соотечественников, о присоединении отпавших от православия, о невежественных людях, пребывающих в различных заблуждениях и расколах. И это было удивительно, поскольку Иоанн Кронштадтский, будучи человеком строго консервативных взглядов, допускал то, на что не дерзали и самые смелые реформаторы литургической жизни!

Нельзя сказать, что абсолютно все, кто бывал в Андреевском соборе, положительно воспринимали личность и манеру церковной службы Иоанна Кронштадтского. К примеру, очень критичным, если не сказать больше, был известный русский писатель Н. С. Лесков. В письме от 6 декабря 1890 года Льву Толстому он пишет об отце Иоанне: «Слава его и глупость общества все растут, как известного рода столб под отхожим местом двухэтажного трактира в уездном городе. Зимой на морозе это даже блестит, и кто знает, что это такое, – тот принимает это совсем не за то, что есть. Но мерило одурению это верное».

Выведен Иоанн Кронштадтский писателем и в повести «Полунощники»*. Сюжет такой. Есть в городе Кронштадте один священник, к которому все ездят на поклон, чтобы узнать его мнение обо всем на свете. И есть гостиницы, где эти люди останавливаются и ждут, когда их примут. Лесков называет это «ажидацией». Иоанн представлен как простоватый и даже глуповатый, консервативно настроенный старичок, на которого волею случая свалилась столь невероятная слава. Своеобразна и авторская лексика, переполненная контаминациями: бабеляр (бабник и известный богослов Абеляр); вифлиемция (инфлюэнца и Вифлеем); кутинья (кутить и ектения).

Сам Лесков осознал «остроту» своей повести и сомневался в возможности представить ее читателю. Как он писал: «Повесть свою буду держать в столе. Ее по нынешним временам, верно, никто и печатать не станет». Но на удивление, он ошибся. «Полунощники» вышли в 1891 году в довольно популярном тогда «Вестнике Европы» и были приняты очень даже благосклонно. Нельзя отрицать, что «Полунощники» строятся на материале, хорошо известном писателю. Известно, что писатель посещал Кронштадт и ту «ажидацию», где собирались паломники (толпучка). Да и тогдашние газеты не однажды описывали нечто подобное, свершавшееся в Кронштадте с середины 1880-х годов. Вот как, например, об этом писала «Неделя»: «В центральной части города раз или два в день образуются огромные скопища... Из какого-нибудь дома или собора показывается священник, известный отец Иоанн. Он окружен толпою и еле движется... Его буквально рвут на части, и огромных усилий ему стоит сесть на извозчика, за которым бежит толпа без шапок»**.

Конечно, читатели по-разному откликнулись на опубликованную повесть, как и по-разному относились к Иоанну Кронштадтскому. Почитавший отца Иоанна епископ Антоний (Храповицкий) писал: «Рассказ... раздался звонким заушением Православной Церкви... Довольно раскрыть любую проповедь очерненного пастыря, чтобы понять, как далеко от истины обвинение его в непонимании тайн христианских, и в частности о новой благодатной жизни, о возрождении... Православный пастырь, конечно, ничего не потеряет от клеветы Лескова: было бы слишком странно, чтобы такой видный деятель не был бы никем очернен, когда даже о Спасителе “одни говорили, что Он добр; а другие говорили: нет, он обольщает народ”».

Известный российский юрист А. Ф. Кони свое впечатление

* Лесков Н. С. Собрание сочинений. М., 1958. Т. 9.

** Неделя. 1885. № 9. С. 348.

от посещения службы Иоанна выразил в следующих словах: «Я увидел... среднего роста священника с довольно длинными русыми, редковатыми волосами, с худощавым, но румяным лицом и светлыми, точно прозрачными глазами, которые быстро бросали ни на чем не останавливающиеся взгляды вокруг. Острый нос его и бесцветная линия рта не придавали его лицу никакого выражения, но голос его был звучен и приятен, а движения быстры, непрестанны и порывисты. Служение его было совершенно необычное: он постоянно искажал ритуал молебна, а когда стал читать Евангелие, то голос принял резкий и повелительный тон, а священные слова стали повторяться с каким-то истерическим выкриком: “Аще брат твой спросит хлеба, — восклицал он, — и дашь ему камень... камень дашь ему! Камень! И спросит рыбы, и дашь ему змею... змею дашь ему! Змею! Дашь ему камень и змею!”... — Такое служение возбуждало не благоговение, но какое-то странное беспокойство, какое-то тревожное чувство, которое сообщалось от одних к другим»*.

Будущих священников наставляли в семинариях и академиях максимально убирать личностный момент во время совершения литургии и из чтения канонических текстов. От них требовалось, как можно точнее передавать содержание прочитываемого, идя размеренным темпом и не выделяя какую-либо часть фразы. Об этом очень точно в свое время написал митрополит Антоний (Храповицкий): «Размеренное чтение, исполнение духовных песнопений, благоговейные поклоны сообразно с установленным порядком, правильное и неторопливое наложение крестного знамения — все это уже само по себе отрывает душу от земного и возвышает до небесного... С другой стороны, любое проявление самодовольства даже благочестивым священником во время общей молитвы неизбежно ввергает в прелесть, то есть в духовный самообман; это, в свою очередь, подталкивает священника к следующему соблазну, когда прихожане начинают благоговеть не перед службой, а перед его собственной персоной; и пастырь из организатора общей молитвы превращается в актера»**.

Вот это определение службы и поведения Иоанна как «актерства» имело хождение в среде более образованных посетителей Андреевского собора. Приведем два свидетельства вроде бы отдаленных друг от друга людей. Первый — довольно популярный в те годы поэт-публицист Константин Фофанов, сто-

* Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев. М., 1997. С. 187.

** Антоний Храповицкий, митрополит. Учение о пастыре, пастырстве и об исповеди. Нью-Йорк, 1966. С. 289.

явший однажды в алтаре во время службы Иоанна, записал: «И слова выговаривал он резко, отрывисто, точно убеждал, точно приказывал, или, вернее, — настаивал на своей просьбе: “Держава моя! Свет ты мой!” — восклицал он, поднимая руки со слезами в голосе, и вдруг, мерцая драгоценною митрою, падал ниц»*. Об этом же, экспрессивности чувств и поведения священника, писал и синодский чиновник, присутствовавший на литургии: «Вдруг во время исполнения песнопения о воплощении Христа — “Единородный Сыне и Слове Божий” — он стремительно схватил крест с престола и поцеловал его, трепетно стискивая крест обеими руками и глядя на него нежно и в то же время возбужденно, затем снова поцеловал его три или четыре раза подряд, прижимая ко лбу»**.

По воспоминаниям лечащего врача Александра III Н. А. Вельяминова, Иоанн Кронштадтский произвел на него впечатление актера. «Думаю, — писал он, — что это был человек по своему верующий, но прежде всего большой в жизни актер, удивительно умевший приводить толпу и отдельных более слабых характером лиц в религиозный экстаз и пользоваться для этого обстановкой и сложившимися условиями... Вот почему я позволил себе сказать, что он прежде всего был большой актер».

На фоне устоявшейся традиционной, несколько отстраненной, строгой, сухой манеры совершения церковных служб глубоко личный подход Иоанна, не скрываемые им эмоции, новации и порой импровизации, не могли не изумлять, не приводить в священный трепет одних и в растерянность — других. Например, в то время как церковный устав предписывал священнику и диакону читать молитвы лицом к алтарю и спиной к прихожанам, Иоанн нередко поворачивался лицом к прихожанам во время таких воззваний, как «Станем добре», «Горе имеим сердца» и «Благодарим Господа». Всякий раз при упоминании в молитве паствы священник либо указывал жестом на часть прихожан, либо проводил рукой над всеми. И если прежде прихожанину легко можно было оставаться лишь незаметным зрителем литургии, внутренне и внешне отгородившись и от службы, и от окружающих, то теперь, внезапно встретившись со взглядом священника и услышав, как он обращается, как казалось, прямо к тебе и стоявшему рядом, молящиеся чувствовали, что от каждого из них священник ждет подлинного приобщения к церковному действию.

Но так уж случилось, что более всего и тогда, и сегодня с

* РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Д. 414. Л. 10.

** *Киценко Н.* Святой нашего времени: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. М., 2006. С. 69.

именем Иоанна Кронштадтского связывается свершавшаяся им общая исповедь, которая поражала современников, производила глубокое впечатление, хотя восприятия людей от присутствия на ней окрашивались порой в противоположные тона.

Общая исповедь и ежедневное причащение не есть «изобретение» Иоанна. Они были характерны для древней христианской церкви. По крайней мере так было в некоторых церквях. В Североафриканской церкви существовало обыкновение: в день воскресный по принятии причащения христиане брали частицы евхаристии с собою домой и причащались ежедневно по утрам во время утренней молитвы, освящая себя таким образом на целый день. К участию в этом домашнем причащении допускались и дети.

В четвертом веке практика причащения весьма разнообразилась. В Испании и Риме причащались по большей части ежедневно. В Египте решение о частоте причащения представлялось усмотрению каждого христианина. В Каппадокии (родине Василия Великого) было за правило причащаться четыре раза в неделю, а сверх того — в дни памяти мучеников. В иных местах довольствовались причащением один раз в месяц. В Антиохийской церкви, как свидетельствует Иоанн Златоуст, большинство христиан причащались раз или два в году.

С V века обычай ежедневного причащения или принятия евхаристии ежедневно утром прежде всякой другой пищи все более отходит в область собственно аскетической жизни, сохраняется в монастырях, пустынях. Соответственно постепенно обычай общей исповеди был заменен тайной индивидуальной исповедью, поскольку далеко не у всякого хватало силы бичевать себя публично перед всеми.

Этот же путь прошла и православная церковь в России. В конце XIX столетия в Церкви бытовала практика говения и причащения один раз в году. В этом тоже был свой смысл: чтобы верующие с большим страхом, благоговением, приготовлением, очищением, покаянием, ответственностью приступали ко святому причащению. Но этот обычай не был обязательным для всех случаев. Церковь разрешала желающим и еженедельное причащение, при условии, если это благословляет местный духовник для желающих. И перед каждым причащением нужно было исповедоваться каждому. Если желающих оказывалось много, тогда дозволялось духовнику делать и общую исповедь. Но при этом внушалось, что имеющий какие-либо особые нужды духовные должен подойти после к духовнику и раскрыть ему душу, чтобы получить и особое разрешение.

В первые годы и даже десятилетия службы в Кронштад-

те Иоанн Ильич Сергиев руководствовался общим правилом проведения индивидуальной тайной исповеди. Лишь обстоятельства — постоянно увеличившееся число: от нескольких сот до нескольких тысяч исповедующихся, приходивших к нему постоянно на соборную службу — заставили его обратиться в Петербургскую консисторию за разрешением проводить общую исповедь. В порядке исключения ему было дано такое разрешение.

...Передо мной старая фотография — май 1893 года. Всматриваюсь в лица изображенных людей — всё больше духовные, студенты Московской духовной академии. Некоторых узнаю: студент Московской духовной академии Василий Мещерский, впоследствии архиепископ Евдоким, уклонившийся в обновленческий раскол... Студент-иеромонах Михей (Алексеев), а в будущем епископ Архангельский... Студент Владимир Никольский, будущий архиепископ Пермский Андроник, чья жизнь трагически оборвалась в бурный 1918 год... Студент Александр Ухтомский, будущий архиепископ Уфимский Андрей, покинувший Церковь и перешедший в старообрядчество... Странное это чувство осознавать, что их последующая жизнь мне известна, а вот здесь, на этом фото, они только в начале жизненного пути и еще ни о чем не догадываются и ничего не знают о своем «завтра»... Это сродни чувству, что ты видишь прошлое, но из далекого-далекого будущего, которое для тебя самого есть настоящее. О многом хочешь предупредить, выразить сочувствие и помочь, но ничего уже нельзя сделать — всё свершилось!

По деталям городского пейзажа видно, что это Кронштадт. Очевидно, они только что прибыли, как и многие другие до них и после них, с целью посмотреть, что написано на знамени веры у человека, которого все знают, как он живет и служит обществу, откуда черпает силы и самоотверженность для служения тысячам немощных и страждущих, как побеждает он свои житейские невзгоды. По заботам Иоанна Сергиева студентов устроили в Странноприимном доме, накормили, обогрели.

Утром следующего дня, еще и солнце не взошло, а у ворот дома кронштадтского пастыря волнуется народ: богомольцы, прибывшие накануне, нищие, ожидающие подаяния. Спешной походкой из ворот выходит Иоанн, толпа придвинулась вплотную к нему. Одевая одних, отстраняя других, наскоро благословляя кого успел, а, может быть, кого хотел, он протискивается сквозь людей и садится на извозчика. Кучер стегнул лошадь, и она понеслась. На паперти собора снова та же толпа и опять... подаяние и благословение.

Особенные приставники стараются дать Иоанну возможность скорее пробраться среди народа в храм. Раньше он входил в храм западными дверями через народ. Вдоль стены в длину всего храма до алтаря решеткой отгораживали особое место для прохода отца Иоанна. Но и это мало помогало, так как его и здесь постоянно останавливали. Рассказывают, что однажды Иоанн хотел кого-то благословить через решетку. Тотчас схватили его руку и начали ее покрывать поцелуями, передавая друг другу. Если бы силой не отбили священника у народа, то трудно сказать не только о том, когда бы он пришел в алтарь, но и о том, в каком бы виде он туда пришел. Известно, по крайней мере, что дважды ему кусали палец до крови с явным намерением откусить его совершенно, или на память, или как святыню. Не однажды отрывали части от его одежд.

Теперь же он шел в храм через боковые двери, сделанные в алтаре. Войдя, он начал радушно приветствовать сначала своих сослуживцев, а потом и «счастливицков», имевших возможность видеть его так близко. Среди них были и студенты академии.

— А! Здравствуйте, братцы. Здравствуйте! — обратился он к ним. Студенты подходили под благословение со страхом и смущением. — Давайте по-братски! По-братски лучше, — говорил Иоанн, благословляя каждого и целуя.

Облачившись в ризы красного цвета, Иоанн начал утреню. Но и в алтаре его не оставляли в покое. То один, то другой, улучив удобную минуту, подходил к нему с различными просьбами и нуждами. Хорошо зная, что каждый из находившихся в алтаре пришел сюда, неся какую-то горячую неотложную нужду, Иоанн и сам иногда подходил то к одному, то к другому, расспрашивая о нужде, горе. Кому-то даст добрый совет, а кому-то и денег. Одного обласкает, другого по плечу погладит.

Канон на клиросе он читал сам, как это уже установилось за десятилетия. Читал, как бы беседуя со Спасителем, Божией Матерью и святыми, будто они вот здесь, перед ним, находились, а не там, где-то в незримой выси. Студенты внимательно на все смотрели и вслушивались, учились и запоминали, отмечая: голос чистый, звучный, резкий. Произношение членораздельное, отчетливое, отрывистое. Одно слово произносит скороговоркой, другое — протяжно, чуть ли не по слогам; третье — подчеркнет, оттенит. Более важные по мысли и содержанию слова иногда произносит, обратясь к народу, чтобы люди могли постичь читаемое. Сам он весь сосредоточен и переживает то, что читает: победу над грехом и злом; человеческие немощи и падения; моменты благоволения и милости Бога к людям падшим и заблудшим.

Кончилась утренняя... Отец Иоанн, не разоблачаясь, быстро идет к столику около жертвенника, собирает жертвы – рублевые и более крупные бумажки, поспешно и небрежно кладет их в карман, через южные двери спешит на клирос и здесь оделяет чтецов и певцов; последние – особенно мальчики – спешат целовать руку благодетеля.

Начали звонить к литургии... На проскомидии просфор было так много, что их приносили корзинами... Охапки писем и телеграмм – тысячи отчаянных просьб о помощи* – лежали на престоле. Пастырь дерзновенно просил: «Господи, помяни всех, заповедавших меня о них молиться! Исцели! Дай сил! Помогите!» Все, как замороженные, следили за действиями отца Иоанна и вслушивались в каждое слово.

Произнесен первый возглас службы. Вдруг Иоанн неожиданно, порывисто берет на престольный крест и с любовью целует его, обнимает руками, смотрит на него умиленно и восторженно. Уста шепчут молитвы, раза три лобызает его, прильнет к нему своим челом. Уста снова что-то шепчут. Он в особом мире...

Чем ближе подходили минуты пресуществления Святых Даров – этого центра и нерва всей литургии, – тем больше и больше повышается настроение души пастыря. Слезы обильно лились из глаз его. Во время ектении склонился Иоанн над престолом и в глубоком благоговении молился. Затем он взял в руки дискос со Святым Телом, поднял его немного над престолом и, вперив свой взор, сосредоточенно молился пред ним. Потом взял потир со Святою Кровию, прильнул к нему и горячо молился. Приобшившись Тела и Крови Христовых, лицо его изменилось – на нем необыкновенная духовная радость!

Настало время общей исповеди. Иоанн и сослужившие ему вышли на солею. Перед ними – море голов. Внутри собора, как в большой пещере: темно, прокиший от ладана воздух, сверху капает вода... Чуть золотится алтарь виноградным иконостасом. Вокруг плащаницы, отгороженной бархатной веревкой, теплятся лампы. Яркий свет только у правого клироса, где образ Богородицы в золотом окладе и в зубчатом венце с драгоценными камнями. Перед ней круглый венчик с горящими свечами, похожий на клумбу цветущих ландышей. Народу в храме много. Кашляют, шепчутся, вздыхают, чего-то ждут. Староста – бородач в кафтане – обходит с блюдом ряды молящихся, собирает пожертвования... за ним будто высохшая мо-

* В государственных архивах Москвы и Санкт-Петербурга сохранились письма Иоанну Кронштадтскому. Большая часть из них – просьбы об исцелении. Более половины – от женщин, просивших не столько о себе, сколько за детей и родственников.

нашенка с кружкой «на украшение храма». Звякают падающие в кружку монеты. Вот прилично одетый мещанин положил на блюдо серебряный рубль... потянулся было взять сдачу. Староста ему свирепым шепотом: «На базар пришел?.. Деньги менять?» — Рука мещанина упала, как отрубленная.

Церковное действие продолжилось. Вперед выступил крижистый, в темно-сером подряснике дьякон. Встал на амвоне, отмахнул широким рукавом несколько поклонов на Царские врата и повернулся лицом к прихожанам.

— Братие, — начал он, — в предстоянии великого таинства надлежит нам, очистив себя постом и молитвою, засвидетельствовать перед всемогущим Богом исповедание нашей святой православной церкви, во имя Отца и Сына и Святаго Духа... Аминь.

Дьякон раскрыл рупором рот, раздул шею и зычным басом запел: «Царю небесный...» Знакомый распев молитвы охватил всю церковь и стройным хором вознесся к высокому куполу, растревожив там невидимых голубей... На обнаженные головы молящихся посыпался сверху сухой голубиный помет... Спели еще Отче наш. Совместное пение воодушевило богомольцев, они стали чаще и нажимистее креститься. Дьякон вернулся к чтению Символа веры. Затем читал отрывки из Евангелия. Делал это искусно, выразительно. Трагические рассказы о Тайной вечери, о предательстве Иуды, суде Пилата, о крестных муках и погребении Христа до слез расстрогали молящихся — многие плакали. Взволнованность толпы была теперь так велика, что, когда дьякон пропел последний член Символа веры — о жизни будущего века, — заключительный «аминь» грянул из толпы с такой силой, что стоявшие у клиросов шелковые хорутви дрогнули и закачались, как от ветра.

Теперь впереди дьякона выступил Иоанн. Толпа при его виде пришла в неистовство, каждый пробивался вперед, поближе к амвону. Толкались, лезли на лавки, на приступки, едва не растоптав плащаницу, только чтобы лучше видеть старца. Тысячи рук тянулись ему навстречу, тысячи уст выкрикивали его имя: «Отец Иоанн!.. Батюшка!.. Милостивец!..»

Некоторое время старец стоял неподвижно, опустив голову, как бы не замечая, что творится вокруг. Шевелился только его подбородок с реденькой бородкой, видно, читал молитву. Затем он поднял на толпу ледяные глаза и, точно обжегшись об нее, весь передернулся, лицо исказилось судорогой.

— Чего раскричались?.. На колени!.. Кайтесь!.. — крикнул он резким, неожиданно сильным голосом.

— Покайтесь! — громыхнул позади него дьякон.

Толпа повалилась на пол и застонала. Каялся каждый по-

своему. Иные делали это вполголоса, другие — кричали во весь голос о своих грехах; кто-то бубнил, деловито считая их по пальцам, чтобы ни одного не забыть. Опытные богомолки били поклоны, как заводные манекены... Чиновники, соблюдая солидность, крестились бисерно, только по пуговицам вицмундиров... Люди попроще охлестывали себя крестным знаменем, как плетью... Трепетавший в воздухе свет выхватывал то одну, то другую сцены покаяния: нарядная дамочка в шляпке секретничала с Богом, чтобы никто не слышал: «Ты ведь Сам все знаешь, Господи! Всё Тебе ведомо!» Немой калека ерзал по полу обрубками ног и мычал по-коровьи: «Му-у-мм!» «Грешен, грешен, грешен, Госпо-ди-и!» — колотил себя по лбу торговый человек.

Иоанн вместе с дьяконом обходил толпу кающихся, разжигая их рвение: «Громче!.. Громче! Умел грешить, умей и каяться!» Поравнявшись с иконой Богоматери, дьякон задул горевшие перед ней свечи. Сверху, от купола, опустилась темнота и придавила людей к полу. Но она же освободила их от сдерживающих инстинктов. Поднялся всеобщий вопль покаяния. Каждый кричал о своих грехах, не исключая и самых ужасных, и хотел быть услышанным священником. Никто никого не стеснялся... — Украл!.. Соседа поджег!.. Забил до смерти!.. Со свекром сплю!.. Ребеночка, ребеночка вытравила-ааа!.. — Кто-то уже чувствовал себя в преисподней и орал во все горло: «Спасите!.. Геенна, геенна огненная!.. Ад!.. Ад!» Кто-то поносил себя бранными словами: «Дрянь!.. Потаскуха!» Кто-то катался в конвульсиях по полу, бился о пол, наносил удары по телу... Текла кровь... Слышался треск разорванных одежд...

В темноте, над толпой, вдруг показалось багровое пятно — это дьякон нес толстую, в аршин длиной свечу. Огонь то подымался, то опускался почти до полу, словно кто-то разыскивал спрятавшихся грешников. Иоанн в высоком черном клобуке рубил толпу крест-накрест взмахами сверкавшего серебряного распятия, выкрикивая: «Еже во дни... еже в нощи... еже ведением и неведением...» Под его ударами люди валялись, как снопы, одни оставались без движения; другие ловили рясу священника, целовали подол его одеяния; третьи — оставались лежать без движения или подергивались в конвульсиях...

Но вот Иоанн вернулся на амвон и встал перед образом Спасителя, скрестивши руки на груди... Впереди — Бог!.. Позади — грешники. А между ними он — посредник между небесным Судией и кающимися. Иоанн горячо молится, испрашивая у милосердного Господа прощения всей массе громко кающегося и рыдающего народа. Он повернул-

ся к народу, смотрит на паству сопереживающим взором и вдруг... крупные слезы градом покатались по лицу его... Он плакал за овцы своя! Волнение народа достигло высшей степени напряжения, казалось, весь храм дрожал от непрерывных стонов, пот градом катил по лицам людей, но не от жары, а от переживаемого потрясения. Кающимся казалось... Нет — они были уверены, что вместе с воплями, стонами и плачем очищались их души, как в огне очищается кусок золота.

— Кайтесь, кайтесь! — повторял время от времени Иоанн. Иногда он обращал взор свой в какую-либо часть храма. Тотчас в этом месте начинали громче раздаваться голоса. Скажи Иоанн народу в эти минуты, чтобы он шел за ним... и он пошел бы за ним.

Так продолжалось минут десять. Наконец, Иоанн отер свои слезы, перекрестился в знак благодарности за слезы покаянные, народные и произнес:

— Тише, тише, братцы!..

Довольно скоро шум утих.

— Видите, как все мы грешны, — не столько спрашивая, сколько утверждая, проговорил священник. — Но Отец наш Небесный не хочет погибели чад Своих. И ради нашего спасения Он не пожалел Сына Своего Единородного, послал Его в мир для нашего искупления, чтобы ради Него простить все наши грехи. И не только простить нас, но даже позвать нас на Свой Божественный пир! Для этого Он даровал нам великое Чудо, даровал нам в пищу и питье Святое Тело и Святую Кровь Самого Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа. Этот чудесный пир совершается на каждой литургии, по слову Самого Господа: «Приимите, ядите. Сие есть Тело Мое! и пиите от нея (Чаши) вси, сия есть Кровь Моя».

Притихшая, приходящая в себя от нервного потрясения толпа внимала голосу пастыря. С радостной надеждой смотрела на его лицо и следила за каждым движением.

— Покаялись ли вы? Желаете ли исправиться? — громко спросил Иоанн трепещущую толпу.

— Покаялись, батюшка! Желаем исправиться! Помолись за нас! — единодушно, искренно грянула толпа в ответ и смиренно наклонила головы.

— Как в притче, — продолжал свое слово Иоанн, — отец с любовью принимает своего прегрешившего, но покаявшегося блудного сына и устраивает ему богатый пир, радуясь его спасению, — так и ныне Отец Небесный ежедневно и каждому кающемуся учреждает Божественную Трапезу — Святое причащение. Приходите же с полною верою и надеждою на мило-

сердце нашего Отца, ради ходатайства Сына Его! Приходите и приступайте со страхом и верою к Святому причащению.

Гробовая тишина водворилась в соборе.

— А теперь все наклоните свои главы... — слышны были заключительные слова Иоанна. Стоя на амвоне, он поднял епитрахиль и протянул ее вперед, как бы покрывая головы присутствовавших и совершая над всею церковью знамение креста при словах «прошаю и разрешаю... во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Будто освобожденный от тяжкого бремени народ вздохнул свободно, со слезами радости смотрел на сияющего духовным торжеством доброго пастыря, сумевшего всколыхнуть спасительным стыдом души кающихся и омыть своими слезами загрязненные души.

Затем последовал вынос Пречистых и Животворящих Таин Христовых... Народ волной устремился к святой чаше.

— Кронштадтские, сторонитесь, — увещевал Иоанн. — Пусть подходят прежде приезжие... не толпитесь, стойте задние по своим местам... Подходите к чаше со скрещенными на груди руками... Причастившись, целуйте край чаши, как ребро Господа нашего Иисуса Христа. После этого не кладите земного поклона... Помните, к чему вы подходите: в самой малой частице — всецело Христос.

Каждый из подходящих кто громко, кто чуть слышно просил: «Господи, сподоби причаститься Святых Таин!» — «Дорогой, золотой батюшка, причасти!» — «Батюшка! Голубчик! Причасти!» — «Батюшка, причасти. Я больна. Почки болят. Умираю!» — «Батюшка, и я нездорова, причасти!» — «Батюшка, причасти! Две недели не причащалась...» Сколько слез, сколько горя, сколько надежд!

Вдруг слышно: «Боженька, причасти».

— Я не Боженька, а простой человек, — спокойно, без всякого волнения и смущения, но твердо и решительно отвечает отец Иоанн.

— Целуй чашу-то, благодари Бога, — говорил многим Иоанн, причащая их. — Благодарю Бога!

Идет причащение не менее тысячи оплакавших свои грехи христиан. Оно свершалось несколькими священниками одновременно и из нескольких чаш. Умиротворенные и очистившиеся, вкусившие жизни вечной отходили от чаши. Но их место занимали другие. Темная серая масса колыхалась, и казалось, ей не будет конца. Более двух часов продолжалось причащение.

...С 1890-х годов отсчитывается золотое время для причта Андреевского собора. Не случайно в 1897 году храм был заметно расширен и вмещал уже до семи тысяч молящихся. Значи-

тельные доходы позволяли содержать храм в образцовом порядке, украшать его предметами церковного искусства, иметь дорогую и прекрасно исполненную культовую утварь и книги, содержать хор. Избаловано было духовенство и весьма высокими заработками. По вполне понятным причинам мы почти ничего не знаем о реальных отношениях, складывавшихся в соборном причте. Ясно, что с конца 1880-х годов положение отца Иоанна существенно изменилось: ушли в прошлое конфликты и натянутость отношений с настоятелем собора и соборным духовенством, Иоанн мог самостоятельно распоряжаться своим временем, определяя наиболее удобный для себя распорядок служений, дозволялось ему и долгое отсутствие в период паломнических поездок по России.

Дошедшие до нас отдельные свидетельства внутрисоборных отношений показывают, что имели они и свои «поля напряжения». В частности, это видно на примере истории служения Николая Симо. Он был не штатным, а приписным, фактически бесправным, священником Андреевского собора, да к тому же еще и эстонцем по национальности. Претерпеть ему пришлось немалые испытания и пройти настоящую школу смирения. Полноправное, штатное духовенство относилось к нему высокомерно, иногда даже презрительно, называя «чуждой». Служить эстонскому батюшке давали только по воскресным дням, час с небольшим, между ранней и поздней литургиями. Во время службы обыкновенно подметали собор, приготавливая его к поздней литургии, не обращая внимания на эстонскую службу. Избалованное большими доходами соборное духовенство мало обращало внимания на просьбы прихожан выполнить те или иные требы. Как когда-то Иоанну Сергиеву, так теперь Николаю Симо приходилось днем и ночью ходить по квартирам андреевских прихожан. Это вызывало ревность и недовольство членов соборного причта. «Ходи по подвалам и чердакам, а по другим этажам не смеешь», — говорили ему отцы собора, считая русскую паству своим «стадом». Но не всегда можно было держаться такого «братского» предписания, и это порождало для отца Николая новые и новые неприятности и столкновения.

Не исключено, что эти трудности побудили отца Николая приступить к постройке собственной церкви для эстонской общины. Шансов на успех у малоимущего и бесправного прихода не было никаких, но молодой пастырь имел необходимую для этого дела веру, дерзновенность, настойчивость и рассудительность. «Нисколько не думаю отнекиваться от предпринятого дела», — пишет он в письме благочинному эстонских приходов Петербургской губернии отцу Павлу Кульбушу. На

острове Котлин к началу века XX фактически не было и пяди свободной казенной земли, которую можно было бы рассчитывать получить под строительство храма для православных эстонцев. Надежды можно было связывать либо с участками, принадлежащими благотворительным и религиозным обществам, либо частным лицам...

Неожиданно на продажу было выставлено здание «английской» церкви с тем непременным условием, что оно будет и в дальнейшем использоваться под молитвенные цели, а потому продается с громадной уступкой. Известный кронштадтский благотворитель, купец Николай Андреевич Туркин выразил желание купить здание для эстонской общины и получил на то благословение Иоанна Кронштадтского.

Однако и это не остановило противников «чухонского храма» из числа соборного духовенства, которые «ополчились» на Туркина и всячески отговаривали его от покупки, намереваясь «перехватить» здание для нужд собора, да к тому же максимально стремясь использовать в свою пользу «административные ресурсы».

Вопрос о продаже англиканской церкви дошел до самого верха — его обсуждал и военный губернатор Кронштадта С. О. Макаров. Можно уверенно предполагать, что его личные отношения с отцом Иоанном Кронштадтским и позиция последнего в этом спорном деле имели решающее значение. Разрешение на продажу и покупку здания было дано, и тотчас же почетный гражданин Кронштадта Н. А. Туркин пожертвовал его Кронштадтскому эстонскому обществу, насчитывавшему около восьмисот эстонцев, преимущественно бедноты.

В воскресенье 1 декабря 1902 года в присутствии военного и гражданского начальства крепости и города состоялось освящение перестроенного и отремонтированного нового храма во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. Богослужение возглавил сам Иоанн Ильич Сергиев в сослужении многочисленного духовенства. Литургия совершалась на русском и эстонском языках, пели два хора певчих: православный и эстонский. Настоятелем храма стал Николай Симо. В зале городской управы, где был накрыт торжественный обед, звучали здравицы и благодарности в адрес всех тех, кто помог «родиться» новому храму. Трогательно и искренне прозвучали слова благочинного православных эстонских храмов Петербургской епархии отца Павла Кульбуша: «Мы празднуем сегодня торжество победы доброго русского сердца, благодаря коему кронштадтский эстонский приход отныне имеет свой храм... Рука исконно русских людей, преданных святой православной вере, протянула ныне свою помощь бедным

православным эстонцам... Господа! Дело это принципиально важное. В Петербургской епархии такой подвиг любви... мы видим впервые... Хвала и благодарение тем, кто это сделал!»

В новом храме отец Николай по примеру Иоанна Сергиева совершал богослужения каждый день. «Ревнителю» православия из Андреевского собора весьма были этим недовольны, ибо храм был рядом и, как они считали, «отвлекал» православных от посещения собора. В письме Павлу Кульбушу отец Николай сообщал: «Собору наша ежедневная служба не особенно нравится. Отец Иоанн осведомился сегодня, служу ли я каждый день, и, получив утвердительный ответ, пожелал, чтобы я и в будущем ревновал о службе Божией. Очевидно, ему уже жаловались, иначе бы он не спросил. Но раз он сочувствует ежедневным нашим службам, нам и бояться нечего», — резюмировал Николай. Забегая вперед отметим, что отец Николай оказался достойным духовным сыном Иоанна Кронштадтского, старательно трудившимся на поприще религиозного просвещения и борьбы с пьянством. И уже в новых, советских, условиях он станет «наследником» и продолжателем церковного служения самого Иоанна Кронштадтского, заступив при поддержке огромного числа прихожан на должность настоятеля Андреевского собора.

Глава 5

СМУТА... БЕСОВЩИНА... РЕВОЛЮЦИЯ...

Держись же, Россия, твердо веры своей и Церкви, и Царя православного, если хочешь быть непоколебимой людьми неверия и безначалия, и не хочешь лишиться царства и Царя православного.

Иоанн Кронштадтский, протоиерей

Царская семья и «святой» Иоанн Кронштадтский

1 марта 1881 года... Санкт-Петербург... Воскресенье...

Карета, в которой находился император Александр II, возвращалась из Михайловского манежа, где состоялся еженедельный развод войск. Проехав по Инженерной улице, она повернула на набережную Екатерининского канала по направлению к Театральному мосту. Надо было торопиться, царь посмотрел на часы, они показывали 1 час 45 минут... его ждали в Зимнем дворце. Вслед за каретой поспешали конный конвой и охрана в санях.

По обеим сторонам набережной прохожих было немного. Завидев царский экипаж, они останавливались и кланялись своему императору. Царь улыбался на приветствия подданных и даже отдал честь в ответ на приветствие военного фельдшера. Вдруг неизвестный мужчина отделился от решетки канала и, как-то нелепо вскинув руки, бросил под царскую карету белый узелок. Раздался оглушительный взрыв. Охране и немногочисленным зевакам показалось, что время остановилось. Общая мысль мелькнула у всех в голове: Покушение?! Еще одно?! Седьмое! Жив ли император?!

Из разбитой, покосившейся набок кареты вышел Александр. Он перекрестился и, немного пошатываясь, сделал первые шаги.

— Схвачен ли преступник? — спросил он подбежавшего офицера.

— Да, — ответил полковник и при этом добавил: — Государь, благоволите сесть в мои сани и ехать немедленно во дворец.

— Хорошо, но прежде покажите мне преступника.

Император двинулся к тому месту, где находился схвачен-

ный молодой человек. Подоспевшие конвойцы поддерживали царя с двух сторон, продолжая уговаривать вернуться к карете. Император не реагировал и шел по направлению к Невскому проспекту. Вокруг уже собралась толпа из случайных прохожих и подоспевшей охраны.

Приблизившись к преступнику на расстояние трех шагов, Александр взглянул ему в лицо. Во взгляде царя не было злобы и ненависти, скорее недоумение. Медленно произнес:

— Хорош!

Император оставался рядом с преступником не более полминуты, а затем повернулся к месту взрыва. Охрана снова предложила ему ехать во дворец.

— Хорошо, — отвечал Александр, — покажите мне место взрыва.

Он подошел к образовавшемуся от взрыва воронкообразному углублению в промерзшей земле, аршина* четыре глубиной и аршин с четвертью в диаметре... О чем он думал? Испытывал ли чувство облегчения и благодарил ли Бога за новое чудесное спасение? Намечал какие-то спешные политические шаги?... Мы никогда не узнаем.

Среди немногих очевидцев, как-то боком прислонившись к решетке набережной, стоял человек лет тридцати. Он выждал, когда Александр приблизился к нему на расстояние не более двух аршин и, воздев руки вверх, бросил что-то к его ногам. Раздался оглушительный взрыв (спустя не более четырех-пяти минут после первого). Царь и стоявшие рядом с ним упали. Когда дым немного рассеялся, оцепеневшему от ужаса взору очевидцев предстала чудовищная картина: человек двадцать раненых, корчась от боли, лежали у тротуара и на мостовой. Александр был недвижим... разможенные ноги оголены, из них струйками текла кровь. Над ним склонился прибывший к этому времени на место событий брат — великий князь Михаил Николаевич.

— Саша, что с тобой?

В ответ он услышал тихий голос: «Скорее домой... Несите меня во дворец... там умереть».

Сани с государем, начавшим терять сознание, по Мошкову переулку и Миллионной улице подъехали к Зимнему дворцу. Когда царя подняли из саней, в них осталась такая масса крови, что ее пришлось потом выливать. По парадной лестнице государя подняли на второй этаж и занесли в кабинет. Вызванный дежурный врач пытался оказать первую помощь.

Александр лежал на своей походной кровати, которую пос-

* Аршин — 71,12 сантиметра.

тавили рядом с письменным столом, под портретом его дочери Марии. Простыня, второпях брошенная на него, не закрывала сломанные колени. Он лежал без малейшего движения. Глаза были закрыты... Лицо, руки, ноги были испещрены маленькими черными точками – следы от взрыва динамита. Вскоре прибыли врачи, хирурги, профессора. Предпринята была попытка ампутировать левую ногу, облегчить положение раненого – но усилия врачей результатов не давали.

В кабинет стали собираться близкие: наследник, Александр Александрович с женой, великий князь Михаил... Вдруг буквально вбежал внук Александра II – Николай. Его подвели к постели умирающего деда.

– Папá, – повышая голос, сказал Александр Александрович. – Ваш «лучик солнца» здесь.

Задрожали ресницы, приоткрылись голубые глаза... Видно было, что раненый старался улыбнуться. Он двинул пальцем, но ни поднять руки, ни сказать то, что хотел, он не мог. Подошел протопресвитер А. Н. Баженов и причастил Александра II. Все присутствующие опустили на колени, склонив Голову, молились...

Потом лейб-медик С. П. Боткин, державший руку умирающего, обернулся к новому монарху и объявил: «Все кончено!» Страшное рыдание вырвалось из груди присутствовавших... Дворцовые часы показывали четыре часа пополудни.

Трагическая новость с невероятной быстротой разнеслась по столице. У дворца стал собираться народ: войска, свита государя, министры, горожане... Но внутрь пропускали только членов императорской фамилии.

К вечеру скорбная новость достигла Кронштадта. В короткой дневниковой записи от 2 марта Иоанн Ильич Сергиев отмечает, что получил «страшное известие об убиении Государя Императора торпедою, во время следования Его в санках». Известие это ошеломило отца Иоанна, он в смятении, два чувства борются внутри него. Поначалу ему представляется, что преступников должно охватить раскаяние и покаяние в свершенном зле, как залог спасения души человека. Ему примером служит церковная история: ведь и убийцы Господа, – отмечает он, – если бы покались, спаслись бы. Но чуть позже им овладевает чувство мщения и возмездия. В соответствующем эпическом стиле он пишет: «Налетели злые и хищные коршуны на нашего незлобивого Государя и растерзали его; и с ним других неповинных, и протекли потоки крови мученической». Чем же должен воздать Господь за такое злодеяние? Иоанн, не сомневаясь, указывает: «Да воздаст им Господь – этим коршу-

нам в человеческой коже, по делам их, а убитым да даст венцы нетления»*.

Случившаяся трагедия захватывает Иоанна целиком. Ощущается, что в течение долгого времени он не может «отойти» от нее. Даже на занятиях в гимназии вместо плановых тем по программе он зачитывал ученикам выдержки из газетных статей о гибели императора. Он трактует событие как крест, который необходимо нести, и возможно как способ искупить ранее совершенные императором личные ошибки.

Но все равно ответы на вопросы: Где же Господь? Почему не избавил от трагедии? Забыл ли Он нас? — рождались и формулировались очень трудно. Иоанн ищет скрытый смысл свершившегося. Вдруг его пронзает мысль о царе как о мученике. — Да, все более утверждается он в том, что Господь, попустив такое несчастье, тем призывает народ российский, народ Божий пробудиться от греховного усыпления, очнуться, осмотреться вокруг себя, сознать бездну грехов своих, покаяться и исправиться**. «Все очнулись, — записывает впечатление скорбных дней Иоанн. — Все плачут и ахают! Но это ли только нужно? Нужно нравственное очищение, всенародное глубокое покаяние, перемена нравов — языческих на христианские. Омоемся, очистимся, примиримся с Богом — и Он примирится с нами и как мякину разест и уничтожит всех врагов царя и народа»***.

И в таких рассуждениях Иоанн был не одинок. Вся консервативно-монархическая часть общества была того же мнения. Но если царь — «мученик»? То в чем же урок его смерти? — неизбежно возникает еще один вопрос. Ответ в этот раз приходит незамедлительно: его гибель есть свидетельство нравственной трагедии России, а его убийцы — нравственные враги России. «Что же это такое? — возмутился Иоанн. — Открытая дерзкая война своих против своих, против царя и всех его подданных? Ибо здесь все поражаются, если не физически, то нравственно, сердечно... Но, дерзкие и слепые, они воюют сами против себя... истребляют все преступное, свое семя — семя антихриста. Да, антихриста: ибо они его дух. Они воюют против всего, что священо для всех христианских народов, царей; свергнув царей, они хотят водворить безначалие и грубый произвол, безверие, безнравственность, бесправие, страх и ужас. Но не удастся им это».

Вдруг он осознал, что то, что было или казалось столь привычным и неизменным: царь, власть, закон, порядок, обязан-

* ГА РФ. Ф. 1067. Оп. 1. Д. 23. Л. 28 об.

** Там же. Л. 27 об.

*** Там же. Л. 28.

ности подданных... требует переосмысления, требует от него не только абсолютного признания и принятия, но и каких-то конкретных практических действий. Каких? — он еще не мог сформулировать, но что «надо что-то делать и ему», простому приходскому священнику, чтобы обеспечивать политическую стабильность и не допустить покушений на нее со стороны кого бы то ни было — стало для него очевидным.

В 1850—1870-х годах в дневниковых записях Иоанна Сергиева практически отсутствуют политические комментарии, зримо видно, что он «вне» политических событий в стране. По существу «мимо него» прошли Великие реформы 1860-х годов: отмена крепостного рабства, введение земского и городского самоуправления, перестройка судебной системы, армии, финансов, просвещения, печати и другие преобразования эпохи Александра II.

Политическое устройство России Иоанн воспринимал как само собой разумеющееся и необходимое и единственно возможное. Он относился к царской власти как к проявлению Промысла Божия, как к некоему дару свыше, тесно связанному с божественным даром веры. Убежденность в божественности самодержавия в немалой степени питалась идеей о том, что Бог создал на земле царей по образу своего небесного единодержавия. «Кто посаждает на престоле царей земных? — спрашивает он в дневнике и отвечает: — Тот, Кто Один от вечности сидит на Престоле огнезрачном и Один в собственном смысле царствует всем созданием — небом и землею со всеми обитающими на них тварями*». Для Иоанна, воспитанного на идеалах уваровской триады «Православие. Самодержавие. Народность», эти ценности совместны, едины для всех подданных и не подвластны какому-либо сомнению и уж тем более насильственному изменению.

И вдруг события 1 марта 1881 года раскрывают перед ним страшное обстоятельство: оказывается, есть кто-то, не просто высказывающий сомнение относительно «родных» Иоанну и, как ему казалось, всем россиянам государственно-политических ценностей, но и даже покушающийся на жизнь императора — воплощение порядков, законов, образа веры и жизни!

Возможно ли такое в нравственно здоровом обществе? — задается он вопросом. — Нет! — Отсюда делается вывод: Россия в очевидном нравственном кризисе, обществу необходимо очнуться, покаяться, примириться с Богом, переменить нравы — от языческих на христианские! Но, — убежден Иоанн, — и этого теперь мало: необходима борьба с врагами

* Святой праведный Иоанн Кронштадтский: избранные сочинения, проповеди, материалы. М., 2011. С. 567.

царя и народа; и ее он, как и другие верноподданные, должен вести неотступно и непременно!.. Так его пастырские обязанности трансформировались и приобретали вполне очерченные обязанности политические. — Однако кто же в стане врагов? — уточняет для себя священник. Ответ, как кажется ему, очевиден: интеллигенция, безбожники, всякий, сомневающийся в истинах православия.

Чувства, которые испытывал Иоанн к погибшему императору, вполне соответствовали тому, что высказал известный российский юрист и историк Б. Н. Чичерин: «Монарх, который осуществил заветные мечты лучших русских людей, который дал свободу двадцати миллионам крестьян, установил независимый и гласный суд, даровал земству самоуправление, снял цензуру с печатного слова, этот монарх, благодетель своего народа, пал от руки злодеев, преследовавших его в течение нескольких лет и, наконец, достигших своей цели. Такая трагическая судьба не может не произвести потрясающего действия на всякого, в ком не помutilась мысль и в ком не иссякло человеческое чувство».

В дневнике Иоанна можно обнаружить не одно место, где он будет вновь и вновь возвращаться к своим чувствам и отношению к погибшему императору. Вот одна из таких записей: «Прими меня, Господи, с памятью убиенного злодеями императора Александра II, который хоть тяжко согрешил в жизни, но человеческими грехами, коих не чужд и я, многогрешный. Прости ему и мне грехи вольные и невольные и излей в сердце мое любовь к венценосному мученику, коему Ты прости грехи за его насильственную смерть. — Он был верующий и доброжелательный; он любил Россию и сам был на войне за освобождение единоверных славян»*.

Неприятнь, а можно выразиться и точнее — ненависть к «ниспровергателям, бомбистам и революционерам» только возросла, когда Иоанн Сергиев узнал, что «свили они гнездо свое» и в Кронштадте, совсем недалеко от Андреевского собора. Тут можно привести характерную запись-наблюдение из дневника Иоанна: «Офицеры кронштадтские на исповедь и к причастию не ходят. Вот плод вольнодумства! Вот плод театров, клубов, обедов, маскарадов! Развращение души! Приложи им зла, Господи»**. Имя одного из «вольнодумцев» стало известно Иоанну — лейтенант Николай Евгеньевич Суханов. В Кронштадт он попал, отслужив несколько лет на Балтике, Дальнем Востоке и в Сибирской флотилии. Следствие выяс-

* Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Предсмертный дневник. 1908. Май — ноябрь. М.; СПб., 2003. С. 47—48.

** ГА РФ. Ф. 1067. Оп. 1. Д. 11. Л. 3 об.

нило, что с «террористами» — Желябовым, Перовской, Кибальчицем и Колодкевичем — он познакомился зимой 1879 года. На кронштадтской квартире у него проходили собрания с обсуждением политических вопросов.

...В один из воскресных дней собралась большая компания офицеров. Хозяин представил двух штатских, назвав одного Андреем — Желябова, другого Глебом — Колодкевича. Шел общий разговор ни о чем.

— Господа, — через некоторое время обратился к присутствующим Суханов. — Эта комната имеет две капитальные стены, две другие ведут в мою же квартиру. Мой вестовой — татарин, почти ни слова не понимающий по-русски, а потому нескромных ушей нам бояться нечего и мы можем приступить к делу.

Повернувшись к высокому штатскому, прибавил: «Ну, Андрей, начинай!»

— Так как Николай Евгеньевич передал мне, — начал тот, — что вы, господа, интересуетесь программой и деятельностью партии «Народная воля», борющейся с правительством, то я постараюсь вас ознакомить с той и другою, как умею. Мы — террористы-революционеры... — Офицеры вздрогнули и в недоумении посмотрели друг на друга... — убеждены, — продолжал оратор, — что народная революция неизбежна, правительство насквозь прогнило и вместе с самодержавной властью в потоках крови пытается утопить всякий протест... Но вызвать революцию, поднять народ на борьбу, борьбу вооруженную, можно только методом террора в отношении властителей...

Интересно было видеть перемену, происшедшую в настроении общества. Беззаботная, довольно веселая компания офицеров, собравшаяся поболтать об общих проблемах и посудачить о политике, как по мановению волшебного жезла стала похожа на группу заговорщиков: лица понемногу бледнели, глаза разгорались, все затаили дыхание, и среди мертвой тишины слышен был лишь голос оратора.

Желябов говорил еще минут сорок, рисуя положение дел в России, излагая и объясняя программу партии и методы ее борьбы, призывая окружавших его офицеров на практическую борьбу с правительством. Завершил он свое выступление короткой, но жуткой фразой: «Всех, кто не с народом и не с нами, под бомбы!»

Трудно передать впечатление, произведенное на присутствующую публику этой речью. Никто не был готов услышать подобные смелость и откровенность. Да, все привыкли говорить о правительстве и осуждать его действия, как и о «революционерах», только в тесных кружках, где все друг друга зна-

ют и друг другу доверяют. А тут... их зовут на баррикады! Под влиянием услышанного пошли оживленные разговоры, строились всевозможные планы самого революционного характера. Если бы в это время вошел посторонний человек, он был бы уверен, что попал на сходку самых горячих заговорщиков-революционеров. Он не поверил бы, что за час до этого все эти люди частью почти совсем не думали о политике, частью относились отрицательно к революционерам. Но ему и в голову не пришло бы, что завтра же большая часть этих «революционеров» будет с ужасом вспоминать о минувшем вечере.

Так зародился в Кронштадте первый военный революционный кружок. Конечно, очень немногие из бывших на созванной Сухановым сходке реально вошли в него. Чтобы избежать провала, собрания проводились по всем правилам конспирации. Постепенно сформировался небольшой кружок морских офицеров, который формально примкнул к партии «Народная воля» и держал связь с центром. Квартира Суханова стала местом сбора нелегальных собраний. Но всё продолжалось очень недолго: в ночь на 28 апреля 1881 года Суханов был арестован, и ему предъявили обвинение в террористической деятельности: участие в проведении подкопа для заложения бомбы, снаряжение мины, теоретическая разработка и сбор метательных снарядов.

Процесс над первомайцами шел в 1881—1882 годах. Первыми, кого полиция сумела найти и арестовать, были А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Н. И. Кибальчич, Т. М. Михайлов, Н. И. Рысаков, Г. М. Гельфман. Следствие и суд были скорыми, а приговор — жестоким. 3 апреля 1881 года все они, кроме Геси Гельфман*, были повешены на Семеновском плацу. Тела были погребены на Преображенском кладбище**.

Спустя год состоялся еще один процесс над остальными народовольцами. Тогдашняя Россия так и не услышала голос тридцатилетнего лейтенанта Суханова. Хотя ему и удалось сказать большую речь в ходе суда. «Я сошелся с социально-революционной партией, к которой теперь принадлежу, — говорил он. — Я не теоретик, я не вдавался в рассуждения, почему необходим другой государственный строй, а не настоящий. Я только чувствовал, что жить теперь стало слишком гадко: все правительственные сферы испорчены, все основы подгнили. Всем честным людям, видящим, как грабят народ, как его эксплуатируют и как печать молчания наложена на уста всех хотя-

* Казнь была отсрочена из-за беременности. Вскоре, не получив медицинской помощи при родах, Гельфман умерла в тюрьме от гнойного воспаления брюшины.

** Ныне — кладбище Памяти жертв 9 января.

ших сделать что-нибудь полезное для блага родины — тяжело. И такое тяжелое положение могло длиться еще долгие годы. И я принес свои знания на пользу террористической партии, в успешной деятельности которой я видел залог обновления государства».

Из двадцати подсудимых лишь один был освобожден от наказания, десять приговорены к смертной казни, девять — к различным срокам каторги. Уступая общественному мнению, ратовавшему за смягчение наказания осужденным, Александр III смягчил окончательный приговор: смертная казнь была заменена на вечную каторгу. Царская милость не коснулась Суханова, как изменившего военной присяге, однако виселицу ему заменили расстрелом — более «почетной» казнью.

19 марта 1882 года из Петербурга к Купеческой стенке Кронштадта подошел небольшой пароходик, привезший из Петропавловской крепости Суханова. В фургон, ожидавший его, где уже сидел священник в траурном одеянии с крестом и Евангелием, посадили еще четверых жандармов. Медленно проехали к Цитадельским воротам. По сторонам дороги и вплоть до места казни расставлены были две цепи из офицера, унтер-офицеров и матросов с ружьями. У крепостного рва был поставлен «позорный столб». Перед ним в виде полукруга — взводы от всех флотских экипажей и минных рот при офицерах и унтер-офицерах, барабанщиках и горнистах.

Несмотря на ранний час и на то, что о предстоящей казни не было известно никому, окружающая местность была наполнена народом, преимущественно нижними чинами, торговцами, ремесленниками, рабочими.

Фургон остановился, из него вышли Суханов, священник и жандармы. Суханова провели вдоль фронта и поставили около столба лицом к фронту. Раздалась команда: «На караул!». Суханова заставили снять шапку, и началось чтение приговора, которое продолжалось с полчаса. По окончании чтения было скомандовано: «На плечо!» С Суханова сняли арестантский халат, и госпитальные служители надели на него рубашку с длинными рукавами и наглухо пришитым колпаком. Когда она была надета, при помощи ее рукавов Суханов был привязан к столбу; к нему же привязана была его голова.

Из-за фронта вышли унтер-офицер и 12 рядовых стрелков первого флотского экипажа с заряженными ружьями... Солдаты взяли на прицел... По знаку унтер-офицера последовал залп. Смерть была мгновенной: все 12 пуль попали в область груди, сердца и в голову.. Бой барабана прекратился. Тело отвязали от столба, положили в простой деревянный гроб и на ломовом извозчике отвезли на городское кладбище. Место за-

хоронения неизвестно. Церковных обрядов и поминовений не удостоен.

...События 1 марта 1881 года встревожили российскую правящую элиту, которая почувствовала реальную угрозу своему всевластию и потому характеризовала прежние реформы не иначе как «преступные», «ошибочные». Обер-прокурор К. П. Победоносцев — пропагандист и агитатор за курс «полный назад», уже спустя несколько дней после покушения на Александра II писал будущему Александру III: «Час страшный, и время не терпит. Или теперь спасти Россию и себя, или никогда. Если будут Вам петь прежние песни сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в либеральном направлении, надобно уступать так называемому общественному мнению, — о, ради Бога, не верьте, Ваше Величество, не слушайте. Это будет гибель, гибель России и Ваша: это ясно для меня, как день... Безумные злодеи, погубившие Родителя Вашего, не удовлетворятся никакой уступкой и только рассвирепеют. Их можно унять, злое семя можно вырвать только борьбою с ними на живот и на смерть, железом и кровью... Новую политику надобно заявить немедленно и решительно. Надобно покончить разом, именно теперь, все разговоры о свободе печати, о своеволии сходов, о представительном собрании»*.

Но Александра III и не нужно было «агитировать», поскольку он был убежден, что убийство отца стало следствием проводившихся при нем либеральных реформ. 29 апреля 1881 года императором был подписан и на следующий день опубликован составленный Победоносцевым документ, известный в историографии как Манифест о незыблемости самодержавия. Он возвестил об отходе от прежнего либерального курса и призвал «всех верных подданных служить верой и правдой к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю Русскую, — к утверждению веры и нравственности, — к доброму воспитанию детей, — к истреблению неправды и хищения, — к водворению порядка и правды в действии всех учреждений».

Вступив на престол, Александр III в значительной степени «сбавил ход» реформ отца, уповая на необходимость сохранения и укрепления российской государственности, то есть как он понимал — всевластия самодержца, противоборства революционерам и возможной революции. Это повлекло за собой внесение «поправок» в прежние реформы, среди которых: усиление административного контроля над газетами и журналами; укрепление дисциплинарного порядка в средних школах и ограничения для поступления в них детям городских низов;

* Письма Победоносцева к Александру III. М., 1925. Т. I. С. 315—317.

ущемление автономии университетов; введение контроля над сельским и волостным крестьянским управлением; упразднение мировых судей; ограничение представительства крестьян в губернских и уездных земских учреждениях и одновременно расширение возможностей дворян в них; подчинение земств, городских дум и управ губернаторам. За этими действиями в исторической науке закрепилось наименование «контрреформы».

В освободительном и даже в либеральном движении России личность нового императора не вызвала восторга. Оценки, характеристики и эпитеты в адрес царя, собранные воедино в книгах известного советского исследователя репрессивной политики царизма Н. А. Троицкого*, производят впечатление! Царь-«удав», отрицавший какие-либо уступки и считавший насилие единственно возможным способом обуздания недовольных. С самого начала своего царствования он взял за образец деда — Николая I, который показал русскому народу «максимум возможного и невозможного по части палаческого способа» управления страной. Все в личности Александра III: его убеждения, которые едва ли не умещались в девиз будочника Мырещова «Ташить и не пущать!», и скандальная для монарха безграмотность, снискавшая ему в обществе титул «венценосного Митрофана», даже несуразная внешность («бегемот в эполетах», по выражению А. Ф. Кони) — все на удивление гармонировало с его карательной политикой, такой же реакционной, скандальной и несуразной, как сама личность царя.

Александр III не мог не понимать, что изменения в жизни России, привнесенные реформами 1860—1870-х годов, объективно выбивали почву из-под ног «первого сословия» — дворянства, и, естественно, оно было недовольно этим и требовало от царя защиты. Граф Д. А. Толстой, вступая на пост главы правительства, прямо заявил императору: «Ваши предки создали Россию, но они нашими руками ее создавали!» Царь тогда «покраснел» и ответил, что он этого не забывает**. Действительно, в своих последующих публичных выступлениях он подчеркивал «первенствующее» место дворян везде и во всем как «главной опоры самодержавия».

Однако «контрреформы» уже не могли остановить «российский локомотив», набравший ход в десятилетия реформ, особенно в сфере экономических преобразований. Страна бур-

* Троицкий Н. А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866—1882 гг. М., 1978; *Он же*. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866—1895. М., 1979.

** Валуев П. А. Дневники. 1877—1884. Пг., 1919. С. 208.

но развивалась. С 1858 по 1897 год ее население увеличилось на 52 миллиона человек (с 74 до 124), тогда как на территории вновь присоединенной Средней Азии проживало немногим более одного миллиона человек. Городское население удвоилось, хотя и составляло всего 13 процентов общих показателей. Отдельно следует сказать о настоящем расцвете российской науки и культуры. Во второй половине XIX века свершены научные открытия и созданы изобретения мирового значения, создавшие славу российской науке.

Хотя Иоанн Кронштадтский не был вхож во дворец, не был знаком с императорской семьей, не являлся духовником никого из августейших особ, но сохранившиеся свидетельства говорят о том, что его знали и «наверху». Из уст в уста передавалась беседа Александра III с камер-фрейлиной Александрой Андреевной Толстой (двоюродной тетушкой Л. Н. Толстого), состоявшаяся в 1891 году. Император спросил Толстую:

— Скажите: кого вы находите самыми замечательными и популярными людьми в России? Зная вашу искренность, — добавил он, — я уверен, что вы скажете мне правду. Меня, конечно, и не думайте называть.

— И не назову, — отвечала А. А. Толстая.

— Кого же именно вы назовете? Это меня очень интересует.

— Во-первых, Льва Толстого...

— Этого я ожидал, — заметил государь. — А далее?

— Я назову вам еще одного человека, — немного подумав, проговорила графиня.

— Но кого же, кого? — торопил император.

— Отец Иоанн Кронштадтский!

Государь рассмеялся и сказал:

— Мне это и не вспомнилось... Но я с вами, пожалуй, согласен.

Доподлинно трудно предположить, что же заставило императора согласиться с А. А. Толстой. Может, просто вежливость, так как вряд ли что-либо конкретное он знал об Иоанне.

В конце сентября 1894 года император Александр III переехал в Крым, в Ливадию, где надеялся побороть навалившуюся на него болезнь. Но его состояние продолжало ухудшаться: горлом шла кровь, ноги опухли, дышать было трудно.

Свидетельство его жуткого состояния оставил нам один из лечивших императора врачей, И. А. Вельяминов, ставший невольным очевидцем прогулки царя в экипаже. Он пишет: «За кустами какой-то шорох как бы от колес экипажа по гальке и топот лошадей... Из-за кустов выехал экипаж. В экипаже сидели государь и императрица. Государь так изменился, что я сразу его не узнал; голова совершенно маленькая, что называ-

ется, с кулачок; шея тонкая, затылка у этого великана не было, настолько он похудел; пальто висело, как на вешалке; знаменитых его плеч, богатырской груди и вообще могучего торса как не бывало. Он, видимо, спал, сидя в экипаже, и поддерживаемый императрицей, качался, как пьяный. Экипаж проехал трусцой, как видение, и исчез за кустами. Было ясно, что эта дорожка в саду была выбрана для прогулки с тем, чтобы никто не мог видеть государя. Я был поражен и удручен до слез. Все мне стало ясно — это был умирающий человек, а вчера все говорили об отъезде в Грецию и о проектах на будущую зиму. Что за люди! — подумал я. — Это — дети! Что же тут говорить об отъезде, когда, видимо, приходится считать дни».

Информация о болезни императора до времени не разглашалась. Из сохранившейся переписки К. П. Победоносцева с Иоанном Сергиевым следует, что именно обер-прокурор 28 сентября 1894 года уведомил Иоанна о тяжелой болезни Александра III. В ответ Иоанн написал: «Сегодня имел честь получить Ваше дорогое письмо, и искренно скорбя о болезненном состоянии нашего доброго, великодушного и милостивого государя, возношу сердечную молитву всюду о его исцелении и сохранении на много лет вседержавным царем царствующимх»*.

Зачем это сделал Победоносцев, остается тайной, но, может, это имеет отношение к настроениям в царской семье и среди ближайшего окружения в пользу приглашения в Ливадию Иоанна Сергиева. Ведь понятно, что тот мог быть в отъезде, готовиться к намеченным службам или болеть, то есть ему в любом случае необходимо было какое-то время, чтобы «собраться в дорогу».

...В храме Иоанна Богослова Леушинского подворья, что на Бассейной улице Санкт-Петербурга, служил Иоанн Кронштадтский. Как всегда, было много народу, и петербуржцев, и приезжих. Среди последних — игуменя Ювеналия (Ловенецкая) и послушница Тамара (Марджанова) из Бодбийского монастыря (Грузия).

После обедни для почетных и близких священнику гостей был чай. Иоанн сидел за столом, пил чай, разливая и другим из своего стакана по блюдцам, тут же благословляя поминутно подходивших к нему матерей с детьми и разных лиц, а на высказываемые ими горести и вопросы отвечал назидательными словами. Кажется, ничто не ускользало от его пронизательных глаз. Вот он заметил, что гости из Бодбийского монастыря сидят в сторонке и не принимают участие в трапезе. Сейчас

* РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 190. Л. 1.

же он передал им свою тарелку с пирогом. Такой «знак внимания» был обычной для Иоанна формой поведения в ходе совместных трапез. Один из участников такого рода пиршеств объяснял это и для себя, и для других следующим образом: «Мысль о единении всех верующих о Христе в Божественной литургии продолжает управлять его действиями, и он, пусть тут близко сидят радушные хозяева трапезы, начинает наливать всем близко сидящим вино и ласково угощает их, переливает из своего сосуда в другие, берет густую ветку винограда, разделяет ее на части, угощает всех, около находящихся, а некоторых подзывает к себе издали и дает им в руки, разламывает на части апельсин и с ним делает то же, кладет в чужие стаканы и чашки сахар, хотя бы туда его много было положено раньше, и все это сопровождает разными назидательными наставлениями».

Закусив, Иоанн прошел в свою комнату. На ходу послушница Тамара обратилась с просьбой принять ее. Он не отказал. Усадив рядом с собой, внимательно выслушал, успокоил, ободрил, напутствовал на добрые дела. Его спокойный тон и участливый взгляд сделали свое дело — Тамара ощутила радость и одновременно успокоение души, казалось, трудности и скорби, угнетавшие ее в последнее время, отошли на второй план... благодатные слезы выступили на глазах. Растроганная, она попросила батюшку подписать его фотографическую карточку. Он и в этом не отказал и стал писать: «На благословение послушнице», но остановился, посмотрел на Тамару каким-то загадочным взглядом и, улыбаясь, сказал: «Нет, ты не послушница, а не то монахиня, не то схимница». При этих словах он зачеркнул написанное «послушнице» и начертал маленькое «с»... и «монахине». То есть вышло — «схимонахине»*.

Вдруг в комнату кто-то настойчиво постучал... Взволнованный голос взывал: «Батюшка, батюшка, вам телеграмма... срочная... из Синода». Иоанн торопливо поднялся. Обернувшись к Тамаре, развел руками, дескать, не серчай, вызывают, и разговор окончен. Открыл дверь и взял телеграмму. Вокруг уже все суетились, недоуменно переглядывались и переговаривались. Новость была неожиданной и нежданной. Правда, по внешнему виду Иоанна этого сказать было нельзя. Он вел себя непринужденно и спокойно. Развернул сложенный бланк и прочитал, сначала про себя, а потом вслух, для всех: «Ваше высокопреподобие, отец Иоанн! Вас ожидают в Одессе. Далее

* Так и произошло: спустя годы послушница Тамара приняла монашеский постриг с именем Ювеналия, а затем и схиму — с именем Фамарь.

морем в Севастополь и в Ливадию... Подробности нарочным. К. Победоносцев».

8 октября к причалу в Ялте пришвартовался корабль «Эриклик». На его борту были Александра Иосифовна – великая княгиня, ее дочь – Ольга Константиновна, королева эллинов, Мария Георгиевна – великая княгиня, греческая принцесса, а вместе с ними – Иоанн Кронштадтский, которого официально пригласила Александра Иосифовна. Встречал их цесаревич – Николай Александрович.

По приезде в Ливадию все отправились в малую церковь при дворце. Иоанн отслужил задравную литургию, а также молебен. Приезд Иоанна озадачил многих, в том числе императрицу Марию Федоровну*, так как государь не благоволил к нему, и она не знала, как доложить о случившемся. Государь был глубоко верующим, но прежде всего строго придерживался традиций православия, а православие не допускает, чтобы молитвы одного священника имели больший доступ к Престолу Всевышнего, чем молитвы всякого другого, кроме святых. Святым же отец Иоанн Церковью признан не был, поэтому в глазах православного человека он как бы грешил тем, что придавал своим молитвам особенное значение. Государь подозревал у отца Иоанна желание «выдвинуться» и «бить на популярность», а «популярничание» государь ненавидел и искренно презирал.

Весть о прибытии в Крым отца Иоанна мгновенно распространилась по округе, и дом, где его поселили, стал осажать народ. Толпа собиралась с трех часов утра, и как только в шесть утра батюшка появился в подъезде, люди подходили к нему под благословение.

В воскресный день, 9 октября, Александр III исповедовался и приобщился Святых Тайн у своего духовника протопресвитера Иоанна Янышева. Цесаревич Николай Александрович по просьбе отца беседовал с Иоанном Кронштадтским и передал его слова, что он «чувствует над Собой его молитвы» и примет священника в ближайшее время.

Действительно, на следующий день, утром, император пожелал (по настоянию царицы) принять отца Иоанна. Войдя в кабинет, он увидел государя. Александр стоял в наброшенной на плечи шинели.

– Я не смел пригласить вас сам, – встретил он вошедшего. – Благодарю, что вы прибыли. Прошу молиться за меня. Я очень недомогаю.

Они вдвоем перешли в другую комнату, молча встали на ко-

* *Мария Федоровна* (1847–1928) – российская императрица, супруга Александра III; мать императора Николая II.

лени. Иоанн вслух читал молитвы. Александр молился с чувством, склонив голову и углубившись в себя. После молитвы государь встал и, обращаясь к Иоанну, произнес: «Благодарю вас... Прошу и впредь молиться за меня».

Иоанн ответил согласием и поинтересовался: прикажет ли государь ему остаться или нужно уехать.

— Делайте как знаете, — услышал он в ответ.

После этого посещения Александру III стало настолько лучше, что появилась слабая надежда, если не на полное выздоровление, то на улучшение, которое позволило бы больному прожить при строгом соблюдении советов врачей еще годы. Иоанн же дал себе зарок не уезжать, пока он сам не причастит высокого больного.

Вечером этого же дня (10 октября) дворец облетела весть о прибытии невесты цесаревича — принцессы Алисы Гессенской. Вместе с встречавшим ее Николаем они приехали во дворец в коляске прямо из Симферополя. Перед дворцом был выставлен почетный караул. У Алисы в руках был большой букет, поднесенный ей цесаревичем.

Выйдя из коляски, они вместе с императрицей Марией Федоровной поднялись наверх к государю. Там вчетвером они оставались 20—30 минут. Сцена, происходившая в спальне царя, была трогательна и драматична. Всем было известно, что за несколько лет перед тем Алиса приезжала в Петербург еще совершенно молодой девушкой к своей сестре, великой княгине Елизавете Федоровне. Поговаривали, что целью приезда было знакомство с русской царской семьей, так как ее прочили в невесты наследника. Однако тогда она не понравилась Александру III, но произвела глубокое впечатление на наследника. Так или иначе, но из этого приезда в Петербург ничего не вышло; слышно было, что государь воспротивился этому браку. Принцесса уехала недовольной и обиженной, а Николая отец отправил в кругосветное путешествие.

Когда государь заболел, явилась неотложная необходимость женитьбы наследника, так как по традиции русский царь не мог быть холостым. Подходящей невесты не было, вспомнили о принцессе Гессенской, а, вероятно, о ней напомнили цесаревич и Елизавета Федоровна. Не без больших колебаний государь дал свое согласие на спешный брак сына, признавая тем самым свое безнадежное положение.

Оставив императора, Мария Федоровна с сыном-женихом и его невестой отправились в Большой дворец, где была приготовлена парадная встреча и собралась почти вся царская семья. В церкви служилось благодарственное молебствие по случаю благополучного прибытия августейшей невесты. Все,

кто в тот момент был в Ливадии, устремились смотреть на молодых.

Император Александр остался один в спальне на втором этаже, лежа в кровати. Через открытые окна видно было, как садилось солнце, отражаясь на совершенно спокойной, как зеркало, темно-синей поверхности моря, уже слегка подернутого, как кисеей, легкой дымкой вечернего тумана. Чувствовалась ночная свежесть октябрьского, но по-прежнему теплого крымского вечера. В воздухе пахло последними осенними розами и специфическим, пряным ароматом лавровых кустов. Издалека доносились звуки оркестра, игравшего национальный гимн, взрывы «ура!» и какой-то неопределенный размеренный шум — то уходил по крупной гальке аллеи невидимый, но слышимый караул. В опускавшейся ночной темноте императору так зримо почувствовалось, что «прекрасное старое» уходит, уходит вместе с ним, а на смену заступает «новое» — неведомое, незнаемое, непонятное... Александр, одинокий в эту минуту, беспомощный и больной, но еще все-таки сильный самодержец российский, ощутил неотвратимость перемен и свою человеческую неспособность воспротивиться им. В душе — тоска, безнадежность, грусть... от них защипало глаза, повлажнили веки... предательская слеза вот-вот норовила сорваться с ресниц... Император закрыл глаза, и ему, как наяву, послышалось:

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз.
Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей.
И скольких нет теперь в живых,
Тогда веселых, молодых.
И крепок их могильный сон,
Не слышен им вечерний звон.
Лежать и мне в земле сырой.
Напев унылый надо мной
В долине ветер разнесет.
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь: вечерний звон...

...Вдруг вспыхнувшие в царской семье надежды на выздоровление не оправдывались. Государь слабел буквально на глазах. Он чувствовал себя очень утомленным. Отеки ног сильно увеличались, так что без помощи посторонних он более не

мог перемещаться. Вызванные во дворец медицинские светила бесконечно заседали, но помочь уже ничем не могли. Александр III угасал.

Но людям свойственно верить и надеяться до последнего и в меру сил своих способствовать свершению ожидаемого и чаемого. Но если и это было уже невозможно, то можно было просто надеяться на чудо. Очевидно, это последнее понемногу овладевало всеми. Но чудо возможно только при содействии Церкви и святых или тех, кто прославился чудесами и исцелениями и кто народом почитался за праведника и святого. Наверное, в условиях тяжелой болезни императора в семействе Романовых сочли за благо пригласить такого человека, сделав это скорее от отчаяния, чем ожидая реальных результатов.

Иоанн, в ожидании возможного нового приглашения к царю, времени не терял и не сидел на одном месте. 11 октября он едет в Ялту, где служит литургию в городском соборе при огромном стечении народа, а затем совершает молебен о здравии Александра III.

12 октября Иоанн по просьбе членов императорской семьи служил обедню в Ореандской церкви*. Наследник впервые присутствовал на богослужении, столь непохожем на привычное ему с детства придворное. «Он очень резко делает возгласы, — заметил Николай Александрович в своем дневнике, — как-то выкрикивает их. Он прочел свою молитву за Папá, которая произвела сильное впечатление на меня»**. В этот же день Иоанн успевает побывать в имении великого князя Александра Михайловича, в имении князя Юсупова и во дворце князя Воронцова.

13 октября был день рождения великого князя Михаила Николаевича, и все дети государя, а также наследник с невестой завтракали у князя в Ай-Тодоре. И вновь, теперь в Ай-Тодорской церкви, служил Иоанн. Не всех его служба впечатлила. Как заметил именинник, было как-то странно видеть очень нервно настроенного человека, с каким-то резким голосом, отрывистыми движениями, совершающего литургию.

По возвращении в Ливадийский дворец Иоанн принимает делегации православных Крыма. В последующие дни он побывал в имении Селям графа Орлова-Давыдова, в Гурзуфе и служил в церкви села Аутка.

17 октября император срочно потребовал к себе отца Иоанна. Свершилось то, чего желал священник: он исповедовал и причастил государя. Таким образом, как он сам определил, миссию свою в Ливадии можно было считать окончен-

* У Покровского храма теперь стоит бюст Иоанна Кронштадтского.

** Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 41.

ной. В этот раз на государя Иоанн произвел очень хорошее впечатление, хотя весь этот акт и был для него, бесспорно, очень утомительным.

В 11 часов дня члены царской семьи снова собрались на молебен в Ореандской церкви. Теперь по случаю чудесного избавления царской семьи от опасности при крушении царского поезда в Борках в 1888 году*. Как и несколько дней назад, служил Иоанн Кронштадтский.

Однако 18 октября случилось то, о чем все предпочитали не думать и вместе с тем боялись и со страхом ожидали — началось резкое ухудшение самочувствия больного.

Утром следующего дня, в день своих именин, Иоанн получает многочисленные телеграммы из десятков и десятков городов России. Он спешит на службу в дворцовую церковь. По окончании литургии пришла весть из дворца — срочно прибыть к императору. Вряд ли это было личное желание государя, скорее и в этот раз он уступил императрице, все еще надевшейся на чудо.

Александр исповедовался и причастился. В конце он пожелал, чтобы Иоанн возложил руки на его голову.

— Отдохните... вам трудно так, — через некоторое время проговорил император.

— Нет, нет... я не чувствую усталости... Не тяжело ли вашему величеству? — ответил Иоанн.

— Напротив... Мне очень легко, когда вы держите...

— Это от того, что я явился тотчас по совершении литургии и дланями своими я держал Пречистое Тело Господне и был причастником Святых Таин.

— Вы — святой человек. Вы — праведник. Вот почему вас любит русский народ, — медленно произнес Александр.

— Да, — отвечал Иоанн, — ваш народ любит меня.

— Любит, потому что он знает, кто вы и что вы...

Ночь на 20 октября была особенно тревожна. Государь стоял, испытывая мучения. Одышка не давала ему спокойно дышать... Он упросил поднять его и устроить в полусидячее положение... Иногда он впадал в забытие, но вдруг со стоном просыпался... Однако ни на что не жаловался. Его пересадили в кресло... подали утренний кофе.

Государь выразил желание вновь видеть отца Иоанна.

«Я поспешил явиться, — читаем мы запись Иоанна. — По

* 17 октября 1888 года произошло крушение царского поезда близ станции Борки под Харьковом. Погибли и были ранены несколько десятков человек. Император и члены царской фамилии не пострадали. Катастрофа произошла из-за превышения скорости. — См.: *Кони А. Ф. Собрание сочинений*. М., 1966. Т. 1. С. 420—495.

желанию государыни императрицы я прочитал молитву об исцелении болящего и помазал его елеем из лампы от чтимой чудотворной иконы, доставленной усердствующими чрез одного из ялтинских священников»*.

В спальню стали приходиться близкие и родные императора. Появились великий князь Владимир Александрович, сестра государя великая княжна Мария Александровна, герцогиня Эдинбургская, члены императорской фамилии. Казалось, государь не удивлялся их появлению, но каждого ласково обнял и поцеловал. Постепенно собралась вся семья. Дети и родня осознавали близость кончины Александра и мысленно прощались с ним, как и он прощался с родными и близкими ему людьми. Самообладание императора было так велико, что он даже поздравил великую княгиню Елизавету Федоровну с днем ее рождения.

После трех часов дня государь пожелал причаститься. Пришел духовник царской семьи отец Иоанн Янышев. Вместе с ним вошла вся семья и министр двора, все встали на колени, и умирающий царь внятно, на вид совершенно спокойно, стал читать молитву перед причастием: «Верую, Господи, и исповедую...»

После причастия государь как будто несколько оправился и продолжал оставаться в том же кресле среди своих самых близких членов семьи. Стоявшая на коленях государыня обнимала голову Александра, склонившуюся набок и прислонившуюся к голове императрицы. Больной больше не стонал, но еще поверхностно дышал, глаза были закрыты, выражение лица спокойно. Члены семьи стояли вокруг на коленях, Иоанн Янышев читал отходную. Врач взял пульс... его не было, прекратилось и дыхание. Государь скончался. Императрица не двигалась, как окаменевшая. Все вокруг плакали. В скорбном молчании стоял и Иоанн Кронштадтский.

Но вот все начали подыматься с колен и подходить к покойнику... Лишь царица оставалась в том же положении около часа, не двинув ни одним мускулом. Прощались члены семьи, свита и ближайшая прислуга. Императрица не двигалась. Прощание закончилось. Она всё продолжала сидеть в той же позе, обнимая голову своего мужа. Только теперь окружающие заметили, что она была без сознания. Ее подняли и на руках отнесли на кушетку.

В четыре часа пополудни на площади перед Малой церковью в Ливадии протопресвитер Янышев прочитал манифест, в котором император Николай II возвестил народу своему о

* Русский паломник. 1894. 26 ноября. № 48. С. 755.

кончине Александра III и о вступлении своем на прародительский престол. Потом приведены были к присяге на служение новому государю России особы царской фамилии, чины двора и войска.

Гроб с телом Александра III через Ялту, Севастополь, Спасов Скит (место крушения царского поезда в 1888 году), Харьков, Орел и Москву был перевезен в Санкт-Петербург. Иоанн Кронштадтский был в составе свиты, сопровождавшей траурный поезд. 7 ноября в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга сонм иерархов Русской церкви во главе с митрополитом Санкт-Петербургским Палладием (Раевым) совершил отпевание самодержца. Столь долгого и торжественного прощания с царем Россия не помнила: как будто предчувствовали, что хоронить Романовых больше не придется.

Завершившееся царствование Александра III как будто было призвано убедить подданных империи в том, что любые уступки, завоеванные при самодержавии, непрочны, поскольку зависят от воли очередного монарха. Лев Толстой определил деятельность этого самодержца как «разрушившую все то доброе, что стало входить в жизнь при Александре II, и пытавшуюся вернуть Россию к варварству времен начала нынешнего столетия».

Пребывание Иоанна Кронштадтского в Ливадии в трагические дни болезни и смерти Александра III никак не сказалось на отношении к нему двора. Не возникло никакой близости, он остался тем же, кем и был — просто одним из многочисленных священников православной церкви, протоиереем Андреевского собора в Кронштадте, не «свой», но теперь и «не совсем чужой». Более того, среди царской семьи были и те, кто открыто выражал свою антипатию к Иоанну Кронштадтскому. Великий князь Николай Михайлович признавал «недюжинность» священника, но все же видел в нем прежде всего «актера», умевшего приводить толпу и отдельных более слабых характером лиц (чаще всего женщин) в религиозный экстаз и пользоваться для этого обстановкой и сложившимися условиями. В своих публичных беседах, уже после Октябрьской революции, князь довольно едко высказывался об Иоанне: «Манеры у него порывистые, истерические: молится, как будто Богу приказывает — вот его Бог часто и не слушается... Помню я Иоанна Кронштадтского на праздновании крестин Наследника в Ново-Петергофском дворце: восседал он там за парадным столом среди больших сановников в великолепной шелковой рясе с орденскими звездами — такой румяный, упитанный и усердно пьет шампанское. Как Александру Третьему он предсказал выздо-

рование, так новорожденному Алексею напророчил долгую жизнь и счастливое царствование».

Все же сложившиеся в царской семье правила и традиции требовали от нового императора сохранять некую связь с царскими слугами, призывавшимися его отцом для исполнения тех или иных просьб или поручений. Потому Иоанн, как сейчас сказали бы, попадает в обойму «верноподданных слуг», которые должны присутствовать при определенных официальных мероприятиях в знак к ним особой монаршей милости. В общем-то, можно пересчитать по пальцам дни и события, когда Иоанн Кронштадтский призывался ко двору: бракосочетание Николая II (1894); крестины первой дочери царя Ольги (1895); коронационные торжества в Москве (1896); крестины наследника престола цесаревича Алексея Николаевича (1904). Можно добавить несколько царских телеграмм и телефонных звонков в Кронштадт... Сам же Иоанн постоянно стремился «дать знать о себе» императорской фамилии, пользуясь разными подходящими случаями. К примеру, летом 1901 года, находясь в Архангельске, он узнает о рождении в императорской семье дочери Анастасии. В Петергоф летит его телеграмма: «Государю Императору. Имел счастье в пути узнать о всерадостном благополучном разрешении Ее Величества. Молю Бога об укреплении сил Высокой Родильницы и преуспейнии высоконоворожденной. Верноподданный Кронштадтский протоиерей Иоанн Сергиев»*.

Возникает вопрос: почему император не приглашал Иоанна для своего болеющего наследника, доверив его Распутину? Встречающиеся в литературе указания на то, что якобы Иоанн сам представил Распутина семье императора, не опираются на документы. Очевидно, ход мыслей царской фамилии был примерно таков: приглашение Иоанна к Александру III и его молитвы не помогли; если батюшка не помог однажды, то не сможет помочь и в следующий раз. Нельзя не учитывать и того, что Александра Федоровна тяготела не к «обычным» православным батюшкам, а ко всякого рода блаженным, юродивым, спиритам. Иоанн для нее был слишком традиционен.

Более разительны были изменения в отношении к Иоанну Кронштадтскому со стороны высшего света. Едва ли найдется хоть одно именитое аристократическое семейство, которое не пригласило бы Иоанна: Апраксины, Багратионы, Барятинские, Волконские, Гагарины, Голицыны, Кропоткины, Куломзины, Кутузовы, Ланские, Лобановы-Ростовские, Муравьевы, Оболенские, Ольденбургские, Орловы, Римские-Корсаковы,

* Архангельские епархиальные ведомости. 1901. 15 июля—30 июля. № 13—14.

Святополк-Мирские, Танеевы, Татищевы, Тизенгаузены, Толстые, Трубецкие, Ухтомские, Черкасские, Шаховские, Шереметевы...

Как бы то ни было, следует признать, что Иоанн сумел извлечь из своего «приближения» к высшим сферам немало новых возможностей, чтобы дополнительно привлечь внимание к своей персоне и к своим церковно-благотворительным проектам.

Двойной юбилей (1904—1905 годы)

В этот октябрьский, ненастный и с противным холодным ветром день на кронштадтском морском причале было необычно оживленно. Присмотревшись к собравшимся, можно было заметить, что в основном это были духовные лица: священники, дьяконы, церковные старосты и члены различных церковных обществ. Они пытались укрыться от непогоды под навесом, которого на всех не хватало, и некоторые вынуждены были спасаться под зонтами, плащами и накидками. Но вот раздался басовитый гудок приближающегося парохода. В надвигающейся серой пелене сначала появились огни, мачта, а затем стал проступать силуэт парохода. Толпа двинулась к трапу, по которому, съезжившись и укутавшись в дождевики, спускались люди. Их радостно приветствовали встречающие и, обступив каждого с двух сторон и подхватив вещи, вели от трапа. На причале откуда-то вдруг появился высокий брюнет, в картузе, сапогах и военной накидке. Привычно-уверенно он кричал, скорее даже зывал, отчаянно жестикулируя:

— Да что ж вы там стоите?! Давай к причалу! Господ промочим!

Извозчики, к которым был обращен этот призыв, до времени тоже укрывавшиеся от дождя, стали подъезжать и выстраиваться друг за другом. Еще пять—десять минут, и причал опустел. Вереница пролеток двигалась по улицам пустынного в этот час города. Видно было, что первые из них стали притормаживать у четырехэтажного кирпичного дома. Все тот же брюнет ловко спрыгнул с первой пролетки и, выйдя на середину улицы, жестами обеих рук показывал, куда следует сворачивать. Ворота были распахнуты настежь, вокруг хлопотали сторожа, дворники, маячили полицейские. То был известный адрес Кронштадта — Медвежья улица, Дом трудолюбия. Дом становился на два дня центром, где предстояло жить гостям весьма заметного для города торжества — 75-летнего юбилея

настоятеля Андреевского собора протоиерея Иоанна Кронштадтского.

Самого юбиляра в доме не было. По традиции церковные торжества имели свое начало в храме, а потому все уже знали, что и им следует поспешить в собор, где вот-вот должно начаться всенощное бдение, совершаемое местным причтом с участием приехавшего духовенства. К шести часам собор был переполнен кронштадтцами, давно уже прознавшими о событии, и гостями, стекавшимися на остров еще с вечера прошлого дня.

Вот из соборного алтаря, наполненного городским и приезжим духовенством, выступил настоятель Иоанн и вместе с соборным причтом направился к дверям, чтобы торжественно встретить преосвященного Кирилла (Смирнова), епископа Гдовского, прибывшего по указанию митрополита Антония (Вадковского) возглавить церковное торжество.

После облачения преосвященный, приложившись к святому кресту, при пении «Достойно есть яко во истину» направился к Царским вратам, через которые и вошел в алтарь. Тотчас же началось служение всенощного бдения, которое совершал отец Иоанн в сослужении с пятью священниками и тремя дьяконами. На величание выходило 40 священников и 20 дьяконов. Канон преподобному отцу Иоанну Рыльскому читал отец Иоанн. После окончания всенощной преосвященный Кирилл преподал благословение присутствовавшим.

На следующий день, 19 октября, юбилейные торжества продолжились. Вновь храм был переполнен почитателями отца Иоанна, среди которых выделялись своими расшитыми кафтанам члены Общества хоругвеносцев. Церковную службу возглавлял епископ Кирилл.

Когда окончились поздравления в храме, гости и паства отца Иоанна направились в Дом трудолюбия... Но предоставим слово свидетелю тех событий – корреспонденту местной газеты «Кронштадтский вестник», написавшему подробный отчет «О праздновании именин отца Иоанна»:

«Иоанн Ильич при колокольном звоне отправился в Дом трудолюбия. К этому времени в нижнем зале... собрались для принесения поздравлений следующие лица: кронштадтский военный губернатор вице-адмирал А. А. Бирилев, начальник главного гидрографического управления вице-адмирал Я. А. Гильтебрандт, старшие флагманы 1-й и 2-й флотских дивизий вице-адмиралы М. Г. Веселаго и К. П. Никонов, начальник маячного и лоцманского ведомства в Финляндии генерал-майор Н. Н. Шеман, главный доктор морского госпиталя почетный лейб-медик В. И. Исаев, директор клас-

сической гимназии О. Ю. Клеменчич, директор реального училища Л. А. Поморский, начальница женской гимназии В. Е. Казанская, кронштадтский городской голова К. Л. Карпов, ораниенбаумский городской голова М. В. Волков и другие представители и представительницы местного общества, члены распорядительного совета Дома трудолюбия во главе с П. П. Шауманом, духовенство, иногородние депутации и многие другие...

Зал, как и всегда в этот день, был красиво декорирован растениями. У возвышения и у стола, за которым чествуемый именинник принимал поздравления, находились дети, окончившие курс в народной школе Дома трудолюбия и в школе кройки и шитья при том же доме. При входе досточтимого именинника в Дом трудолюбия он был встречен членами распорядительного совета во главе с председателем. При входе отца Иоанна в зал дети приюта поднесли ему хлеб-соль, и хор детей пропел тропарь святому преподобному Иоанну Рыльскому. По принесении поздравлений военным губернатором отцу Иоанну был поднесен председателем совета П. П. Шауманом и членом совета М. Л. Деморейх от имени совета подарок — бювар с водосвятными принадлежностями, состоящий из креста, евангелия, епитрахили, сосуда и иссопа*».

Из процитированного фрагмента видно, что именины Иоанна Кронштадтского по своей значимости были общегородским событием. Но не только военные и гражданские власти приняли в нем участие, имениннику пришлось долго принимать поздравления от многих и многих городских и петербургских церковных и общественных организаций: Православного братства, Общества религиозно-нравственного просвещения, Петербургского подворья Пюхтицкого женского монастыря, Сергиевского общества хоругвеносцев, Общества Красного Креста, Общества спасения на водах, Общины сестер милосердия, Благотворительного общества; от образовательных учреждений — классической гимназии, женской гимназии, реального училища; от Санкт-Петербургских духовных академии и семинарии; Попечительного о тюрьмах комитета; от редакций газет «Ведомости СПб градоначальства», «Кронштадтский вестник», «Котлин» и журнала «Русский паломник», Российского телеграфного агентства и Русского общества деятелей печатного дела; Общества попечения о бедных, от Дома трудолюбия для образованных мужчин в Санкт-Петербурге...

Вновь вернемся к статье в «Кронштадтском вестнике», чтобы узнать о последующих событиях торжества. «Уважаемый

* И с с о п (синий зверобой) — растение, часто упоминаемое в Библии.

именинник, — сообщил корреспондент, — пригласил всех к обеденному столу, сервированному в классных комнатах Дома трудолюбия от петербургских почитателей. Во время обеда первый тост был предложен преосвященным епископом Кириллом за драгоценное здоровье государя императора. Тост был покрыт гимном “Боже, Царя храни”, пропетым несколько раз всеми присутствующими. Второй тост предложил досточтимый именинник отец Иоанн за здоровье их величеств государынь императриц и наследника цесаревича. Тост этот сопровождался пением многолетия.

Военный губернатор вице-адмирал А. А. Берилев предложил тост за дорогого именинника: “Сила не в силе, — сила в любви. Не каждому дано от Бога обладать такой христианской любовью, какую имеет чувствуемый сегодня именинник...” Тост сопровождался пением “Многая лета”. Затем о. Иоанн предложил тост за здоровье его преосвященства епископа Кирилла. После этого был предложен ряд тостов за здоровье именинника. Во всех речах и тостах, посвященных любвеобильной и плодотворной деятельности о. Иоанна, выражались самые горячие и глубокие симпатии дорогому батюшке с пожеланиями многолетнего здравствования. Все эти речи и пожелания сопровождалось пением “Многая лета”. Около четырех с половиной часов вечера отец Иоанн, поблагодарив присутствующих за выраженные ему чувства любви и признательности, при общих пожеланиях всего наилучшего, отбыл из Дома трудолюбия. В этот день не были забыты и бедняки, которым в народной столовой Дома трудолюбия был приготовлен праздничный обед более чем на 1000 человек. Кроме того, были накормлены обедом бывшие в наряде полицейские и нижние чины»*.

Звучавшие во время празднования 75-летия отца Иоанна пожелания здоровья и долголетия, может, в другие годы и бывшие скорее данью обязательному в таких случаях ритуалу, в этот год были как нельзя кстати. Батюшка именно в юбилейный год начал часто и сильно болеть. Как сам он отметил в своем дневнике: «Моя физическая сила истощилась...» Болезнь породила много толков в Кронштадте и Петрограде. Поговаривали, что виной всему нападение на Иоанна «сектантов» во время посещения им некоей квартиры в Санкт-Петербурге. Но эта версия никакими документальными свидетельствами не подтверждается и, скорее, отражает общий «антисектантский» настрой в православной церкви в предреволюционные годы. К тому же известна и реакция самого Иоанна на тако-

* Кронштадтский вестник. 1904. 20 октября.

го рода слухи, не раз говаривавшего, что «никто меня никогда не трогал. Был случай: одна женщина укусила мне палец, и только».

Информация о состоявшемся праздновании юбилея Иоанна Кронштадтского, как круги на воде, распространялась среди православного народа. В Санкт-Петербургской духовной академии с соизволения ректора епископа Сергия (Страгородского) преподаватели и студенты собрались на специальное заседание*. Заслушали представителя академии, бывшего на юбилее и передавшего от юбиляра духовный привет своей *alma mater*. Потом читали и обсуждали недавно вышедший очередной сборник трудов отца Иоанна «Созерцания и чувства христианской души». Обстановка была созвучная теме — благостная, духовная, сопереживательная. Но стоит заметить, что и личность, и труды Иоанна воспринимались даже в академии весьма по-разному. Среди ученой корпорации очевиден был скепсис относительно его богословских воззрений. Фраза: «Ну, какой же это богослов?!» — была типичной реакцией на «восторженность» почитателей «богословской глубины» трудов Иоанна. Что уж говорить о студентах... Большая часть из них либо ничего не знала об отце Иоанне — хотя с 1893 года он был почетным членом академии и они имели возможность общаться с ним во время экзаменов и академических торжеств — либо была равнодушна ко всякой информации о нем и, будучи не столь далеко от известного пастыря, даже не делала попыток побывать в Кронштадте и посетить его.

Да и столичное духовенство было столь же инертным, отвечая прихожанам на их просьбы о приглашении Иоанна словами: «Он у нас не в ходу». Лишь очень малая группа из их числа вместе с паствой своей почитала отца Иоанна.

...Ноябрьским днем три почитателя Иоанна из числа студентов столичной академии, получив разрешение начальства своего, отправились в Кронштадт. Было холодно, но снегу почти не было. От пристани на извозчике приехали в гостиницу Дома трудолюбия и сразу же легли спать.

К четырем часам утра студенты уже были в храме. Их провели в алтарь, где кроме них оказались еще несколько духовных и светских лиц. Служба началась. Вскоре через узкую правую боковую дверь алтаря вошел Иоанн в меховой шубе. Отдавши ее на руки одному из сторожей, он, ни на кого не глядя, ни с

* Будучи впоследствии архиепископом Выборгским и Финляндским, Сергий (Страгородский) распорядился, чтобы при проведении различных епархиальных церковно-общественных мероприятий читались «Слова» и «Поучения» Иоанна Кронштадтского. А в храмах повелел вместо проповедей читать «Поучения» Иоанна.

кем не здороваясь, быстро и решительно подошел к престолу и также быстро пал на колени перед ним. Только после этого он обратился к присутствовавшим в алтаре и со всеми весьма ласково поздоровался, преподав мирянам благословение.

Чуть погода столь же энергично он пошел к жертвеннику, на котором лежала стопка телеграмм, полученных за день и за ночь со всех концов России. Прочитать их все было невозможно. Священник с горячностью упал перед жертвенником, возложил на все эти мольбы и призывы верующих руки, припал к ним головою и начал тайно молиться Всевидящему Господу о даровании милостей просителям.

Между тем утренняя продолжала идти своим порядком. После шестопсалмия*, во время великой ектении, батюшка в одной епитрахили быстро вышел на правый клирос. Ему показалось, что недостаточно света. Подозвав одного из церковных служителей, он вынул из кармана какую-то денежную бумажку и вслух сказал: «Света мало! Света!» — Очевидно, полутемнота храма не соответствовала его пламенному духу: «Бог есть Бог светов! Бог славы и блаженства!» — и потому отец Иоанн послал за свечами.

Подошло время чтения канонов. Была среда, праздновалась память преподобного Алипия. Иоанн читал совсем не так, как читают по обыкновению рядовые священнослужители — они читают ровно, без выражений, певучим речитативом, что называется, «на одной ноте», выражая таким образом благоговение пред Господом и осознание собственного недостойнства. Но, как говорит апостол Павел, «закон положен не для праведника», и отец Иоанн, при тысячах людей, жаждущих его дерзновенной молитвы, при сознании им нужд, горя, скорбей, грехов этих чад Божиих, не мог, не должен был молиться так. Он молился чрезвычайно громко, а главное — дерзновенно. Он беседовал с Господом, Божией Матерью и святыми.

Служба закончилась... Батюшка вышел в боковые двери, ведущие в сад. Там уже его ждал извозчик. Только батюшка сел, как кучер погнал лошадей — едва успели открыть перед ним ворота. Во дворе стоял народ, ждавший батюшку и желавший «хоть еще разок взглянуть на него». От страха попасть под

* Шестопсалмие — часть православного богослужения, состоящая из шести псалмов. Читается на каждой утрени, повседневной, субботней и воскресной, исключение составляет Светлая Пасхальная седмица. Устав Церкви перед началом чтения полагает гасить все яркие светильники, чтобы внимание слушающих ничем не отвлекалось и удобнее было бы углубляться в смысл читаемого. По уставу, шестопсалмие должно читаться настоятелем церкви, игуменом монастыря, епископом и даже — патриархом, хотя в приходской практике Русской православной церкви оно совершается чтецом.

копыта или под колеса люди невольно раздвигались, и батюшка вылетел «на свободу».

Спустя месяц после юбилея болезнь вновь приковала Иоанна к постели. Положение оказалось столь серьезным, что газета «Котлин» по просьбам кронштадтцев начала регулярно печатать бюллетени о состоянии его здоровья. В одном из них, к примеру, сообщалось: «К сожалению, за последнее время недостаток отдыха и непосильный ежедневный труд с раннего утра и до поздней ночи сильно расшатали здоровье пастыря — он серьезно заболел, так что вынужден временно прекратить даже совершение церковных богослужений»*.

Во время болезни Иоанн впервые задумывается о месте своего упокоения. Он хотел, чтобы им стал Иоанновский монастырь в Санкт-Петербурге. В середине декабря он направляет особое прошение на имя митрополита Санкт-Петербургского Антония. Он писал: «За последние месяцы моей жизни, чувствуя в себе недомогание и старческие болезни и приближаясь к концу земного моего поприща, я обращаюсь к Вам, милостивейший мой архипастырь, с покорнейшей моей просьбой — разрешить в случае моей смерти проводить меня в вечность и отпеть меня при Вашем предстоятельстве в основанном женском Иоанновском монастыре, а тело мое погребсти под нижним храмом преподобного Иоанна Рыльского»**.

В самом начале 1905 года ситуация становится критической. Иногда близким даже казалось, что наступают его последние дни. Приглашенные именитые врачи установили у больного тяжелый недуг — воспаление предстательной железы. И хотя он страдал от мучительных и почти непрекращающихся болей, но от предписаний и назначений врачей отказался, ибо они сводились к тому, что надо оставить службу, вести спокойный образ жизни и даже — согласиться на операцию. Пастырь хотел и надеялся, что может жить в обычном для себя режиме: службы, поездки, выступления, встречи, приемы. В период болезни близкие часто слышали заочный спор Иоанна с врачами: «Они не велят служить, а я без ежедневной службы жить не могу. Отслужу — легче. В причащении Святых Таин моя и ваша жизнь».

Иоанн сообщил соборному причту о своем желании «принять святое таинство елеосвящения по чину святой Церкви»***. Соборовали его 3 января. В кабинете Иоанна собрались семь священников во главе с протоиереем П. П. Преображенским.

* Котлин. 1904. 12 декабря.

** *Вениамин (Федченков), митрополит*. Отец Иоанн Кронштадтский. СПб., 2001. С. 521.

*** Русский паломник. 1905. № 3—4. С. 52.

Присутствовали близкие и родные, игуменья Ангелина (Сергеева) с начальствующими сестрами из Иоанновского монастыря. На улице, под окнами квартиры, стоял стеной народ со слезами и с молитвой, сопереживая происходящему. В конце таинства батюшка устал и просил сократить обряд. Он лежал на постели в подряснике с закрытыми глазами и, казалось, сильно страдал. Духовенство и светские по очереди подходили к нему, кланялись и целовали руку, прощаясь с ним, может быть, навсегда, ибо надежды на выздоровление по человеческим соображениям почти не оставалось.

Однако в последующие дни отец Иоанн почувствовал себя значительно лучше. В дневнике он оставил запись: «Таинство елеосвящения – духовный мед, живоносное питье. Какое блаженство! Экстракт всего Евангелия»*. Что «невозможно у человека, возможно у Бога» – и спустя месяц Иоанн встал с одра и в Прощеное воскресенье (27 февраля) служил литургию. Затем служил он весь пост и Пасху. Однако давалось ему это все труднее и труднее: болезнь притаилась, лишь на время отступив, но, напоминая о себе невыносимыми болями. Иоанн кротко и терпеливо переносил их, никому не жалуясь, рассматривая выпавшие ему страдания как предпочищение грешной души. Единственное, что его «оживляло», – Святое причастие, и потому он приобщался каждый день. Во время служения литургии боль утихала. Не имея сил, Иоанн почти не выезжал из Кронштадта.

Слухи о его физическом недомогании и невозможности для него встречать и причащать приезжающих распространились по России. Под их влиянием заметно сократилось число паломников в Кронштадт, уменьшился и приток поступающих пожертвований. В печати появлялись лишь единичные сообщения об исцелениях по его молитвам. Одновременно на страницы «теперь свободной» прессы хлынул поток обличений, осуждения деятельности и взглядов Иоанна Кронштадтского.

Он пытается противостоять этому и направляет в редакцию газеты «Котлин» письмо с просьбой разместить на ее страницах следующее обращение: «По непонятной, невыразимой ненависти ко мне редакторов – издателей “Петербургского листка”, “Петербургской газеты” и недавно народившейся “Руси” молодого Суворина, эти три газеты помещают на своих страницах постоянные клеветы на меня, ложные известия и ругательства и ссылают меня то в Соловки, то в Сибирь, то увольняют на покой после Нового года, желая как-нибудь извести

* *Сергиев И. И.* Моя жизнь во Христе. Т. 2. С. 383.

меня и совсем убрать с этого света. Пока Бог терпит грехам моим, я спокойно остаюсь в Кронштадте и служу Богу и людям, хотя и выезжаю часто по просьбам верных и в Петербург, и в Москву, и в другие города. В отставку не выхожу, хотя и ветеран летами, но не дряхлый силами. Пишу и печатаю, и всем правду говорю, и не с сегодняшнего дня, а давно-давно, и остаюсь неизменным в своей добропорядочной жизни, как ни клеветают на меня злые языки. Но они дадут ответ Судящему праву всей вселенной»*.

Болезнь Иоанна Кронштадтского совпала с начавшейся в России революцией: Кровавое воскресенье в Петербурге, повсеместные стачки и забастовки рабочих, студенческие волнения и возмущения в войсках, беспорядки в духовных семинариях и академиях, крестьянские бунты...

На волне общественного недовольства поднялся и вопрос о свободе совести, о раскрепощении государственной церкви и религиозной свободе для всех и для каждого. Вдруг выяснилось, что защищать устои симфонии государства и православной церкви по существу некому – общество протестовало, требовало свободы духа, дела и молитвы. Лишь крайне правые – черносотенцы и националисты – осмеливались говорить о сохранении статус-кво.

В адрес Иоанна Кронштадтского потоком идут письма, телеграммы и обращения не только с пожеланиями скорейшего выздоровления, но и с просьбой дать оценку развернувшемуся в стране событиям, осудить «лиходеев», выступивших против Отечества, Самодержавия и Веры. До поры до времени близкие Иоанна не посвящали его в содержание поступающей корреспонденции, которая могла доставить ему боль и волнения. Исключение делалось для отдельных событий, на которые Иоанн не мог не отреагировать. В частности, ему дали знать об убийстве террористами 4 февраля в Москве великого князя Сергея Александровича. За подписью пастыря летит телеграмма в адрес императорской семьи: «Скорьбь Ваша неописуема; скорьбь Спасителя в Гефсиманском саду за грехи мира была безмерна; присоедините Вашу скорьбь к Его скорьби – в ней найдете утешение. Верноподданный протоиерей Иоанн Сергиев»**.

Протест народных масс, направленный и против «духовной

* Котлин. 1905. 23 ноября. Одновременно этот же текст он просил передать для напечатания в редакцию газеты «Свет».

** Текст телеграммы Иоанна, как и ответный текст «их величеств»: «Благодарим Вас горячо за слова истинного утешения; молим Господа, да подкрепит здоровье Ваше!» – были напечатаны в газете «Котлин» 7 февраля 1905 года.

несвободы», сделал очевидным факт банкротства государственной церковной политики. Царизм под давлением революции соглашается на вероисповедные реформы. Под началом С. Ю. Витте в Комитете министров и Особом совещании идет напряженное обсуждение конкретных мер, которые должны были снять имевшиеся «религиозные стеснения» и дать свободу «раскольникам», «сектантам», инославным и иноверным обществам. В феврале 1905 года Журнал Комитета министров с перечнем первоочередных мер был представлен на утверждение императора. Тот не возражал, лишь высказал одно замечание: «Согласен! Но нахожу, что с вопросами религиозного свойства нельзя поступать как с обыкновенными делами. Их следует обсуждать медлительно и всесторонне»*.

В марте 1905 года С. Ю. Витте и все привлеченные им к обсуждению проблем свободы совести пришли к убеждению, что следует издать особый указ, в котором правовые нормы должны быть изложены в «соответствии с современными условиями жизни и требованиями терпимости в делах веры». К разработке указа были привлечены обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев и первенствующий член Святейшего синода митрополит Санкт-Петербургский Антоний. Их позиции и взгляды на вероисповедные реформы оказались различными. Если Антоний не возражал против расширения прав и свобод старообрядческих, сектантских и иноверных организаций и обществ, но считал, что необходимо дать и «свободу Церкви» — ослабить «слишком бдительный контроль светской власти», разрешить свободно приобретать имущество для нужд православных обществ, «дозволить» участие иерархов в Государственном совете и Комитете министров**, то Победоносцев в принципе отвергал всякую попытку изменения существующих взаимоотношений Церкви и государства и уж тем более — давать свободу неправославным обществам. Свою позицию в одном из писем императору он изложил так: «Общий мой взгляд против указа во всей его целостности. Заседания Комитета министров суть пытка. Слышны только безумные речи людей, не желающих знать ни истории, ни народа... провозглашающих только какую-то голую свободу, стремящихся в несколько часов разрушить вековые учреждения, установленные для ограждения ценности государства и внутреннего порядка»***.

* РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5748. Л. 142.

** Историческая переписка о судьбах Православной церкви. М., 1912. С. 7–25.

*** Цит. по: Из писем К. П. Победоносцева к Николаю II (1898—1905 гг.) / Сост. М. Н. Куров // Религии мира: история и современность. Ежегодник. М., 1983. С. 175.

С. Ю. Витте был глубоко религиозным человеком, и все его предложения по реформированию государственно-церковных отношений и положения православной церкви никак нельзя характеризовать «нападением» на религию и Русскую церковь. Он считал, что наибольшая опасность для России как раз и состоит в «расстройстве Церкви», в «угашении живого религиозного духа». И для него очевидным было, что «спасение России», преодоление государственного и общественно-государственного кризиса возможно исключительно в тесном единении государства и церкви, ибо, как он считал, только религия даст государству и народу «духовные идеалы, способные вывести страну из кризиса». Время, по его мнению, требовало внесения определенных изменений в основу этого союза, но так, чтобы «не ослаблять самостоятельности ни церковного, ни государственного организма». И если для государства это означало реформирование правовой основы государственно-церковных отношений, то для православной церкви — реформу ее внутренней жизни, содержание и характер которой должны быть обсуждены и приняты на Поместном соборе.

Витте явно недооценил силы и возможности Победоносцева, который настоял перед Николаем II, чтобы церковные реформы были изъяты из ведения Комитета министров и переданы в Синод. Однако и всемогущему обер-прокурору вскоре пришлось испытать разочарование. Неожиданно для него Синод в конце марта 1905 года, рассмотрев вопрос о церковной реформе, в специальной записке на имя царя испрашивал разрешения на проведение Поместного собора для избрания патриарха и решения назревших внутрицерковных проблем. Но холодным душем для всех, жаждавших церковного обновления, стала Высочайшая резолюция от 31 марта 1905 года, наложенная императором на докладе Святейшего синода о созыве Собора: «Признаю невозможным совершить в переживаемое ныне тревожное время столь великое дело, требующее и спокойствия и обдуманности, каково созвание Поместного собора. Предоставляю себе, когда наступит благоприятное для сего время, по древним примерам православных императоров дать сему великому делу движение и созвать Собор Всероссийской церкви для канонического обсуждения предметов веры и церковного управления». Никто и не сомневался, что отрицательная резолюция была следствием происков всесильного, но панически боявшегося каких-либо изменений в церковной жизни обер-прокурора Победоносцева*.

*В этом легко убедиться, сопоставив текст резолюции с письмом К. П. Победоносцева императору Николаю II от 30 марта 1905 года. — См.: РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 16. Л. 107–108.

Правда, чтобы несколько успокоить кипевшие в церковной среде и за ее пределами страсти относительно церковных преобразований, император дал согласие на открытие Предсоборного совещания, куда правящие архиереи и могли направлять свои предложения о желательных церковных преобразованиях.

И все же Витте довел дело до конца — 17 апреля 1905 года, в день православной Пасхи, в «Правительственном вестнике» публикуется указ «Об укреплении начал веротерпимости». Он изменял (пока теоретически) в лучшую сторону условия жизни тысяч и тысяч верующих подданных; создавал правовые предпосылки для облегчения положения неправославных общин*.

Публикация указа о веротерпимости поставила точку в долголетней карьере обер-прокурора К. П. Победоносцева: спустя два дня он вынужден был подать в отставку. Дело всей его жизни — «симфония государства и Церкви» рушилось на его глазах.

Указ «Об укреплении начал веротерпимости», безусловно, привнесший в общественную жизнь России новые элементы религиозной свободы, по-разному был встречен в общественных кругах.

Православные иерархи рассматривали указ как «покушение» на права господствующей Церкви, «унижение» ее перед иными вероисповеданиями и как неоправданную «уступку» инославному и иноверным сообществам**.

Либеральная общественность требовала продолжения реформ. С. Н. Булгаков, как бы обобщая ее претензии, писал: «Мы не верим в совместимость начал этого указа со всем нашим строем, которому он так противоречит. Здесь возможно только одно из двух: или произойдет коренное изменение всего строя, и неизбежным и само собой разумеющимся последствием этой ломки в числе других личных прав явится и свобода совести, или же начала указа будут какими-нибудь “временными правилами” и министерскими указами искажены до неузнаваемости... Закрывать глаза на эту окончательную импотенцию бюрократического строя осуществить в полной мере хотя бы религиозную веротерпимость было бы преступным

* В развитие указа Министерство юстиции издало 25 июня 1905 года указ «Об облегчении участи лиц, осужденных за религиозные преступления». Им отменялись многие статьи Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, что позволило освободить несколько сот «сектантов», ранее осужденных за свои религиозные убеждения.

** См.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1905—1907 гг. СПб., 1910. С. 33, 125, 160 и др.

легкомыслием. Одно из двух: или указ 17 апреля есть лишь первый шаг в ряду коренных реформ, которые только и могут укрепить его начала, или же он, в лучшем случае, будет отнесен историей к числу несовершенных благих порывов»*.

Иоанн Кронштадтский никогда не был близок к церковным верхам и в силу этого не мог повлиять каким-либо образом на общецерковную позицию по вопросам вероисповедных реформ в сложный период начавшейся революции. Он мог лишь реагировать на свершившиеся правительственные и Святейшего синода решения. Его собственные взгляды на систему государственно-церковных отношений, место и положение православной церкви в обществе фактически были идентичны взглядам Победоносцева и консервативной части православного епископата.

Немного оправившись после болезни и ознакомившись с правительственными актами, Иоанн резко их осудил. «А что такое свобода в вере, — рассуждал он, — которая допущена даже правительством? Свобода исповедовать веру, какую кто хочет; при этом даже православным не возбраняется оставлять свою веру и идти хоть бы в магометанство и идолопоклонство; свобода в вере по-нынешнему допускает хулить всячески — кто только захочет — и свою веру православную, потому что исповедники других вер уважают и хвалят свою веру или иноверие. Писатели неблагонамеренные, по крещению православные, действительно свободно, без зазрения совести дурно отзываются о православной вере и о ее Церкви, о пастырстве ее. В особенности в хулении православной веры превзошел всех граф Лев Толстой, совершенный отступник от Бога, поклонник своего “я” и слепого разума человеческого... Это ли свобода, чтобы вконец убить веру и надежду народа?»

Осуждение данных правительством вероисповедных свобод было в крови Иоанна. Припомним, что еще в 1901 году он весьма зло и безапелляционно набросился на предводителя дворянства Орловской губернии М. А. Стаховича, «посмеявшегося» публично на съезде духовенства выступить в защиту свободы совести и о желательности установления свободы перехода для подданных из одного вероисповедания в другое. «В наше лукавое время появились хулители Святой церкви, как граф Толстой и в недавние дни некто Стахович, которые дерзнули явно поносить учение нашей св<ятой> веры и Церкви. Что же это? Отречение от христианства, возвращение к язычеству, к одичанию, к совершенному растлению нашей природы? Вот куда ведут наши самозванные проповедники».

* Булгаков С. Н. Вопросы жизни: религиозно-общественная хроника. СПб., 1905. № 5. С. 504.

В условиях набирающей обороты революционной волны в начале октября 1905 года под председательством Николая II в Петергофе открылись заседания комиссии из высших сановников для разработки программы мер по «усмирению революции» и выходу из общественного кризиса. Единства не было: кто-то предлагал введение конституции и создание совещательного органа, кто-то — взятие на себя императором диктаторских полномочий.

9 октября к императору был вызван председатель Комитета министров Витте, только что с триумфом возвратившийся из Америки после заключения Портсмутского мира с Японией. Ему было предложено подготовить проект некоего «успокоительного» документа в виде манифеста. Витте выполнил указание императора, но тот посчитал чрезмерными зафиксированные в нем обещания прав и свобод. И сам Николай, и по его просьбе министр Императорского двора граф В. Б. Фредерикс, и начальник канцелярии Императорского двора А. А. Мосолов пытались повлиять на Витте и заставить его смягчить проект. Тот оставался непреклонным, заявляя: «Либо государь мне доверяет и тогда подпишет мой проект Манифеста, как я его представлял, либо не доверяет, тогда пусть поручит это дело Будбергу, Горемыкину или кому другому, кого сочтет достойным»*.

Понять Николая II нетрудно, если обратиться к той характеристике, которую давал состоянию тогдашнего российского общества Витте: «Можно без всякого преувеличения сказать, что вся Россия пришла в смуту, и что общий лозунг заключался в крике души: “так дальше жить нельзя”, другими словами, с существующим режимом нужно покончить. А для того, чтобы с ним покончить, явились борцы действия и мысли во всех без исключения классах населения, и не единичные, а исчисляемые многими тысячами. Большинство же, не двигаясь, совершенно сочувствовало действующим... Вся Россия была недовольна существующим положением вещей, т. е. правительством и действующим режимом. Все более или менее сознательно, а кто и не сознательно, требовали перемены, встряски, искупления всех тех грехов, которые привели к безумнейшей, позорнейшей войне, ослабившей Россию на десятки лет. Никто и нигде искренно не высказывался в защиту или оправдание правительства и существующего режима»**.

Коллапс, о котором Витте предупреждал, становился реальностью. 17 октября забастовали железнодорожники и тем

* Мосолов А. А. При дворе последнего Российского императора. М., 1993. С. 217.

** Витте С. Ю. Воспоминания, мемуары. М., 2002. Т. 1. С. 762, 765.

самым парализовали всю страну. В крупных городах прекратили работу фабрики, заводы, транспорт, электростанции, почта, телеграф, учреждения, магазины, учебные заведения. Число бастующих достигало двух миллионов человек. Повсеместно проходили массовые митинги и демонстрации, которые в Прибалтике, на Украине, в Поволжье, Закавказье переросли в вооруженные столкновения с полицией и войсками. Бастовали Польша, Финляндия. Среди лозунгов восставших: «Долой царское правительство!», «Да здравствует демократическая республика!», «Свободу слова, печати, собраний, 8-часовой рабочий день!». Всё свидетельствовало о возможности перерастания забастовки в общее вооруженное восстание, тогда как армия колебалась, а в распоряжении правительства было недостаточно надежных войск для подавления революции.

Сложившиеся обстоятельства заставили Николая II сдаться и подписать 17 октября манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» в редакции, предложенной С. Ю. Витте. В первом пункте манифеста содержалось обещание «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов»*. 19 октября С. Ю. Витте был назначен председателем вновь созданного Совета министров, который становился постоянным высшим правительственным учреждением. На правительство в целом и была возложена реализация обещаний императора.

Свершив трудное для себя дело, император отправился на молебен в Соборный Его Величества конвой. Служил приглашенный Иоанн Кронштадтский. Однако ожидавшегося от него слова поддержки в столь важный для государя день никто не услышал. По окончании церковной службы он подошел к Николаю проститься и молча откланялся. Сказать-то Иоанну было нечего: он не принимал мер, на которые был вынужден пойти Николай II, а перечить... да мог ли он?

Царь вполне осознавал, что иное развитие событий – применение жестких мер стоило бы, как он писал матери, «потоков крови и в конце концов привело бы неминуемо к теперешнему положению, т. е. авторитет власти был бы показан, но результат оставался бы тот же самый, и реформы не могли бы осуществляться».

По мнению же Иоанна Кронштадтского, всё должно было оставаться на своих местах и никаких изменений в жизнь российского общества вносить не требовалось. В общем-то, он

* Государственная дума в России. Сборник документов и материалов. М., 1957. С. 90.

был весь во власти расхожего мнения: народ не готов, не созрел и не достоин каких-либо изменений, которые он просто-напросто не поймет и не оценит, а использует их во вред себе и стране. Конечно, такие мысли царю не выскажешь, да и епархиальному начальству и Синоду... А в проповедях и в монархических изданиях... почему же не выразить... В революционные годы он в изобилии в них печатается, да и в разных сборниках ура-патриотического толка; выпускает к тому же сборники своих проповедей и выступлений — книжный рынок был переполнен всей этой продукцией. Иоанн в особых молитвах за русский народ указывал и на то, что он проклинал и с чем боролся, и на то, что считал неизменным сохранить во что бы то ни стало. Вот одна из таких молитв: «Господи, спаси народ русский, церковь православную, в России погибающую: всюду разврат, всюду неверие, богохульство, безначалие! Господи, спаси самодержца и умудри его! Господи, все в твоих руках. Ты — Вседержитель».

Публикация манифеста вызвала не только поддержку и ликование в либеральных кругах, но спровоцировала сначала спонтанный, а затем все более и более организованный процесс объединения русских монархистов. Это движение было разномастным, но в годы революции первенствующее место в нем занимали черносотенные силы. В. А. Грингмут, редактор «Московских ведомостей», собрав у себя на квартире частное собрание, провозгласил: «У нас Царя украли, у нас украли Россию! Идите, ищите, бегите, чтобы найти снова Царя, чтобы вернуть Его, чтобы спасти Россию». Именно он сделал первые шаги к объединению черносотенцев и иных монархических групп и движений.

Чувство уязвленного самодержавного патриотизма проявил себя и в высших сферах. Известный общественный деятель граф Сергей Дмитриевич Шереметев, передавая охватившие его настроения, писал великому князю Владимиру Александровичу* в Царское Село: «Еще никогда во всю жизнь не испытывалось такого гнетущего, невыносимого и оскорбительного чувства, которое наступило теперь, при наступившей, можно сказать, поистине “анархии” и какой-то роковой правительственной беспомощности. Национальное чувство никогда не было так глубоко принижено и оскорблено всячески».

В ноябре 1905 года разрозненные московские черносотенные организации, такие как Монархическая партия, Союз русских людей, Кружок москвичей, Общество хоругвеносцев,

* *Владимир Александрович* (1847 — 1909) — великий князь, третий сын императора Александра II; сенатор, член Государственного совета; генерал-адъютант, генерал от инфантерии.

Добровольная народная охрана, московский Союз русского народа, Общество русских патриотов, Сусанинский кружок, Союз законности и порядка, Кружок русских студентов и другие, объединились во Всенародный русский союз. Одним из главных вождей новой организации стал Грингмут. Не лишне напомнить, что после опубликования в феврале 1905 года манифеста Николая II о выборах в Думу каждый второй номер «Московских ведомостей» имел (в подражание известной фразе Катона о разрушении Карфагена) подзаголовок: «А прежде всего Дума должна быть распушенной!» Именно Грингмут подхватил и активно использовал термин — черносотенство, употреблявшийся до этого исключительно как бранная кличка. На первый митинг, организованный Союзом русского народа 21 ноября 1905 года, в двенадцатый праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, в Михайловский манеж собралось тысяч двадцать народу. Авторитет Грингмута к концу 1905 года был уже настолько велик, что именно ему предоставили право обратиться с речью к императору 1 декабря того же года во время высочайшего приема в Царском Селе семи депутатов от правых организаций.

В январе 1906 года было опубликовано «Обращение Русского Собрания к единомышленным партиям, союзам и Русскому Народу по поводу Манифеста 17 октября». В нем содержался призыв ко всем русским людям, разделявшим программные положения Русского собрания, «сплотиться, объединиться и образовать Всенародный Союз приверженцев Самодержавия, чтобы согласованно и в одном направлении действовать на предстоящих выборах в Государственную думу». Это был один из первых документов монархического движения, в котором разъяснялось, что Манифест 17 октября не вводит конституционную форму правления и не должен повлечь за собой переработку Основных законов Российской империи.

Иоанн в принципе разделял эту позицию. «Восстань же, русский человек!.. Кто вас научил непокорности и мятежам бессмысленным, коих не было прежде в России. Перестаньте безумствовать! Довольно! Довольно пить горькую, полную яда чашу — и вам, и России». Последовательно он транслировал ее в своих публичных выступлениях, проповедях и статьях. Если читать его тексты этого времени, то видно, с какой педантичностью он «обругивает» свободы, данные, пусть и вынужденно, царем. «Всеми теперь овладела горячка и жажда свободы, — пишет он. — Но свобода большинством понимается неправильно, не по Божьему разуму, а по человеческому, слепому, понимается как повод к угождению плоти, в которой не живет доброе».

Вот обращается он к «свободе слова». Но ничего положительного сказать не может, ибо для него это «свобода иных скорописцев писать и печатать все, что ни попало на глаза, что только пришло на ум, или то, чем бы можно напакостить ненавидимому человеку или обществу, и — свобода обливаться литературной грязью свою же пишущую братию, братию добросовестную, верующую, разумную, искреннюю, патриотическую, — истинно соль, цвет литературы».

Не вызывает у него восторга и «свобода политическая». Политикой, по его мнению, теперь занимается кто угодно и как угодно: газеты и журналы; высшие и средние учебные заведения; повсюду критикуется и устраняется бывшее начальство, а их место стремятся занять те, кто в политике ничего не смыслит и не готов к ней. Да и в новый орган — Государственную думу, норовят залезть те, кто отринул прежние традиционные церковно-государственные устои и идеалы и на их место ставляет разрушение страны.

Революция своим крылом затронула и Кронштадт. Здесь с лета 1905 года началось брожение в гарнизоне. 18 октября в Кронштадте прошла политическая демонстрация. 23 октября на Якорной площади состоялся матросский митинг, организованный эсерами и социал-демократами. Участники добивались улучшения положения нижних чинов, выдвигали требования установления демократической республики, введения всеобщего избирательного права и уничтожения сословий. 24 и 25 октября демонстрации не прекращались.

Утром 26 октября началось стихийное восстание: солдаты 2-го крепостного пехотного батальона предъявили офицерам свои требования, а затем устроили демонстрацию. К вечеру 52 солдата были арестованы. Матросы и солдаты попытались освободить их. При столкновении с конвоем один из матросов был убит, несколько ранено. Когда весть об этом облетела гарнизон, восстали матросы 4-го и 7-го флотских экипажей, а также учебно-минный и учебно-артиллерийский отряды. До конца дня к восставшим присоединились матросы двенадцати флотских экипажей (из двадцати), а также солдаты крепостной артиллерии. Всего в восстании участвовали около трех тысяч матросов и полутора тысяч солдат (соответственно 25 и 20 процентов их общей численности). К вечеру 26 октября Кронштадт был фактически в руках восставших. В обстановке безвластия начались погромы винных складов, магазинов и жилых домов. 27 октября из Санкт-Петербурга и Ораниенбаума прибыли правительственные войска. Утром 28 октября к Кронштадту подошли военные корабли со специально подобранными командами. В городе было объявлено военное положение, мат-

росы и солдаты разоружены, восстание жестко подавлено. С обеих сторон были убитые и раненые. Около трех тысяч участников восстания были арестованы, и им угрожали военно-полевой суд и суровые наказания*.

Иоанн Кронштадтский волей обстоятельств оказался «внутри» революции. Вечером 26 октября некоторые из морских офицеров были у него, просили благословения и молитв и, что легко допустимо, поведали батюшке свои опасения относительно ближайшего будущего. Перед утреней, между четырьмя и пятью часами 27 октября, Иоанн в сопровождении ключаря собора А. П. Попова пешком пришел к коменданту крепости, генералу Т. М. Беляеву (проехать по улицам в экипаже было невозможно), и просил его разрешить служение молебна в Андреевском соборе по поводу переживаемых событий, на что и получил разрешение.

От коменданта он отправился в собор служить утреню и литургию. Рассказывают, что по пути в собор на улице можно было видеть трупы убитых, а кое-где раздавались выстрелы. Отслужив литургию, Иоанн около девяти часов утра ездил на Песочную улицу, в район морской Богоявленской церкви. А в двенадцатом часу дня Иоанн Кронштадтский на обыкновенном извозчике приехал на пристань и затем на пароходе уехал из Кронштадта и через Лисий Нос добрался в Петроград. Он уехал, хотя в городе уже «наводился порядок» правительственными войсками и шли массовые аресты, и в принципе ему ничего уже не угрожало. Около часа дня в отсутствие своего настоятеля в Андреевском соборе отслужен был молебен.

Временно Иоанн остановился в Иоанновском монастыре. Об этом мы узнаём из его письма игуменье Таисии: «В Кронштадте у нас сущая беда: морские и артиллерийские войска громят и поджигают дома, грабят магазины, лавки, убивают кого попало. Ужас берет не только видеть, а и говорить о происходящем»**. Лишь 31 октября вернулся Иоанн в Кронштадт. У него не было сомнений в том, что «крамольники, убийцы и поджигатели» подлежат осуждению и светскими, и духовными властями. Виновниками же всего происшедшего в Кронштадте и в России он считал евреев, подкупивших ху-

* Новое восстание матросов и рабочих Кронштадта (более шести тысяч участников) произошло 19–20 июля 1906 года. Оно было подавлено подразделениями лейб-гвардии Финляндского и 94-го пехотного Енисейского полков. Арестовано было свыше трех тысяч человек, в том числе 80 гражданских лиц. По приговорам военно-полевых судов 36 человек были расстреляны, 130 сослано на каторгу, 1251 осужден на различные сроки тюремного заключения.

** Письма к настоятельнице... игуменье Таисии. С. 73.

лиганов, чтобы убивать, грабить, изводить пожарами русских людей*.

Понятно, что Иоанн никак не мог сочувствовать и каким-либо образом положительно отозваться на те письменные обращения «гражданок земли Российской», что поступали в его адрес и содержали мольбу «своим влиянием на Батюшку-Царя» постараться спасти «обезумевших, страдальцев, наших матросов и солдат» от рук палачей — своих же братьев**.

События в Кронштадте и поведение Иоанна оказались в центре внимания общества: одни его резко осуждали за «бегство» от паствы, другие — приветствовали за выступления против «смуты». Об ожесточенности полемики может свидетельствовать одна из публикаций в «Архангельских епархиальных ведомостях», где со ссылкой на газету «Колокол» сообщалось: «Большинство из органов нашей печати вот уже несколько месяцев, изо дня в день изошряют свое остроумие, чтобы пригвоздить к позорному столбу, убить авторитет того, кого еще накануне они же превозносили один перед другим, подхватывая, так сказать, каждое его слово, каждый шаг. Объектом такого злоречия нашей печати на сей раз, к сожалению, служит высокочтимое русским народом имя маститого кронштадтского пастыря о. Иоанна». Отца Иоанна обвиняли в бегстве из Кронштадта во время восстания матросов, а также в том, что глашатаями его слова были кронштадтские босяки. Сообщалось, что большая часть русского народа перестала видеть в отце Иоанне праведника, в результате чего поток щедрых пожертвований из глухой провинции почти совершенно прекратился***.

Сам Иоанн кронштадтские события воспринимал как напрямую вытекавшие из подписанного императором Манифеста от 17 октября. Надо сказать, что в этом он был един со всеми теми правомонархическими организациями, которые в публичных и личных обращениях к царю открыто выражали неприятие манифеста.

Однако официальная позиция православной церкви была иной. 4 ноября 1905 года Синод в полном составе посетил императора Николая II в Царском Селе. Первоприсутствующий член Синода митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) преподнес царю икону Спасителя и в своем слове подтвердил, что Церковь видит в манифесте «залог плодотворного расцвета жизненных сил народа русского», и выразил

* Письма к настоятельнице... игуменье Таисии. С. 78.

** ЦГИА СПб. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 55. Л. 14.

*** Архангельские епархиальные ведомости. 1906. № 5. С. 164–167.

надежду, что «Господь... поможет всем верным подданным... приять в разумном спокойствии дарованные блага и отвратит от них дух своеволия и мятежа, разрушающий всякую свободу». В ответном слове Николай дал понять, что он связывает вполне определенные надежды с духовенством и особенно с сельским, которое проявит «старание к водворению среди своей паствы мира и тишины и к исполнению каждым лежащих на нем обязанностей, без чего... невозможно никакое плодотворное развитие жизненных сил нашей Родины»*.

Так или иначе, но идеи манифеста пробивали дорогу в жизнь. 11 декабря 1905 года был издан закон о выборах в Государственную думу, которая из законосовещательного превращалась в законодательный орган. Подготовка к выборам и сами выборы в Первую Государственную думу проходили на фоне бунтов и террористических актов, вооруженных революционных выступлений в Москве и других городах. Успокоения в стране не наступало. Не надо думать, что силовые меры использовали только «левые». Нет. Террор, по мнению одного из лидеров правых, В. Никольского, должен использоваться — и использовался — как «средство самое верное и неотложное» и правительством, и монархистами. «Если на их террор ответить своим террором, — разъяснял он в одном из писем соратнику, — и за каждого убитого нашего избивать по пять, по десять главарей краснотряпичников, они скоро очнутся. Главное то, что ответный террор должен выражаться не открытым погромом над ничтожною мелюзгой, а тайным истреблением, и притом заведомых главарей: не местных даже агитаторов, а именно общеизвестных руководителей».

12 декабря 1905 года в Кронштадте, еще не отошедшем от революционных событий, отмечали памятное событие — пятидесятилетие пастырской деятельности Иоанна Кронштадтского. Постарались «не раздражать общественность» и провести всё скромно, по-семейному, в церковных стенах. В адресах, преподнесенных юбиляру, отмечались его «помощь обездоленным», «пастырская деятельность», «исключительность личности», «святость жизни», «вдохновенные печатные труды», «пламенная молитва»... Прислали благодарственный адрес и односельчане-суряне. В нем перечислялись «добрые дела» юбиляра: «Суру, доселе известную под именем “поганой Суры”, Вы сделали светлым краем... Благодаря же Вам, ввиду постоянного движения сюда массы людей, — появился почтовый тракт, в Суре открыто почтовое отделение, а летом — пассажирское пароходство! Не можем умолчать и о Вами же уст-

* ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 33. Л.1—1 об.

роенном Иоанно-Богословском женском монастыре и Ските с многочисленными при них постройками — лесопильным, мукомольным и кирпичным заводами и каменной двухэтажной лавкой».

Революцию не принявший

В начале 1906 года в обстановке непрекращающейся революции председатель Совета министров С. Ю. Витте продолжал пытаться осуществить политические реформы. В их числе была и работа над новой редакцией Основных законов Российской империи. 23 апреля, буквально за четыре дня до открытия заседаний Государственной думы, проект был утвержден императором и опубликован. Согласно новой редакции Основных государственных законов император сохранял всю полноту власти по управлению страной через ответственные только перед ним министерства, руководство внешней политикой, управление армией и флотом; мог издавать в перерыве между сессиями Государственной думы законы, которые затем лишь формально утверждались ею (статья 87 Основных законов).

Без изменений, лишь с незначительными редакционными поправками, осталась глава «О вере», определявшая взаимоотношения государства и православной церкви и обеспечившая ее особое положение и привилегии. Тем самым государство демонстрировало, что даже в условиях революции оно ориентируется на сохранение особых отношений с Русской православной церковью и не предполагает вводить какие-либо принципиальные изменения ни в целом в вероисповедную политику, ни в положение всех других религиозных объединений.

Утверждение новой редакции Основных законов Российской империи совпало с отставкой Витте, ставшей возможной под давлением объединившихся правых сил, жаждавших политического реванша со времен принятия октябрьского манифеста о свободах. С. Ю. Витте был смещен консерватором И. И. Горемыкиным, который должен был, как тогда говорили и писали, сыграть роль «ушата холодной воды» для общества.

Политические партии, бурно нарождавшиеся в 1905—1906 годах, число которых достигало, по некоторым оценкам, около сорока, в своих программных документах и на страницах партийной прессы фиксировали неразрешенность «религиозного вопроса», наличие «стеснений» и «несвободы» в вопросах веры, предлагали свое видение разрешения этого вопроса.

Большинство из них, представлявших, безусловно, наиболее активную и «продвинутую» часть общества, выступало за равенство граждан вне зависимости от их вероисповедной или сословной принадлежности, за свободу совести и вероисповеданий, веротерпимость. Достаточно распространенным было и требование конфискации или выкупа монастырских и церковных земель, что отражало господствующее среди крестьянства настроение. Даже кадеты в своей аграрной программе указывали на необходимость создания «государственного запаса» земли, включая туда и церковно-монастырские земли, который должен был в дальнейшем распределяться (или продаваться) среди крестьян.

Программные положения партий в вопросах свободы совести в основе своей ориентировались на изменение церковной политики государства: отказ от традиционного союза с православной церковью, уравнивание в правах всех вероисповеданий и равные их отношения с государством. В целом они укладывались в буржуазную модель вероисповедной государственной политики, соответствовавшей светскому типу государства в его внеконфессиональной форме. Более радикальные требования — отделение (де-факто и де-юре) церкви от государства и школы от церкви — включались в программы социалистических и некоторых других партий (Радикальная, Умеренно-прогрессивная, Свободомыслящих).

Лишь незначительная часть партий, ориентирующихся на сохранение в России абсолютистской монархии, выступала за незыблемость союза между православной церковью и государством, сохранение за Церковью всех ее прав, привилегий и первенствующего положения, то есть — за клерикальное государство в его православно-христианской форме. Эти идеи находили наибольший отклик в крестьянской массе — прежде всего в ее наиболее инертной, малообразованной и даже после Кровавого воскресенья не утратившей своих монархических чувств и взглядов массе.

На 27 апреля 1906 года было назначено открытие заседания первой в истории России Государственной думы. День этот оказался солнечным и теплым. Император Николай II прибыл в Петербург на яхте. Он посетил Петропавловскую крепость и долго молился у гробницы своего отца — Александра III.

А в это время в Зимнем дворце завершались приготовления к торжественному приему депутатов Государственной думы. В Георгиевском зале был воздвигнут трон с красным и золотым балдахином. На нем покоилась императорская горностаевая порфира. В зале, по правую сторону, вдоль белых с позолотой стен разместились члены Государственного совета,

высшие сановники в шитых золотом и усеянных орденами придворных и военных мундирах. По левую сторону собрались члены Думы, одетые большей частью в сюртуки и крестьянские одежды.

Высочайший выход начался с отдаленных звуков национального гимна. В зал вошли скороходы в старинных одеяниях, за ними несли государственные регалии — знамя, меч, скипетр, державу и бриллиантами сверкающую царскую корону. Затем шли император, в мундире полковника лейб-гвардии Преображенского полка, обе государыни в белых сарафанах и жемчужных кокошниках, великие князья и княгини, придворные чины. Замыкали шествие фрейлины в русских костюмах и военная свита царя.

После молебствия Николай прошел к трону, неторопливо поднялся по ступеням, повернулся лицом к присутствующим и торжественно, подчеркивая медлительностью движений значение совершающегося, воссел на престол. С полминуты он сидел неподвижно, в молчании, слегка облокотившись на левую ручку кресла... Зала замерла в ожидании.

Министр двора подал государю лист бумаги. Николай, облаченный в порфиру, поднялся с трона и произнес приветственное слово. Его последние слова напутствовали депутатов: «Приступите с благоговением к работе, на которую я вас призвал, и оправдайте достойно доверие царя и народа. Бог в помощь мне и вам!» Зазвучало «ура!» не только на правой, но и на левой стороне.

Волей истории и торжественный прием, и царское обращение к депутатам были первыми и единственными за все время последующих думских заседаний. Вся дворцовая церемония стала, с одной стороны, демонстрацией пышности, роскоши и богатства царского двора и высшего света, а с другой — своеобразными смотрами депутатов нового высшего российского органа — парламента. Надо сказать, что они не задались... Тому свидетельством может быть фраза, брошенная министром двора графом Фредериксом: «Эти депутаты скорее похожи на стаю преступников, ожидающих сигнала, чтобы зарезать всех сидящих на правительственной скамье. Какие скверные физиономии!»*

Спустя два часа депутаты вновь собрались, но теперь уже в Таврическом дворце, на свое первое рабочее заседание. Председателем Первой думы был избран кадет С. А. Муромцев, профессор Петербургского университета. Его товарищами (заместителями) — П. Д. Долгоруков и Н. А. Гредескул и секре-

* Мосолов А. А. При дворе последнего Российского императора. С. 124.

тарем — Д. И. Шаховской — все представители кадетской партии.

В составе Думы насчитывалось 499 членов, восемнадцать из них представляли Русскую православную церковь: шестнадцать священников и два епископа. Почти четверть от числа всех депутатов по своим религиозным убеждениям относилась к иноверцам (неправославные и старообрядцы). Стоит указать и на то, что к русским себя отнесли 59,1 процента депутатов*. В условиях тесного переплетения в России религиозных и национальных вопросов проблема свободы совести становилась одной из первоочередных**.

В православном духовенстве, как и в православной массе в целом, к образованию Думы отношение было разным. Пусть их и было мало, но находились среди духовенства те, кто с нетерпением и надеждой ожидали созыва Думы. Еще в октябре 1905 года столичная цензура дозволила издание от имени группы петербургских священников брошюры «Государственная Дума и пастыри Церкви». «Давно желанное слово скоро перейдет в ожидаемое с трепетом сердечным дело, — писали не желавшие называть свои имена авторы. — Не сегодня завтра начнутся выборы в Государственную Думу. Кому не понятно, как важно для России, из кого составит Думу? Люди какого направления, каких взглядов, какого устоя войдут в Думу? И еще трепетнее забьется сердце, когда подумаешь, как могут быть проведены выборы... Хочется молить Бога, хочется просить людей, хочется увещевать, умолять, разъяснять, призывать, чтобы выборы были проведены честно и неподкупно, умно и обдуманно, без всякого вмешательства и богатеев-мироводов, и мелких и крупных властей, с соблюдением интересов правды и истины, интересов всей России, и особенно изможденного от нищеты и приниженого бесправием народа»***.

Епископ Псковский Арсений (Стадницкий), участник и свидетель всех событий, связанных с началом ее работы, считал шаг к созданию Думы и своевременным, и полезным для общества и Церкви. Не случайно в его дневнике в день открытия заседаний Государственной думы 27 апреля 1906 года бы-

* *Бородин Н. А.* Государственная дума в цифрах. СПб., 1906. С. 16, 17.

** Приведем в качестве подтверждения мнение видного деятеля кадетской партии С. Котляревского, указывавшего: «Единство религиозно-национальной политики государства нашло себе естественное возмездие: ненависть за религиозный гнет прибавлялась к другим причинам политической вражды — и в итоге мощь государства и центральной власти не усиливалась, а постоянно подрывалась нарастающими центробежными стремлениями; посягательство на свободу совести в конечном счете водворяло не порядок, а анархию».

*** Государственная Дума и пастыри церкви. СПб., 1905. С. 3—4.

ло записано: «Четверг Великий, исторический день... по своему значению в истории России. Так называют его и почти все газеты. Пройдет ряд веков, человечество и русский народ переживут много других великих дней, но 27-е апреля 1906 года постоянно будет оставаться на страницах истории». Правда, заметим, что надежды священников и епископа имели разные основания и векторы развития. Рядовое духовенство рассматривало Думу как инструмент принципиальных изменений в политической, социальной и религиозной сферах, приближавших Россию к образцам демократий. А епископ видел в Думе «механизм» укрепления политического статус-кво, то есть монархии и, естественно, ее союза с государственной Русской церковью.

Для Иоанна Кронштадтского все, что вытекало из уступки Николая II – октябрьского манифеста о свободах, было неприемлемо. А потому выборы в Государственную думу, начало ее работы, программы и заявления лидеров парламентских партий по вопросам ли политическим или по изменению религиозного законодательства воспринимались им как «мятежное беснование», разрушение порядка, «от века сложившегося и освященного православной верой», распадение государства «на почве безверия, слабоумия, малодушия, безнравственности».

Ведущей политической силой Думы была кадетская партия, представленная 172 депутатами (34,9 процента общего числа депутатов). Это был цвет российской интеллигенции: профессора, преподаватели, ученые, публицисты, адвокаты. Но с точки зрения Иоанна, это были те самые «бесы революции», жаждавшие гибели России. К ним обращены слова пастыря. «Отчего желают ей зла и злорадствуют о ее неудачах? — спрашивал он. — Оттого, что они отвергли учение Матери Церкви». Или вот еще: «По причине безбожия и нечестия многих русских, так называемых интеллигентов, сбившихся с пути, отпадших от веры и поносящих ее всячески, поправших все заповеди Евангелия и допускающих в жизни своей всякий разврат, — русское царство есть не Господне царство. И потому смотрите, что творится в нем: повсюду забастовки учащихся и рабочего — в разных учреждениях — люда; шум партий, имеющих целью ниспровергнуть настоящий, установленный Богом монархический строй, повсюдное распространение дерзких, безумных прокламаций, неуважение к авторитету власти, Богом поставленной». Или так: «Вы, интеллигенты, оставили небесную мудрость и ухватились за земную суету, ложь, мираж, мглу непроглядную и будете наказаны собственным безумием, своими страстями».

Кадеты с первых думских заседаний инициировали внесение ряда законопроектов, значительного числа запросов в адрес правительства и местных властей. 12 мая представители кадетской фракции внесли для обсуждения законопроект «О свободе совести». В нем последовательно осуществлялся демократический принцип свободы совести: отменялись все и всяческие ограничения в деятельности религиозных объединений, которые обретали равенство перед законом; каждому гражданину Российской империи обеспечивалась свобода совести, и никто не мог быть принужден к членству в каком-либо вероисповедном обществе, или совершать религиозные действия, или участвовать в обрядах какого-нибудь вероисповедания; никто не должен был отказываться в силу своих религиозных убеждений от исполнения гражданских или политических обязанностей, кроме случаев, точно в законе указываемых; устанавливалась свобода выхода и перехода из одного вероисповедания в другое; изменялся порядок ведения актов гражданского состояния и порядок преподавания вероучения на началах свободы совести и равенства вероисповеданий*.

По мнению кадетов, следовало бы принять закон — своего рода манифест о свободе совести. Причем, что очень важно, манифест исходил из принципиального положения, что не национальная принадлежность автоматически определяет религиозное самоопределение личности, а сама личность решает для себя этот вопрос, который становится делом выбора ее внутренних убеждений. Отсюда и другое важное положение — именно свободные личности, объединяясь в религиозные сообщества, определяют свободную деятельность религиозных сообществ. Лишь восприняв эти новые подходы, можно приступить к формированию религиозного законодательства, рассматривать и принимать законы, регулирующие те или иные конкретные практические стороны деятельности религиозных организаций различных направлений.

Однако первый опыт парламентаризма в России оказался неудачным. 6 июля 1906 года председатель Совета министров покойной Иван Горемыкин был заменен энергичным министром внутренних дел Петром Столыпиным. 9 июля 1906 года депутаты пришли в Таврический дворец на очередное заседание, но нагнулись на закрытые двери. Рядом на столбе висел манифест за подписью царя о прекращении работы Первой думы, так как она, призванная «вносить спокойствие» в общество, лишь «разжигает смуту». То была реакция правительства и императора на требова-

* Государственная Дума. Второй созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. СПб., 1907. С. 548.

ния Думы удовлетворить предложения народных представителей о введении всеобщих выборов, личной ответственности министров, о гарантии гражданских свобод, включая право на забастовку, об отмене смертной казни, о полной политической амнистии, проведении аграрной реформы и, наконец, на вотум недоверия правительству и требования его отставки.

Дума была распущена с нарушением действующего закона о выборах, согласно которому вместе с роспуском должна была объявляться и дата новых выборов Думы. Этого не было сделано по политическим соображениям. Новый премьер-министр П. А. Столыпин тянул время, чтобы попытаться создать коалицию с думскими фракциями и иметь возможность проведения собственных законопроектов по принципиальным вопросам. Переговоры с наиболее влиятельными политическими партиями и общественными лидерами на предмет их вхождения в состав правительства не принесли успеха. Тогда был взят курс на «очищение пространства» от неугодных видных деятелей предшествующей Думы путем арестов и административной ссылки и на проведение масштабных гонений на оппозиционные периодические издания.

Представители различных монархических организаций испытывали чувство глубокого удовлетворения в связи с роспуском Думы. Лидер Союза русского народа Дубровин в телеграмме царю писал: «Взволнованные неопишущей радостью при известии о закрытии революционного гнезда... не находим слов для выражения своих чувств глубочайшей благодарности». Иоанн Кронштадтский вполне разделял эту позицию, он был убежден, что только «сильной рукой» возможно наведение порядка в стране и возвращение к безграничной монаршей власти. Уже в этот момент между монархистами и Иоанном Кронштадтским на почве общности политических взглядов и религиозных идеалов начинается движение навстречу друг другу. В подтверждение приведем некоторые из высказываний Иоанна этого периода: «Единодержавие и самодержавие есть самая естественная и Богом указанная форма правления, всего более споспешествующая благоденствию и успехам государства и благу подданных»; или: «Держись же, Россия, твердо веры своей, и Церкви, царя православного, если хочешь быть непоколебленною людьми неверия и безначалия и не хочешь лишиться царства и царя православного. А если отпадешь от своей веры, как уже отпали от нее многие интеллигенты, — то не будешь уже Россией или Русью святой, а сбродом всяких иноверцев, стремящихся истребить друг друга»*.

* *Сергиев И. И.* Обличительные проповеди отца Иоанна Кронштадтского. СПб., 1914. С. 5–7.

Этот союз двух сил имел перспективу, ведь их в равной мере обожаемый император также не любил и с открытым пренебрежением относился к интеллигенции, а в членах Союза русского народа видел «истинных русских людей», на которых он только и мог опереться. Николай неоднократно принимал делегации монархистов и на все попытки «открыть ему глаза» на творимые ими погромы и беззакония заявлял: «Буду миловать преданных! Вы моя опора и надежда!»

Каким диссонансом звучат слова С. Ю. Витте о монархистах! «Политические проходимцы, люди грязные по мыслям и чувствам, не имеют ни одной жизнеспособной и честной политической идеи, и все свои усилия направляют на разжигание самых низких страстей дикой, темной толпы. Партия эта, находясь под крылом двуглавого орла, может произвести ужасные погромы и потрясения, но ничего, кроме отрицательного, создать не может... Она состоит из темной, дикой массы, вожаков — политических негодяев... Черносотенцы преследуют в громадном большинстве случаев цели эгоистические, самые низкие, цели желудочные и карманные. Это типы лабазников и убийц из-за угла... Черносотенцы нанимают убийц; их армия — это хулиганы самого низкого разряда... И бедный государь мечтает, опираясь на эту партию, восстановить величие России. Бедный государь»*.

Не зря, не зря и Николай, и Грингмут, и Дубровин, и Иоанн Кронштадтский платили Витте ненавистью, обвиняя его в умалении монархии, в развале и предательстве России. И это был еще один пункт, который всех их объединял.

К лету 1906 года Иоанн Кронштадтский несколько оправился после болезней и стал предпринимать отдельные недалекие поездки, в основном в Санкт-Петербург и Москву. В воспоминаниях епископа Арсения (Жадановского) сохранилось упоминание о посещении Иоанном Чудова монастыря в Московском Кремле**. Он осмотрел наместническое помещение, в котором его принимал Арсений, будучи тогда еще архимандритом. Прошел по монастырским покоем, осмотрел храмы и помолился у святынь. Особенно его заинтересовала ризница, где хранилось Евангелие, писанное митрополитом Алексием. Долго держа его в руках, он прикладывал святыню к голове, лобызал и восторженно говорил: «Какое мне сегодня счастье — вижу и целую собственную рукопись великого святителя». Затем, приложившись к честным мощам угодника, ласково простился со всеми и уехал.

На другой день Иоанн служил по приглашению в церк-

* *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. I—III. М.; Пг., 1923. Т. I. С. 417.

** *Арсений (Жадановский), епископ.* Воспоминания. М., 1995. С. 152.

ви при общине «Утоли Моя Печали». Как и обычно, народу было много. Батюшка служил истово, заражая тем всех присутствовавших. Потом говорил слово при полной тишине и глубочайшем внимании паствы. Не обошлось без хотя и завуалированных, но политических моментов, всеми благосклонно воспринятых. После литургии в квартире начальницы общины был устроен стол для именитых гостей, меценатов и жертвователей. По обыкновению, Иоанн был приветлив ко всем, но к еде почти не притронулся, раздавая со своей тарелки кушанья собравшимся за столом.

Московский день Иоанна был плотно спланирован встречами и служениями, потому он долго не засиживался, а отправился далее — в дома своих почитателей. Ближе к вечеру он приехал к Мироновым. Попив со всеми чаю, во время которого к нему подводили детей, показывали больных и спрашивали советов, он во всеуслышание объявил: «А теперь я почитаю святое Евангелие и немного отдохну». С этой целью батюшка перешел в другую комнату, сел на диван и углубился в чтение, несмотря на то, что взоры присутствующих были устремлены на него. Тут же положив под голову подушку, он задремал...

При прощании отец Иоанн одаривал всех подарками. Архимандриту Арсению, который весь день был рядом с ним, подарил свой дневник «Горе сердца!» с собственноручной подписью и теплый подрясник на гагачьем пуху, покрытый шелковой розовой материей с цветами. Арсений, в свою очередь, поднес ему иконку святителя Алексия. Батюшка поцеловал ее и положил в боковой карман со словами: «Глубоко тронут».

...Политическая жизнь в стране развивалась по своим законам. Николай II был уверен в поддержке православной церкви в тяжелое для монархии время и рассчитывал, что она в ходе предстоящих выборов во Вторую думу сможет оказать влияние на население. Святейший синод и первенствующий его член митрополит Антоний (Вадковский) в августе 1906 года разъяснили духовенству, что и как оно должно делать на местах. «Накануне великого дела выборов в государственную Думу, к участию в которых Державною волей призвано и духовенство, особенно важно направить пастырей ко благу народа и государства, — писал Антоний. — Многие будут приходить к ним, многие будут сулить им и народу все блага земные, лишь бы они подали за них свой голос и к тому же побудили свою паству. И трудно будет пастырю разобраться среди политических распрей и партийных споров. Но нам надлежит указать, что у них есть высшая, непреходящая мера, которой измеряется всякое деяние человеческое. Не на слова, не на обещания, не на широковещательные политические программы пусть обра-

шают они внимание свое, а лишь на то, держит ли приходящий к ним в сердце своем христианский закон любви и правды, соблюдает ли он этот христианский закон в жизни своей и радеет ли о благе Церкви и Отечества. С этим высшим руководством пастырь может смело идти в самый водоворот жизни народной, в уверенности, что он не только сам не ошибется, но и многих колеблющихся и заблудших возвратит на путь спасения, и силой любви своей явится победителем в духовной борьбе со злом, подтачивающим все вековые устои жизни русского народа»*.

Избирательная кампания во Вторую Государственную думу проходила на фоне хотя и затухающей, но продолжающейся революции. Так, «беспорядки на аграрной почве» в июле 1906 года охватили 32 губернии России, а в августе 1906 года крестьянскими волнениями была охвачена половина уездов Европейской России. Царское правительство окончательно встало на путь открытого террора в борьбе с революционным движением: учреждены военно-полевые суды, сурово преследуются революционеры, приостановлен выпуск 260 ежедневных и периодических изданий, применяются административные санкции к оппозиционным партиям.

Премьер-министр Столыпин в своей политической деятельности все более и более смыкался с национал-монархическими организациями. Те, в свою очередь, демонстрировали активность, повсеместное присутствие на российском пространстве и свою готовность стать опорой трону. Задачи участия в думской предвыборной кампании и вопрос о необходимости объединения монархических организаций обсуждались в начале октября 1906 года в Киеве на 3-м Всероссийском съезде русских людей. Съезд был многолюдным — около 500 человек из 60 губерний. Присутствовали все ведущие деятели монархического движения. В адрес съезда пришли приветственные телеграммы от митрополита Московского Владимира (Богоявленского), архиепископа Волынского Антония (Храповицкого), епископа Саратовского Гермогена (Долганова). Ободрительную телеграмму прислал Иоанн Кронштадтский: «Восторженно слежу за речами и деяниями съезда и благодарю от всего сердца Господа, смилостившегося над Россией и собравшего около колыбели русского христианства верных чад Своих для единокровной защиты Веры, Царя и Отечества».

Русская православная церковь плавно дрейфовала в сторону национал-монархического крыла. В ноябре 1906 года Синод одобрил «Правила, определяющие отношения церковной

* ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 45. Л. 1 об.

власти к обществам и союзам, возникшим в недрах православной церкви и вне ее, и к общественно-политической и литературной деятельности церковных должностных лиц». Тем самым от Церкви безжалостно отсекались все те из духовенства, кто был замечен в политической нелояльности и в церковном либерализме. Среди них, можно с уверенностью назвать, — священники К. Агеев, В. Свенцицкий, Григорий Петров, архимандрит Михаил (Семенов), епископ Антонин (Грановский), профессор Киевской духовной академии В. Экземплярский, а также общественные деятели — С. Булгаков, В. Эрн, Н. Бердяев, которые критиковали казенную Церковь и призывали ее «обновиться», приблизиться к нуждам простых верующих, «перестраиваться» на идеях христианского социализма — движения, зародившегося во Франции в 30–40-х годах XIX века, наиболее ярким представителем которого был бывший католический священник Ф. Р. Ламенне*.

Отныне всякие «союзы и движения», образованные «таким» духовенством или «такими» активными мирянами, брались под жесткий контроль правящих архиереев. Иоанн приветствовал этот подход и вносил свою лепту в осуждение духовных лиц, «соблазнившихся» революцией и реформами в Церкви. Показательно его отношение к популярному в те годы священнику Григорию Петрову, автору выдержавшего десятки изданий труда «Евангелие как основа жизни»; на чьи проповеди в церкви Михайловского артиллерийского училища стекались и бедный люд, и образованное высшее общество, активному борцу за народную трезвость. Его взгляды отличались от официального православия, распространяемого епископатом и подведомственным ему духовенством. Он ратовал не за внешние, обрядовые формы религиозности, а стремился раскрыть внутреннее нравственное содержание христианского учения, обратить человека на путь самоуглубленного анализа своего «я», своей веры и вытекающей из них деятельности. В чем-то его идеи имели точки соприкосновения со взглядами Льва Толстого.

Популярность Григория Петрова была столь велика, что кадеты сделали всё, чтобы провести его во Вторую думу, где он стал членом кадетской фракции. По завершении выборов Петров направил телеграмму в адрес Думы со словами, выражавшими его политические и нравственные идеалы: «Привет излюбленным избранникам народа, начальникам измученной страны. Пред Думою — труд великой важности. На месте курной, убогой, завалившейся бюрократической избы, где

* Шейнман М. М. Христианский социализм. М., 1969.

долгие века насильственно томился хозяин страны — народ-великан, — надлежит создать великий храм народовластия с широким простором свободы и высоким куполом вечной Божией правды. Дружно, избранники-братья! За работу, мудро взвешивая каждый взмах своего трудового молота! Все, кто любит искренно народ, кому дороги заветы правды, кто жизнь готов отдать за общее благо, — в общий строй плечом к плечу, в общей борьбе за благо и право народа, в тесном общении со всею страной! Бог в помощь твердо начать и успешно в свое время кончить дело обновления России! Началась всеобъемлющая и свободная правда».

Иоанн спешит заклеить отступника, вместе с которым он еще так недавно совместно участвовал в церковно-общественных акциях, но теперь оказавшегося на другой стороне политико-церковного фронта. «Учение это, — имея в виду взгляды Григория Петрова, пишет священник, — опасно в нравственном отношении, ибо прививает народу страшную по своим последствиям похоть власти, ту похоть, от которой более всего желал отворотить Иисус Христос своих последователей. Учение это не христианское... ибо Царь наш и Владыка — Бог, а не народ; Господь воцарился, в лепоту облечется, — Господь властвует, а не народ; от Бога и власть земная, а не от народа; Бог избирал царей и помазывал, а не народ; Господь возводит и низводит царей, а не народ. Народ в той же мере может избирать царя, как дети избирают отца и мать».

Следует подчеркнуть, что отношения лидера черносотенцев Дубровина с первенствующим членом Синода митрополитом Петербургским и Ладужским Антонием (Вадковским) были далеко не безоблачными. Владыка Антоний критиковал лидеров «черной сотни» за вмешательство в сферу деятельности Церкви, а также и тех священников, которые активно занимались политической (преимущественно правой) деятельностью. 15 ноября 1906 года представители Главного совета Союза русского народа явились к митрополиту, чтобы просить его совершить богослужение по случаю освящения хоругви и знамени союза. Антоний решительно отказался. Возникла перепалка, и, как потом свидетельствовал Дубровин, архиерей заявил, что «...правым вашим партиям я не сочувствую и считаю Вас террористами: террористы—левые бросают бомбы, а правые партии вместо бомб забрасывают камнями всех с ними не согласных».

Монархисты нашли замену митрополиту в лице Иоанна Кронштадтского. Именно он 26 ноября 1906 года, в день памяти Георгия Победоносца, явился в Михайловский манеж на митинг-собрание монархистов. В присутствии более двадцати

тысяч человек он окропил хоругвь и знамя Союза русского народа святой водой, с благоговением поцеловал знамя и вручил его преклонившему колена председателю союза Дубровину, а затем напутствовал монархистов приветственным словом. Когда пламенную речь произнес Дубровин, сообщавший, как не по дням, а по часам растет Союз русского народа, превращаясь в грозную для врагов силу, Иоанн приветливо слушал и одобрительно кивал головой.

Наверное, нельзя не учитывать и личных взаимоотношений Иоанна и Антония. Хотя публично они выглядели благопристойно: как отношения приходского священника и правящего архиерея. Но все знали, что в них не было «христианской любви», а — взаимная неприязнь и предубежденность. С очевидностью со стороны Иоанна это прорвется в его дневнике под датой 7 октября 1908 года: «Господи, убери м<итрополита> Антония... и проч<их> неверных людей! Пошли твердых в вере и благочестии. Буди!»

Конфликт между Антонием и Дубровиным приобрел публичное звучание, когда 2 декабря 1906 года было опубликовано открытое письмо Дубровина митрополиту. Приведем несколько характерных цитат из этого документа. «Воспитанный в духе либеральных веяний 60-х и 70-х годов, Вы, овдовевши, из профессорского фрака спокойно переделались в рясу; но ряса не согрела Вас: и до сих пор Вы остались, в сущности, в том же фраке — бездушным, формальным исполнителем не духа, а буквы закона», — пишет Дубровин. Кроме того, по мнению Дубровина, владыка Антоний находится в союзе с «преступным провокатором» графом С. Ю. Витте, а также покровительствует церковному либерализму: «Вы... превратили Духовные академии в революционные гнезда, предоставив им автономию... все противоцерковное, противогосударственное в среде духовенства выросло около Вас, пользовалось Вашим покровительством в столице». Были и политические обвинения: «...при Вашем безмолвии и потакательстве рясофорным крамольникам дело революции шло успешно: бунтовал “Потемкин”, бунтовали запасные, бунтовали рабочие, бунтовали академии и семинарии, гибло народное достояние, поджаривая на горячих плитах русских патриотов-рабочих, расстреливали губернаторов, солдат, казаков, полицейских. Шайки грабителей врывались среди белого дня в банки и общественные учреждения, в винные лавки и почтовые конторы, на фабрики и заводы, в магазины и жилища частных лиц и, нагло угрожая смертью и часто зверски убивая, расхищали деньги и драгоценности... Русская жизнь целиком потекла под ак-

компанемент револьверных выстрелов и свист разрывающихся бомб»*.

Наступивший 1907 год видимых изменений в ситуацию в стране не принес. Вплоть до лета, то есть до разгона и Второй Государственной думы, страна продолжала испытывать на себе тяжкое дыхание революции.

В жизнь же Иоанна год этот принес множество личных страданий и переживаний. Первым из ударов судьбы стала пришедшая в дом Иоанна в конце марта газетная весть о смерти бывшего многолетнего обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева. Отправленный Николаем II без какого-либо сожаления в отставку в бурный 1905 год, он жил в столице практически в одиночестве, стараясь не привлекать к себе внимания общественности. Но, безусловно, переживая и предательство Николая II по отношению к себе лично, и «церковные нестроения».

Отложив газету со скорбным сообщением, Иоанн предался воспоминаниям. Почему-то сразу припомнилась речь Победоносцева в Государственном совете в марте далекого 1881 года при вступлении на пост обер-прокурора. «Что такое Конституция? — вопрошал он. — Орудие всякой неправды, источник всяческих интриг. — К чему привело освобождение крестьян? — К тому, что исчезла надлежащая власть, без которой не может обойтись масса темных людей. — Что такое новые судебные учреждения? — Новые говорильни адвокатов». ...Под каждым словом Иоанн сегодня, как и вчера, мог подписаться.

— Теперь его нет... — говорил сам себе Иоанн, — нет защитника веры и Церкви, православной государственности и патриархальных устоев, на которых зиждилась Великая Россия... а без них какая же Россия?

Припомнились и другие слова, сказанные Победоносцевым во время недавних обсуждений в правительстве реформ вероисповедных, допуская свободу в России и для протестантских общин: «Я знаю, господа, государства, — говорил он, — в которых допущено обращение иностранной монеты, но я не знаю такого, в котором допускалось бы обращение фальшивой!»

* Цит. по: История Русской православной церкви. Т. 1. 1917–1970. СПб., 1997. С. 777. Отметим, что в конце концов примирение Дубровина и Антония состоялось. Так, 11 февраля 1908 года митрополит Антоний служил молебен перед открытием Всероссийского съезда Союза русского народа. По окончании молебна в ответ на благодарность владыка Антоний облобызал Дубровина и сказал: «Призываю благословение Божие на великое дело установить мир и тишину в нашей дорогой Родине, о чем Союз Русского Народа ежечасно молит Святая Церковь».

— Как верно, как верно сказано, — проговорил негромко Иоанн. — Эх, как жаль, что не провел он до конца свои проекты: запретить сектантам покидать города и деревни; судить не мирским, а духовным судом; в паспортах отметину поставить, чтобы не могли ни быть наняты, ни укрыты, чтобы само пребывание их в России стало невозможным; запретить законом покупать, продавать, иметь собственность; а детей у них отнять и воспитывать в православной вере — сейчас бы не маялись! А теперь они — неверные, иноверные, жида, раскольники... и прочая нечисть — встали вокруг, бунтуют против трона, церкви Русской, надеясь на погибель земли Русской, веры православной, народа русского! А с ними все те, в ком нет веры, нет благочестия, нет любви к отечеству!

Иоанн и Победоносцев во многом были родственными душами во взглядах на предназначение монархии и православной веры в России, на роль и место православной церкви в государственной и общественной жизни. Они оба не допускали и мысли о каких-либо изменениях во взаимоотношении Русского государства и Русской церкви, о церковных реформах, направленных на умаление положения Церкви и дарование свобод иным церквям и религиям. Оба ненавидели либеральное и тем более революционное движение в России, покушавшееся, по их мнению, на вековые устои Русского государства. В общественном и церковном сознании они воспринимались как два столпа старой, кондовой Руси и два возможных ее охранителя. И вот теперь, когда одного из них не стало, многие устремили свои надежды на Иоанна Кронштадтского, связывая с его именем победу над всеми вызовами Российской империи начала века двадцатого. Казалось, Иоанн оправдывает эти надежды, укрепляя и расширяя союз с национал-монархическими силами, с императором.

...В конце апреля Москва принимала съезд монархических организаций. В церкви Епархиального дома (Лихов переулок) протоиереем Иоанном Восторговым была отслужена литургия и совершено освящение хоругвей монархических организаций, которых в этот раз было уже более 130. Сразу же от дома начался крестный ход в Кремль. Лес знамен пришел в движение; раздалось пение пасхальных стихир. Шествие возглавил известный московский литератор И. В. Торопов, одетый по такому случаю в дворянский мундир, с большим жезлом в руке, напоминавшим жезлы церемониймейстера. Через плечо у него был перекинут широкий шарф из материи национальных цветов. По бокам колонны, надзирая за порядком, шли студенты и гимназисты, тоже в шарфах и с жезлами. У всех участвовавших в процессии были членские значки, розетки из на-

циональных цветов. Несколько рабочих имели даже рубашки, обшитые лентами русских цветов. По мере того как процессия приближалась к Кремлю, в нее вливались новые толпы. Крестный ход проследовал в Кремль и остановился у места убийства великого князя Сергея Александровича, где была пропета «Вечная память».

Затем в Успенском соборе совершил литургию митрополит Московский и Коломенский Владимир (Богоявленский) в сослужении епископов Орловского и Севского Серафима (Чичагова), Тамбовского Иннокентия (Беляева) и московских викарных епископов Дмитровского Трифона (Туркестанова), Можайского Серафима (Голубятникова) и Серпуховского Анастасия (Грибановского). От Успенского собора крестный ход во главе с митрополитом Владимиром двинулся через Спасские ворота на Красную площадь. У памятника Кузьме Минину и князю Дмитрию Пожарскому была отслужена литургия с провозглашением «Вечной памяти» спасителям отечества. Далее крестный ход двинулся по Тверской до дома генерал-губернатора, который в окружении адъютантов и членов семьи вышел на балкон приветствовать монархическое шествие. Произнесенная им здравица государю встречена была дружным «ура!» и пением гимна. По Тверской и Дмитровке крестный ход вернулся к Епархиальному дому.

Назавтра, 26 апреля, в гостинице «Континенталь» начались заседания съезда по отделам: государственной безопасности, школьному, земельному и переселенческому, рабочему, окраинному, еврейскому и объединения монархических организаций. В резолюциях съезда отражены были чаяния сил, противостоявших революции и либеральному освободительному движению. Съезд призвал к роспуску Думы, к изменению выборного законодательства, к введению военного положения, к восстановлению действия военно-полевых судов, к «обузданию» либеральной и революционной печати, к всемерному ограничению прав евреев, к поддержке церковно-приходских школ, к сохранению крестьянской общины, к поддержке обществ и союзов «русских рабочих», основанных на началах «Православия, Самодержавия и Народности», к сохранению «единой и неделимой России» и против каких-либо национальных автономий, к сохранению «господствующего положения» православной церкви в центре и на окраинах.

Съезд, завершившийся 1 мая, замыслился как грандиозная манифестация монархистов, как своего рода символ и демонстрация победы над «смутой». Участвовали в нем около девяти-сот делегатов, из которых почти две трети составили крестьяне, было и несколько десятков священников. Нет сомнений,

что принятые съездом документы были положены в основу ближайших политических решений и действий императора и правительства Столыпина. Что касается Иоанна Кронштадтского, то он был активным участником съезда, выступая в его заседаниях, редактируя резолюции по основным церковно-политическим вопросам.

На лето пришлось еще несколько важных событий в общественной и личной жизни пастыря. Требование съезда о разгоне Второй Государственной думы, которая и открыла-то свои заседания всего лишь в феврале, было исполнено вскорости. Над предлогом особо не размышляли. Казалось вполне достаточным просто объявить о нахождении среди депутатов «заговорщиков», потребовать лишения их неприкосновенности и предать суду. Это сделал П. Столыпин 1 июня 1907 года на экстренно созванном заседании Думы. 3 июня Николай II объявил о роспуске Второй думы и об изменении избирательного закона. С точки зрения тогдашних правовых норм, закрепленных в новой редакции Основных законов, это означало государственный переворот, ибо выборное законодательство не подлежало изменениям без санкции народного представительства — Государственной думы. Но ведь еще в марте, выступая в Думе, Столыпин говорил о реформах, о «перестройке» государственно-национального бытия России, чтобы превратить ее в «правовое государство», где главенствует «писанный закон, а не воля отдельных лиц»... и на тебе — переворот! Считается, что акт 3 июня означал завершение российской революции 1905—1907 годов.

Нельзя не согласиться с современными исследователями русского конституционализма в том, что третьеиюньские акты сыграли роковую роль в его судьбе. В проигрыше оказались те, кто выступал за эволюционные изменения, а в выигрыше — все те, кто настаивал, что реформы осуществимы исключительно как следствие активного (насильственного) социального протеста масс и революции. Идея «силового разрешения» общественного конфликта получила дополнительные импульсы к своему распространению и усвоению в народных массах*. И всходы вззошли — в мятежном 1917 году!

Силовое подавление революции обернулось новыми насильственными акциями. Страну захлестывала волна погромов, псевдопатриотических монархических манифестаций. Повсеместно буйствовали члены Союза русского народа, сотнями насчитывались убитые, тысячами — раненые. Даже либеральный журнал «Московский еженедельник», характеризуя

* Русский конституционализм в период Думской монархии. Сборник документов. М., 2003. С. 9—10.

«усмирительную политику» Столыпина, не удержался, чтобы не отметить: «Вся деятельность министерства Столыпина, начиная с условий, в которых оно произвело роспуск Думы, продолжая суровыми репрессиями и казнями по решениям упрощенных военно-полевых судов, спешным законодательством без участия народных представителей и кончая вопиющими небрежностью, бесконтрольностью и самовластием в продовольственном деле, грозящими погубить десятки и сотни тысяч людей — вся эта деятельность исполнена преступными пережитками старого произвола и служит вредным тормозом для развития в народном правосознании начал законности и свободы»*.

Весь начальный либерализм и реформаторский дух Столыпина в конце концов обратился в защиту, не гнушаясь силы и террора, политического статус-кво, отжившей и более неприемлемой для российского общества монархии. О каких религиозных свободах можно было говорить?! На поверку оказалось, что премьер готов на всё, чтобы сохранить «первенствующее» и «господствующее» положение государственной Церкви за счет подавления и ограничений всяких иных мировоззренческих свобод — иноверной, инославной, нерелигиозной. Петр Аркадьевич был могильщиком всякой свободной мысли, демократии, законности и народоправства. Им владела одна идея — исполнить свой служебный долг перед монархом так, как он его понимал, дабы существовавшее на тот момент самодержавие при минимальном косметическом «припудривании» существовало вовек. Он поставил интересы самодержавия (государства) выше интересов человека (подданного Российской империи).

Православную церковь со столыпинскими деяниями примирало то, что она была частью государственного аппарата самодержавной России, «ведомством православного исповедания», призванного исполнять власть венценосного самодержца, бывшего одновременно и главой православной церкви. А также и то, что Столыпин, будучи монархистом, обещая вероисповедные реформы, без устали заявлял, что «в основу всех законов о свободе совести» будут положены «начала христианского государства, в котором Православная церковь, как господствующая, пользуется данью особого уважения и особой со стороны государства охраною», что права и преимущества Церкви будут полностью сохранены.

Иоанн Кронштадтский всемерно одобрял и поддерживал курс Столыпина, воспринимая его как необходимый жест-

* *Одинцов М. И.* Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002. С. 8–9.

кий ответ «разорителям» России. Ему казалось, что наступает некое успокоение в стране, возвращение к порядкам, взорванным революцией 1905 года. Он считал, что кроме силовых мер в отношении «зачинщиков» и «возмутителей» беспорядков необходимо общее покаяние и осознание грехов. Он зывал: «Крепись, Россия! Но и кайся, молись, плачь горячими слезами перед твоим небесным Отцом, которого ты безмерно прогневала!.. Господь, как искусный врач, подвергает нас разным искушениям, скорбям, болезням и бедам, чтобы очистить нас, как золото, в горниле. Душа, закосневшая во грехах всякого рода, нелегко поддается чистке и врачеванию, но с большим принуждением и терпкостью, и только через долгий опыт терпения и страданий осваивается с добродетелью и начинает горячо любить Бога, коего была чужда, научившись всяким грехам плотским». Раз за разом повторял Иоанн, что происшедшее с Россией есть «праведная кара Божья за грехи русского народа». Он требовал осознания этого ото всех и предлагал и вполне прагматичные пути к «возрождению России» — защита монархии и государственной церкви, безусловное исполнение всех и всяческих благопожеланий «истинно русских людей», объединившихся в патриотические организации под лозунгами Православия, Самодержавия и Народности.

Если события на политическом фронте радовали Иоанна, то поступавшие в его дом известия личного характера — огорчали. Так, 8 июня пришло сообщение о смерти барона О. О. Буксгевдена — многолетнего соратника Иоанна по благотворительной деятельности и в деле учреждения домов трудолюбия в России. С особой тяжестью в сердце воспринимал тот факт, что кончина его была трагична: он был убит собственным психически больным сыном.

В августе же взволновали и нарушили покой свершившиеся перемены в церковно-административном устройстве Санкт-Петербургской епархии. Было учреждено Кронштадтское викариатство, а 6 августа 1907 года в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры архимандрит Владимир Путята был рукоположен во епископа Кронштадтского, с одновременным поручением заведовать всеми русскими заграницными церквями в Европе, за исключением церквей, находящихся в Афинах и Константинополе.

Каких-либо сведений о знакомстве Иоанна с новым епископом выявить не удалось. По всей видимости, пути их не пересекались. И не мудрено, Путята — представитель древней родовой фамилии, столпом которой был киевский тысяцкий Путята, прославившийся при князе Владимире насаждением христианства в Новгороде. Тот самый, что фигурирует в извест-

ной поговорке народной: «Путята крестил мечом, а Добрыня огнем». Епископ Владимир Путята получил прекрасное образование, знал несколько иностранных и древних языков, имел магистерскую степень. К тому же, как поговаривали, он был с молодости близок к императору Николаю II. Одновременно в церковном мире известны были и слабости этого внешне очаровательного мужчины — любовь к дамскому обществу и светской жизни, весьма вольное распоряжение казенными деньгами в период служения настоятелем посольских церквей в Риме и Париже.

Понятно, что интересы приходов, вошедших отныне в состав Кронштадтского викариатства, были весьма далеки от планов и намерений нового епископа. Да, собственно, он и не скрывал, что именно «под него» было создано викариатство, чтобы хиротонисать его во епископы и одновременно вывести из сложной ситуации недовольства им со стороны Синода и заграничных государственных служб слишком вольным и свободным стилем жизни. Вряд ли такой выбор одобрялся Иоанном Кронштадтским, хотя он и не успел близко познакомиться с новым епископом. Да и тот как-то к этому и не стремился, хотя «не замечать» настоятеля главного (и в духовном, и в материальном отношении) собора своего викариатства не мог.

На сентябрь 1907 года пришлось еще две потери близких Иоанну людей. 10 сентября, возвращаясь из поездки в Астрахань, Иоанн остановился в Москве. По сложившейся практике он намеревался отправиться с визитом к своей покровительнице М. П. Дюгамель. Но выяснилось, что она скончалась буквально накануне его приезда в Москву. Иоанн тотчас приехал в ее дом поклониться праху и отслужил парастас — заупокойную молитву. Спустя три недели, 28 сентября, пришло известие о скоропостижной кончине В. А. Грингмута. Примечательно, что хоронили одного из лидеров русских монархистов в День Покрова Пресвятой Богородицы, ставший праздничным днем для монархического движения.

Летом—осенью 1907 года согласно указам императора должны были состояться выборы депутатов в Третью Государственную думу. Опубликованный новый избирательный закон направлен был на то, чтобы не допустить оппозицию в парламент и сформировать в Думе проправительственное, правонационалистическое большинство. Собственно, этого никто и не скрывал, не зря же один из ближайших помощников Столыпина, С. Е. Крыжановский, писал, имея в виду избирательный закон как «орудие» реализации этой цели: «Система эта помимо своей простоты и устойчивости... представляет еще и

то преимущество, что дает возможность преопределить число представителей от каждого класса населения, установив таким образом состав Думы в соответствии с видами правительственной работы»*.

Нельзя не отметить, что православная церковь выступила в этот момент послушным механизмом власти. В Положение о выборах включен был ряд пунктов, способствовавших прохождению как депутатов от духовенства, так и его возможности поддержать проправительственных кандидатов. Как писал «Московский еженедельник»: «...оно (православное духовенство. — М. О.) и раньше имело большое влияние на исход выборов, теперь же это влияние еще более усилилось: в Киевской губернии, например, из 12 уездов в девяти священникам принадлежит абсолютное большинство на предварительных съездах землевладельцев, и иногда их большинство достигает такой величины, что они являются полными господами положения»**. Думается, что такой же попыткой влияния было и решение правительства выделить в канун выборов 200 тысяч рублей на увеличение содержания городского и сельского духовенства.

Иоанн Кронштадтский, не занимая каких-либо официальных постов в выборных органах, был активным «проводником» в Думу «новых людей» — тех, кому, по его мнению, отныне должно было принадлежать первое место в законодательных делах. В своих проповедях и построенных на них статьях он, обращаясь к российским подданным, требовал и призывал: «Умолкните же вы, мечтательные конституционалисты и парламентареры! Отойдите вы, противящиеся Божию велению. Не вам распорядиться престолами царей земных. Прочь, дерзновенные, не умеющие управлять и сами собою, но пререкающиеся друг с другом и ничего существенного для России не сделавшие. От Господа подается власть, сила, мужество и мудрость Царю управлять своими подданными. Но, да приблизятся к Престолу достойные помощники, имеющие Божию, правую совесть и страх Божий, любящие Бога и Церковь Его, которую Он Сам основал на земле. И да бегут от Престола все, у коих сожжена совесть, в коих нет совета правого, мудрого, благонамеренного, как это было еще недавно с первым министром-предателем. Вникните в слова пророка и царя Давида вы, особенно собирающиеся в третью Государственную Думу и готовящиеся быть советниками Царю, держава которого занимает шестую часть света, и изучите всесторонне ее потребности и нужды, болезни и раны родины, ее бесчислен-

* *Аврех П. А.* Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 27.

** *Московский еженедельник.* 1907. № 32. С. 59.

ные сокровища земли и воды, коими так много пользуются иностранцы, по непредприимчивости русских, и будьте правою рукой его, очами его, искренними и верными, деятельными доброжелателями и советниками его, и при этом богобоязливыми и неизменными веро и отечеству».

Итоги выборов свидетельствовали о возрастающем влиянии националистов и монархистов и об активном вступлении в политику Русской православной церкви. Не зря печать именовала Третью думу «национальной», «русской». Во вновь избранной Думе около 150 депутатов представляли монархические и национальные организации и могли рассчитывать в союзе с другими правыми фракциями сформировать блок, на который мог опираться Столыпин.

Наличие клерикально-политических притязаний Церкви подтверждает тот факт, что в канун начала работы Думы в церковных кругах активно обсуждался вопрос о возможности формирования самостоятельной православной фракции, дабы отстаивать интересы Русской церкви. Но эта идея не нашла поддержки в высших сферах. Православную церковь представлял уже 51 человек, в том числе два епископа. Однако «лицо» «православных депутатов» кардинально поменялось. Если в Первой и Второй думе священники-депутаты — как правило, от сельских приходов — выражали настроения беднейшей паствы, а некоторые из них примыкали к «трудовикам», сочувствовали социал-демократам и «заражены» были идеями «христианского социализма», то теперь это были епархиальные миссионеры, ректоры духовных семинарий, благочинные, не стеснявшиеся публично заявлять о своих правых убеждениях. В обиходе эту Думу даже называли «фиолетовой» — по цвету одежды духовенства. Депутаты-священники, примыкая к правым и национальным фракциям, вошли в составы комиссий для обсуждения наиболее важных с точки зрения Церкви проблем — вероисповедную, народного просвещения, бюджетную, аграрную. Их парламентская деятельность координировалась церковными органами, и жили они в здании Митрофаньевского подворья. Здесь, как впоследствии вспоминал митрополит Евлогий (Георгиевский), «...мы сообща разрабатывали законопроекты, привлекая, когда надобилось, известных канонистов и профессоров. По праздникам и воскресным дням, довольно торжественно, соборно совершали богослужение, привлекая массу богомольцев»*.

Так что можно утверждать, что Столыпин — политически-

* *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 175.

ми средствами, а Иоанн — средствами церковными формировали Третью думу. Это была та Дума, о которой С. Ю. Витте писал, что ее реальный хозяин — Столыпин — представил возможность говорить о чем угодно, только не касаться вопросов ситуации в стране, где правил «режим белого террора и полного административного произвола»*. Суть «сбережения» Столыпина на премьерском посту состояла в том, чтобы, сохраняя некий внешний флер эволюционизма и конституционализма, вести дело к восстановлению и укреплению поколебленной в годы революции власти царя и первого российского сословия — дворянства. И именно отсюда лозунг: «Сначала успокоение, потом реформы», в чем-то перекликавшийся с идеей «безмолвной замороженной России» Николая I. Не случайно Третья дума получила в народе еще одно наименование — «господская Дума» или «контрреволюционная Дума».

На фоне возрастания политической активности монархического движения Иоанн Кронштадтский приобретает все большую публичность и популярность как выразитель право-монархических взглядов внутри Церкви. 15 октября 1907 года постановлением Главного совета Союза русского народа его избирают пожизненным почетным членом организации. 19 октября, в день его ангела, депутация союза во главе с графом Э. И. Коновницыным прибыла в Кронштадт. Иоанну поднесли грамоту, в которой говорилось: «Главный Совет Союза русского народа единодушно призывает Тебя, почитаемый пастырь, оказать делу служения его на благо великой Русской народности непрестанную молитвенную защиту перед Престолом Бога Вечного, Ему же Ты, Отче, служил уже 52 года, яко верный сын Царя и Церкви Христовой. Алкая и жаждая духовной близости к тебе и единения с Тобою, Добрый Пастырь, Главный Совет Союза русского народа... избрал Тебя единогласно в свои почетные члены». Вот это «алкая и жаждая духовной близости...и единения» и было нервом, определявшим взаимозаинтересованность монархистов и Иоанна. Вслед за этим избранием последуют «почетные приглашения» и от других монархических организаций. По словам самого Иоанна, он состоял не менее чем в тысяче отделов Союза русского народа.

19 ноября 1907 года Иоанн документально оформляет свои отношения с Союзом русского народа. Он подает в союз заявление следующего содержания: «Желая вступить в члены Союза русского народа, стремящегося к содействию (всеми законными средствами) правильному развитию начал Русской

* *Bumte* С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 497.

церковности, Русской государственности и Русского народного хозяйства, на основах Православия, Неограниченного Самодержавия и Русской Народности, — прошу, как единомышленника, зачислить и меня». На бланке под рубрикой «подпись лица рекомендовавшего» рукой самого Дубровина написано: «не требуется». Так Иоанн становится «полным» членом союза и получает членский билет за номером 200787*. Таким своим шагом он фактически вынудил и Синод реагировать на «желание» духовенства вступать в ряды Союза русского народа. В 1908 году Синод официально разрешил духовным лицам состоять в союзе и, как сообщала печать, более тридцати епископов, а также сотни и сотни приходских священников вошли в эту монархическую организацию. Позиции союза особенно сильны были в Москве, поскольку московский митрополит Владимир имел к нему тяготение, всячески его поддерживал и в частных беседах с разными лицами прямо рекомендовал им записываться в этот союз. Когда же ему возражали, что Синод — по крайней мере для учителей духовно-учебных заведений — издал запрещение вступать в какие-либо партии, Владимир наивно отвечал: «Да разве Союз — партия?

* Уже после революции один из лидеров обновленческого движения в православной церкви А. Введенский следующим образом выразил свое отношение к Союзу русского народа: «Вспомните организацию “союза русского народа”. Союз, куда вошли все отбросы русского общества, подонки в буквальном смысле этого слова. И в этот союз вошла церковь! Виднейшие русские архипастыри без всякого стыда вписывались в эту худшую из всех когда-либо существовавших в России партию. Церковники вздумали придать этой базарно-хулиганской организации блеск религиозной святости. Одним из главных организаторов этого союза является знаменитый потомственный дворянин Храповицкий, принявший монашество с именем Антония и прославившийся в сане архиепископа Волынского. Прибавьте к нему “церковника” Дубровина, вспомните Грингмута, Полубояринову, Пуришкевича и Крушевана. Какая благочестивая компания! Эта церковная свора утвердилась в церкви. Дерзостям ее не стало предела. В “Русском Знамени”, в “Колоколе” печальной и позорной памяти Скворцова—этих двух лейб-органах политических хулиганов от имени церкви пелись дифирамбы “благочестивейшему и самодержавнейшему” и обливались потоками грязи, клеветы и ненависти все “жиды” и прочие “инакомыслящие”. Союз понаставил свои партийные знамена в церквях, рядом с христианскими святынями. Того более, они, эти добрые “союзники”, не постеснялись на своих знаменах изобразить заветные лики Христа и Его Матери, они носили эти знамена партии, разжигающей страсти и сеющей всюду клевету и ненависть, в крестных ходах, превращая их в определенные монархические демонстрации, только прикрывающиеся религиозными целями. В числе членов союза русского народа был и о. Иоанн Кронштадтский. Я не могу понять психологии этого доброго и недалекого человека. Что-то есть роковое в этом факте, что бесспорно лучший русский священник является членом самой постыдной организации политической. Этот союз имел губительное влияние на о. Иоанна Кронштадтского».

Это — весь русский народ. Кто чувствует себя русским, тому естественно быть членом Союза русского народа»*. Имеющиеся данные об общей численности союза на этот период в различных работах указываются примерно одинаковые — более четырехсот тысяч человек.

В какой-то мере этот оформленный союз был и закономерным, и вынужденным. Годы 1905—1907-е подтвердили и публично выявили неразрывность самодержавия и Русской церкви. И вместе с тем они провели водораздел в обществе между сторонниками и противниками политико-религиозного статус-кво в России.

Здесь весьма уместно привести тонкие наблюдения В. М. Гессена по поводу общности и противоположности взглядов правительственных (реакционных) кругов и представителей прогрессивного движения. В своей чрезвычайно интересной, полезной и в наше время книге «На рубеже» он засвидетельствовал: «Различно оценивая общественные явления современной действительности, прогрессивное направление сходится с реакционным в одном: так жить, как мы теперь живем, невозможно! Разобщение между правительством и обществом достигло своего апогея. Не считаясь с насущными потребностями общественной жизни, бюрократия ведет свою собственную самодовлеющую политику, идущую вразрез с политическими требованиями русского общества. Общество ждет от государства культурно-просветительной деятельности, — бюрократия увлекается химерами колониальной политики. Общество жаждет мира, — бюрократия ведет войну. Общество требует широкого простора для общественной инициативы, — бюрократия насильственно втискивает жизнь в прокрустово ложе канцелярских шаблонов. Общество требует политической и личной свободы, — бюрократия строит свое господство на административном произволе. Общество требует социальных реформ, — бюрократия опутывает жизнь полицейским законодательством»**.

Нельзя не согласиться с итоговыми выводами автора: реакционные и прогрессивные круги одинаково отрицательно относятся к современной политической реальности, одинаково сознают неизбежность коренной ее ломки, но на вопрос: в чем же должна заключаться реформа, дают диаметрально противоположные ответы. Реакционное направление видит спасе-

* См.: «Я все время стоял довольно в близких отношениях к московскому духовенству». Из воспоминаний Н. П. Розанова. 1905—1907 гг., 1917 гг. // Исторический архив. 2000. № 3. С. 94 / Публикация М. И. Одинова.

** Гессен В. М. На рубеже. СПб., 1906. С. 264.

ние в политическом закреплении русского народа, а отсюда всяческое усиление власти; прогрессивное движение заявляет радикальную программу политического освобождения русского народа*.

Внутри православной церкви сформировалась и заявила о себе крайне правая часть епископата, приходского духовенства и мирян, пошедшая на союз и совместную политическую деятельность с крайне правым политическим крылом**. И именно только эта церковно-политическая реальность безоговорочно поддерживала Иоанна Кронштадтского, и сам он только у нее мог искать и надеяться получить поддержку. Других союзников, сторонников и защитников у Иоанна не было.

Революция лишила Иоанна ореола всеобщей любви и благожелательности. От него отшатнулись многие из тех, кто, казалось, еще так недавно почитал его, боготворил, искал его внимания и содействия. Укоризны сыпались на него со всех сторон: от политических партий, общественных движений, представителей интеллигенции, даже духовенства и рядовых верующих. Его обвиняли и осуждали за выступления против Льва Толстого***, неприятие революционного движения, политиканство, поддержку самодержавия, окружение себя «недостойными людьми», разворовавшими значительную часть пожертвованных паломников, распродажу особых, «освященных» им молитв, крестиков и других предметов. Левая печать не скупилась на разоблачительные материалы.

* Гессен В. М. Указ. соч. С. 264—265.

** Политиканство Церкви осуждалось в обществе. Приведем цитату из «Московского еженедельника» (1910. 5 июня. № 22. С.13): «Высшее правящее духовенство, а за ним и все, прислуживающееся ему, выделило из своей среды целый ряд громких политических деятелей, резко определенной окраски, направивших всю свою работу, все свои проклятия и благословения к достижению одной, малопочтенной цели — насколько возможно, предотвратить, уничтожить или, по крайней мере, затормозить проявление ростков новой жизни. С небывалой и неслыханной прежде ни в одном чисто церковном деле (не исключая и преследования раскольников и сектантов) энергией сановники нашей церкви беспощадно огульно громили все новое общественное движение и деятельно насаждали различные мнимопатриотические организации. Благословения, отлучения, крестные ходы, молебны, торжественные религиозные процессии с перенесением мощей и чудотворных икон, епархиальные съезды, богословские лекции, приходские попечительства, сама, наконец, церковная проповедь — все это было обращено на борьбу с противниками бюрократического клерикализма и приказного строя, во славу и процветание... союза русского народа, большинство почетных, а нередко и наиболее активных членов которого состоит из лиц духовного звания, начиная с митрополитов и епархиальных архиереев и кончая рядовыми приходскими батюшками и мелкими консисторскими чиновниками».

*** См.: *Басинский П.* Святой против Льва. Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история одной вражды. М., 2013.

Публиковались всевозможные литературные опусы, ставились спектакли, высмеивавшие Иоанна и его окружение. Как пример можно упомянуть пьесу «Черные вороны», написанную бывшим епархиальным миссионером В. П. Протопоповым в декабре 1907 года по мотивам основанного на грязных сплетнях романа «Иоанниты», печатавшегося в «Петербургском листке». Суть пьесы была следующей: какая-то скучающая от безделья купеческая вдова влюбляется в студента, а тот в ее падчерицу. Падчерица увлекается учением «иоаннитов», убегает к ним, потом разочаровывается в них и при содействии того же студента возвращается обратно к своей мачехе.

Не в восторге от пьесы был даже «сочувствовавший» пафосу Протопопова В. В. Розанов: «Пьеса мне не понравилась. Она написана слишком для улицы, для грубых вкусов и элементарного восприятия. Какая-то банда мошенников, мужчин и женщин, преувеличив и без того великое народное почитание к отцу Иоанну Кронштадтскому, довела это почитание до “обоготворения заживо”, — и на нем основала обирание простодушного темного народа, со всех концов России стекающегося в Кронштадт, чтобы “видеть батюшку” и получить от него тот или иной дар, помощь, совет, исцеление»*.

Может, для кого-то это и выглядело странным, но «Черные вороны» на театральных подмостках страны шли с аншлагом, сопровождаемые множеством хвалебных рецензий в прессе. Немногочисленные попытки запретов на постановку опять-таки вызывали оголтелую газетную кампанию. В конце концов лишь ходатайства некоторых архиереев перед императором Николаем II помогли снять пьесу с репертуара. Как моральную поддержку политической позиции Иоанна Кронштадтского в революционные годы следует рассматривать его назначение в 1907 году членом Святейшего синода.

История с пьесой, как и вообще «антииоанновская» кампания побудили активных почитателей кронштадтского пастыря основать общество для его защиты от клеветы. Был разработан устав, получено согласие самого Иоанна, но в последний момент митрополит Антоний (Вадковский) не благословил начинание.

Пожалуй, более всех приблизился к пониманию причин и обстоятельств «отторжения» Иоанна значительной частью российского общества писатель В. В. Розанов в своей статье, опубликованной уже после кончины священника. Он конста-

* *Розанов В. В. Среди художников. М., 1994. С. 264.*

тирует, что в течение лет пятнадцати «вся Русь сливалась в огромном удивлении к народному священнику, народному герою, — но герою не на поприще подвига, а на поприще святой жизни и святого делания». Но что же произошло в течение каких-то пяти-шести лет, задается вопросом писатель, почему «около прежних восторженных отзывов» появились отзывы «сомневающиеся, подозрительные, негодующие»?

Розанов объясняет это тем, что Иоанн вторгся в сферы — политику и культуру, — к которым он не имел никакого отношения и посему мог иметь мнение о них «наивное и младенческое». Согласимся с писателем. Но далее он развивает тезис о том, что Иоанна «побудили» высказывать столь эпатажные мнения о Льве Толстом, о революции, о либеральном движении, о конституционных идеях, чтобы воспользоваться ими затем в собственных целях. «По глубокому неведению всех этих дел, — резюмировал Розанов, — Иоанн Кронштадтский был здесь сам связанный человек, которого несли куда хотели, и принесли в черный лагерь нашей реакции. Это, можно сказать, “случилось с ним”, а не “совершил он”; случилось, как несчастье, нисколько не вытекавшее из существа его, из его личности, из его духа». Положим, здесь согласиться с писателем трудно. Все же не был Иоанн безвольным, мягкотелым и податливым человеком. И как мы пытались проследить на протяжении становления его как личности, его политические качества — это «его качества». Осуждение им того, что он не принимал, шло изнутри Иоанна, а не было взято у кого-то, что называется, напрокат*.

Но всего заметнее общественное охлаждение к делам и личности Иоанна Кронштадтского проявилось в резком сокращении числа паломников в Кронштадт, а вместе с этим и денежных поступлений в Андреевский собор, в благотворительные учреждения Иоанна. Теперь, если кто и посещал кронштадтского пастыря, так это церковные и общественные деятели правого толка. 5 декабря 1907 года прибыл митрополит Московский Владимир (Богоявленский) в сопровождении епископа Саратовского Гермогена (Долганева) и московского протоиерея Иоанна Восторгова. Их сопровождали главный начальник Кронштадта генерал Н. И. Иванов и военный губернатор Кронштадта вице-адмирал К. П. Никонов.

К высоким гостям старец вышел не своей быстрой и бодрой походкой, а сильно утомленный болезнью. Он поседел, лицо вытянулось и исхудало, имело бледно-желтый восковой цвет, что свидетельствовало об изнурительной лихорадке. Его

* Русское слово. 1909. 9 января.

голубые глаза уже не блестели прежней живостью, а потухли. Голос стал гораздо мягче. Некоторые из приезжих не могли сдерживать слез, лобзая, может быть, как им подумалось, в последний раз батюшку.

— Сердечно благодарю вас, высокие гости, преосвященнейшие архипастыри, что вспомнили меня и посетили мои немощи, — приветствовал гостей Иоанн.

Митрополит Владимир усадил старца с собой рядом на диван. Отец Иоанн попросил благословить чай и поданную закуску. Сам всем налил чай, подал по рюмке вина и провозгласил здоровье «высоких дорогих гостей». В ответ митрополит пожелал здравия болящему и многих лет жизни на благо Церкви. Все дружно пропели «Многие лета», что тронуло страдальца до слез.

Иоанн просидел с гостями более получаса. Шла оживленная беседа, вспоминались здравствующие товарищи-архипастыри, важные события церковной жизни, совместные встречи, служения и поездки Иоанна в Москву.

На следующий день Иоанн служил раннюю обедню в соборе. Все радовались этому приливу сил и бодрости. Позднюю литургию служили оба архиерея. Собор, как и раньше, был полон. Царила необычайная тишина, чувствовалось повышенное молитвенное настроение. Проповедь «Кронштадтский светоч и газетные гиены» произнес Иоанн Восторгов. Всю ее он посвятил обличению «нашей пьяной, гнилой и безбожной, безнародной, самоубийственной революции» и защите от «ожесточенных разбойников, еврействующей печати, газетных гадов» веры православной, святых народных и Иоанна Кронштадтского — «чести нашего пастырства»*.

После литургии оба епископа и сопровождавшие их лица вновь посетили Иоанна. Архипастырям и отцу Восторгову Иоанн вручил святые иконы. В этот раз около двух часов беседовал с гостями Иоанн. Подробности беседы не известны, но по ее окончании, как сообщали очевидцы, на глазах у всех были слезы.

— Я могу спокойно умереть, зная, что вы будете продолжать мое дело, будете бороться за православие, на что я вас и благословляю, — сказал, расставаясь, Иоанн Кронштадтский.

Заботу о пастыре в дни его болезни проявляла и царская чета. В телеграмме от 20 декабря 1907 года император Николай II писал: «Радуюсь сердечно и благодарю Бога, даровавшего Вам улучшение здоровья и всей России драгоценной

* *Восторгов И. И., протоиерей.* Полное собрание сочинений. М., 1915. Т. III. С. 412–415.

Вашей жизни. Николай»*. То ли впопыхах составляли придворные борзописцы текст или сам император правил, но звучит как-то не по-русски. Не случайно правовед А. Ф. Кони в письме А. А. Шахматову отметил: «Читали ли Вы сегодня безграмотную телеграмму полковника Романова на имя Иоанна Кронштадтского? Точно все соединяется, чтобы уронить престиж с<амодержца>. Неужели и в “Правит<ельственном> вестн<ике>” не нашлось никого, кто решился бы доложить, что в России есть грамматика и логика?»**

* Правительственный вестник. 1904. 29 декабря.

** Кони А. Ф. Собрание сочинений. М., 1969. Т. 8. С. 214.

Глава 6
ПОСЛЕДНИЙ ЗЕМНОЙ ГОД, 1908-й

*Неисповедимому Промыслу Божию
было угодно, чтобы угас светильник
Церкви Христовой и молитвенник
земли Русской, всенародно чтимый
пастырь и праведник, отец Иоанн
Кронштадтский.*

Николай II, российский император

Прощальное паломничество

В наступившем 1908 году близкие и родные не могли не видеть, что физически пастырь угасает, но духом он по-прежнему оставался бодр. Болезнь пыталась одолеть его, но он продолжал подвижническое служение Богу, Церкви и людям так, как он его понимал. Никому не было открыто, хотя сам Иоанн, возможно, и предощущал, что пошел последний год его земной жизни. Он заносит в свой дневник такие слова: «По моей старости (79 лет) каждый день есть особенная милость Божия, каждый час и каждая минута: сила моя физическая истощилась, зато дух мой бодр и горит к возлюбленному моему Жениху, Господу Иисусу Христу. Столько залогов милости я получил и, получая от Бога в этой жизни, надеюсь, что и в будущей жизни по смерти получу; а смерть есть рождение в жизнь вечную Божией милостью и человеколюбием»*.

Никуда нельзя деться от того, что физическое состояние человека отражается и на его внутреннем самочувствии. От того-то, как представляется, чуть ли не на каждой странице дневника за 1908 год приводятся записи каких-либо тревожных снов, видений, ощущений со сложной символикой, трагической событийностью: фантазмагии, нападения, угрозы, пророчества. Эти настроения переносятся и в проповеди, с которыми Иоанн обращается к пастве. Безусловно, его волнует не столько личная судьба, казалось, он уже примирился с неизбежным расставанием с землей, сколько мысль о будущем России. «Что-то будет с тобой, Матушка-Русь?.. Перестали понимать русские люди, что такое Русь!» Но поскольку

* *Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Предсмертный дневник. М., 2003. С. 57–114.*

его политический идеал весь в прошлом и неизменно связан с единением церкви и государства, то в его представлении будущая «Русь новая» возродится «по старому образцу; крепкая своей верою во Христа Бога и во Святую Троицу!».

С открывшейся весной 1908 года навигацией потянулись люди в Кронштадт. И даже в дни недомогания и болезни пастыр с особой теплотой принимал молодых людей, студентов духовных школ, провинциальное приходское духовенство. Вот и в этот раз на пороге его дома стояли два студента Санкт-Петербургской духовной академии. Батюшка вышел к ним уже слабеньким. Пригласивши сесть, устало спросил:

— И чего вам от меня, старика, нужно?

— Батюшка, — ответил один из посетителей, — если бы вы были простой старик, то к вам Россия не ходила бы.

— Ну, ну, — махнул он рукою, не желая спорить.

— Скажите нам что-нибудь во спасение души.

Иоанн взял в руки крест, висевший на груди одного из посетителей, и, смотря на него, стал молиться. Потом многократно и долго целовал его; прижимал его к своему лбу, опять целовал. Затем то же самое он делал с крестом товарища. Всё это творилось молча, несколько минут. Потом он сказал:

— Монахи, монахи! Не оглядывайтесь назад! Помните жену Лотову!

Дальше ему был задан такой вопрос:

— Батюшка! Скажите, откуда у вас такая горячая вера?

— Вера? — переспросил он и на минуту задумался. Потом с твердой ясностью ответил: — Я жил в Церкви!

— А что это такое «жили в Церкви?» — допытывались студенты.

— Ну, — с некоторым удивлением, и обращаясь к самому себе, повторил: — «Что значит жить в Церкви?» — Через паузу ответил: — Я всегда пребывал в церковной жизни... Служил литургию... Любил читать в храме богослужебные книги, минеи, стихиры, каноны... Вот! Я жил в Церкви!

— Ну, ступайте и помните мои слова, — выпроводил студентов уставший священник.

Предчувствие близкой кончины осознавалось пастырем и невольно прорывалось в его проповедях, поучениях. Обращаясь к собравшимся в соборе 8 мая 1908 года, отец Иоанн говорил: «Кайтесь, дорогие братья и сестры, кайтесь, исправляйтесь: время коротко. Быть может, завтра придется лежать на столе... И тогда мы скажем: вчера он беседовал с нами, а сегодня уже на столе. Тогда мы опомнимся. Но будет уже поздно».

Как только немного просохла земля под весенним солнцем и дни стали теплее, отец Иоанн предпринимает прощальный

объезд «своих» монастырей, надеясь увидеться и пообщаться с наиболее близкими и дорогими ему людьми. Этот скорбный и одновременно радостный путь весь отражен на страницах предсмертного дневника.

Первая дата в нем — 24 мая 1908 года. В этот день он приехал в Ваулово Ярославской губернии и в письме игуменье Таисии сообщает: «Я в Ваулове, прекрасном, как рай Божий; вся растительность в полной красе и благоухании. Я служу ежедневно, говорю слово Божие, питающее и утверждающее души верные; причащаю сестер и народ. После обедни катаюсь с Евпраксией по лугам монастырским». И прибавляет: «Здоровье мое одинаково... Впрочем, Господь посылает по силам искушение, так, чтобы можно было перенести».

Иоанн ежедневно служил, говорил поучения и причащал народ, во множестве наполнявший храм. Как и во всех других случаях, при батюшке были многочисленные сопровождающие, и среди них иереи, которые поочередно отправляли для богомольцев всенощные и предлагали исповедь. Живя в Ваулове, батюшка тяжело страдал от усилившейся болезни: целые ночи проводил без сна, сидя в кресле, ибо лежать не мог.

Утром одного из дней на берегу появился архимандрит Арсений (Жадановский). Дорогу он знал и потому решил пройти немного пешком, чтобы побыть в одиночестве, подумать, подготовиться к встрече с Иоанном. Телеграмма, которую он получил накануне: «Ваше высокопреподобие, достопочтеннейший отец архимандрит Арсений. Я в Ваулове. Приглашаю Вас посетить меня и совместно послужить. Ваш почитатель протоиерей Иоанн», — приятно грела сердце и душу — ждуть..

Вдруг из-за поворота на архимандрита выскочило несколько взволнованных баб. Видно, что между ними шел какой-то спор. Увидев путника, они неожиданно подступились к нему. Одна из них узнала архимандрита, подошла под благословение. Осмелев и глядя на своих товарок, как бы говоря, а вот я сейчас... спросила: «Вы на службу, к батюшке?»

Получив утвердительный ответ, продолжала: «Отец архимандрит, перед поездкой сюда мне сон приснился. Явился ко мне батюшка сам и сказал: пойдти в Чудов и скажи отцу Арсению, зачем он меня называет только “дорогой батюшка”, — во мне ведь воплотился Бог Отец. А вы вот и тут, в Ваулове! Так что же мне скажете?»

— Нет, сестры, так говорить и думать нельзя — богопротивно это и...

Договорить ему не дали. Спутницы собеседницы, которые во время разговора приблизились и внимательно слушали, впали буквально в истерику и иступленно закричали:

— Он не верит в отца Иоанна! Богоотступник! А в нем Сам Бог!

За спиной послышался стук колес, и показалась бричка. В ней сидела настоятельница Вауловского скита матушка Ангелина. Обескураженный происходящим Арсений подумал: «Как вовремя она появилась».

Ангелина, завидев Арсения, позвала его в коляску:

— Да что вы с ними говорите, это «иоаннитки», не по усердию Божию действующие... Поедьте со мной!

Вскоре они были уже в Ваулове. Арсения высадили у гостиницы, где для него все было подготовлено.

— Немного передохните и приходите в храм, будет служба, отец Иоанн вас дожидается, — расставаясь, сказала Ангелина.

Спустя время Арсений пришел в храм. Войдя в алтарь, увидел Иоанна, тот же, завидев вошедшего, с улыбкой пошел ему навстречу: «А, долгожданный отец Арсений... Рад... рад видеть вас. Пойдемте-ка в ризницу, подберем вам митру понаряднее и другое, что необходимо для службы».

Два часа совместной с Иоанном службы пролетели, как всегда, мгновенно, оставляя ощущение радости и благодати в душе и на сердце. Хотелось молиться и наслаждаться близостью к батюшке. В конце службы Иоанн вышел с чашей, и все устремились к нему. Иоанн был строг и не каждого подпускал к причастию. Можно было слышать: «Ты вчера причащалась, сегодня не допущу, так как ленишься, мало работаешь». Или: «Ты исповедовалась? Нужно перед таинством всегда очищать свою совесть».

Когда причастников почти не осталось и храм постепенно пустел, у самых дверей раздался шум. Послышались вопли: «Пусти к батюшке, уж как надо причаститься... Батюшка, вели пустить, причасти ты нас!»

Видно было, что охрана не впускала в храм каких-то людей, то ли опоздавших к службе, то ли только что откуда-то приехавших. Иоанн распорядился впустить. Когда человек пятнадцать вошли, Арсений заметил среди них и своих нечаянных встречниц. Наклоняясь к Иоанну, он шепнул:

— Батюшка, это ваши неразумные почитательницы — «иоанниты»!

— Ничего, ничего, — ответил тот, — это же верующие люди, им без храма нельзя.

Действительно, вошедшие чинно и молча выстроились в очередь и со скрещенными руками на груди стали подходить к батюшке. Он на каждого внимательно смотрел, что-то говорил, выслушивал обращения. Ни крику, ни шума, ни беспорядка! Все они причастились, но не спешили уходить, стояли

и будто чего-то ждали. Иоанн уловил их ожидание и, подойдя к краю солеи, обратился к ним: «Братия, други! Любите Церковь... в Церкви — ваша жизнь или ваша живая вода, бьющая непрерывным ключом из приснотекущего источника Духа Святаго; ваш мир ваше очищение, освящение, исцеление, просвещение; ваша сила, помощь; ваша слава, в ней — все высочайшие вечные интересы человека. О, какое благо Церкви! Слава Господу Церкви, изливающему на нее свои дары и в безмерном множестве! О, веруйте, веруйте не словами только, но делами во святую соборную, апостольскую церковь!»

Арсений, наблюдавший со стороны за происходящим, подумал: «Как точно батюшка выбрал слово, как оно воздействует на людей!»

Верующие, словно именно этих слов и ожидавшие, чинно стали покидать храм. Они были спокойны, умиротворены.

Уже после службы, когда Арсений и Иоанн остались одни, Арсений, все еще переживая обстоятельства завершения службы, осмелился спросить:

— Как же, батюшка, вы решились впустить этих людей? О них столь много чего нехорошего говорят: смутьяны, своевольны, дебоширы...

— Ну чего же тут бояться? — отвечивал Иоанн. — Если меня почитают, то и слушаться будут.

Подойдя к жертвеннику, они стали допивать оставшуюся теплоту. Неожиданно Иоанн спросил:

— У вас в Чудове хорошее вино подают для служения?

— Среднее, — ответил Арсений.

— Я же, — продолжил Иоанн, — стараюсь для такого великого таинства покупать самое лучшее... Нельзя по-другому.

По прошествии получаса Иоанн и Арсений присоединились к ожидавшим их на террасе домика, где проживал батюшка. Был подан чай, все отдыхали и негромко переговаривались, обсуждая перипетии заканчивавшегося дня. Иоанн дремал в отведенном ему кресле... Но спокойствие длилось недолго — доложили о прибытии из Ярославля представителей «православного русского народа», пожелавших видеть батюшку. Игуменья Ангелина, взглянув на отдыхающего батюшку, просила передать, что сейчас не время, пусть придут завтра с утра. Но Иоанн уже услышал и бодрым голосом проговорил: «Матушка, не волнуйтесь, пусть войдут... приму».

Пришедшие стали говорить о злонамеренных действиях иоаннитов, указывая, что те собирают деньги, отбирают дома, а, главное, проповедуют, что в Иоанне Кронштадтском воплотилась Святая Троица, Сам Бог!.. Видно было по лицу Иоанна, что ему неприятно и прискорбно дошедшее до него известие.

— А кто особенно распускает такую ересь? — поинтересовался он.

— Михаил Петров... да он при вас, в Ваулове, — последовал ответ.

— Позовите его ко мне.

Вскоре пришел Петров. С поникшей головой встал перед батюшкой на колени.

— Скажи мне, Михаил, — начал расспрос Иоанн, — когда ты приносил мне даяние, не спрашивал ли я всегда тебя, добротные ли они, не вымогаете ли их у кого? Что ты отвечал? «Для вас все рады жертвовать!»

— Да, правда, — мотнул головой Петров.

— А теперь, посмотри, какие идут разговоры: вы моим именем обираете народ, да еще ересь проповедуете, будто я Бог. Только безумцы так могут говорить, ведь это богохульство. Покайся и ты, и твои собратья, а не то проклятие Божие падет на вас.

Тут же составлен был акт обличения, который подписали Иоанн и все присутствующие. Его передали представителям «православного русского народа». С наказом: «Идите и говорите то, что слышали и видели... И при необходимости читайте сами и другим давайте читать этот документ». Довольные, те ушли, пятясь и кланяясь.

Покинув Ваулово, не мог Иоанн не проследовать в гости к Таисии Леушинской в Новгородскую губернию. 28 июня он прибыл и пробыл здесь девять дней. «Это было последнее его посещение, — свидетельствует Таисия. — Он был очень слаб, почти ничего не мог кушать, мало разговаривал, все больше читал, уединялся, но служил ежедневно в соборном храме... В день отъезда спросил меня: “Сколько дней я пробыл у вас, матушка?” — Когда я ответила, то он продолжал: “Девятины справил по себе... уже больше не бывать мне у тебя... Спасибо тебе, спасибо за твое усердие, за любовь... за все!”»*.

Сестры монастыря провожали батюшку, как всегда, с пением и со слезами. Всем было ясно, что «бесценный светильник» догорает. Повозка выехала из стен монастыря... Иоанн все оборачивался и оборачивался, будто пытаясь насмотреться и навсегда запечатлеть внутри себя дорогой ему вид: «Любуюсь, Таисия, еще раз на твою обитель... Тихая, святая обитель! Да хранит ее Господь... поистине с вами Бог!» Как ни грустно было Таисии, но не хотелось ей, чтобы с таким чувством поки-

* Беседы о протоиерея Иоанна с настоятельницею Иоанно-Предтеченского Леушинского первоклассного монастыря игуменьей Таисиею. Пг., 1915.

дал ее монастырь любимый ею пастырь. «Батюшка, мы еще не прощаемся, — ласковым голосом говорила она. — Я взяла на пароход наших певчих... И мы будем с вами».

Но день расставания неумолимо приближался... Накануне Иоанн попросил сестер пропеть все известные им «Херувимские» песни. Песнопений набралось много...

— Это моя любимая песнь, я сам ее пел, будучи мальчиком, — грустно произнес Иоанн, когда дошла очередь до «Симоновской». — Повторите.

Затем пропели по его просьбе «О Тебе радуется»... Иоанн во время этого необычного концерта сидел в кресле у борта парохода, закутанный в теплую рясу, и регентовал правой рукой, и подпевал. Когда пропели «Высшую небес», он заметил: «Хорошо, но уже новый напев, а я певал иначе».

Неожиданно он своим мелодичным, но уже старческим голосом запел песнь и до конца, то есть до слов «во еже спастися нам», пропел. Потом встал, растроганный и умиленный, и, обращаясь к певчим, произнес: «Ну, дай Бог и нам всем спастися! Спасибо вам, сестры, за ваше прекрасное сладкопение, которым вы и всегда утешали меня...» На следующий день, 6 июля 1908 года, они расстались... навсегда.

Дальнейший путь лежал через Устюжну, где Иоанн провел у добрых своих друзей и духовных чад Поздеевых целых четыре дня. 16 июля он уже в Ярославле, а вечером этого же дня — вновь в Ваулове. Из Ваулова Иоанн уезжает утром 5 августа, а на следующий день, 6 августа, он служит обедню в Иоанновском монастыре в Санкт-Петербурге, где, как всегда, «народу набралось видимо-невидимо». Он даже говорит «маленькое слово». Поначалу Иоанн намеревался приобщить всех собравшихся, но увидев возникшую страшную давку, отказался от этого намерения и ушел из храма. 7 же августа, там же, в Петербурге, но теперь уже в Леушинском подворье, служит он литургию. На следующий день Иоанн возвращается в Кронштадт — тем завершилось его последнее паломничество.

В его дневнике появляются записи-отклики на свершившиеся в летние месяцы события. Много переживаний доставил проходивший в Киеве очередной Всероссийский миссионерский съезд. Он был весьма представительным: более трехсот участников, из которых — 26 архиереев, председательствовал епископ Волынский и Житомирский Антоний (Храповицкий).

На рассмотрение съезда вынесли вопрос об иоаннитах. Обобщенные сведения сводились к тому, что «секта» сформировалась во второй половине 1880-х годов в Кронштадте в Доме трудолюбия. Но официально ее существование было

зафиксировано в отчете обер-прокурора Синода за 1901 год. С 1895 года центром иоаннитов стал Ораниенбаум, куда переселилась одна из руководительниц — Матрена Киселева, которую принимали за «пророчицу» и даже называли «богородицей» Порфирией. Постепенно последователи этого движения проявили себя среди крестьянского населения во многих губерниях Европейской России. Киселева умела себя подать: в своей резиденции, в совершенно темной комнате, принимала посетителей по одному, сидя в углу под иконами. Беря подношения паломников, она каждому милостиво обещала решить все их проблемы и в этой, и в будущей жизни. После смерти Киселевой в 1905 году ее могила в Ораниенбауме стала местом поклонения. Почитались и другие руководители секты — Назарий Дмитриев, Матфей Псковский, Василий Пустошкин и Михаил Петров.

Иоанниты жили группами, как бы семьями, и имели общее имущество: квартиру, пищу, одежду. Культурная практика иоаннитов не отличалась от традиционно православной, за исключением некоторых особенностей. Члены «секты» считали Иоанна Кронштадтского чудотворцем, Ильей-пророком и даже Христом. Перед его портретом зажигали свечи и лампадки, курили фимиам, читали акафисты. На собраниях последователи иоаннитов причащались из чаш с изображением Иоанна, считая это печатью, по которой Иоанн узнает в день Страшного суда своих последователей и спасет их. Брак у иоаннитов считался грехом.

Синод ни к чему определенному в своих решениях не пришел: существование «секты» вроде бы признали, но заключили, что она не совсем сложилась, близка хлыстовщине. Было постановлено: «Учение так называемых “иоаннитов”, признающих о. Иоанна Сергиева Богом, считать учением еретическим, кощунственным и богохульным, сродным с хлыстовством». В довершение всего обличать иоаннитов «рекомендовали» самому Иоанну, для чего предложили ему ехать в провинцию. Несомненно, тем самым были отравлены и без того нелегкие последние дни кронштадтского пастыря.

К этому времени отец Иоанн передает издателям подготовленный им сборник извлечений из дневников за 1907 и 1908 годы и просит выпустить его до Рождества. Но вышла книга уже после смерти Иоанна*. Продолжал он заносить в дневник разного рода размышления для последующего их размещения

* Живой колос с духовной нивы отца Иоанна Кронштадтского. СПб., 1909.

в продолжение книги «Моя жизнь во Христе». Среди таких записей вдруг появляются пронзительные строки, в которых сказывается глубоко спрятанная, подчас невыносимая физическая боль и вызванный ею ропот — таковы строки под датой 30 сентября: «Ночь. Согрешил пред Господом, возмалодушествовал, возроптал, безумные слова говорил о Боге, Божией Матери и Святых, когда железа в члене моем крайне невыносимо разболелась, заныла, воспалилась из-за того, что я поел на ночь свеклы пареной с горчицей в жидком виде и поел соленой тресковой ухи. Тяжко мне было, как никогда, и я сильно роптал, что Сам Бог оставил меня, Бог, который есть Любовь и Милость; Божия Мать оставила, все Святые — никто будто не сочувствует, не сострадает, не слышит, не милует. Потом покаялся от души и сердечно с верою и умилением возвел сердечные очи к Богу и Божией Матери и тотчас почувствовал облегчение. Благодарю Господа и Божию Мать. О, как тяжела боль в детородном члене — железа эта, чирей этот. Избави от него, Господи».

В дневнике живо предстают перед нами наполненные дни поездки Иоанна: службы на пароходе, в домах знакомых и незнакомых людей, встречи с людьми церковными. «Сегодня 28 июля, в понедельник, — пишет Иоанн, — пожаловал в Валуевский Успенский Скит высоко преосвященный архиепископ Ярославский и Ростовский Тихон*, стоял и молился всю обедню, пил чай, закусывал, осматривал Скит». Отмечал он и приезд наместника патриарха Антиохийского архимандрита Игнатия. Много зафиксировано встреч и бесед с обсуждением хозяйственных дел в его «монастырях»...

По возвращении в Кронштадт Иоанн ежедневно служит литургию в Андреевском соборе и причащает народ, который потянулся сюда, прослышав о возвращении настоятеля. Хотя и не часто, но по необходимости он выезжает из Кронштадта. 12 августа он в Старом Петергофе напутствует перед поездкой на лечение за границу принцессу Ольденбургскую Евгению Максимилиановну. В этом случае, как и в некоторых других, проявляются не лучшие качества Иоанна. Когда-то он заносил в свой дневник случаи «гнева и раздражения», незаслуженно обрушивавшиеся на него со стороны причта Андреевского собора, прихожан, властей предержавших... А теперь с покаянием он отмечает свое раздражение и гневливость на окружающих его людей. Так и о поездке в Петергоф он пишет: «Благодарю Господа, помиловавшего меня величественным помилованием утром, когда я раздражился на слугу Евгению за то, что поз-

* *Тихон (Белавин)* — будущий патриарх Московский и всея Руси.

дно (казалось) на пароход Ораниенбаумский для следования к принцу Ольденбургскому, и едва не ударил ее. Благодать оставила меня, и мне было очень худо, смутно, тесно, мрачно, смертельно; и я каялся из глубины души, да как каялся! Как Давид по согрешении, как Манассия, пленный Царь Иудейский! Как убедительно и для себя, и для Господа! И долго каялся тайно, едуци на пристань, и — почувствовал, наконец, что я помилован, что мне прощен грех мой. И как отвратителен, бессмыслен, неправеден был мой гнев. Ибо я поспел вовремя на пароход и еще ждал отхода его».

Служит Иоанн Кронштадтский охотно и в Иоанновском монастыре, и в подворье Леушинского монастыря, что на Бассейной улице в Петербурге. Везде проповедовал, грозно пророчествовал: «Кайтесь, кайтесь, приближается ужасное время, столь ужасное, что вы и представить себе не можете». Он не говорил, а кричал, подымая руки вверх. Впечатление было потрясающее, ужас овладевал присутствовавшими, и в храме раздавались плач и рыдания. Все недоумевали, что же это будет: война, землетрясение, наводнение? Игуменья Таисия, осмелившись, спросила отца Иоанна: «Когда же, батюшка, это время будет?» Иоанн ответил: «Мы с тобою, матушка, не доживем, а вот они, — указал он рукою на монахинь, — доживут».

Под датами 18—19 августа Иоанн оставляет в дневнике несколько глубоко знаменательных записей о Церкви Христовой... о Церкви Православной. «Верно слово Спасителя нашего Господа Иисуса Христа: Кто не со Мною, тот против Меня, — пишет Иоанн. — Католики, лютеране и реформаты отпали от церкви Христовой, — и они не с нами, не единомысленны с нами, враждуют против нас сильно, гонят нас на смерть, притесняют всячески за веру нашу, осмеивают ее и нас, и делают нам всякие пакости, особенно в главных местах их поселений; они явно идут против Христа и Его церкви, не почитают Животворящего Креста, св<ятых> икон, св<ятых> мощей, не уважают постов, извращают св. догматы веры спасительной. Они не с нами, а против нас и против Христа. Обрати их, Господи, к истинной церкви Твоей и спаси их».

Иоанн призывает каждого человека осмыслить место свое на грешной земле, вникнуть и понять чудотворную и благоговейную связь его с Творцом, с замыслом его относительно человека. «Человек христианин! — взывает Иоанн. — Вспомни, сколь многопечительный и чудесный Промысел явил о спасении Твоем Господь, предопределяя спасти Тебя прежде, чем веки сотворены, предъявив свое пришествие на землю чрез пророков и разных праведных мужей Ветхого Завета, — как

Он пришел на землю и исполнил все свое смотрение дивное о Тебе, основав Церковь с пастырством и таинствами, дав ей спасительное слово, благодать на благодати, всеспасительные средства к жизни и благочестию! Вспомни страдания за тебя Господа Иисуса Христа, искупительную смерть крестную, воскресение, и вознесение на небо и обещание вторично прийти на землю со славою для Суда над живыми и мертвыми. Скажи, что ты сам делаешь для своего спасения, ибо Царствие Небесное усилием приобретается и употребляющие усилие приобретают его? Устыдись себя, покайся, оплачь свое неверие, нерадение, косность, леность, суетность, безумие, гордость, зависть, любостяжание, невоздержание, распутство, блуд и всякую страсть, — и скорее примись за дело своего спасения. Читай Слово Божие, читай, как жили и подвизались святые, подобострастные человеки».

Осознавая близкую кончину и рассуждая о красоте и бесконечном разнообразии мира, созданного Творцом, Иоанн записывает: «Ежедневно видя твердое и неизменно правильное течение всех светил и планет небесных и твердое стояние земного шара (круга) со всеми горами и долинами, со всеми морями, озерами, реками и источниками, со всеми полями, лугами, лесами и до бесконечности разнообразными растениями, плодами, цветами изумительно прекрасными, и всего животного царства — людей, скотов, зверей, птиц, насекомых, рыб, царства ископаемых богатств или металлов; горючих нефтяных богатств; удивляюсь и не могу надивиться благости, силе и премудрости Творца единого в Троице, и перенесаясь мысленно к миру невидимому, нетленному, вечному, несравненно превосходящему мир видимый, еще более поражаюсь с удивлением Создателю всех миров, видимых и невидимых». Пораженный могуществом Творца, он восклицает: «И если мир видимый так прекрасен, разнообразен, полон жизни и красоты, то каков мир невидимый? Не напрасно сказано в Слове Божием, что око не виде и ухо не слыша и никому на сердце не всходило, то, что приготовил Бог любящим Его (1 Кор 2,9). Возлюбите же немедленно Бога все смысловые христиане и достигайте совершенства». И как заключительный аккорд звучат слова, и это уже не столько личное, сколько наставление всем, остающимся на земле: «Я должен буду скоро оставить землю — прочь пристрастие нелепое, мертвящее ко всему земному; да возлюблю единое на потребу, да возлюблю единого Господа, мое Сокровище жизненное, неистощимое».

Как ни плохо было временами здоровье Иоанна, но он не оставляет без внимания свершающиеся в России политические, общественные события, включая и ситуацию в Государст-

венной думе. Третьей думе суждено было вплотную подступиться к обсуждению вероисповедных законопроектов. Среди намеченных к обсуждению наиболее важными и принципиальными были законопроекты «Об изменении порядка перехода из одного исповедания в другое», «Об инославных и иноверных обществах», «Об отношении государства к отдельным вероисповеданиям», «Правила о старообрядческих и сектантских общинах». Все вместе, оставшись от революционной поры, когда власть обещала вероисповедные реформы, они направлены были на принципиальное изменение во взаимоотношениях государства и религиозных объединений. Однако поражение революции и поправка Думы делало их «непроходимыми», но это не остановило оппозицию, и она вступила в бой за принятие этих законопроектов. Ей противостояли партийные фракции, ориентированные на Столыпина и на сохранение в России православно-христианского государства. Но Иоанну Кронштадтскому суждено было присутствовать лишь при увертюре жесточайших парламентских баталий вокруг религиозных свобод. Его симпатии и поддержка, конечно, на стороне правых, проправительственных сил. Он не сомневается в антипатриотизме оппозиционных (кому?! — царю!) депутатов Третьей думы и просит Бога: «Господи, Владыка царств и народов! Разгони вскоре изменческую Думу Государственную, — да не будет ни одного из членов ея; избери угодных Тебе людей».

Достается от Иоанна людям известным и пишушим. Вот он дает резкую отповедь писателю В. Розанову, который, по его мнению, «ругает и хулит святыни». Он призывает Господа: «Запечатлей уста и иссуши пишущую руку у В. Розанова... защити Церковь Твою, поносимую от писаки Розанова... Смири его!»

Неустанно, как и ранее, обрушивается Иоанн на Льва Толстого. По его характеристике — «еретика, превосшедшего всех еретиков; богохульника, злейшего безбожника, смутившего весь мир». Заклинает: «Возьми его с земли — этот труп зловонный, гордостью своею посмердивший всю землю».

Иоанн всегда считал, что в основе многих народных бед лежит христианская непросвещенность народа. Нести истину Христову своим пасомым он считал главным делом священника. Он и Церковь в целом призывал к делу живой проповеди среди народа. Оттого-то заинтересованно реагирует Иоанн на обсуждение в феврале 1908 года в Синоде миссионерского дела. При Синоде учреждено было Особое совещание по делам внутренней и внешней миссии. В мае совещание утверждает новые «Правила об устройстве внутренней миссии православ-

ной церкви». В соответствии с ними миссия рассматривается как обязательное, организованное и постоянно действующее «епархиально-народное учреждение», то есть она становилась не только обязанностью специальных деятелей миссионеров, но и «всего народа». Все виды этой деятельности — церковно-приходская, пастырско-приходская, специальная, состоявшая из уездного и епархиальных миссионеров, — направлялись и координировались правящими епископами, епархиальными советами и иными учреждениями, находящимися непосредственно в ведении епископа*.

Одновременно принято было решение об организации повсеместно пастырских миссионерских курсов и о регулярном созыве епархиальных и всероссийских миссионерских съездов. Уже в июле 1908 года в Киеве был организован 4-й Всероссийский миссионерский съезд. В его программу помимо собственно миссионерских тем были включены вопросы об отношении к новой вероисповедной политике государства и законопроектам Министерства внутренних дел о свободе совести.

Одновременно с Миссионерским съездом в Киеве проходил Всероссийский съезд монархистов под председательством Дубровина. Виднейший из деятелей этого съезда протоиерей Восторгов на Миссионерском съезде выступал с основными докладами по церковно-политическим вопросам. Он обрушился на Государственную думу, которую, по его словам, рано или поздно постигнет участь суздальских волхвов, прорицавших, что Днепр потечет вспять, и повешенных за это князем Олегом. В принятых съездом итоговых тезисах, составленных Восторговым, фактически отвергался указ о веротерпимости (1905) как умалявший значение православной церкви.

Тревожность в настроении дополнялась чувством вины, которую Иоанн стал испытывать перед теми, с кем в прошлом его связывали те или иные обстоятельства церковной службы и жизни. Он видит их во снах и как наяву с ними разговаривает. Это и П. Н. Яниш, бывший директор Кронштадтской гимназии, и священник Федор Надеждин, и Александр II, и митрополит Санкт-Петербургский Исидор... Поучительность снов Иоанн видел в том, что они ему напоминали о его «несовершенстве», его промашках, ошибках и обидах, его «беспамятстве», выражавшемся в том, что не поминал в храме, не помнил в душе и сердце.

* В марте 1913 года утверждено Положение о Миссионерском совете при Святейшем синоде, который стал центральным миссионерским органом, призванным к руководству и контролю за миссионерской деятельностью в целом в Церкви на всем пространстве империи и за ее пределами.

Последняя дата в предсмертном дневнике — 11 ноября. Перед ней есть несколько записей — о проведенной в Андреевском соборе ранней литургии, о «жизненности, святости и досточтимости» православной церкви по сравнению с «безжизненной» католической; здесь же — призыв к воспитателям молодежи «спешить исправиться» перед грядущим Страшным судом и воззвание ко всем без исключения подумать о словах: «Аще кто не имеет Духа Христова, тот и не Его».

Болезнь... Кончина... Похороны

В начале декабря 1908 года болезнь вновь обострилась. Иоанн сделал все приготовления на случай смерти, подписал духовное завещание, по одному из пунктов которого на содержание престарелой супруги оставлялось десять тысяч рублей. Остальные средства и все принадлежавшие отцу Иоанну ценности завещались Иоанновскому монастырю на Карповке.

Пока сохранялись силы, Иоанн неопустительно служил в соборе. Вот и 10 декабря он вновь совершил литургию в Андреевском соборе и даже проповедь сказал. При совершении Таинства он уколол себя копием и после, стоя на солее, повернулся к близ стоящим и сказал, указывая на сочившуюся кровь: «Вот я себя заклал!» Паства будто почувствовала, что батюшка уходит навсегда. Стоны, крик, плач поднялись... Картина эта так потрясла батюшку, что он плакал, как ребенок. По его велению после литургии из алтаря на амвон вынесли кресло, и, сидя в нем, Иоанн долго поучал народ, советовал помнить его заветы: молиться, любить Бога*. Спустя несколько часов уставшего пастыря, как пишут очевидцы, «вынесли из собора на руках». Как оказалось, это было последнее публичное появление Иоанна и последнее его церковное служение**.

В последующие дни Иоанн безвыездно находился дома. По утрам, пока были силы, причащался и заходил в комнату жены, которая тоже в это время болела и не вставала, и приобщал ее сам со словами: «Господь мой и Бог мой! Со страхом Божиим и верою приступим. Прими Тело и Кровь Христовы. Мир тебе, старица, поздравляю тебя».

Но с каждым днем все заметнее было, что силы оставляли Иоанна. Ему не хватало воздуха, и он просил вывезти его на

* Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 95.

** *Орнатский И., священник. Житие и труды приснопамятного протоиерея праведника о. Иоанна Кронштадтского. М., 1916. С. 45.*

улицу. В конце концов просьбе уступили и 17 декабря, усадив в экипаже и укутав в одеяла, «вывезли на воздух». Но поездка не пошла на пользу: пастырь простудился и по возвращении окончательно слег. Не имея сил вставать и видеть жену, просил передать ей: «Скажи жене, что она всегда со мной, и я всегда с нею». Это были последние слова, сказанные Иоанном Елизавете Константиновне, которые она потом часто вспоминала и утешалась ими.

— Какое сегодня число? — спросил неожиданно Иоанн утром 18 декабря у игуменьи Ангелины, находившейся возле его кровати.

Получив ответ, сказал:

— Слава Богу, еще два дня, все успеем сделать.

В этот же день к нему явился со Святыми Дарами ключарь Андреевского собора протоиерей Александр Попов. Иоанн хотел сам встретить и принять причастие, но силы оставили его, и находившимся в комнате едва удалось поддержать старца. Вскоре он впал в забытие, сменявшееся тяжелыми стонами, свидетельствовавшими о тяжелых страданиях больного. Так прошла ночь на 19 декабря. На следующий день Иоанн снова причастился Святых Тайн. Позднее приходил псаломщик И. П. Киселев, в сопровождении которого батюшка прошел через всю квартиру и потом, сев в кресло, впал во временное забытие.

Последнее свое распоряжение отец Иоанн сделал 19 декабря, когда около восьми часов вечера игуменья Ангелина просила у него благословения освятить храм-усыпальницу, который был давно готов.

— Да, да, — ответил батюшка, — освятить — и поднял руку в знак благословения. Тотчас игуменья уехала в монастырь исполнять его волю.

Больной вновь впал в полубессознательное состояние. Возле него оставались священник Иоанн Орнатский и племянница матушки Елизаветы Руфина Шемякина. В десять часов вечера Иоанн пожелал встать с кресла и лечь в постель, но через несколько минут попросил вернуть его в кресло. Во втором часу ночи он опять пожелал встать, но силы отказали ему, и его уложили в постель. На какое-то время вернулось полное сознание, а вместе с тем он почувствовал себя чрезвычайно тяжело и стал жаловаться окружающим на страшный жар во всем теле. Все поняли, что это значит: «Батюшка умирает»...

Печальная весть, подобно молнии, в один миг разнеслась по всему Кронштадту. В Андреевском соборе решено было служить утреннюю литургию и после нее причастить Иоанна. Многочисленный народ, присутствовавший при этой ночной

литургии, навзрыд плакал; плакали и священнослужители, совершавшие ее.

По окончании литургии священники отправились со Святыми Дарами на квартиру Иоанна Кронштадтского. Около четырех часов утра причастили Иоанна, он мог принять только Святую Кровь, сам вытер уста и на некоторое время успокоился, проговорив затем: «Душно мне, душно», — впал в забытие. Иногда стонал, что свидетельствовало о тяжелых страданиях. От всяких лекарств отказывался и пил только святую воду из источника преподобного Серафима Саровского. Дыхание становилось все тише. С шести часов утра протоиерей Орнатский начал читать канон на исход души, и когда по окончании подошел к батюшке, последний лежал неподвижно, с руками, сложенными на груди. Послышалось еще несколько вздохов, и пастырь спокойно предал дух свой Богу. Глаза, доселе закрытые, чуть-чуть приоткрылись, и из них показались чистые, как хрусталь, слезинки. Часы показывали 7 часов 40 минут утра 20 декабря 1908 года.

Прибывшие к одру почившего члены причта Андреевского собора совершили положенное для священников по церковному уставу помазание елеем всего тела почившего, причем дивились крайнему истощению страдальца. После облачения в полное священническое одеяние и в белой митре усопший напоминал собой светлого ангела. Была отслужена тотчас же первая панихида. В то же время торжественно-печально загудел колокол Андреевского собора, извещая жителей Кронштадта о кончине пастыря. О том же было немедленно сообщено по телеграфу в Царское Село, Гатчину, митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию и в Синод. На всеподданнейшем докладе митрополита Антония о кончине протоиерея Иоанна Ильича Сергиева государь собственноручно начертал: «Со всеми почитавшими усопшего протоиерея отца Иоанна оплакиваю кончину его».

Утренний выпуск «Кронштадтского вестника» от 21 декабря оповестил горожан о «неожиданной смерти маститого митрофорного протоиерея, настоятеля кронштадтского Андреевского собора Иоанна Ильича Сергиева». С раннего утра громадные толпы народа с плачем двигались по улицам города по направлению к церковному дому, как бы не веря, что подобное несчастье могло случиться. Газеты и людская молва разнесли печальную новость в столицы, в разные города и веси России. Император Николай Александрович выразил свою скорбь в специальном рескрипте: «Неисповедимому Промыслу Божию было угодно, чтобы угас светильник Церкви Христовой и молитвенник земли Русской, всенародно чтимый пастырь и праведник, отец Иоанн Кронштадтский».

По благословению митрополита Санкт-Петербургского Антония и согласно предсмертной просьбе Иоанна, в Кронштадт для отпевания усопшего направился епископ Гдовский Кирилл (Смирнов). В тот же день во всех петербургских церквях началось совершение панихид.

Приехав на квартиру усопшего, Кирилл сразу же совершил панихиду. В дом для прощания впускались только близкие родственники. Ближе к вечеру тело пастыря было положено в дубовый гроб, и преосвященный Кирилл вновь отслужил панихиду, теперь уже при участии местного духовенства и в присутствии представителей местной власти и при множестве почитателей. После панихиды гроб на руках духовенства был вынесен из дома. На дворе его приняли главный начальник Кронштадта генерал-лейтенант Л. К. Артамонов, кронштадтский военный губернатор контр-адмирал И. К. Григорович, комендант крепости, городской голова, соборный староста и другие лица. Под печальный перезвон колоколов Андреевского собора процессия, в предшествии икон и хоругвей, направилась по Андреевской улице к Андреевскому собору. Вдоль улицы стояли войска шпалерами, с трудом сдерживая многочисленную толпу; окна, заборы и даже крыши домов были усеяны народом, жаждавшим взглянуть на перенесение тела почившего пастыря. У Андреевского собора гроб опять взяло на руки духовенство во главе с преосвященным Кириллом и внесло в церковь, где уже находились тысячи молящихся.

Началась литургия, которую совершал Кирилл при участии многочисленного духовенства. Рыдания народа, порою заглушавшие возгласы священнослужителей, производили потрясающее впечатление. После литургии Кириллом была отслужена панихида, и началось прощание с любимым пастырем. Длинная очередь стояла у правого бокового входа в собор, куда пропускали только по двое. Приходилось стоять в очереди многими часами.

Внутри собора гроб располагался на высоком помосте. Вокруг ярко горели свечи. Лицо почившего закрыто воздухом, как это делается у всех умерших священников; видны только исхудалые руки, к которым сегодня приложились многие тысячи народа. В правой руке небольшой позлащенный крест.

В семь часов вечера начался парастас (заупокойная всенощная), который продолжался до 11 часов ночи. Всю ночь с 21 на 22 декабря до шести часов утра собор был открыт. И всю ночь народ беспрестанно шел для прощания с почившим, родным и близким для него человеком. У большинства на глазах были слезы. Слышались сдавленные рыдания и возгласы: «За-

катилось наше солнышко! На кого покинул нас, отец родной?! Кто придет на помощь нам, сирым, немощным?!»

Священник собора отец Виноградов произнес простое, но сердечное и трогательное надгробное слово, заключив его словами: «Мы ничем другим не можем отблагодарить нашего дорогого усопшего, как земным поклоном». После этих слов все присутствующие, как один человек, опустили на колени. Трудно передать всё, что происходило в эти минуты в соборе. Возгласы духовенства и пение певчих ежеминутно прерывались рыданиями. От них по временам глухой гул стоял в воздухе.

В половине двенадцатого началась лития, на которую вышло более тридцати священников. В соборе находились начальствующие военные и гражданские лица города. По окончании литии духовенство и некоторые лица в последний раз простились с телом высокочтимого батюшки, и дубовая крышка гроба закрылась. На гроб были возложены крест из живых цветов от императора и императрицы, крест с якорем из живых цветов от кронштадтских моряков, венки от почитателей и духовных детей Иоанна Кронштадтского. Крестным ходом гроб был обнесен вокруг собора и под звон колоколов поставлен на колесницу. Военные оркестры играли «Коль славен».

Процессия двинулась в путь. Впереди шли драгуны со знаменем. За ними — хор, оркестр, духовенство. Далее следовала колесница с гробом и за нею высокие начальствующие лица. И так через весь город. По всему пути следования печальной процессии стояла цепь из нижних чинов, при полном составе офицеров, знаменах и хорах музыки. Во время пути процессия останавливалась для служения литии, против строящегося Морского собора и у церкви Богоявления Господня. При приближении процессии к лютеранским церквям раздался печальный звон на колокольне одной из них, настоятель которой в облачении следовал в печальной процессии.

На берегу Финского залива гроб поставили на сани и вновь двинулись, но теперь по льду на другой берег залива, в сопровождении 94-го Енисейского полка и людской толпы почти в 20 тысяч человек. По приказу главного начальника Кронштадта всем, кто желал проводить дорогого усопшего по морю, предписано было ввиду непрочности льда идти рядами, друг от друга не менее как на два шага. На всем морском пути устроили пять спасательных станций, а через образовавшиеся трещины на льду соорудили мостики. Весь путь был пройден менее чем за три часа*.

* Кронштадтский вестник. 1908. 25 декабря.

В Ораниенбауме прибытие погребального шествия ожидали и стар, и млад, богатый и бедный, словом — все население. Местное духовенство во главе с преосвященным Кириллом, приехавшим сюда заранее, крестным ходом пошло навстречу процессии на берег моря. По всему Ораниенбауму перезванивали колокола. Гроб был крестным ходом перенесен к поезду, где установлен в специально приготовленный траурный вагон. Началась краткая лития, вся толпа народная, стоявшая на платформе, разразилась рыданиями. Многие колена преклоненно провожали отходящий поезд. В пути поезд, подходя к каждой станции, замедлял ход, но не останавливался. На всех станциях во множестве собрался народ, встречавший последнее путешествие дорогого им батюшки по Балтийской дороге, по которой он столько раз проезжал за всю свою жизнь.

В пять часов дня поезд прибыл в Петербург, на Балтийский вокзал. Его встречали архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский), епископ Архангельский Михей (Алексеев) и епископ Нарвский Никандр (Феноменов), которым предстояло сопроводить тело почившего до Иоанновского монастыря. Сонм епископов и священников под открытым небом совершил литию. Пел хор Семеновского полка. Духовенство вынесло гроб на руках и поставило его на печальную колесницу с серебряным балдахином, увенчанным митрою.

Как только шествие тронулось, раздался печальный удар колокола. Народ стал креститься. Послышались рыдания, вскоре перешедшие в общий неудержимый плач. Впереди шествия несли знамя Союза русского народа, затем шли хоругвеносцы, певчие, духовенство парами, следовала колесница с гробом, за которой шли Санкт-Петербургский градоначальник и многие начальствующие лица, а в завершении — несметная толпа народа. Такие же толпы стояли вдоль улиц и площадей: по Обводному каналу, Измайловскому и Вознесенскому проспектам. У встречных церквей процессия останавливалась и совершалась лития. Одна из остановок была у здания Синода. Гроб был внесен в помещение, и была совершена лития. По особому повелению государя для совершения литии на некоторое время траурное шествие остановилось и у Зимнего дворца, в котором открывались окна.

Наконец, ближе к девяти часам вечера первые колонны траурной процессии приблизились к Иоанновскому монастырю. У входа в церковь, битком набитую народом, стояли все сестры обители во главе с настоятельницей игуменьей Анжелиной и духовенством. Все вышли на встречу дорогого покровителя и молитвенника, прибывшего в свою обитель к празднику Рождества Христова, но уже бездыханным и безгласным.

На руках духовенства, в присутствии сестер, поющих погребальные песни, гроб был внесен в большой соборный храм и уставлен посреди на катафалке, обтянутом белым глазетом. Лишь только гроб поставили на место, как народ неудержимым потоком устремился прикладываться к нему. Ввиду огромного стечения народа пришлось впускать в храм только по билетам, так как впустить всех не было никакой возможности.

Епископ Архангельский Михей служил парастас, завершившийся в 12 часов ночи, и тотчас же народ стали допускать по очереди проститься с усопшим. Первыми подошли сестры-монахини, обливаясь горячими слезами. После подходили миряне, целуя истощенную руку пастыря, но еще больше осталось таких, которым так и не пришлось проститься с дорогим усопшим.

23 декабря, в пять часов утра, по распоряжению полицмейстера полковника Галле доступ народа в храм был прекращен. Корреспондент газеты «Московские ведомости» сообщал из Петербурга: «В 9 часов утра, 23 декабря, начинает съезжаться в Иоанновский монастырь духовенство. Вокруг обители и в храме довольно пустынно: богомольцы сюда впускаются только по особым пригласительным именованным билетам от игуменьи Ангелины, без которых полиция не пропускала даже духовенство... И вместо вчерашней религиозно-возбужденной толпы народной, рвавшейся на поклонение праху возлюбленного пастыря, виднеются лишь избранные и официальные лица... Наблюдается также чрезмерное обилие полицейских чинов, равных почти по численности приглашенной публике... Обидно было это безлюдье у гроба пастыря-народолюбца»*.

Первым в монастырь приехал епископ Кирилл, вскоре прибыли архиепископ Сергей, епископ Михей, ректор Петербургской духовной семинарии архимандрит Вениамин (Казанский). Прибыл и сам митрополит Антоний (Вадковский). Началось отпевание. Едва раздался умирительно-скорбные песнопения, как в руках молящихся по всей церкви начали зажигаться, точно звездочки, свечки. «Со святыми упокой» было пропето всеми молящимися коленопреклоненно. После прощания с почившим митрополита Антония и присутствовавшего духовенства открытый гроб был вынесен из верхней церкви в нижнюю — усыпальницу.

Церковь маленькая, но поразительной красоты. Всё ее внутреннее пространство освещалось множеством круглых матовых электрических лампочек. Все стены, столбы, колонны и потолки покрыты полированными плитами белого мрамора.

* Московские ведомости. 1908. 28 декабря.

мора или сделаны под мрамор. Иконостас весь высечен из белого мрамора, с чудной отделкой, выдержанной в русско-византийском стиле. Имеющиеся иконы написаны знаменитым художником Нестеровым.

Пол гробницы также из сплошных плит белого мрамора. Приготовленная могила возвышается над полом храма на поларшина и обложена мрамором, за которым сплошной каркас из толстого котельного железа. На дно могилы посыпано на два аршина мелкого песку, и на песок поставлен гроб. Гроб не зарыт в землю, а покрыт только массивной мраморной плитой с изображением креста, Евангелия и резной митры.

Надгробное слово произнес свойственник почившего протоиерей Философ Орнатский. «Не плачьте, — завершил он его, обращаясь к сестрам, — теперь он ближе к вам и уже никогда не уйдет от вас. В нем вы приобрели себе игумена, а с вами будут его честные останки, над которыми будет витать его бессмертный дух. Ходите на его могилу, водите к ней паломников, которые непрерывной чредой пойдут к нему! Сюда не зарастет народная тропа!»

Слово также сказал митрополит Антоний (Вадковский). В тот момент, когда он клал в гроб разрешительную молитву, некоторым из присутствовавших привидилось, что отец Иоанн сделал движение рукой...

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ

(Вместо заключения)

12 января 1909 года на имя первенствующего члена Святейшего синода митрополита Санкт-Петербургского Антония (Вадковского) император Николай II издал рескрипт. В нем излагалась царская воля: «Дать достойное выражение... совместной скорби Нашей с народом молитвенным поминовением почившего, ежегодно ознаменовывая им день кончины отца Иоанна, а в нынешнем году приурочив оное к сороковому дню оплакиваемого события».

Синод ослушаться того, кто был «первым блюстителем в Отечестве... интересов и нужд Церкви Христовой», не мог, и 28 января, на сороковой день после кончины Иоанна Кронштадтского, митрополиты Санкт-Петербургский, Московский и Киевский совершили заупокойную литургию, затем — панихиду.

Была составлена и утверждена программа подготовки и торжественного поминовения Иоанна Кронштадтского в первую годовщину его кончины. Предполагалось не только совершение заупокойной литургии и литии по Иоанну Кронштадтскому во всех храмах империи, но и повсеместное проведение внебогослужебных собраний с чтением на темы, посвященные памяти императора Александра III и Иоанна Кронштадтского. Планировалось в программу семинарий (по гомилетике и практическому руководству для пастырей) ввести изучение биографии Иоанна Кронштадтского, учредить именные стипендии и основать училище пастырства в Архангельске его имени. Синод выпустил распоряжение напечатать портреты почившего (в количестве 40 тысяч экземпляров) и разослать их по всем епархиям для размещения в актовом залах духовных учебных заведений, что было в синодальной истории впервые.

Гробница Иоанна Кронштадтского в Иоанновском женском монастыре, возведенном в ранг «первоклассного», стала местом паломничества. В особых книгах фиксировались чуде-

са, свершавшиеся по молитвам к пастырю. Созданное в марте 1909 года Общество памяти о. Иоанна Кронштадтского поставило перед собой задачу подготовки прославления Иоанна Кронштадтского.

...После кончины Иоанна Кронштадтского будто осиротела его супруга Елизавета Константиновна и сильно тосковала по почившему супругу — как-никак вместе они были 53 года. Без слез она не могла слышать его имени. Обыкновением стало для нее облачаться в подрясник своего «брата Иоанна», видимо, чувствуя в нем облегчение своих страданий и скорби. В нем она часто ложилась спать или же укрывалась им как чудодейственной милотией**. Во время болезни рук или ног матушка тут же помазывала их маслицем из лампы над гробницей батюшки, которое у нее всегда было, твердо веруя в его благодатную силу. Когда кто-нибудь ехал в Иоанновский монастырь, она просила передать свой поклон покоившемуся там отцу Иоанну. Сама она практически никуда не ходила, давала знать болезнь ног. Вскорости она перенесла тяжелую операцию, после которой лишилась ног. Елизавета Константиновна скончалась утром 22 мая 1909 года в 9 часов 30 минут во время чтения канона на исход души.

На смерть супруги Иоанна Кронштадтского откликнулась и кронштадтская газета «Котлин». «Кроткая, смиренная, незлобивая, — написано было в некрологе, — она умела любить и прощать, и к ней более, чем к кому-либо, была применима одна из заповедей Спасителя: блаженны нищие духом, яко тии Бога узрят. Будем крепко надеяться, что Господь, по непреложному обещанию своему, вознаградит ее за земное страдание небесными радостями и даст ей вечное блаженство. Мир душе твоей, старица кроткая. Да будет земля тебе легка! Вечная память о тебе да живет в нас!»**

Хлопоты родственников положить прах рядом с ее жизненным спутником не увенчались успехом, и ее решено было похоронить в Кронштадте, рядом с Андреевским собором, в северо-восточном углу церковного садика. Погребение состоялось 24 мая, и было все очень торжественно. Заупокойную литургию совершил преосвященный Кирилл, епископ Гловский, в сослужении многочисленного духовенства.

Перед отпеванием ключарь собора, протоиерей Александр Попов, сказал о почившей как об истинной христианке, смиренной и кроткой. По отпевании гроб матушки на руках главного начальника Кронштадта генерал-лейтенанта Л. К. Артамонова, главного командира Кронштадтского пор-

* Милоть — верхняя одежда, мантия, плащ.

** Котлин. 1909. 24 мая.

та вице-адмирала Р. Н. Вирена, генерал-лейтенанта в отставке С. А. Зеленого, городского головы С. Г. Гуляева и соборного старосты Н. К. Маркова был перенесен в ограду собора, где тело почившей было предано земле*.

Постепенно в Кронштадте создавалась мемориальная зона, связанная с жизнью и церковной деятельностью Иоанна Кронштадтского. Постановлением городской думы Силин переулок был переименован в Иоанновский, соседний назван Сурским. В 1911 году начато издание журнала «Кронштадтский пастырь», редактором которого стал протоиерей Иоанн Орнатский. Одновременно с ним издавался менее известный журнал «Кронштадтский маяк». Его возглавил Николай Большаков – один из ближайших духовных чад отца Иоанна. Первый журнал сосредоточился на собирании и публикации писем пастыря, воспоминаний, свидетельств и стихов о нем. Второй – специализировался исключительно на описании чудес, связанных с именем и почитанием Иоанна Кронштадтского.

В 1912 году Святейший синод поставил точку в деле иоаннитов. Они были официально осуждены определением Синода, и им дано было наименование – «хлысты киселевского толка» (это название тоже не прижилось). Показательно, что самые большие по объему прижизненные и посмертные биографии Иоанна Кронштадтского принадлежат иоаннитам. Это брошюры и книжки апологетического характера, часто посвященные не столько описанию жизни и деятельности Иоанна, сколько ответу на какого-либо рода осуждение деятельности «секты»**.

В квартире, где жил отец Иоанн, возник, пока еще на общественных началах, музей его памяти, где хранились обстановка, предметы, личные вещи, семейные артефакты, литература, письма, фотоматериалы. Кабинет пастыря был фактически мемориализован тут же, по горячим следам. Побывавший через год после кончины отца Иоанна в его квартире коррес-

* Над могилой Елизаветы Константиновны предполагалось возвести часовню. Однако из-за последовавшей вскоре революции осуществлено это не было, а по разрушении в 1932 году самого Андреевского собора была утрачена и могила. Лишь в последние годы удалось установить ее местоположение.

** Пустошкин В. Ф. Столп православной церкви, всенародно чтимый пастырь и праведник. СПб., 1915; Пустошкин В. Ф. Правда дороже золота. СПб., 1911; Большаков Н. И. Правда о секте иоаннитов. Взгляд русского народа на Иоанна Кронштадтского. Беседа В. Ф. Пустошкина с Н. И. Большаковым. СПб., 1910; Большаков Н. И. Сборник стихов, в разное время посвященных настоятелю Кронштадтского Андреевского собора митрофорному протоиерею о. Иоанну Кронштадтскому. СПб., 1907.

понтент «Петербургского листка» отмечал, что даже одеяло на кровати, на которой преставился отец Иоанн, лежало также, скомканным, как в момент смерти. Никто не решался касаться его и разглаживать. В гостиной, угловой комнате, возникла своего рода часовня, где приходившие почитатели отца Иоанна служили панихиды. Кабинет же открывался, как правило, в памятные дни, и обстановка в нем сохранялась прежней. На стене дома, где жил Иоанн, была установлена мемориальная доска.

Все свидетельствовало о намерении светских и церковных властей «прославить» всероссийского пастыря, в святости которого конечно же никто не сомневался, и, по сути, был лишь один вопрос: когда? Называлась даже конкретная дата — 1918 год, к десятилетию кончины Иоанна. В истории русского православия столь быстрая канонизация известна только в отношении лишь нескольких подвижников: Борис и Глеб в Древней Руси, Сергей Радонежский. Можно предполагать, что именно поэтому и само погребение было сделано неглубоко. На это же указывает и тот факт, что в храме Иоанна Богослова на Леушинском подворье, в его левом приделе, были устроены иконостас и престол, но они не освящались. Видимо, настоятельница подворья Таисия ожидала скорого прославления Иоанна Кронштадтского и хотела посвятить этот придел ему.

Но все надежды и планы поломала жесткая историческая реальность: Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции 1917 года, Гражданская война и военная иностранная интервенция, национализация церковной собственности, вскрытия святых мощей, изъятие церковных ценностей, закрытие храмов и монастырей. Православная церковь, потеряв своего исторического «партнера» — самодержавие, утратила статус государственной, будучи наравне с другими религиозными организациями «отделенной» от государства. Православно-христианское государство ушло в небытие, а на смену ему пришло государство светское — со своими ценностями и приоритетами в мировоззренческой сфере.

Общество, еще недавно казавшееся духовно цельным и сплоченным вокруг православной веры, царя и отечества, оказалось на деле столь многообразным по национально-религиозным мироощущениям, что удержать его в целостности могла только идея свободы совести, с присущим ей признанием за всеми права на религиозный выбор и равенства всех религий, церквей, вероисповеданий, культов перед законом. Считаться приходилось и с тем, что огромные народные массы в силу различных объективных и субъективных причин и обстоятельств «ушли» из Церкви, на какое-то время опреде-

лив для себя первоочередными проблемы земного обустройства и бытия «по-новому». Маятник общественных настроений качнулся в сторону обмирщения, религиозной индифферентности и даже неверия.

Первым недобрым для почитателей Иоанна Кронштадтского симптомом перемен стала попытка властей в конце 1917-го — начале 1918 года закрыть часовню в квартире Иоанна, а тем самым разорить и саму квартиру. По логике революционного права, церкви (православные общества) могли быть организованы исключительно как приходские, то есть в отдельно стоящем культовом здании, передаваемом группе верующих, вне всякого рода учреждений и жилых помещений. Патриарх Тихон, узнав об этом, высказал мысль об устройении в ней приходской церкви.

Во время своего приезда в Петроград в июне 1918 года патриарх Тихон побывал в квартире Иоанна Кронштадтского. По его благословию вскоре после этого там была устроена общедоступная церковь во имя Святой Живоначальной Троицы, приписанная к Андреевскому собору. Был установлен алтарь и даже устроена звонница из семи колоколов. Здесь служилась литургия и всегда было много народа. Храм действовал еще почти десять лет.

Трагично сложилась судьба культовых зданий в Кронштадте, связанных с именем Иоанна Кронштадтского.

До 1918 года Морской Никольский собор принадлежал Морскому министерству и находился в ведении протопресвитера военного и морского духовенства. После упразднения в феврале 1918 года института военного и морского духовенства все храмы ведомства перешли в ведение епархиального архиерея. В 1918 году здание собора, как и все церковные строения в Советской России, в соответствии с Декретом об отделении церкви от государства и школы от церкви было национализировано и в марте 1919 года передано по договору в пользование прихожанам.

Закрыт Морской собор был первым из приходских храмов Кронштадта. 14 октября 1929 года церковная служба была прекращена, а собор передан в собственность Кронштадтского совета. В 1930 году, с началом эпохи индустриализации, все колокола и металлическая церковная утварь были изъяты для переплавки. В 1932 году в соборе был открыт кинотеатр «Нью-стар», названный затем именем Максима Горького. И если «старое» поколение ходить в «Максимку» не стремилось, то для городской молодежи, а затем и для морских офицеров и матросов кинотеатр стал на многие годы культурно-развлекательным центром. В 1939 году уникальное здание было пере-

дано Балтийскому флоту под Дом офицеров. С тех пор благодаря посильным заботам инженерной службы Кронштадтской базы оно в течение полувека сохранялось в относительно благополучном состоянии: в обитаемой части собора производились текущие ремонты, действовало отопление.

В начале Великой Отечественной войны 1941—1945 годов кинотеатр в соборе закрыли. На вершине купола был оборудован и до снятия Ленинградской блокады действовал наблюдательный и корректировочный пост корабельной и береговой артиллерии Кронштадта. В ходе военных действий в собор попало несколько немецких снарядов.

В 1953—1954 годах проводились сложные работы по реконструкции и приспособлению здания под зрительный зал гарнизонного военно-морского клуба, который был открыт 22 февраля 1955 года, накануне 37-й годовщины Советской армии и Военно-морского флота.

В начале 1960-х годов Кронштадтская крепость была упразднена, сокращена численность гарнизона. Матросский клуб разместили в здании бывшего Морского собрания, а киноконцертный зал, размещенный в соборе, стал филиалом Дома офицеров. Только в 1976 году Морской собор был взят под охрану государства как памятник архитектуры, и на средства Военно-морского флота были проведены большие ремонтно-реставрационные работы. С 1980 года здесь работал музей «Кронштадтская крепость» — филиал Центрального военно-морского музея.

История возрождения Никольского собора как культового здания началась при патриархе Алексии II (Ридигере). В ноябре 2005 года в заброшенных стенах была совершена первая с момента закрытия Божественная литургия. 19 апреля 2012 года, в четверг Светлой седмицы, патриарх Московский и всея Руси Кирилл (Гундяев) совершил чин малого освящения собора. В мае 2013 года, к столетию первого освящения собора, патриарх Кирилл и патриарх Иерусалимский Феофил (Яннопулос) совершили первую в полностью возрожденном соборе Божественную литургию. Отныне собор живет новой старой жизнью!

...Трагично сложилась судьба Андреевского собора. С 1923 года его настоятелем был протоиерей Николай Симо, который деятельно выступал против всех попыток обновленцев захватить храм. 13 октября 1930 года, в канун праздника Покрова Пресвятой Богородицы, отец Николай был арестован*.

* В первый раз отец Николай Симо был арестован в марте 1921 года по подозрению в участии в Кронштадтском мятеже. Однако через две недели его выпустили ввиду отсутствия состава преступления.

Его обвинили в руководстве «контрреволюционной организацией», состоявшей из бывших офицеров, дворян, которые были враждебно настроены к советской власти и распространяли среди горожан монархические идеи. Согласно официальной версии «гнездо» монархизма и контрреволюции появилось в Кронштадте до революции, сразу же после смерти Иоанна Кронштадтского, последователем которого был Николай Симо. Члены общества, как сказано в обвинении, преследовали следующие цели: «Объединять враждебно настроенных лиц к существующему строю, проводить соответствующую работу среди личного состава воинских частей с целью вызвать недовольство по отношению к существующему строю и уверить население в недолговечности “жидовской соввласти” и преимуществе твердой, единой монархической власти перед ней».

Позднее дело Николая Симо было объединено следствием с делом «всесоюзной контрреволюционной организации “истинно-православных”, т. н. иосифлян — сторонников митрополита Иосифа (Петровых), отказавшихся подчиняться митрополиту Сергию (Страгородскому)»*.

Следствию было известно, что Николай Симо не принадлежал к числу последователей митрополита Иосифа и не разделял его позицию в отношении митрополита Сергия (Страгородского). Но ОГПУ сделало «хитрый ход», обвинив «истинно-православных» в активном привлечении к своей «антисоветской деятельности» иоаннитов — последователей Иоанна Кронштадтского. Пытаясь это доказать, следователи в течение десяти допросов добивались от отца Николая сведений о местонахождении Пустошкина — руководителя московской группы иоаннитов, с которыми, как они знали, он поддерживал самые тесные отношения. Однако отец Николай категорически отказался это сделать**.

Ловко перекинутый «мостик» от иосифлян к иоаннитам позволил ОГПУ обвинить отца Николая Симо не только в участии в иосифлянском движении, но и в руководстве «разветвленной сетью иоаннитских группировок, разбросанных по всей России». Резолютивная часть обвинительного заключения гласила: «Симо обвиняется в том, что, будучи ближай-

* См.: *Одинцов М. И.* Патриарх Сергей. М., 2013.

** Отношение к иоаннитам в православной среде в послереволюционный период оказалось далеко не однозначным. Множество иоаннитов было принято в церковное общение митрополитом Вениамином Петроградским (1919). Патриарх Тихон утвердил общину иоаннитов в Ораниенбауме, лично рукоположив одного из ее членов (Алексия Вяткина) в иерея (1923). Та часть иоаннитов, что в последующие годы присоединилась к иосифлянам, вместе с ними была репрессирована. ОГПУ пыталось выявлять иоаннитов, используя дореволюционные синодальные дела.

шим сподвижником о. Иоанна Кронштадтского и руководителем “иоаннитов”, привлекал к себе фанатичные, изуверские, черносотенные элементы и через них вел борьбу с Соввластью, противодействуя всем советским начинаниям. Прикрывая свою контрреволюционную деятельность толкованиями из книг Священного Писания о близком пришествии антихриста и скорой гибели мира, вел работу в духе установок контрреволюционной организации “истинно-православные”».

Отец Николай в 1931 году был приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 18 апреля 1931 года. Погребен Н. Симо в безвестной могиле.

Андреевский собор был закрыт в декабре 1931 года. Тогда же в металлолом отправлены уцелевшие 25 колоколов и церковная утварь. Год собор стоял пустой и безмолвный, хотя прихожане продолжали приходить к нему. Но даже «недействующий», он красноречиво напоминал о служении в нем Иоанна Кронштадтского и о былом великолепии. Весной 1932 года по неустановленным причинам произошел пожар: город осветился заревом, собор пылал от земли до неба, подобно огромной поминальной свече. Немногие оставшиеся в живых старожилы-кронштадтцы до сих пор не могут без волнения вспоминать это зрелище. Обуглившийся, растрескавшийся, местами обрушившийся, но устоявший, возвышался собор над городом весь черный, будто в трауре. В течение года храм был разобран, а на освободившемся месте разбили сквер и устроили фонтан. На удивление властям, фонтан получил у кронштадтцев совсем другое осмысление — он стал восприниматься как «живоносный источник». Люди верили, что вода с места подвигов и служения Иоанна Кронштадтского освящает не нужно — ее освящает сам батюшка. Сюда приходили с утра пораньше с бидонами и банками, и нередко «святой воды» не хватало на всех. Спohватившись, власть разорила этот «рассадник мракобесия».

В 1955 году на месте собора установили памятник Ленину, а сквер назвали Ленинским. Сорок пять лет спустя, 27 декабря 2000 года, жители Кронштадта стали свидетелями необычайного явления. Высотный кран подцепил «вождя» тросом и приподнял с пьедестала. Статуя зависла в воздухе, раскачиваясь из стороны в сторону, потом грузно, всей многотонной тяжестью опустилась на платформу, и ее повезли по главной улице города в безвестное место «упокоения». Правда, вскоре была найдена новая площадка под памятник, и он был водружен в одном из городских скверов, расположенном не так уж и далеко от места первого своего нахождения. На месте Андреевского собора в 2002 году был установлен памятный знак.

...Непросто складывалась в послереволюционное время и судьба Иоанновского монастыря в Петрограде—Ленинграде. Уже в 1918 году в его верхнем храме был открыт клуб, но богослужения продолжали совершать в нижнем храме и в храме-усыпальнице. 15 августа 1919 года Петроградским райсоветом было выдано временное свидетельство о регистрации приходской общины Иоанновского монастыря. После кончины 13 июня 1921 года протоиерея Димитрия Федорова настоятелем монастырских церквей стал муж племянницы отца Иоанна Кронштадтского, протоиерей Иоанн Николаевич Орнатский, председатель приходского совета с июля 1920 года. В переписке епископа Ямбургского Алексия (Симанского) и митрополита Арсения (Стадницкого), относящейся к 1921—1922 годам, мы можем найти немало количество упоминаний о церковных службах в монастыре, о многочисленных верующих, собирающихся в храмах монастыря.

В августе 1922 года, в разгар обновленческой смуты, приход примкнул к Петроградской автокефалии*, пытавшейся, с одной стороны, противодействовать распространению в епархии обновленчества, а с другой — найти компромисс с властью на принципе политической лояльности Церкви. Однако власть признала автокефалистское движение «контрреволюционным» и ни на какие переговоры не пошла.

Более того, в апреле 1923 года отдел управления Петроградского райсовета расторг договор с прежней «двадцаткой» и передал монастырь общине во главе с протоиереем Иаковом Журавским, примыкавшей к обновленческой группировке «Живая Церковь». Можно сказать, что это было «честное выполнение» решения высших партийных инстанций. По сохранившимся протоколам Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) мы знаем, что 20 февраля 1923 года комиссия рассматривала вопрос «О секте иоаннитов» и уточняла решение: «Секту иоаннитов ликвидировать как черносотенную организацию». Судьба монастыря как «гнезда иоаннитов», таким образом, была предрешена. И действительно, в мае 1923 года Петроградский губисполком постановил закрыть монастырь и использовать его строения «под общественные нужды». В связи с закрытием обители возник вопрос о судьбе гробницы Иоанна Кронштадтского.

* Петроградская автокефалия — объединение православных приходов в Петрограде, не пожелавших примкнуть к обновленческому расколу и пытавшихся зарегистрироваться в органах власти автономно и вместе с тем не порывая канонической связи с патриархом Тихоном. Среди епископов, возглавлявших это объединение, были Алексей (Симанский) и Николай (Ярушевич).

Родственники Иоанна Кронштадтского просили Петроградский губисполком отдать им «тело Гражданина РСФСР И. И. Сергиева» и разрешить перезахоронить его на одном из городских кладбищ. Иоанн Орнатский в письме от ноября 1923 года так описывал предполагаемый порядок перенесения останков: «Все работы по снятию мраморной плиты и изъятию наверх оцинкованного гроба будут произведены в присутствии представителей власти, родных и друзей покойного накануне в 8 ч<асов> вечера... Официально... не будет сообщаться о дне перенесения тела... Процессия двинется в следующем порядке: впереди крест и фонарь, затем один священник в облачении (каковым буду я...), затем колесница с гробом. Очень желательно, чтобы в 8 ч<асов> утра... был командирован в б<ывший> монастырь небольшой наряд милиции во избежание могущих произойти к<аких>-л<ибо> нежелательных эксцессов. Процессия пройдет по самым малолюдным улицам: Геслеровский пер<еулок>, Малый пр<оспект> П<етроградской> С<тороны>, 8-я линия, Камская ул<ица>. Тело почившего о. Иоанна будет предано земле в ряду общих могил... будет перенесена с бывшей могилы надгробная мраморная плита вместе с мраморным памятником, в который вставлена икона Преподобного Иоанна Рыльского».

Хотя прямого отказа со стороны властей и не было, но они раз за разом меняли даты и время возможного перезахоронения, маршруты процессии, состав участников, место захоронения... Так продолжалось до марта 1924 года, когда теперь уже родственники Иоанна Кронштадтского отказываются от идеи перезахоронения. По всей видимости, причина в том, что среди православных города отношение к перезахоронению было неоднозначным и в различные властные инстанции стали поступать коллективные протесты, да и самого Орнатского начинают упрекать в своеволии и стремлении «нажиться» на вновь создающемся «святом месте».

Но какое-то время всё оставалось по-прежнему — гробница находилась в закрытом Иоанновском монастыре; верующие приходили к обители. Над окном усыпальницы был начертан православный крест; его много раз смывали, пока крест не оказался высеченным на граните цоколя над окном. Возле этого погрузившегося в гранит креста возжигали свечи и клали цветы.

Время от времени в городской печати публиковались антирелигиозные провокационные статьи-призывы «посчитаться» с Иоанном Кронштадтским. К примеру, «Красная газета» в мае 1924 года сообщала: «Рабочие завода “Электрик”... взяли для себя дом общежития Иоанновского монастыря. Дом чер-

ной своры туеядцев превратился в красную казарму труженников. Все бы хорошо, да не совсем. Черные тени иоаннитов и белые платочки иоанниток все еще витают около бывшего монастыря. Там в подвале лежит их батя — Иоанн Кронштадтский. Там, по-ихнему, его мощи, а потому они и ходят туда плакаться и лизать пыльные стены подвала. Не пора ли разрушить старое гнездо черных ворон?»*

Однако в реальности монастырское здание получило нового «хозяина» — им стал государственный научно-мелиоративный институт. Начиналась новая жизнь: капитальный ремонт и перепланировка, снятие крестов и колоколов, обустройство кабинетов и лабораторий, актового зала и складских помещений... И все это время институтские, партийные, губернские и городские власти не могли прийти к согласованному решению о судьбе подвала, где находилась гробница. Лишь в феврале 1926 года малый президиум губисполкома вынес окончательное решение: гробницу замуровать.

Можно предположить, что поставить точку в судьбе гробницы и останков Иоанна Кронштадтского власти решились в связи с тем, что с просьбой о перезахоронении обратились приходской совет и прихожане Андреевского собора в Кронштадте. В заявлении в Ленинградский губисполком они писали: «Ввиду закрытия Ленинградского Иоанновского, что на р<еке> Карповке, женского монастыря, в подвальной церкви которого погребены останки протоиерея Иоанна Ильича Сергиева, приходской совет Кронштадтского Андреевского собора обращается в губернский исполком с ходатайством о разрешении перенести останки почившего Кронштадтского протоиерея в г. Кронштадт для погребения в Андреевском соборе, в подвальном его помещении. Протоиерей Иоанн Ильич Сергиев начал свою службу в Кронштадтском Андреевском соборе и кончил ее в том же соборе, прослужа в нем 53 года. В верующих массах почивший протоиерей был известен под именем Кронштадтского, и сейчас в памяти верующих он сохранил за собой звание Кронштадтского. Если обстоятельства заставляют потревожить гробницу прот<оиерея> Иоанна Сергиева и перенести его останки из усыпальницы упраздненного монастыря, то приходской совет Кронштадтского Андреевского собора, являясь выразителем мнения всего прихода, полагает справедливым, чтобы останки Кронштадтского протоиерея были выданы верующим того собора, где почивший протоиерей прослужил 53 года, и были в нем похоронены».

Дабы дать ответ кронштадтскому приходскому совету и предупредить появление подобных новых обращений, в «Но-

* Красная газета. 1924. 24 мая.

вой вечерней газете» сообщалось: «После передачи бывшего Иоанновского монастыря Научно-мелиоративному институту среди религиозно настроенных обывателей, у которых еще до сих пор имя Иоанна Кронштадтского окружено ореолом святости, распространился слух, что могила “старца” в монастыре будет разрушена, а самое тело... вывезено неизвестно куда. От некоторых из почитателей “святого батюшки” поступили даже предложения предоставить им право вывезти прах по их усмотрению. Между тем могила... осталась в неприкосновенности и подвал, где она находится, в настоящее время замурован и вход в него закрыт»*.

О том же свидетельствует и официальный документ — «Акт ликвидации прохода к усыпальнице Иоанна Кронштадтского» от 1 марта 1926 года. В нем говорится: «Сего числа была проведена окончательная замуровка арки прохода в усыпальницу с левой стороны при спуске с лестницы... толщиной в два кирпича. Перед окончательной заделкой в помещение усыпальницы были допущены родственники священника Иоанна Сергиева — священник Орнатский, Орнатская, Макеева. При осмотре гробницы таковая оказалась в неприкосновенности».

Есть основания считать, что такое положение сохранялось и все 1930-е годы. Ситуация изменилась с началом Великой Отечественной войны, когда потребовались подвальные и полуподвальные помещения для устройства бомбоубежищ, военных складов, хранилищ особо важных предметов. Храм-усыпальницу размуровали и в подвале устроили бомбоубежище. И вот тут-то выяснилось, что гробница исчезла. Публичных объяснений, естественно, не последовало, да в военное время их никто и не требовал. Даже после «потепления отношений» между государством и Церковью, после известной встречи И. В. Сталина с митрополитами Русской православной церкви никто и приватным образом не дал знать Московской патриархии о судьбе мощей Иоанна Кронштадтского.

Неизвестность породила множество различных версий судьбы мощей святого. Одну такую историю еще в конце пятидесятых годов прошлого века услышал на Пинеге писатель Федор Абрамов: «Матросы-то ненавидели Иоанна Кронштадтского... — рассказывали ему. — Когда совершилась революция, матросы ворвались в склеп на Карповке, но в склепе было пусто... Мощи отца Иоанна отсюда увезли. Видели тогда на Пинеге тройку... Колокольчик слышали, а потом вьюга налетела и пропала тройка в снегу».

Ходили слухи об уничтожении властями могилы Иоанна Кронштадтского. При этом ссылались на «антирелигиозную

* Новая вечерняя газета. 1924. 18 февраля.

литературу», в частности на книгу Н. И. Юдина «Правда о петербургских “святынях”» (Л., 1962), где утверждалось, что мощи были сожжены. Мнение об отсутствии мощей в усыпальнице было широко распространено и в Русской православной церкви за границей. Однако в обоих случаях никто ни на какие документы не ссыался.

В последние десятилетия, когда стал возможен допуск к ранее секретным партийно-советским документам, выяснилось, что февральское решение малого президиума губисполкома от 1926 года имело и второй пункт, касавшийся судьбы гробницы Иоанна Кронштадтского: «спустя два-три месяца гроб опустить ниже на два-три аршина и пол над могилой забетонировать». Он был исполнен в течение апреля—июня 1926 года. Гроб с телом Иоанна Кронштадтского был сокрыт под полом усыпальницы на глубине 0,8—1,6 метра, и пол забетонирован.

...Совсем непростой оказалась история последнего дневника и рукописей Иоанна Кронштадтского. 21 декабря 1908 года, сразу же по выносе тела почившего в Андреевский собор, в его квартире судебным приставом А. Витовичем состоялась опись имущества. Дневник и записная книжка Иоанна были переданы в Иоанновский монастырь. В конце 1909 года, по ходатайству некоторых наследников, над имуществом отца Иоанна учреждается опека, а опекуном назначается ключарь Андреевского собора протоиерей Александр Попов, которому вместе со всем имуществом передавались «последний дневник покойного, старая памятная книжка и две корзины писем, адресованных Иоанну Сергиеву разными лицами».

В 1911 году по высочайшему указу дневник передается на хранение в секретное отделение Святейшего синода, где тетрадь тщательно зашивается в специально приготовленный для нее льняной пакет и опечатывается тремя сургучными печатями, и доступ к ней был ограничен вплоть до особого распоряжения.

Инициатором такого решения выступил Александр Попов, который в письме Антонию (Вадковскому) высказался о судьбе рукописного наследия Иоанна: «Дневник и многие письма по многим причинам не могут подлежать в настоящее время огласке и быть переданы частным лицам — наследникам, а должны быть переданы в особое распоряжение высшей духовной власти и, по моему мнению, должны быть сданы в архив Святейшего Синода в число секретных бумаг, подлежащих опубликованию, например, через 50 лет».

Насколько можно понять, священника беспокоили появившиеся в печати «кривотолки» вокруг имени и деяний

Иоанна Кронштадтского, наносящие ущерб его имени и бросающие тень в целом на Церковь.

Митрополит Антоний согласился с позицией протоиерея Попова и просил Синод «принять» рукописи Иоанна Кронштадтского. Вскоре в канцелярию Синода был доставлен «запечатанный ящик весом 4, 5 пуда» с документами Иоанна. Известно, что с дневником ознакомился тогдашний обер-прокурор Синода С. М. Лукьянов. Так документы Иоанна Кронштадтского оказались на хранении в Секретном отделении архива Святейшего синода. Что заставило церковные власти поступить таким образом, остается только догадываться и выстраивать предположения сегодня, когда предсмертный дневник и другие хранившиеся «секретно» рукописи Иоанна становятся доступны для исследователей и, будучи опубликованными, — для верующих.

...На 1929 год пришлась знаменательная дата — столетие со дня рождения Иоанна Кронштадтского. Понятно, что в тогдашних политико-идеологических условиях, когда после только что принятого постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» был развернут новый натиск на религию и церковь, ни митрополит Сергей Страгородский, фактический глава Русской церкви, ни кто-либо другой из церковного мира публично говорить об этой дате не мог. Конечно, в частной жизни, вдали от посторонних глаз, келейно и память творили святому, и дату не забыли.

Если и была у кого-то возможность привлечь церковную и светскую общественность к юбилею, то это Русская зарубежная православная церковь. Ее Архиерейский собор предписал совершить 19 октября 1929 года литургию и «молитвенное поминовение в Бозе почившего о. Иоанна Кронштадтского».

Литургически первым прославил Иоанна Кронштадтского Афон, где всегда чтили его. В 1932 году в Керуле в келье Вознесения Господня подвизался иеросхимонах Пахомий родом из России, почитатель памяти отца Иоанна Кронштадтского и, судя по всему, знавший его лично. Он имел опыт гимнографии, составлял акафисты разным иконам и святым. В предисловии к составленному акафисту отец Пахомий писал: «Акафист предназначается для любителей и почитателей отца Иоанна и только для келейного чтения. Когда же Господу будет угодно прославить своего угодника пред человеки, тогда нужно будет сделать в нем некоторые поправки и изменения».

Составленный акафист был представлен уже тогда епископу Иоанну (Булину), настоятелю Печерского монастыря в Эстонии, который также был почитателем отца Иоанна и ко-

торый благословил чтение этого акафиста келейно. Акафист был известен в Нововалаамском монастыре, в рядах которого оставались еще те, кто поступил в обитель по благословию Иоанна Кронштадтского и почитал его.

О канонизации Иоанна Ильича Сергиева впервые публично высказался в ноябре 1950 года А. А. Соллогуб. Он предложил наиболее активным мирянам подать прошение об этом главе Зарубежной православной церкви митрополиту Анастасию (Грибановскому), с тем чтобы вопрос о канонизации рассмотрели на проходившем тогда в Нью-Йорке Архиерейском соборе*. Собор благословил создать при Архиерейском синоде комитет по увековечению памяти отца Иоанна под председательством архиепископа Брюссельского и Западноевропейского Иоанна (Максимовича).

Но реальных шагов к прославлению Иоанна Кронштадтского Зарубежная церковь не делала. Можно полагать, что виной тому «политические мотивы»: нежелание «навредить» Московской патриархии и боязнь, что церковный акт канонизации будет воспринят как некий недоброжелательный жест в сторону Москвы. Лишь в июне 1964 года в Нью-Йорке Архиерейский собор Зарубежной церкви постановил: «1. Признать праведного отца Иоанна Кронштадтского Божиим Угодником, причисленным к лику Святых, в земле Российской просиявших. 2. Совершить торжественное прославление его 19 октября сего года в день памяти преп. Иоанна Рыльского, имя которого он носил от крещения»**. Прославление состоялось 19 октября 1964 года в кафедральном соборе Сан-Франциско.

Московская патриархия на это решение отреагировала отрицательно, полагая, что Зарубежная церковь не вправе совершать акт канонизации от лица всей православной церкви. Тем более что Зарубежная церковь была церковью схизматической, не признаваемой автокефальными православными церквями, и ее церковно-канонические постановления не имели силы для Русской православной и иных православных церквей.

Что до советской историко-атеистической литературы, то акт канонизации рассматривался в ней исключительно как акт политический, антисоветский. Один из известных советских атеистов-пропагандистов А. В. Белов, работая многие годы в партийном издательстве «Политиздат», где он заведовал редакцией научно-атеистической литературы, так очертил

* Русская православная церковь за границей: 1918—1968 / Под ред. А. А. Соллогуба. 1968. Т. I. Стб. 370—371.

** Цит. по: Там же. Стб. 366.

свою позицию: «Белогвардейские эмигрантские круги за рубежом несколько лет назад взяли на себя инициативу канонизировать Иоанна Кронштадтского. Не имея на то никаких полномочий от Русской православной церкви, они объявили его святым. Среди наиболее реакционных элементов белой эмиграции имя Иоанна Кронштадтского стало знаменем махровой антисоветской агитации, которая ведется под религиозной оболочкой»*.

Лишь спустя четверть века, 14 июня 1990 года, на Поместном соборе Русская православная церковь прославила Иоанна Кронштадтского. За прошедшие с той поры годы по всей России построены или строятся, реставрируются или возрождаются храмы и приделы в честь «нового святого». По некоторым, конечно, неполным подсчетам, их сегодня более шестидесяти: от Архангельской епархии на севере до Владикавказа на юге; от Калининградской епархии на западе до БАМа на востоке.

В начале 1990-х годов в российской церковной печати стали публиковаться различного рода видения и пророчества, приписываемые Иоанну Кронштадтскому. В них отразились реалии революционного времени — бесы в буденовках со звездами, пролитые реки крови... В видениях также говорилось о преподобном Серафиме Саровском и царе-мученике Николае II. Даже в церковной среде нет полного единства мнений относительно «авторства». В светской исторической науке в большей мере присутствует критическое отношение к «подлинности». Речь не только о том, что ни в Житии кронштадтского пастыря, ни в каких-то других серьезных изданиях текст видения не публиковался и о нем нет никаких упоминаний. Оно слишком отягощено детальностью изображения того, что в реальности случилось с Россией всего через несколько лет после смерти кронштадтского пастыря. Стиль изложения далек от стиля святого Иоанна Кронштадтского. Обычно он весьма кратко писал в дневниках о бывших ему видениях. Столь же малоубедительна, по отсутствию объективных документальных источников, активно печатающаяся информация о якобы имевшей место встрече в конце XIX — начале XX века будущей Матроны Московской с Иоанном Кронштадтским.

В 1997 году верующим удалось выкупить квартиру отца Иоанна**. В 1999 году она, по благословению патриарха Алексия II, была зарегистрирована как церковно-общественный музей. Здесь проводятся Свято-Иоанновские чтения. Возвращены в ведение Церкви и возрождаются монастыри, связан-

* Белов А. В. Правда о православных «святых». М., 1968. С. 160–161.

** Кронштадт, ул. Посадская, 21.

ные с именем Иоанна Кронштадтского: Иоанновский и подворье Леушинского монастыря в Санкт-Петербурге, Сурский и Веркольский – в Архангельской области, Ферапонтовский – в Вологодской области.

В последнее время особенно прославлен образ Божией Матери, связанный с именем Иоанна Кронштадтского, икона «Азь есмь с вами, и никто же на вы». Эта икона написана в Леушинском монастыре. Она является списком с чтимой иконы Похвалы Божией Матери, бывшей главной святыней Леушинской обители. Игуменья Таисия, прося молитв отца Иоанна о своей обители, подарила ему список с этого образа, сделав на нем необычное написание: «Азь есмь с вами, и никто же на вы». Иоанн молился перед этим образом. 27 мая 1905 года ему было видение Божией Матери. Сохранился текст самого отца Иоанна, в котором он описывает это видение. Видимо, в условиях уже разразившейся первой русской революции и возникло необычное название этой иконы, данное уже самим отцом Иоанном — Спасительница России. Незадолго до кончины отец Иоанн передал этот образ Серафиму Вырицкому, тогда еще петербургскому купцу Василию Муравьеву, сказав пророческие слова о том, что он будет молиться перед нею тысячу дней, подобно Серафиму, о спасении России и икона эта станет спасительницей России*.

В современных условиях возникают и новые формы почитания святого. Например, малой планете № 16395 было присвоено имя «Иоанн Праведный».

Мощи праведного Иоанна Кронштадтского покоятся под спудом в Иоанновском монастыре на Карповке; здесь же находятся богослужебные предметы и облачения, принадлежавшие ему.

Верующим Русской православной церкви, да и вообще всей читающей публике возвращаются труды Иоанна Кронштадтского. Можно сказать, что к настоящему времени переизданы не только дореволюционные труды самого Иоанна, но и все наиболее значительные труды того периода о нем. Открыты ранее «секретные» и «для служебного пользования» архивные источники. Возобновил деятельность сборник «Кронштадтский пастырь», публикующий на своих страницах не только дореволюционные материалы, но и новые архивные находки. Готовится современное издание Полного собрания сочинений Иоанна Кронштадтского.

Поистине пророческими стали слова, сказанные когда-то отцом Иоанном:

«Я умру, но и по смерти буду говорить...»

* Подлинная икона находится в Георгиевском монастыре на Украине.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОТОИЕРЕЯ ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

- 1829, 19 октября – родился в семье Ильи Михайловича Сергиева, бывшего дьячком при церкви в селе Сура Пинежского уезда Архангельской губернии.
- 1838–1845 – учеба в Архангельском приходском и епархиальном училищах.
- 1845–1851 – учеба в Архангельской духовной семинарии.
- 1851–1855 – учеба в Санкт-Петербургской духовной академии.
- 1855 – обвенчался с Елизаветой Константиновной Несвицкой, дочерью протоиерея, ключаря Андреевского собора в Кронштадте.
- Декабрь – рукоположен в сан дьякона, а затем в сан священника к Андреевскому собору в городе Кронштадте, где впоследствии прослужил всю жизнь, вплоть до кончины в 1908 году.
- 1856, 26 августа – награжден бронзовым наперсным крестом и светло-бронзовой медалью на андреевской ленте в память о войне 1853–1856 годов.
- 14 декабря – Иоанн Кронштадтский начал вести свой дневник.
- 1857, февраль – предпринимается попытка организации при Андреевском соборе Общества безмездного снабжения жителей Кронштадта духовно-поучительными и духовно-назидательными книгами.
- 1857–1862 – законоучитель в Кронштадтском уездном училище.
- 1858, февраль – в дневнике Иоанна Кронштадтского впервые зафиксированы случаи исцеления больных по его молитвам.
- 1860, 16 марта – награжден набедренником.
- 1861, 21 апреля – награжден бархатной фиолетовой скуфьей.
- 1862–1887 – преподаватель Закона Божия в Кронштадтской классической гимназии.
- 1865 – назначен катехизатором Андреевского собора.
- 1866, 26 марта – награжден бархатной фиолетовой камилавкой за «отлично-усердную службу» при Кронштадтской гимназии в качестве законоучителя.
- 1869, 23 октября – дано благословение Святейшего синода «за усердную службу и ревностное исполнение обязанностей».
- 1870, 19 апреля – удостоен золотого наперсного креста от Святейшего синода.
- 1874 – усилиями Иоанна Кронштадтского, при поддержке барона О. О. Буксгевдена и великой княгини Александры Иосифовны, основано Попечительство во имя апостола Андрея Первозванного о бедных.
- 1875, 26 апреля – возведен в сан протоиерея.
- 1876 – назначен на должность ключаря Андреевского собора.
- 1878, 15 апреля – награжден орденом Святой Анны 3-й степени за «отлично-усердную службу при Кронштадтской гимназии».
- 1881 – по благословию митрополита Санкт-Петербургского Исидора было дозволено принять и носить подаренный прихожанами крест с драгоценными украшениями.
- Март – после убийства императора Александра II Иоанн Кронштадтский предложил увековечить его память постройкой при Андреевском попечительстве Дома трудолюбия.

- 1882, август и октябрь – открытие и освящение Дома трудолюбия, устроенного Иоанном Кронштадтским.
- 1883, 15 мая – награжден орденом Святой Анны 2-й степени.
20 декабря – в газете «Новое время» (Петербург) опубликовано заявление «группы граждан», выразивших «душевную благодарность» Иоанну Кронштадтскому за оказанное им исцеление.
- 1887 – стал кавалером ордена Святого Владимира 4-й степени.
- 1888–1907 – ежегодные паломнические поездки на родину, в село Сура.
- 1888, июль – в селе Сура состоялась торжественная закладка нового храма во имя святителя и чудотворца Николая Мирликийского.
- 1890 – паломничество на Святую землю.
- 1891 – награжден орденом Святого Владимира 3-й степени; отмечен серебряным знаком императорского Российского общества спасения на водах; знаком Святой Нины 3-й степени Общества восстановления православия на Кавказе.
Июнь – состоялось торжественное освящение новопостроенного храма во имя святителя и чудотворца Николая Мирликийского в селе Сура.
- 1893 – отмечен знаком императорского православного Палестинского общества, золотым знаком императорского Российского общества спасения на водах и знаком Святой Нины 2-й степени Общества восстановления православия на Кавказе.
- 1894 – назначен на должность настоятеля Андреевского собора; завершено издание первого Полного собрания сочинений Иоанна Кронштадтского в шести томах.
Октябрь – поездка в Крым к смертельно больному императору Александру III.
- 1895 – удостоен палицы; назначен членом Комитета по устройству домов трудолюбия в других городах России.
- 1896 – награжден орденом Святой Анны 1-й степени.
- 1899, октябрь – по инициативе и при поддержке Иоанна Кронштадтского основана Иоанно-Богословская женская обитель в селе Сура. Удостоен митры.
- 1900 – по инициативе и поддержке Иоанна Кронштадтского в Санкт-Петербурге основан женский Иоанно-Богословский монастырь на Карповке.
- 1902, 1 сентября – Иоанн Кронштадтский отслужил молебен на начало строительства кронштадтского Морского собора во имя святого Николая Чудотворца, тем было положено начало возведению главной святыни военно-морского флота России.
17 декабря – состоялось торжественное освящение храма в честь Двенадцати Апостолов с приделами Казанской Божией Матери и святого Андрея Критского в Иоанно-Богословском монастыре на Карповке.
- 1903, май – на Якорной площади, в историческом центре Кронштадта, свершилось торжество закладки Никольского Морского собора, в котором принял участие Иоанн Кронштадтский. Присутствовал император Николай II с семьей и многочисленной свитой. Завершено издание второго собрания сочинений Иоанна Кронштадтского.
- 1906, 26 ноября – в Михайловском манеже Петербурга состоялся митинг-

- собрание монархистов. Иоанн Кронштадтский в присутствии более двадцати тысяч человек окропил хоругвь и знамя Союза русского народа святой водой.
- 1907, 15 октября – постановлением Главного совета Союза русского народа Иоанна Кронштадтского избирают пожизненным почетным членом союза.
- 19 ноября – подает заявление и вступает в Союз русского народа.
- 1908, 10 декабря – Иоанн Кронштадтский совершил последнюю литургию в Андреевском соборе.
- 20 декабря – скончался; погребен в усыпальнице Иоанновского монастыря в Санкт-Петербурге.
- 1909, 20 декабря – в первую годовщину кончины Иоанна Кронштадтского во всех храмах Российской империи служились заупокойные литургии и литии; состоялись внебогослужбные собеседования с чтением на темы, посвященные памяти императора Александра III и Иоанна Кронштадтского.
- 1964, 3 июня – на Архиерейском соборе Русской православной церкви за границей было постановлено «признать праведного отца Иоанна Кронштадтского Божиим Угодником, причисленным к лику Святых, в земле Российской просиявших».
- 19 октября – состоялось торжественное прославление новоявленного святого.
- 1989, октябрь – Архиерейский собор Русской православной церкви поручил Комиссии по канонизации подготовить материалы для прославления Иоанна Кронштадтского.
- 1990, 7–10 июня – на Поместном соборе Русской православной церкви Иоанн Кронштадтский был причислен к лику святых.
- 1993–1994 – переиздано Полное собрание сочинений Иоанна Кронштадтского (репринт).
- 1998 – издательство «Отчий дом» приступило к подготовке издания полного корпуса дневников Иоанна Кронштадтского.
- 1999 – в восстановленной квартире Иоанна Кронштадтского в Кронштадте (ул. Посадская, д. 21, кв. 12) открыт мемориальный музей.
- 2000, июнь – в селе Сура открыт музей Иоанна Кронштадтского.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АРХИВЫ

- Государственный архив Архангельской области (ГААО)
Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)
Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ)
Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)
Российский государственный исторический архив (РГИА)
Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.)

ТРУДЫ ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

- Беседы о Боге-Творце и Промыслителе мира. СПб., 1896.
Беседы, поучения и слова, произнесенные в Кронштадтском Андреевском соборе в разное время. Кронштадт, 1885—1889. Вып. 1—13.
Благодатные мысли о небесном и земном. СПб., 1901.
Богопознание и самопознание, приобретаемые из опыта. СПб., 1900.
Венок на свежую могилу кронштадтского пастыря протоиерея Иоанна Ильича Сергиева. 148 кратких поучений-экспромтов, произнесенных покойным в последний год его жизни. СПб., 1909.
Живое слово мудрости духовной. М., 1997.
Живой колос с духовной нивы. Выписки из дневника протоиерея Иоанна Ильича Сергиева. СПб., 1911.
Моя жизнь во Христе. М., 1993.
Мысли о различных предметах христианской веры и нравственности. СПб., 1897.
Мысли христианина. СПб., 1905.
Несколько слов в обличение лжеучения графа Л. Н. Толстого. М., 1898.
О блаженствах евангельских. СПб., 1896.
О Иоанн Кронштадтский в своих письмах к родным. СПб., 1909.
Письма к настоятельнице Иоанно-Предтеченского Леушинского 1-классного монастыря игуменье Таисии. СПб., 1909.
Полное собрание сочинений. Т. 1—6. Кронштадт; СПб., 1890—1896.
Полное собрание сочинений праведника Божия о. Иоанна Кронштадтского. Т. 1—2. СПб., 1911.
Полное собрание сочинений протоиерея Иоанна Ильича Сергиева. Т. 1—7. Репринт. изд. СПб., 1993—1994.
Правда о Боге, мире и человеке. Кронштадт, 1899.
Правда о Боге, о Церкви, о мире и о душе человеческой. Из нового дневника. Путь к Богу. СПб., 1905.
Проповеди о царском самодержавии. СПб., 1914.
Размышления православного христианина. М., 1900.
Сергиев И. И. Обличительные проповеди отца Иоанна Кронштадтского. СПб., 1914.

Слова и поучения, произнесенные в 1896, 1897 и 1898 гг. СПб., 1897–1898.

Созерцания и чувства христианской души. СПб., 1905.

Христианская философия. СПб., 1902.

ИСТОЧНИКИ

Александр (Семенов-Тянь-Шанский), епископ. Отец Иоанн Кронштадтский. Париж, 1990.

Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга. Историко-церковная энциклопедия. В 3 т. СПб., 1994–1996. Т. 1–3.

Арсений (Жадановский), епископ. Воспоминания. М., 1995.

Бородин Н. А. Государственная дума в цифрах. СПб., 1906.

Булгаков А. Г. «Святая инквизиция» в России до 1917 года. М., 2001.

Валуев П. А. Дневники. 1877–1884. Пг., 1919.

Вениамин (Федченков), митрополит. Отец Иоанн Кронштадтский. М., 2001.

Верещагин В. В. Об о. Иоанне Кронштадтском: Из зап. книжки / Вступ. и публ. Г. П. Андреевский // Звезда. 1992. № 9.

Витович А. Наследство отца Иоанна. Записки судебного пристава. Пг., 1915.

Витте С. Ю. Воспоминания, мемуары. М., 2002. Т. 1.

Врангель Ф. Ф. Вице-адмирал Степан Осипович Макаров. Биографический очерк. Ч. 2. СПб., 1911.

Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг. СПб., 1910.

Георги И. Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного, с планом. СПб., 1906.

Гессен В. М. На рубеже. СПб., 1906.

Государственная дума в России. Сборник документов и материалов. М., 1957.

Государственная Дума. Второй созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. СПб., 1907.

Государственная Дума и пастыри церкви. СПб., 1905.

Григорьев Б. Н., Колоколов Б. Г. Повседневная жизнь российских жандармов. М., 2007.

Детство отца Иоанна. СПб., 1913.

Дневники императора Николая II. М., 1991.

Добрый пастырь: Биография о. Иоанна Кронштадтского. Письма к батюшке и воспоминания о нем. СПб., 1994.

Духонина Е. В. Из моих воспоминаний об о. Иоанне Кронштадтском. СПб., 1907.

Духонина Е. В. Как поставил меня на путь спасения о. Иоанн Кронштадтский. СПб., 1911.

Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994.

Ершов Н. М. Личность о. Иоанна Кронштадтского по архивным материалам: Отчет профессорского стипендиата // ЛДА. Л., 1990. Машинопись.

Житие святого праведного Иоанна, Кронштадтского чудотворца // Журнал Московской патриархии. 1990. № 10.

Зарницкий Я. И. Путешествие о. Иоанна Кронштадтского по Шексне и Волге летом 1893 г. СПб., 1894.

Зарницкий Я. И. Отец Иоанн Кронштадтский на Волге летом 1894 г. СПб., 1895.

Зыбин А. А. И. И. Сергиев, протоиерей, ключарь Кронштадтского Андреевского собора (Очерк жизни и деятельности). СПб., 1891, 1892.

Из писем К. П. Победоносцева к Николаю II (1898—1905 гг.) / Сост. М. Н. Куров // Религии мира: история и современность. Ежегодник. М., 1983.

Ильинский В. Около о. Иоанна Кронштадтского (По личным впечатлениям) // Странник. 1909. Т. 1. № 2.

Ильшорский И. Из воспоминаний об о. Иоанне Кронштадтском и бывшем священнике Гр. Петрове // Тверские епархиальные ведомости. 1909. № 20.

Катанский А. Л. Воспоминания старого профессора. СПб., 1918. Вып. 2.

Киреев А. А. Дневник. 1905—1910. М., 2010.

Киселев И. П. О. Иоанн (Кронштадтский) в Крыму. СПб., 1895.

Князя церкви. Из дневника А. Н. Львова // Красный архив. 1930. Т. 39, 40.

Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1894.

Кронштадтский пастырь: Церковно-исторический альманах. Вып. 1—2. М., 2002, 2010.

Кюстин А. Николаевская Россия. М., 1990.

Лебедев В., священник. Мое воспоминание о поездке к о. Иоанну в Кронштадт // Псковские епархиальные ведомости. 1896. № 21—24.

Левитский П. П., протоиерей. Адмирал Степан Осипович Макаров (Из воспоминаний о нем тюремного священника 1902—1903 годов) // Странник. 1913. № 9.

Левитский П. П., протоиерей. Протоиерей Иоанн Ильич Сергиев Кронштадтский. Некоторые черты из его жизни, главным образом за 1902—1905 гг. по воспоминаниям служившего в то время в Кронштадте тюремного священника. Пг., 1916.

Летницкий И. Н. Пребывание Кронштадтского Андреевского собора протоиерея о. И. И. Сергиева в Астрахани. Астрахань, 1901.

Леонтий, митрополит. Мои заметки // Богословский вестник. 1913. № 9.

Лурье А. С. О. Макаров. М., 1949.

Макаров С. О. Мир не вечен...: «Рассуждения по вопросам морской тактики» и другие сочинения адмирала С. О. Макарова. СПб., 1997.

Материалы для истории православной церкви в царствование Николая I. СПб., 1902.

Мемуары графа С. Д. Шереметева. / Сост. Л. И. Шохин. М., 2002.

Михаил (Семенов), иеромонах. Отец Иоанн Ильич Сергиев (Полная биография с иллюстрациями). СПб., 1903.

Мосолов А. А. При дворе последнего Российского императора. М., 1993.

Невельской В. П. Путевые записки от СПб. до Кронштадта и обратно. СПб., 1865.

Никитенко А. В. Дневник. Т. 1–3. М., 2004.

Нищие о. Иоанна Кронштадтского: Очерк благотворительной деятельности протоиерея Андреевского собора в Кронштадте о. И. И. Сергиева. СПб., 1891.

Новые материалы об отлучении Л. Н. Толстого (к 150-летию со дня рождения) // Вопросы научного атеизма. Вып. 24. М., 1979. Публикация М. Н. Курова.

Озеров Д. Отец Иоанн Кронштадтский // Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев. М., 2004.

О. Иоанн Кронштадтский (Полная биография с иллюстрациями). Архангельск, 2004.

О. Иоанн Кронштадтский (Отклики печати по поводу его кончины). Сергиев Посад, 1910.

О. Иоанн Ильич Кронштадтский в Костроме. СПб., 1902.

О. Иоанн Кронштадтский в Духовной академии. СПб., 1913.

О. Иоанн Кронштадтский в Духовной семинарии. СПб., 1913.

О. Иоанн Кронштадтский в своих письмах к родным. СПб., 1909.

О. Иоанн Сергиев (Кронштадтский) и пребывание его в Ростове-на-Дону. Ростов н/Д., 1893.

О. Иоанн Кронштадтский о кровопролитии на Дальнем Востоке. М., 1905.

Орнатский И. Н., священник. Несколько воспоминаний об о. Иоанне Кронштадтском. СПб., 1910.

Орнатский И. Н., священник. Житие и труды приснопамятного протоиерея праведника о. Иоанна Кронштадтского. М., 1916.

Полунов А. Ю. О. Иоанн Кронштадтский и К. П. Победоносцев (1883) // Река времен. Кн. 2. М., 1995.

Померанцев М. Посещение г. Вильны о. Иоанном Кронштадтским. Вильна, 1894.

Попов В. И. Совместное путешествие с о. Иоанном Ильичом Сергиевым (Кронштадтским) от г. Архангельска до Москвы в августе 1890 г. (Воспоминания и впечатления). Пг., 1916.

Попов И. К., протоиерей. Поездка в г. Кронштадт к о. Иоанну (Выписка из дневника сельского священника). Воронеж, 1894.

Правда дороже золота: Что говорят православные иерархи и иностранцы об о. Иоанне Кронштадтском. Пг., 1915.

Протоиерей И. И. Сергиев (Кронштадтский) и его пребывание в Киеве. Киев, 1893.

Розанов В. В. Среди художников. М., 1994.

Русское зарубежье в год тысячелетия Крещения Руси. М., 1994.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях современников. М., 1988.

Святой Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях современников. М., 1994, 1998.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев. М., 1997.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Воспоминания самовидцев. М., 2004.

Святой Иоанн Кронштадтский. Проповеди. Воспоминания современников и родственников. М., 2002.

Сикорский И. А. Отец И. И. Сергиев Кронштадтский и его пребывание в Киеве. Киев, 1893.

- Соловьев А. И., протоиерей.* Три раза в Кронштадте у о. Иоанна. Омск, 1903.
- Соловьев Н. И.* Как нас учили // Русская старина. 1899. № 11.
- Сурский И. К.* Отец Иоанн Кронштадтский. Т. 1–2. М., 1994.
- Таисия, игуменья.* Записки. Беседы с отцом Иоанном Кронштадтским. СПб., 2002.
- [Тихонов А. Н.]* Время и люди: Воспоминания. 1898–1905. М., 1960.
- Федотов В. Ф., священник.* Моя поездка в Кронштадт // Волинские епархиальные ведомости. 1893. № 19.
- Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917. М., 2008.
- Щеглов И. Л.* У о. Иоанна Кронштадтского (Рассказ очевидца). М., 1894.

ЛИТЕРАТУРА

- Аврех П. А.* Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991.
- Алабовский М. П., протоиерей.* Великий пастырь русского народа (блаженной памяти о. Иоанна Ильича Сергиева-Кронштадтского). Киев, 1909.
- Алексеева С. И.* Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России. 1856–1904 гг. СПб., 2006.
- Алексий (Симанский), архимандрит.* Слово при поминовении о. Иоанна Сергиева-Кронштадтского (28 янв. 1909). Тула, 1909.
- Андрей (Ухтомский), епископ.* Беседа о. Иоанна Кронштадтского с пастырями. Казань, 1904.
- Андрей (Ухтомский), епископ.* Из учения о. Иоанна Кронштадтского о священстве (По его книге: Моя жизнь во Христе). Казань, 1909.
- Аникин А. В.* Путь исканий. Социально-экономические идеи в России до марксизма. М., 1990.
- Бартнев П. И.* Из записной книжки издателя «Русского архива» // Русский архив. 1909. № 1.
- Бартошевич Э. М.* Печальной памяти «святой» Иоанн // Наука и религия. 1965. № 5.
- Басинский П.* Святой против Льва. Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история одной вражды. М., 2013.
- Белов А.* Легенда и правда о кронштадтском чудотворце // Наука и религия. 1971. № 8.
- Беллюстин И. С.* Описание сельского духовенства. Париж, 1858.
- Берташ А. В.* История захоронения св. Иоанна Кронштадтского в 1920–1940 гг. // Православный летописец Санкт-Петербурга. 2001. № 7.
- Блаженский В., священник.* Об о. И. Сергиеве Кронштадтском // Орловские епархиальные ведомости. 1909. № 8.
- Богословские труды. Сборник, посвященный 175-летию Ленинградской духовной академии. М., 1986.
- Большаков Н. И.* Правда о секте иоаннитов: Взгляд русского народа на о. Иоанна Кронштадтского. СПб., 1906.
- Большаков Н. И.* Источник живой воды: Описание жизни и деятельности о. Иоанна Кронштадтского. СПб., 1909, 1910.
- Браудо А.* Россия в конце XIX века. СПб., б/г.

- Булгаков С. Н.* Вопросы жизни: религиозно-общественная хроника. СПб., 1905. № 5.
- Великий пастырь русского народа (Блаженной памяти о. Иоанна Кронштадтского). Киев, 1909.
- Величко М. С.* Отец Иоанн Кронштадтский и его судьбы. СПб., 1906.
- Голованов С. А.* Протоиерей И. И. Сергиев (Кронштадтский): Его жизнь и деятельность. СПб., 1903.
- Гордиенко Н. С.* Кто такой Иоанн Кронштадтский. СПб., 1991.
- Гордиенко Н. С.* «Крещение Руси»: факты против легенд и мифов. Л., 1966.
- Грекулов Е. Ф.* Православная церковь – враг просвещения. М., 1962.
- Демьянов А. И.* Истинно православное христианство. Воронеж, 1977.
- Державин Н. И.* Великий пастырь (К 160-летию со дня рождения протоиерея Иоанна Сергиева) // Журнал Московской патриархии. 1989. № 8.
- Дубровский М.* Черный отец и желтые братцы. М., 1930.
- Жеребцова М. Ф.* Митрофорный протоиерей о. И. И. Сергиев (Кронштадтский): Его жизнь, деятельность и кончина. СПб., 1909.
- Животовский С. В.* На Север с отцом Иоанном Кронштадтским. СПб., 1903.
- Животов Н. Н.* О[тец] И. И. Сергиев (Кронштадтский), протоиерей Андреевского собора: Биографический очерк. СПб., 1890.
- Животов Н. Н.* Больные о. И. Кронштадтского. СПб., 1891.
- Животов Н. Н.* Исповедники И. Кронштадтского. СПб., 1891.
- Животов Н. Н.* Биография о. И. И. Сергиева Кронштадтского, протоиерея Андреевского собора. М., 1892.
- Животов Н. Н.* День о. И. И. Сергиева Кронштадтского, прот. Андреевского собора. М., 1892.
- Животов Н. Н.* Детство о. И. И. Сергиева Кронштадтского, протоиерея Андреевского собора. М., 1892.
- Животов Н. Н.* Пастырство о. И. И. Сергиева Кронштадтского, протоиерея Андреевского собора. М., 1892.
- Животов Н. Н.* Подвиги о. И. И. Сергиева Кронштадтского, протоиерея Андреевского собора. М., 1892.
- Животов Н. Н.* Проповедничество о. И. И. Сергиева Кронштадтского, протоиерея Андреевского собора. М., 1892.
- Зеленогорский М. Л.* Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М., 1991.
- Иванова Е. В., Иванова Ж. Е.* Зарубежный опыт социальной работы в рамках российской благотворительности. М., 2001.
- Ильменский С. П., протоиерей.* О. Иоанн Сергиев и гр. Лев Толстой. Саратов, 1912.
- Исакова Е. В., Шкаровский М. В.* Церковь Св. Троицы на квартире св. прав. Иоанна Кронштадтского в доме причта Андреевского собора // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 1998. Вып. 20.
- Историческая переписка о судьбах Православной церкви. М., 1912.
- История Русской православной церкви. От восстановления патриаршества до наших дней. Т. 1: годы 1917–1970. СПб., 1997.
- История Отечества. Святые и святыни Русского Севера. Сборник статей. Архангельск, 2006.
- Киценко Н.* Святой нашего времени: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. М., 2006.

- Клочков В. В.* Закон и религия. От государственной церкви в России к свободе совести в СССР. М., 1982.
- Лавров В. М. и др.* Иерархия Русской православной церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху. М., 2000.
- Лемке М.* Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904.
- Логинов И. Т.* Отец И. И. Сергиев Кронштадтский, протоиерей Андреевского собора. Одесса, 1891, 1892.
- Нарезный В. Т.* Бурсак. СПб., 1824.
- Одинцов М. И.* Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002.
- Одинцов М. И.* Думский вызов: религиозные свободы и вероисповедные реформы в Российской империи (1900 — февраль 1917 г.). М., 2013.
- Одинцов М. И.* Патриарх Сергей. М., 2013.
- Петров Г. И.* Отлучение Льва Толстого от церкви. М., 1978.
- Петров Г. Ф.* Кронштадт. Рассказ из истории города от его основания до наших дней. Л., 1971.
- Полунов А. Ю.* Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996.
- Полупанов Д.* Жилищная нужда и меры против нее в С.-Петербурге // Трудовая помощь. 1914. № 1.
- Помяловский Н. Г.* Очерки бирсы. СПб., 1865.
- Православная церковь в истории России (Спецкурс лекций для аспирантов АОН). М., 1991.
- Преображенский И. В.* Новые и традиционные духовные ораторы: отцы Григорий Петров и Иоанн Сергиев (Кронштадтский): Критический этюд. СПб., 1902.
- Реформы в России (Очерки истории) / Отв. ред. В. Т. Петров. М., 1993.
- Решетников Ф. М.* Ставленник. СПб., 1864.
- Римский С. В.* Российская церковь в эпоху великих реформ. М., 1999.
- Рожнов В. Е.* Пророки и чудотворцы. М., 1977.
- Розанов В. В.* Русская церковь // В темных религиозных лучах. М., 1994.
- Русский конституционализм в период Думской монархии. Сборник документов. М., 2003.
- Русское зарубежье в год тысячелетия Крещения Руси. М., 1994.
- Русское православие: вехи истории. М., 1989.
- Семенов-Тянь-Шанский А., священник.* Отец Иоанн Кронштадтский. Нью-Йорк, 1955.
- Серебров А.* Время и люди. Воспоминания. 1898—1905. М., 1955.
- Смирнов А. Ф.* Традиции свободомыслия и атеизма в русском освободительном движении XVIII—XIX вв. // Вопросы научного атеизма. М., 1976. Вып. 20.
- Смолич И. К.* История Русской церкви. М., 1996. Кн. 8. Ч. 2.
- Сухов А. Д.* Атеизм передовых русских мыслителей. М., 1980.
- Троицкий Н. А.* Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866—1882 г. М., 1978.
- Троицкий Н. А.* Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866—1895 г. М., 1979.
- Фирсов С.* Церковь в Империи. Очерки по церковной истории эпохи императора Николая II. СПб., 2007.

Хроника посещения о. Иоанном с. Суры в 1888—1907 гг. / Сост. В. Б. Милейко // Кронштадтский пастырь: Церковно-исторический альманах. М., 2002. Вып. 1. С. 40.

Цыпин В., протоиерей. История Русской православной церкви. Синодальный период новейшей истории. М., 2004.

Чунихин В. И. Жизнь и пастырская деятельность о. Иоанна Кронштадтского. СПб., 1909.

Шейнман М. М. Христианский социализм. М., 1969.

Шкаровский М. В. Свято-Иоанновский ставропигиальный женский монастырь: История обители. СПб., 1998.

Юдин Н. И. Правда о петербургских «святых». Л., 1962.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
<i>Глава 1. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ</i>	6
Место рождения – Русский Север	6
Бурса: Архангельская семинария. Петербургская академия ...	29
<i>Глава 2. МОРСКАЯ КРЕПОСТЬ НА БАЛТИКЕ</i>	59
Кроншлот... Кронштадт – неприступная цитадель	59
Адмирал Макаров: «морской волк» и верный сын Православной церкви	69
<i>Глава 3. КРОНШТАДТСКИЙ ПАСТЫРЬ</i>	90
Вступление на поприще церковное	90
На преподавательском посту	115
Благотворительность и социальное служение	123
Семья	138
<i>Глава 4. ВСЕРОССИЙСКИЙ БАТЮШКА</i>	150
По России... ..	150
Храмоздатель и монастырей устроитель	182
К батюшке... за благословением, исцелением, помощью.....	201
<i>Глава 5. СМУТА... БЕСОВЩИНА... РЕВОЛЮЦИЯ...</i>	227
Царская семья и «святой» Иоанн Кронштадтский	227
Двойной юбилей (1904—1905 годы)	249
Революцию не принявший	270
<i>Глава 6. ПОСЛЕДНИЙ ЗЕМНОЙ ГОД. 1908-й</i>	300
Прощальное паломничество	300
Болезнь... Кончина... Похороны	313
Жизнь после жизни (<i>Вместо заключения</i>)	321
Основные даты жизни и деятельности протоиерея Иоанна Кронштадтского	338
Источники и литература	341

Одинцов М. И.

О-42 Иоанн Кронштадтский / Михаил Одинцов. – М.: Молодая гвардия, 2014. – 349[3] с.: ил. – (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1495).

ISBN 978-5-235-03723-6

В 1990 году на Поместном соборе в сонм православных святых введен один из самых известных и популярных в народе дореволюционных русских священников – Иоанн Ильич Сергиев (1829–1908). Более пятидесяти лет прослужил он приходским священником в Андреевском соборе города Кронштадта, куда на его богослужения стекались тысячи и тысячи паломников со всех концов Российской империи. Хорошо была известна его благотворительная, социальная, просветительская и политическая деятельность. Имя и дела Иоанна Кронштадтского оказались прославлены во всем православном мире.

Каждый православный святой имеет свое Житие – православный взгляд на его земную жизнь и духовные подвиги. Но далеко не каждый из них имеет биографическое описание, созданное в рамках светского научно-биографического исследования. Данная книга – первая биография Иоанна Кронштадтского, написанная после его канонизации. Однако представлена не жизнь святого, но труды и дни священника отца Иоанна Ильича Сергиева.

**УДК 27-726.25(092)
ББК 86.372**

знак информационной
продукции **16+**

**Одинцов Михаил Иванович
ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ**

**Редактор А. Ю. Бондаренко
Художественный редактор Е. В. Кошелева
Технический редактор В. В. Пилкова
Корректор Г. В. Платова**

Сдано в набор 26.03.2014. Подписано в печать 24.07.2014. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л.
18,48+0,84 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ № 1409700.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва,
Сушевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-03723-6

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

издательства

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Оформить заказ
можно на нашем сайте:

<http://gvardiya.ru/shop/>

или по телефону:

+7 (495) 787-95-59

(с 10-00 до 17-30 в будние дни)

Заказанные книги

можно получить по адресу:

г. Москва, ул. Суцеевская, д.21, подъезд 1

или воспользоваться курьерской

и почтовой службой доставки

Наши книги
доступны всем регионам России!

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39 8(495) 787-63-64

ISBN 978-5-235-03723-6

9 785235 037236 >

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я